

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№1 2023 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

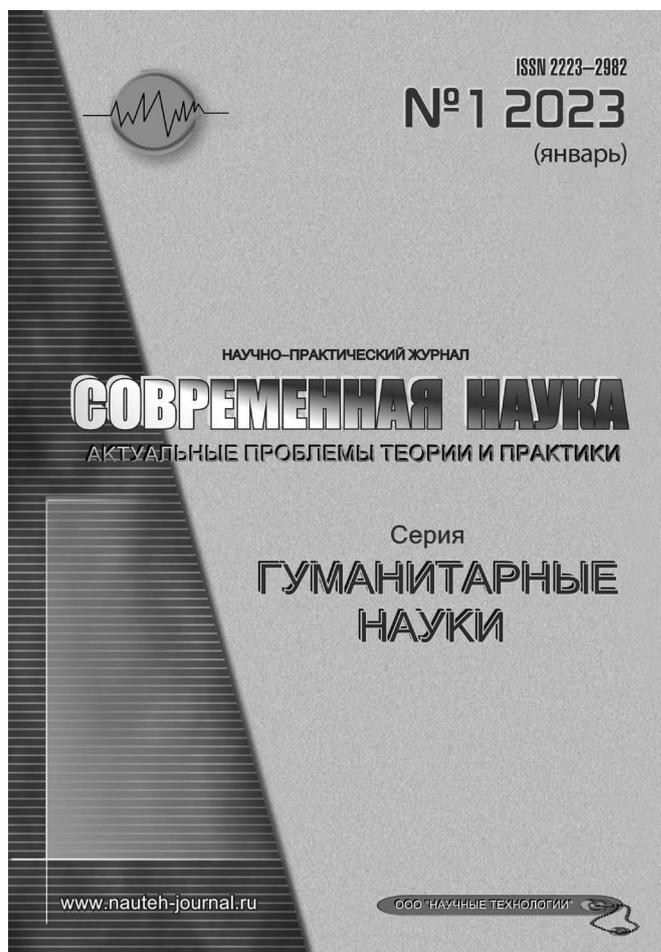
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 1 (январь) 2023 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 11.01.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Абдрахманов К.А. – Путеводители по Туркестану о торговле российских купцов с ханствами Средней Азии в контексте трудовой повседневности (конец XIX – начало XX в.)

Abdrakhmanov K. – Guidebooks to Turkestan on the subject of the trade of Russian merchants with the khanates of Central Asia in the context of everyday work (the end of the 19th –the beginning of the 20th century) 7

Абдрахманова Е.Н. – Обстоятельства и динамика детской смертности в г. Оренбурге по данным метрических книг (1865-1910 гг.)

Abdrakhmanova E. – Circumstances and dynamics of infant mortality in the city of Orenburg according to registers of births (1865-1910) 13

Бакланов В.И. – О советской модели «реального социализма»

Baklanov V. – About the soviet model of "real socialism" 18

Бондаренко С.Я. – Образование провинциального чиновничества как фактор карьеры

Bondarenko S. – Education of provincial bureaucracy as a career factor 28

Кирсанова А.В. – Хосе Кальво Сотело. Убийство накануне Гражданской войны в Испании

Kirsanova A. – Jose Calvo Sotelo. Murder on the eve of the Spanish Civil War 36

Педагогика

Абдуллаев А.А. – Совершенствование толерантности к эмоциональному стрессу и управление стартовыми состояниями спортсменов-подростков

Abdullaev A. – Improving tolerance to emotional stress and managing the starting states of adolescent athletes 42

Бреннер Д.А. – Теоретические представления о процессе ознакомления с социальной действительностью в контексте социального воспитания детей в Советской России 20-30-х годов XX века

Brenner D. – Theoretical ideas about the process of familiarization with social reality in the context of social education of children in Soviet Russia in the 20-30s of the twentieth century 46

Винокурова М.И. – Влияние регионализации содержания образования на

конкурентоспособность специалистов среднего звена (на примере Республики Саха (Якутия))

Vinokurova M. – The influence of the regionalization of the content of education on the competitiveness of middle-level specialists (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia) 51

Гальченко Н.А. – Реализация потребностей и интересов молодежи в интегрированной образовательной системе

Galchenko N. – Implementation of youth needs and interests in the integrated educational system 58

Джафарова Г.А. – Показатели сформированности диалогического общения в начальном иноязычном образовании

Jafarova G. – Indicators of the dialogic communication formation in primary foreign language education 62

Ерохина А.А., Моругина В.В., Паршенкова Е.Н., Ташина Т.М. – Специфические ошибки письма у школьников с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)

Erokhina A., Morugina V., Parshenkova E., Tashina T. – Specific writing errors in schoolchildren with mental retardation (intellectual disabilities) 65

- Круглов В.В., Владимирова О.Ю.** – Интерферентные явления в фонетике русского языка и китайских диалектов в межкультурном измерении
Kruglov V., Vladimirova O. – Interferent phenomena in the phonetics of the Russian language and Chinese dialects in the intercultural dimension 70
- Лобанова Е.И., Зенина Л.В., Сулицкая Е.Е., Демидова И.В., Курбакова О.А.** – Использование аутентичных видеоматериалов как один из методов обучения иностранному языку в вузе
Lobanova E., Zenina L., Sulitskaya E., Demidova I., Kurbakova O. – Use of authentic video materials as one of the methods of teaching a foreign language at the university..... 73
- Матвеева Е.В., Маркова Н.В., Мурая Е.Н., Эйрих Н.В.** – Становление профессиональных качеств будущих специалистов при изучении основ наук
Matveeva E., Markova N., Muraya E., Eyrikh N. – The developig of professional qualities of future specialists while studying the fundamental of science..... 78
- Ревенько А.И., Лагунова Л.В., Рямова К.А., Пономарев А.С., Степина Т.Ю.** – Методика йогатерапии в реабилитации больных с предменструальным синдромом
Revenko A., Lagunova L., Ryatova K., Ponomarev A., Stepina T. – The method of yoga therapy in the rehabilitation of patients with premenstrual syndrome..... 83
- Реди Е.В., Толстомятов И.А., Лисовик А.Н.** – Развитие скоростных способностей занимающихся скоростными видами подводного спорта
Redi E., Tolstopyatov I., Lisovik A. – Development of high-speed abilities engaged in high-speed underwater sports 89
- Слюсарская Т.В., Кузнецова Ю.В.** – Проектирование модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с нарушением зрения
Slyusarskaya T., Kuznetsova Yu. – Designing a model for optimizing child-parent relationships in families raising children with visual impairment..... 93
- Стельмахова Л.А.** – Этическая беседа как элемент подготовки учащихся начальной школы к сочинению нравственной проблематики
Stelmakhova L. – Ethical conversation as an element of preparing primary school pupils to essay on morality 96
- Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Мацко А.И., Конобейская А.В.** – Физическая культура и спорт в вузе как пространство диалога особого вида
Chernyshev V., Chernysheva L., Matsko A., Konobeyskaya A. – Physical culture and sports at the university as a space for dialogue of a special kind 99
- Чудиновских А.В.** – Поликультурное и глобальное образование: возможности трансформации
Chudinovskikh A. – Polycultural and global education: possibility of transforming 103
- Филология
- Алиева С.А., Абдулмананова М.М.** – Концепт «семья» как ключевой концепт русского и даргинского языков
Alieva S., Abdulmananova M. – The concept of "family" as a key concept of the Russian and Dargin languages 106
- Балашова Н.П., Кочетова О.А., Черенкова Л.С.** – Концепты закон и справедливость в русском художественном тексте как отражение национальной языковой картины мира
Balashova N., Kochetova O., Cherenkova L. – The concepts "law" and "justice" in russian in the fictional text as the reflection of the national language system of the world 110
- Бозиева Н.Б.** – Любовная лирика кабардинского поэта З. Тхагазитова
Bozieva N. – Love lyrics of Kabardian poet Z. Thagazitov 114
- Бочарова А.А.** – «Встал я сегодня таким ясным соколом»: антропологическое значение природной метафоры в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди»

- Bocharova A.* – "Today i started such a clear falcon": anthropological significance of natural metaphoors in F.M. Dostoyevsky "Poor people" 117
- Ван Сюецзяо** – Анализ концепта «здоровье» в русском и китайском языках на материале фразеологизмов
Wang Xuejiao – Analysis of the concept "health" in Russian and Chinese on the basis of phraseological units. 120
- Ершов М.В.** – Влияние жанрово-стилистических особенностей текста на его восприятие
Ershov M. – The influence of genre and stylistic features of the text on its perception 124
- Забегалина О.В.** – Аспекты изучения местоимений в русском языке
Zabegalina O. – Aspects of the study of pronouns in Russian. 127
- Калантарян Г.А., Курбанов И.А.** – Метафорическое моделирование образа премьер-министра Армении Никола Пашиняна в российских и англоязычных СМИ
Kalantaryan G., Kurbanov I. – Metaphorical Modeling of the Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan's Image in the Russian and English-language Media 130
- Клюшина А.М.** – Особенности употребления префиксов с семантикой крайности в русском дискурсе
Klyushina A. – Some prefixes with the semantics of extreme in Russian discourse 134
- Коваленко Е.Н., Петроченко Л.А.** – Функционально-семантическое поле редупликации в современном английском языке
Kovalenko E., Petrochenko L. – Functional-semantic field of reduplication in modern English 142
- Копрева Л.Г., Копрева К.А.** – Особенности портретной фотодокументалистики Реана Кроквиэля
Kopreva L., Kopreva K. – Peculiarities of Rean Croquiel's portrait documentary 146
- Кукса П.В.** – Роль предметной детали в творчестве Н.В. Гоголя
Kuksa P. – The role of the object details in N.V. Gogol 151
- Ленкова Т.А.** – Цвет как элемент визуальной медиакультуры (на материале креолизованных медиатекстов журнала «Der Spiegel») *Lenkova T.* – Color as an element of visual media culture (based on the material of creolized media texts of the magazine "Der Spiegel") 157
- Ма Мэнцэ, Курбанов И.А.** – Национально-культурная специфика ассоциативных связей зоосимвола «конь/лошадь» в русской, английской и китайской паремиологии и фразеологии
Ma Mengze, Kurbanov I. – National and cultural specificity of associative relations of the zoosymbol (animal metaphor) "horse" in the Russian, English and Chinese phraseology and paremiology 161
- Макурина И.Ю., Шестакова Е.В.** – Репрезентация пространственных отношений в авиационном дискурсе посредством английских предлогов
Makurina I., Shestakova E. – Representation of spatial relations in aviation discourse by means of English prepositions 165
- Ни Цзиншэн** – Гастрономические китаизмы в современном русском языке
Ni Jingsheng – Gastronomisms from the Chinese language in modern Russian 170
- Рыбакова А.С.** – История влияния французского языка на английский язык
Rybakova A. – The history of the French influence over the English language 175
- Харченко Н.Л., Багдасарова И.Ю., Луценко Н.С., Надедова Е.А., Крутова И.Н.** – Цифровой дискурс как среда развертывания инновационной коммуникации в контексте информатизации общества
Kharchenko N., Bagdasarova I., Lutsenko N., Nadedova E., Krutova I. – Digital discourse as an environment for the deployment of innovative communication in the context of informatization of society 178

Цзюй Цюнь – Семантика идиом, с колоративным компонентом «красный»

Ju Qun – Semantics of idioms in which they are presented with the colorative "red"183

Цуй Юйфэй – Прецедентные имена в древней китайской мифологии о происхождении мира и создания человека (на примере Паньгу и Нюйва)

Cui Yufei – Precedent names in ancient Chinese mythology about the origin of the world and the creation of human beings188

Информация

Наши авторы. Our Authors.....

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....

ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ТУРКЕСТАНУ О ТОРГОВЛЕ РОССИЙСКИХ КУПЦОВ С ХАНСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

GUIDEBOOKS TO TURKESTAN ON THE SUBJECT OF THE TRADE OF RUSSIAN MERCHANTS WITH THE KHANATES OF CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF EVERYDAY WORK (THE END OF THE 19TH - THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

K. Abdrakhmanov

Summary: The article analyzes the guidebooks to Turkestan for the availability of information about the features of the daily business life of Russian merchants who conducted commercial operations in Central Asia in the late 19th - early 20th centuries. These published sources pay much attention to the development of new industries in the region (cotton processing at steam plants, the production of alcoholic beverages), which began after the inclusion of the khanates into the Russian Empire. Careful fixation in the text of the names of specific merchants with reference to the field of entrepreneurship made it possible to attract additional materials to draw up a clearer portrait of people who made a significant contribution to the merging of the market space of Russia and Central Asia. The guidebooks show not only positive statistics regarding the opening of innovative enterprises, but also draw attention to the problems that accompanied this process. This block of trade and economic data made it possible to demonstrate the professional activities of Russian entrepreneurs of the late 19th - early 20th centuries in Central Asia from the perspective of their daily labor practices.

Keywords: everyday work, guidebooks, sources of information, Central Asia, Russian merchants, trading houses, conditions of everyday life.

Абдрахманов Константин Алексеевич

кандидат исторических наук, Оренбургский
государственный педагогический университет
г. Оренбург
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Аннотация: В работе предпринят анализ путеводителей по Туркестану на предмет наличия сведений об особенностях деловой повседневности российских купцов, проводивших коммерческие операции на территории Средней Азии в конце XIX — начале XX в. Эти опубликованные источники достаточно много внимания уделяют развитию в регионе новых отраслей промышленности (обработка хлопка на паровых заводах, производство алкогольной продукции), которое началось после включения ханств в состав Российской империи. Тщательная фиксация в тексте имен конкретных купцов с привязкой к сфере предпринимательства позволила привлечь дополнительные материалы для составления более четкого портрета людей, внесших существенный вклад в слияние рыночного пространства России и Средней Азии. Вместе с демонстрацией позитивной статистики открытия передовых предприятий путеводители обращают внимание на проблемы, сопровождавшие данный процесс. В целом, блок данных торгово-экономического характера позволил продемонстрировать профессиональную деятельность российских предпринимателей конца XIX — начала XX в. в Средней Азии с позиции их повседневных трудовых практик.

Ключевые слова: трудовая повседневность, путеводители, источники информации, Средняя Азия, российские купцы, торговые дома, условия повседневности.

История повседневности на сегодняшний день получила широкое распространение как область научных изысканий отечественных и зарубежных ученых. Для этого направления исследований характерно дробление повседневной жизни людей на отдельные ее сферы (семейная, трудовая, досуговая). Состоятельность такого подхода объяснял немецкий историк А. Людтке, который считал, что «все формы человеческой деятельности заслуживают изучения...» [7, с. 56], в том числе и действия, «...осуществляемые в рабочие и в выходные дни...» [7, с. 57]. При анализе трудовой повседневности необходимо учитывать условия, в которых находился субъект делового процесса. В статье, посвященной методологическому обеспечению проблемы повседневности обосновывается «...необходимость обязательного учета места и времени при изучении человеческой деятель-

ности» [6, с. 154]. Значимость для научного поиска такой категории как «условия повседневности» обусловлена тем, что природно-географические, экономические и демографические параметры места реализации трудовых функций индивида оказывают существенное влияние на удобство и результаты его работы.

Современную российскую историографию все чаще пополняют работы, сосредоточенные на особенностях трудового быта людей из разных эпох, принадлежавших к различным социальным и этническим группам. В связи с увеличением трудов по данной тематике возникла необходимость анализа различных категорий источников на предмет содержания сведений, относящихся к вопросам повседневности. Материалы, воспроизводящие отдельные аспекты повседневной жизни людей из разных

сословий, представлены, в том числе, и в путеводителях по различным регионам Российской империи. Условия появления такого рода изданий определила Е. В. Молочко: «Они появились, когда был накоплен значительный комплекс сведений в области истории, географии, этнографии и статистики, и одновременно возникла потребность сообщить эти данные публике в популярной форме» [10, с. 134]. До настоящего времени путеводители не рассматривались как самостоятельные носители информации об особенностях трудовой повседневности купечества пореформенного периода. Наличие такого историографического пробела позволяет говорить о новизне проделанного исследования.

Вместе с тем, историки активно применяют путеводители, справочные и памятные книжки, адрес-календари, списки населенных мест и другие издания подобного плана для выявления региональных особенностей административно-территориальных единиц Российской империи [5, 9, 17]. Справочные материалы различных категорий и путеводители привлекла С. Ю. Иерусалимская для рассмотрения культурных особенностей Верхнего Поволжья второй половины XIX – начала XX в. [5]. В коллективной работе историков из Ижевска дана оценка влиянию справочно-статистических публикаций на развитие туризма в дореволюционной Удмуртии [9]. Значительный массив данных о социальной, экономической, политической и повседневной жизни регионов России досоветского времени размещен в памятных книжках. «В них есть статьи и большие исследования по истории края, археологии, этнографии, фольклору, культуре, экономике, о развитии скотоводства, земледелия, промышленности, промыслов, торговли», – охарактеризовал значимость эти трудов В.А. Скопа [16, с. 106].

Предпринимательская деятельность российских купцов XIX – начала XX в., направленная на освоение перспективных рынков среднеазиатских ханств, представляла наиболее специфическое направление трудовой повседневности торгового сословия. Совокупность таких факторов, как природно-климатические условия, состояние транспортной инфраструктуры, этноконфессиональный состав населения и благоустройство городов Средней Азии, формировала уникальную деловую среду трансасиатской торговли. Для выявления эксклюзивных особенностей предпринимательских практик купцов, торговавших на азиатском направлении в пореформенное время или построивших бизнес непосредственно на территории ханств, были привлечены путеводители по Туркестану, составленные И.И. Гейером [3] и А.И. Дмитриевым-Мамоновым [12, 13], датированные началом XX века. Появление подобного рода источников являлось нерядовым событием, что подчеркивает размещение в газете «Сибирская жизнь» объявления о выходе из печати путеводителя А.И. Дмитриева-Мамонова 1903 года. В информационном сообщении значилось, что «поступил

в продажу роскошно иллюстрированный Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской железн. дороги» [15]. Стоимость издания составила 3 рубля.

Значительное влияние на доходность и комфорт ведения бизнеса оказывал уровень развития путей сообщения. В исследуемый период товарно-транспортные потоки между среднеазиатскими ханствами и Российской империей значительно возросли, благодаря запуску в 1888 г. Закаспийской железной дороги. Это инфраструктурное новшество позволило предпринимателям отправлять в глубь России и завозить в ханства большие объемы товаров, существенно сэкономив время доставки и избавившись от трудностей, характерных для гужевого способа коммуникации. О влиянии достижений научно-технической мысли на деловую активность купечества в путеводителе сказано: «Весь хлопок, за исключением местных нужд, направляется на рынки Европейской России, преимущественно по Средне-Азиатской железной дороге» [12, с. 88]. Вышедший на 10 лет позже материал дублирует эти сведения: «С Европейской Россией торговля ханства [Бухарского – К.А.] ведется, главным образом, по Средне-Азиатской железной дороге...» [13, с. 247].

Благодаря запуску железнодорожного сообщения к началу XX в. успешно была решена только глобальная составляющая транспортного вопроса, то есть эффективно функционировали только рельсовые магистрали, соединяющие крупнейшие промышленные города ханств с Россией. В локальной плоскости проблема транспортной инфраструктуры продолжала усложнять купцам ведение бизнеса. Здесь идет речь о том, что перевозка грузов между главными торгово-экономическими центрами Средней Азии осуществлялась архаичным караванным способом, а состояние торговых дорог внутри региона оставляло желать лучшего. «Пути сообщения в ханствах, за исключением участка Средне-Азиатской железной дороги, пересекающего территорию между станциями Караул-Куя и Зирабулак, на протяжении 300 вер., а также водного сообщения на судах Аму-Дарьинской флотилии, находятся в самом первобытном состоянии», – сообщает о качестве сухопутных дорог Средней Азии источник [13, с. 247]. Отсутствие в среднеазиатских владениях империи внутрирегиональной сети железных дорог в начале XX в. являлось причиной того, что российские коммерсанты, занятые в Самарканде производством виноградного спирта, не могли увеличить объемы производства и работали исключительно на нужды городского рынка и близлежащих районов. Купцы не обладали возможностью поставлять алкогольную продукцию в города Хивинского ханства, так как «...неудовлетворительные способы перевозки препятствуют транспорту спирта далее на восток...» [12, с. 96]. Незрелость внутренних сухопутных дорог Средней Азии существенно сдерживала развитие государственного и частного секторов экономики, поэтому здешнее руководство старалось изменить ситуацию. На-

пример, бухарский эмир выделил собственные средства на финансирование строительства рельсового пути от Бухары до одноименной станции, удаленной от города на 13 верст [3, с. 120]. Положительный эффект от проекта «...должен радикально изменить торговую жизнь столицы, а с нею и всего ханства» [3, с. 120].

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что даже в начале XX в. основные внутренние магистрали среднеазиатских земель были «...частью колесные для арбяного движения, или же караванные для перевозки вьюками на верблюдах и горные в виде троп, для перевозки груза на ослах и вьючных лошадях» [13, с. 247]. К примеру, перевозка товаров по маршруту Коканд – Наманган осуществлялась «...первобытным способом – на верблюдах или арбах» [12, с. 384]. Получается, что в рассматриваемое время в профессиональной деятельности купцов сохранились характерные для первой половины XIX в. проблемы транспортировки коммерческих грузов между населенными пунктами Средней Азии. Подробно о качестве внутренних сухопутных трасс среднеазиатского региона оставил Н.В. Ханыков в 40-е гг. XIX века. Автор писал, что «...в некоторых местах Самаркандской дороги, а в особенности по Каршинской, есть пространства, где она направлена по чисто глинистой почве, которая в конце осени и весной до того топкая, что не только верблюды не могут по ней идти, но и вершники должны делать это с большой осторожностью» [19, с. 162]. «Сие обстоятельство весьма много останавливает купцов и лишает их возможности своевременно доставлять товары на рынки...», – объяснял влияние качества дорог на условия трудовой деятельности коммерсантов дореволюционный исследователь [19, с. 162].

Важные сведения о трудовой повседневности предпринимателей предоставляют статистические данные. Стартовавший в середине 70-х гг. XIX в. процесс экономического поглощения Средней Азии Российской империей открывал для купечества наиболее перспективные и доходные сферы коммерции. С этого времени большие промышленные компании европейской части России и богатые провинциальные коммерсанты определили торговлю хлопком в качестве приоритетного направления инвестиций. «Очистка и прессовка хлопка производится частью паровыми заводами, построенными русскими фирмами в Новом Ургенче, Ходжейле и Хиве...», – сказано о работе промышленных объектов [12, с. 84]. В связи с этим весьма показательна динамика открытия хлопкоочистительных предприятий в Ферганской области. В 1880 г. было всего 2 завода данного профиля, в 1888 их количество возросло только до 7, но спустя 9 лет их стало уже 88 [12, с. 86]. В 1901 г. работало уже 100 заведений [12, с. 86].

Повышенный спрос российской текстильной промышленности на среднеазиатский хлопок требовал ввода в строй новых производственных мощностей по очистке сырья. На построенных полностью новых заводах действовали самые современные на тот момент производственные линии. За выпуск большого объема продукции отвечала технология паровых машин. Приобретались и вводились в строй локомобили¹ Рихарда Гаррета, Клейтона и Шутлеворта и некоторое количество устройств разработки коломенского завода [12, с. 85–86]. «Сердцем» паровых машин были котлы системы Шухова или Маршала [12, с. 86]. Обслуживать эту сложную технику в идеале должны были высококвалифицированные специалисты, имеющие соответствующее образование. Проблема заключалась в том, что среди местного населения полностью отсутствовали обладавшие хотя бы минимальными знаниями о паровых устройствах слесари и операторы. В условиях острого дефицита подходящих сотрудников, купцам приходилось принимать на службу механиков-самоучек. «Машинисты и слесаря почти все русские, все практики, не получившие никакого образования, часто едва грамотные», – раскрывает проблему поиска персонала путеводитель [12, с. 86]. Кадров, получивших профильное среднее образование, в начале XX в. на всей территории Средней Азии насчитывались единицы – «...на 100 заводов только 3» [12, с. 86].

Путеводители демонстрируют ключевое отличие предпринимательской деятельности российских купцов конца XIX – начала XX в. от их коммерческих предприятий более раннего времени. До середины 70-х гг. XIX в. купцы прибывали в города ханств лишь на время, необходимое для реализации привезенных товаров и закупки востребованных в России предметов импорта. После вхождения Бухары, Хивы и Коканда в состав Российской империи, характер деловых операций отечественных купцов претерпел существенные изменения. С исчезновением угрозы для жизни и имущества торговых людей (особенно христиан с европейской внешностью), многие из них, приезжая в Среднюю Азию оставались там на продолжительный срок для контроля экспортно-импортной деятельности своих фирм, поиска надежных поставщиков хлопка и шелка, выявления новаторских направлений вложения средств. Отдельные особо предприимчивые лица оставались на постоянное жительство, открывали новые предприятия, которые становились их основным источником доходов.

Анализируемые источники предлагают сведения о крупных российских фирмах, разместивших в городах Средней Азии свои представительства, или предприятиях, основные активы которых были полностью сосредоточены в ханствах. На закупке хлопка и отправке

1 Передвижной паровой двигатель для сельхозпредприятий

его в Россию для нужд текстильной промышленности специализировались Товарищество Большой ярославской мануфактуры, Московское Торгово-промышленное товарищество, Торговый дом Владимира Алексеева, Торговый дом братьев Крафт, Торговый дом братьев Гельсберг, Товарищество Эмиль Циндель и Товарищество торговли и промышленности в Персии и Средней Азии [12, с. 86, 383]. Изделия из ткани в Азию поставляли Товарищество Шлиссельбургской мануфактуры, Торговый дом братьев Водяевых, Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры, Товарищество Даниловской ситценабивной мануфактуры, Торговый дом братьев Кеворковых [12, с. 383]. Куплей-продажей чая и сахара занимались такие компании как Торговый дом Вогау и К°, Торговый дом братьев Поповых, Торговый дом Швецова и Торговый дом Коковин и Басов [12, с. 383].

Также из текста можно узнать имена российских купцов, известных своей деловой активностью на азиатском направлении. Эти люди сделали существенный вклад в модернизацию экономики Средней Азии, обеспечив трансформацию отсталой кустарно-ремесленной промышленности феодального характера в фабрично-заводское производство, организованное на буржуазных началах. В силу этого имеет смысл рассказать более подробно о некоторых из них. В путеводителе упоминается Д.Н. Захо – предприниматель греческого происхождения, проживавший в Ташкенте. Этот купец занимался продажей галантерейных товаров [12, с. 383], содержал в Ташкенте элитную гостиницу «Швейцария» и большой универсальный магазин [1, с. 16 – 17]. Родной брат Дмитрия Николаевича Александр жил в Оренбурге и состоял во второй купеческой гильдии. Его коммерческие интересы были направлены на торговлю чаем, галантереей и ювелирной продукцией [11, л. 215об.]. Территориальная близость Средней Азии и Оренбургского края усиливала интерес купцов российской провинции к экономике ханств. Одним из оренбургских предпринимателей, открывших в Чимкенте фармацевтическое производство был Н.П. Савинков. В 1886 г. Никифор Прокопьевич держал в оренбургском филиале Волжско-Камского банка сумму в размере 438 338 руб., что безусловно делало его одним из богатейших людей Оренбурга [14, с. 11]. Купцу первой гильдии Савинкову принадлежал чимкентский завод по производству сантонина² [12, с. 411]. Кроме того, он был совладельцем базирующегося в Оренбурге «Товарищества Никольского лесопильного и пшеничного заводов» [18, с. 1115]. Оренбургскому купцу первой гильдии из татар Сеитовского посада Ахмету Хусаинову принадлежал хлопкоочистительный завод в Ходженте [12, с. 377].

Приток крупных капиталов российских купцов в экономику Средней Азии привел к становлению здесь

виноделия в промышленных масштабах. Согласно источнику, «только с присоединением Туркестана к русским владениям обращено было внимание на виноградные богатства края...» [12, с. 96]. О купцах-новаторах в путеводителе сказано: «Первым пионерами в этом деле были И.И. Первушин, Н.И. Иванов, Д.Л. Филатов, впоследствии к ним присоединились П.С. Пороховской, Д.Ф. Толочинов» [12, с. 96]. О том, что эти купцы стояли у истоков алкогольной промышленности среднеазиатских ханств, говорится в работе А.И. Добросмыслова [4, с. 371 – 372].

Наиболее примечательной фигурой, как в плане личностных качеств, так и на поприще деловых достижений являлся Дмитрий Львович Филатов. Масштабы предпринимательской деятельности Филатова производили впечатления даже на людей, не занятых коммерческим промыслом. Путешествовавший по Азии в начале 90-х гг. XIX в. Е. Л. Марков писал о его диверсифицированном бизнесе: «Купец Филатов, кроме огромного образцового виноделия, сосредоточенного главным образом в Самарканде, разводит множество табаку, курит спирт, наполняет своими разнородными магазинами почти все города и городки Сыр-Дарьинской и Ферганской областей» [8, с. 498]. Д.Л. Филатов совершал рискованные деловые поездки вглубь Средней Азии еще в период полной самостоятельности государств региона. О том, насколько опасными были такие путешествия, сказано в воспоминаниях крупного московского промышленника Н.А. Варенцова, лично знакомого с Дмитрием Львовичем. «Он проникал далеко вглубь степи, рисковал попасть в плен к сартам с последствием сидеть на остром коле», – рассказывал о приключениях своего коллеги по цеху Н.А. Варенцов [2, с. 304]. Успех Д.Л. Филатова в организации инновационных для Азии предприятий был достигнут во многом благодаря особенностям менталитета, сформированного в сословной торговой среде. Как и любой успешный предприниматель, Д.Л. Филатов был очень азартным человеком и ради достижения цели был готов рисковать даже собственной жизнью.

Одним из ключевых условий успешного старта деловых начинаний купцов являлась возможность привлекать заемные средства для финансирования особо затратных проектов. Строительство в древних городах Средней Азии передовых предприятий, где выпуск продукции обеспечивала работа паровых механизмов, закупка современного отечественного и импортного оборудования для оснащения производства, оплата услуг технического персонала (операторы паровых машин, слесаря и проч. получали от 35 до 120 руб. в месяц [12, с. 86]), решение вопросов логистики и т.д., требовали вложения колоссальных средств, которыми располагали далеко не все коммерсанты. В

2 Распространенное в прошлом лекарство от глистов.

связи с этим, в конце XIX – начале XX в. у российско-среднеазиатского делового сообщества были крайне востребованы услуги кредитно-финансовых учреждений. В этот период наиболее значимые в экономическом плане города региона стали площадками для открытия представительств частных и государственных российских банков.

В Бухаре функционировали отделения Московского Международного и Государственного банков [3, с. 124]. Причем, как указано в путеводителе, эти финансовые заведения «...имеют свои специальные цели, в круг которых не входит развитие мелкого кредита» [3, с. 124]. Это говорит о том, что российские банки не выдавали потребительские кредиты на нужды простых обывателей, а финансировали исключительно богатых промышленников, чья деятельность была интересна для кредитной организации, и платежеспособность которых не вызывала сомнений. Филиалы Государственного, Московского Международного и Русско-Китайского банков были размещены в Коканде [12, с. 82]. Оборот средств в этих банках превышал 100 млн.

рублей в год [12, с. 82].

В итоге, можно сказать о том, что путеводители по Туркестану представляются ценными носителями информации о разных элементах трудовой повседневности купцов, осваивавших экономическое пространство Средней Азии в конце XIX – начале XX века. Сведения о развитии железнодорожного сообщения между Средней Азией и Россией, качестве путей сообщения внутри ханств и способах грузоперевозки позволяют оценить уровень комфорта предпринимательской деятельности. Страницы путеводителей содержат названия крупных российских фирм, открывавших свои филиалы в городах региона, знакомят с именами наиболее известных российских предпринимателей, основавших там свой бизнес «с нуля», показывают уровень технического оснащения промышленных предприятий и дают представление о работе банковского сектора. Наличие столь разнопланового массива данных позволяет использовать путеводители в качестве самостоятельных источников, проливающих свет на специфику трудового быта российских купцов в среднеазиатских пределах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлуцкая Е.В. Нежинские греки Захо. От Оренбурга до Ташкента // Купечество оренбургское. Сборник статей под ред. Е.В. Бурлуцкой. Выпуск 2. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2017. С. 14 - 18.
2. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост., подг. Текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.
3. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1901. 255 с.
4. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. Ташкент: Электропаровая типолитография О.А. Порцева, 1912. 520 с.
5. Иерусалимская С.Ю. Путеводители и справочные издания середины XIX - начала XX вв. как источник по истории культуры Верхнего Поволжья // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 2. С. 9 - 14.
6. Любичанковский С.В., Любичанковский В.А. «Условия повседневности» как базовый элемент исторического анализа повседневной жизни // Вестник оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143). С. 154 - 157.
7. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
8. Марков Е.Л. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2-х томах и 6-и частях. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.
9. Мерзлякова Г.В., Баталова Л.В., Оконникова Т.И. Роль путеводителей и справочных изданий XIX - начала XX вв. в развитии туристско-экскурсионной практики Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2014. № 2. С. 198 - 204.
10. Молочко Е.В. Путеводители второй половины XIX - начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: исторические науки. Т. 23 (62). №. 1. 2010. С. 133 -139.
11. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 10. Оп. 10. Д. 14.
12. Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской железной дороге: С ист. очерком сооружения и эксплуатации Закасп. воен. ж. д. и очерком сооружения Оренбург-Ташкент. ж. д. / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова; Ист. очерк сооружения и эксплуатации Закасп. воен. ж. д. сост. подполк. В.Н. Антипиным под ред. ген.-лейт. Н.Н. Левашева. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1903. 448 с.
13. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской / составлен по официальным данным под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. 6-е изд. СПб.: Тип. И. Шурухта, 1913. 424 с.
14. Роднов М.И. Предпринимательская элита Оренбурга на рубеже 1880 -1890-х годов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 7 -15.
15. Сибирская жизнь. 1903. № 117. 4 июня.
16. Скопа В.А. Издания статистических комитетов Степного края и основные сюжеты на их страницах в последней трети XIX - начале XX в. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (37). С. 105 - 109.

17. Скрипник А.С. Путеводители как исторический источник по развитию гостиничного бизнеса в дореволюционном Крыму // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны: Материалы региональной научно-практической конференции (19 мая 2021). Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. С. 62 - 64.
18. Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов: Сост. по данным, извлеч. из материала Отд. торговли, Особ. канцелярии по кредит. части и Деп. ж.-д. дел М-ва фин. / под ред. [и с предисл.] В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб.: Э. Вернь, 1905. 1808 с.
19. Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1843. 284 с.

© Абдрахманов Константин Алексеевич (kostya.abdrakhmanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Оренбургский государственный педагогический университет

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ДИНАМИКА ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В Г. ОРЕНБУРГЕ ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ (1865-1910 ГГ.)¹

CIRCUMSTANCES AND DYNAMICS OF INFANT MORTALITY IN THE CITY OF ORENBURG ACCORDING TO REGISTERS OF BIRTHS (1865-1910)

E. Abdrakhmanova

Summary: On the basis of data from registers of births, the author reveals the share of child deaths in the total mortality rate in Orenburg. The author reveals the main factors influencing the dynamics of the infant mortality rate: seasonal cycles, conditions of the urban environment, the dynamics of the birth rate.

Keywords: Orenburg, children, child mortality, children's everyday life.

Абдрахманова Екатерина Николаевна
Аспирант, Оренбургский государственный
педагогический университет
eknikol@ya.ru

Аннотация: На основе данных метрических книг автор выявляет долю детских смертей от общего показателя смертности в Оренбурге. Автор раскрывает основные факторы, влияющие на динамику показателя детской смертности: сезонные циклы, условия городской среды, динамику рождаемости.

Ключевые слова: Оренбург, дети, детская смертность, детская повседневность.

Процессы естественного движения населения, особенно детская смертность, всегда были и остаются индикаторами уровня жизни населения в государстве, так как зависят не только от биологических, но и от социальных факторов.

Уровень смертности в Российской империи всегда был довольно высоким, то же касается и количества детских смертей. Однако изучение этой проблемы в историографии в большей степени было освещено с точки зрения медицины, нежели истории повседневности.

Впервые вопросы детской смертности стали поднимать во второй половине XVIII века, а через столетие, в конце XIX века [14, л.34об.-70; 19, л.132об.-142об.; 20, л.38об.-48об.; 21, л.86об.-92об.; 22, л.60об.-72об.; 23, л.56об.-76об.; 26, л.48об.-64об.; 27, л.37об.-48об.; 30, л.45об.-57; 31, л.251об.-260; 32, л.37об.-47; 33, л.240об.-248], с возникновением педиатрии, изучение этой проблемы приобрело более углубленный характер.

В современной российской исторической науке наиболее подробно тема детской смертности раскрывается в цикле статей кандидата медицинских наук И.В. Егорышевой [6]. В своих исследованиях автор доказывает, что в Российской империи проблема смертей среди детей являлась одной из главных проблем здравоохранения. Она неоднократно поднималась в трудах врачей, деятелей общественной медицины, в медико-топографиче-

ских описаниях дореволюционного периода. К проблеме привлекалось внимание русского общества, говорилось о необходимости медицинской и социальной помощи детям, проводились противоэпидемические мероприятия, велась пропаганда правильного ухода за детьми, организовывались ясли-приюты и т.д.

Н.Н. Блохина [2] рассказывает о создании в 1904 г. в Петербурге «Союза борьбы с детской смертностью в России», который занимался изучением причин высокой детской смертности, выработкой и проведением в жизнь мер по борьбе с этим явлением. Вопросы детской смертности рассматривались также на съездах Пироговского общества (1885-1917 гг.), деятельности которого посвящена статья С.Г. Гончаровой [5]. Н.А. Мицюк [12] в своем труде «Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX века» анализирует меры борьбы с изучаемым явлением в элитных учебных заведениях, разработку проектов по борьбе с детской смертностью в народной среде, меры по сохранению жизни брошенных детей, борьбу с абортами.

Отдельным «разделом» в изучении проблемы детской смертности является охрана материнства и детства. Она подразумевает охрану прав женщин и детей и деятельность благотворительных организаций по оказанию консультативной помощи женщинам-матерям и беременным женщинам. В.А. Мун [13] в своем труде анализирует правовое положение женщины в России в XIX – начале

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи) (проект № 22-28-00763)

XX вв. и сравнивает его с положением женщины в западноевропейских странах. Автор также поднимает вопросы по охране материнства и детства, такие, например, как право на образование, борьба с детской смертностью, охрана труда женщин и детей, страхование материнства, уголовно-правовая охрана беременных женщин, женщин-матерей и детей. Среди наиболее популярных благотворительных организаций, оказывающих помощь женщинам и детям были «Капля молока» и «Консультации для матерей», деятельность которых была исследована в трудах С.В. Зайцевой [7] и О.А. Семеновской [38].

Говоря об изучении феномена детской смертности в рамках истории повседневности, стоит сказать о региональных исследованиях. Так, В.Г. Василенко [4] изучает детские капельные инфекции как причину смертности детей в дореволюционном Армавире. По мнению ученого, смертность среди детей зависела от сезона: более высокая смертность наблюдалась в осенне-зимний период. Наиболее частыми причинами смертности В.Г. Василенко называет корь и оспу, а возрастом наибольшего риска смерти среди детского населения считает период от рождения до 7 лет [4]. О сезонности детской смертности также говорит Д.Е. Сафаров [39]. В своих исследованиях на примере г. Барнаула во второй половине XIX – начале XX в. ученый подробно анализирует статистические показатели детских смертей в каждый период года по болезням и уязвимому возрасту к ним.

А.Х. Машарипова [10] на основе статистических данных метрических книг коми-зырян нижнего Притоболья в конце XIX – начале XX в. связывает уровень детской смертности с полом ребенка. В ходе своего исследования, ученый приходит к выводу, что от рождения до 1 года количество смертей среди мальчиков было выше, чем среди девочек, а от 1 года до 5 лет показатели менялись в противоположную сторону. Проблему детской смертности в Оренбургской губернии освещает в своих исследованиях Е.В. Бурлуцкая [3]. Ученый анализирует количественные показатели детских смертей в разрезе пола и возраста, говорит о факторах детской смертности и отношении семьи к потере ребенка.

Прежде, чем переходить к анализу статистических показателей смертности детей, следует сказать несколько слов об условиях жизни населения г. Оренбурга в рассматриваемый период. Для описания санитарных условий жизни населения на территории Оренбурга, обратимся к труду П.Н. Столпянского. По словам исследователя, состояние такого важнейшего для жизнедеятельности человека ресурса, как вода, находилось в плачевном состоянии: «Новая слободка обслуживается 10 колодцами, за которыми надзор и уход более чем отвратительный. Колодцы не чистятся десятилетиями, срубы гниют, в воду попадают всевозможные отбросы, во многих колодцах вода солонцеватая, анализ воды не

производился и, можно ли употреблять эту воду, никто не знает» [40, с. 105].

Таким же было и состояние городских улиц: «О санитарном надзоре нечего и говорить – отбросы спокойно выкидываются на улицу, где они подвергаются благотворительному действию жгучих лучей палящего Оренбургского солнца, – повесть иногда заменяет отхожее место и в лучших случаях вместо него делается аршинная ямка, которая никогда не чистится» [40, с. 105]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что населению Оренбурга приходилось существовать практически в антисанитарных условиях, которые являлись благоприятной средой для развития множества инфекций и болезней.

Что касается медицинских учреждений, то в Оренбурге в начале XX в. функционировали госпиталь для солдат, губернская больница для крестьян с отделением для душевнобольных, городская больница, бесплатная городская амбулатория, амбулатория общества Красного Креста и родительский приют благотворительного общества. В рассматриваемый период в Оренбурге проживало примерно сто тысяч человек, и 6 имеющихся больниц и госпиталей не могли в полном объеме обеспечить оказание должных медицинских услуг [8]. Кроме этого, следует обратить внимание на то, что специальных детских медицинских учреждений в этот период не существовало. При необходимости ребенка могли поместить во взрослый стационар, где находились люди с самыми разными заболеваниями. В таких условиях, когда иммунитет ребенка и без того был сильно снижен, оказывался в крайне неблагоприятных условиях. Все вышперечисленное являлось причинами высокой смертности населения, особенно смертности детской.

Для изучения проблемы детской смертности нами были взяты данные метрических книг Вознесенской, Покровской, Троицкой и Петропавловской церквей г. Оренбурга. Эти церкви были самыми крупными в городе и сосредоточили в себе записи о движении населения всех социальных групп. В данном исследовании понятие «дети» применяется к лицам в возрасте от рождения до 12 лет.

Анализ феномена детской смертности начнем с выявления отношения детских смертей к общему числу смертей среди населения г. Оренбурга. Анализ записей актов смерти, зафиксированных в метрических книгах, показал, что процент детских смертей практически всегда составлял больше половины от общего числа смертей. В 1865-1910 гг. общее количество зарегистрированных актов смерти среди населения г. Оренбурга по данным метрических книг Вознесенской церкви составляло 560 записей. Из них 317 (56,6 %) актов приходилось на детские смерти [14, л.34об.-70; 19, л.132об.-142об.; 20, л.38об.-

48об.; 21, л.86об.-92об.; 22, л.60об.-72об.; 23, л.56об.-76об.; 26, л.48об.-64об.; 27, л.37об.-48об.; 30, л.45об.-57; 31, л.251об.-260; 32, л.37об.-47; 33, л.240об.-248]. В этот же период в метриках Покровской церкви было зафиксировано 1732 смерти, из них 1092 (63 %) были детскими [16, л.70об.-127об.; 25, л.81об.-123об.; 26, л.557об.-614об.; 27, л.316об.-358об.; 29, л.180об.-270; 31, л.164об.-205; 33, л.142об.-194]. По данным книг Троицкой [17, л.84об.-148об.; 18, л.106об.-138об.; 24, л.108.об.-139об.; 26, л.176об.-213об.; 27, л.177об.-198об.; 29, л.64об.-81; 31, л.52об.-69; 35, л.115об.-128; 36, л.55об.-68] и Петропавловской [15, л.202об.-257об., л.71об.-121об.; 23, л.143об.-168об.; 26, л.282об.-306об.; 27, л. 95об.-105об.; 28, л.76об.-104об., л.138об.-149; 30, л.92об.-102; 31, л.299об.-308; 32, л.93об.-98; 34, л.42об.-48] церковей всего умерли 1070 и 902 человека, детские смерти составили 736 (68,7 %) и 559 (61,9 %) актов соответственно. Самое большое число детских смертей было зарегистрировано в 1875 году – 497 (75 %) из 655 [26, л.48об.-64об., л.176об.-213об., л.282об.-306об., л.557об.-614об.]. На этот год пришлось эпидемия кори и оспы. Меньше всего процент смертности детского населения составлял в 1905 году – 47 детей (33,4 %) от 139 умерших [32, л.37об.-47, л.93об.-98; 35, л.115об.-128].

В работе А.Г. Рашина приводятся сведения о неурожаях 1890-1910 гг., результатом которых в Российской империи был голод. Как пишет ученый, неурожай, конечно, оказывали влияние на соотношение умерших и родившихся, но выражались в сокращении рождаемости, а не в росте смертности [37, с. 158-163]. В своем труде историк показывал стабильное снижение числа умерших в 1890-1910 гг. вне зависимости от неблагоприятной ситуации в сфере продовольственной безопасности. В метрических книгах этих лет мы не находим ни одной записи, где причиной смерти был бы указан именно голод.

Таким образом, уровень детской смертности на всем протяжении исследуемого периода по отношению к общему количеству зафиксированных смертей составлял более 50 %. К началу XX в. ситуация не изменилась, количество зарегистрированных актов смертей снизилось, но процент умерших детей по-прежнему оставался высоким.

Проанализируем показатели детской смертности по сезонам. Согласно анализу записей детских смертей, зафиксированных в метрических книгах в период с 1865-1910 гг., самое большое число детских смертей приходилось на весенне-летний период. Так, например, по данным метрик Покровской церкви за указанный период в феврале количество умерших детей составило 49, в апреле это число поднялось до 74, а в июне – 192 [16, л.70об.-127об.; 25, л.81об.-123об.; 26, л.557об.-614об.; 27, л.316об.-358об.; 29, л.180об.-270; 31, л.164об.-205; 33, л.142об.-194]. Ближе к осени показатель падал: в августе

в метрических книгах Покровской церкви было сделано 114 записей об умерших детях, в октябре – 68 записей [16, л.70об.-127об.; 25, л.81об.-123об.; 26, л.557об.-614об.; 27, л.316об.-358об.; 29, л.180об.-270; 31, л.164об.-205; 33, л.142об.-194]. В метрических книгах Троицкой церкви число детских смертей также варьировалась между сезонами: в апреле в книгах было зафиксировано 33 акта детской смерти, в мае это число возросло до 56, а в июне увеличилось до 142 [17, л.84об.-148об.; 18, л.106об.-138об.; 24, л.108.об.-139об.; 26, л.176об.-213об.; 27, л.177об.-198об.; 29, л.64об.-81; 31, л.52об.-69; 35, л.115об.-128; 36, л.55об.-68]. Однако, в августе по данным метрик все той же Троицкой церкви, число детских смертей снизилось до 80 и в сентябре это число уже составляло 40 [17, л.84об.-148об.; 18, л.106об.-138об.; 24, л.108.об.-139об.; 26, л.176об.-213об.; 27, л.177об.-198об.; 29, л.64об.-81; 31, л.52об.-69; 35, л.115об.-128; 36, л.55об.-68]. В метрических книгах Вознесенской церкви также число детских смертей изменялось в зависимости от сезона. В феврале этот показатель составлял 16 записей, в апреле – 22, а в июне число умерших детей увеличилось до 62 [14, л.34об.-70; 19, л.132об.-142об.; 20, л.38об.-48об.; 21, л.86об.-92об.; 22, л.60об.-72об.; 23, л.56об.-76об.; 26, л.48об.-64об.; 27, л.37об.-48об.; 30, л.45об.-57; 31, л.251об.-260; 32, л.37об.-47; 33, л.240об.-248].

На столь большие различия в уровне детской смертности по сезонам оказывали влияние преимущественно климат и религия, которая накладывала отпечаток на образ жизни проживающего в Оренбурге населения. Для того, чтобы понять в каких климатических условиях жили люди в рассматриваемый период, обратимся к труду Ф.И. Лобысевича. Он дает характеристику сезонных особенностей города: «Лето-же, преимущественно, всегда пыльное, сухое и чрезвычайно знойное, доходящее до 35° по Р. (43,75 °С). Жар и удушливый ветер совершенно душат и жгут людей и природу; весны почти не бывает, потому что только в первой половине апреля сходит снег и уничтожаются морозы, а затем, в первых числах мая, начинаются уже довольно сильные жары, постепенно и быстро увеличивающиеся» [9, с. 28]. О санитарном состоянии Оренбурга в конце XIX в. писал К. Белавин: «при котловинно-образной форме местности, вода по необходимости застаивается и потому уровень почвенной воды здесь высок. Благодаря этому обстоятельству здесь являются малярийные испарения, особенно летом». <...> левый берег Урала также затопляется его разливами, и почва здесь такая же иловатая, как и в низменных частях города; кроме того, в роще есть остаток старого русла Урала (старица) с никогда не пересыхающей стоячей водой, также отравляющей воздух своими испарениями. <...> Жители Оренбурга пользуются водою из реки Урал и из колодцев. Химический анализ воды в Урале обнаружил большое содержание в ней извести и углекислого аммиака, из которых последний является как продукт разложений

органических веществ и своим присутствием сообщает воде вредные для здоровья свойства. Особенно непригодной для питья является вода в Урале во время его разливов, так как в это время она содержит много продуктов разложения и примесей органических веществ. Химический состав воды в колодцах не известен, но весной и в них большей частью вода портится [1, с. 73]. Водные ресурсы города были загрязнены главным образом из-за того, что жители содержали в непотребном состоянии свои дворы, устраивая на них стихийные скотобойни: «Скотинка» билась попросту, по семейному: кто на частных бойнях, а кто так у себя на дворе, кровь тут же впитывалась в землю, различные отбросы мирно гнили на задворках – и никто не протестовал, а наоборот все находили, что дело обстоит так, как должно обстоять» [40, с. 76]. Даже после открытия городской скотобойни жители не прекратили забивать скотину во дворах, оставляя все отходы гнить под палящим оренбургским солнцем. По городским улицам прогоняли огромные табуны скота, которые оставляли после себя продукты жизнедеятельности, не убираемые в течение нескольких дней. «Бедой» для детей были также арбузы и дыни, которыми Оренбург славился всегда. Даже несмотря на запреты врачей родители кормили детей этими фруктами, которые часто портились, ожидая своего покупателя под летнем зноем.

Географическое положение Оренбурга на границе с Азией, благоприятно сказывалось на торговле, однако, купцы, возвращаясь с караванами в родной город, нередко привозили с собой и опасные инфекции. Жители азиатских стран также были довольно частыми гостями в городе и также становились разносчиками различных болезней. Географическое положение, климатические условия в совокупности с санитарной ситуацией в городе Оренбурге, о которой было сказано выше, создавали благоприятную среду для размножения болезнетвор-

ных бактерий, которые и являлись возбудителями смертельных заболеваний.

Также на образ жизни населения в рассматриваемый период большое влияние оказывала религия. Вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, люди старались придерживаться соблюдения религиозных предписаний, в том числе постов. Существовало три больших поста: Успенский (1-15 августа), Рождественский (15 ноября - 24 декабря) и Великий, перед Пасхой. Они предопределяли схемы жизненного поведения населения, в том числе сексуального. Как правило, большое количество браков заключалось осенью в сентябре-октябре, после Успенского поста (1-15 августа), что объясняло большое число рождений в летний период. Историк Б.Н. Миронов в работе «О детской смертности в России в конце XIX века» пишет: «Младенческая смертность до середины XIX века превышала 300 на тысячу, к концу XIX века понизилась до 260, к 1911 г. – до 237 на тысячу, а до 5 лет даже в 1897 г. доживало всего 57 % новорожденных. Это была какая-то адская машина: дети рождались, чтобы умереть, и чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось. Высокая рождаемость провоцировала высокую смертность, и наоборот» [11].

Таким образом, на состояние детской смертности в г. Оренбурге влияли следующие факторы: климатические условия и санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе. Уровень детской смертности от общего числа смертей в году был высоким. К началу XIX в. общее количество зафиксированных актов смерти снизилось, но доля детских смертей осталась на прежнем уровне. Число смертей среди детей изменялось в зависимости от сезона. В весенне-летний период в метрических книгах было зарегистрировано самое большое количество актов детской смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. – Типо-литография И.И. Ефимовского-Мироницкого, 1891. – 127 с.
2. Блохина Н.Н. Из истории борьбы с детской смертностью // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2013. – № 1. – С. 101-105.
3. Бурлуцкая Е.В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в. // Клио. – 2017. – № 7. – С. 80-85.
4. Василенко В.Г. Детские капельные инфекции в структуре детской смертности дореволюционного Армавира // Социосфера. – 2020. – № 1. – С. 108-112.
5. Гончарова С.Г. Вопросы детской смертности на съездах Пироговского общества (1885-1917) // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2013. – № 1. – С. 120-124.
6. Егорышева И.В. Изучение проблемы детской смертности в России и попытки ее решения (XVIII – начало XX вв.) // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. – 2013. – № 1. – С. 64-66.
7. Зайцева С.В. Международные съезды по охране и попечению грудных детей в конце XIX – начале XX вв. // Клио. – 2020. – № 4. – С. 36-42.
8. Кенигсберг М.М. Опыт медико-топографического исследования гор. Оренбурга: дисс. ... д-ра мед. наук. – СПб.: Семеновская Типо-литография, 1886. – 235 с.
9. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: ист.-стат. очерк. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1878. – 61 с.
10. Машарипова А.Х. Детская смертность у коми-зырян нижнего Притоболья в конце XIX начале XX в // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 133-137.

11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). В 2 тт. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
12. Мицюк Н.А. Опыт борьбы с детской смертностью в первой половине XIX века // Смоленский медицинский альманах. – 2015. – № 3. – С. 31-37.
13. Мун В.А. Охрана материнства и детства в научной, общественной и политической мысли России в середине XIX – начале XX вв. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2. – С. 67-75.
14. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 173. Оп. 12. Д. 548
15. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 553.
16. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 554.
17. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 555.
18. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 798.
19. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 837.
20. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 843.
21. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 846.
22. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 851.
23. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 39.
24. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 41.
25. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 42.
26. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 179.
27. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 526.
28. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 726.
29. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 926.
30. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 927.
31. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1135.
32. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1598.
33. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1843.
34. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1844.
35. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 83.
36. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 17. Д. 120.
37. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М.: Государственное статистическое издательство, 1956. – 353 с.
38. Семенова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. – 2019. – № 4. – С. 72-81.
39. Сарафанов Д.Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг).DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.023 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер.2: Гуманитар.науки. – 2020. – Т. 22. – № 2 (198). – С. 59–78
40. Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. – Оренбург: Оренбургская губернская типография, 1908. – 400 с.

© Абдрахманова Екатерина Николаевна (eknikol@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

ABOUT THE SOVIET MODEL OF "REAL SOCIALISM"

V. Baklanov

Summary: Subject of research: the Soviet social model with all its achievements and contradictions. The objectives of the study were, through an interdisciplinary approach, to create a holistic and systematic picture of the historical experience of the development of the Soviet social model. The methodological basis of the article was the dialectical-materialistic method, combined with systemic and synergetic approaches. Scientific novelty and results: firstly, it is established that in the updated Marxist theory-scheme of formations, for the socio-economic formation of communism (including socialism as its primary phase), only the post-industrial era is adequate, which was not the case in the USSR with its early industrialism; secondly, it is established that the low in the formation-stadially, the hybrid model of Soviet industrial socialism did not allow the formation of a high/mature socialist consciousness. Conclusions: the insufficient socialist vector of development in the USSR turned out to be incredibly productive and brought the country to the world leaders. But the late USSR, where the processes of bourgeoisization of the elite and society for the most part flooded communist ideals, was in a systemic crisis. However, there was no predestination in the collapse of the communist project. The collapse of the great Soviet creative project - the USSR during the years of Perestroika happened largely due to the wrong strategy and tactics of the perestroika workers, due to a subjective factor.

Keywords: communist-Soviet, industrial, post-industrial, hybrid, bourgeois, values, consciousness, party nomenclature, systemic crisis.

Советский период, несмотря на все его огромные людские и материальные потери и жертвы, вызванные, где просчетом, а где и авантюрно-преступными действиями руководителей СССР, все равно является самым величественным, грандиозным, наиболее продуктивным и результативным (во всех областях жизнедеятельности) периодом отечественной истории за более чем тысячелетнюю историю России. Причиной такого феноменального в мировой истории успеха, на наш взгляд, является то, что советский красный проект, как никакой другой российский социально-политический проект, предложил подавляющему большинству народов России возможность жизненной и творческой самореализации десяткам миллионов трудящихся, которым ранее было отказано в полноценной гражданской субъектности. По словам Людмилы Булавки, «историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социального

Бакланов Вячеслав Иванович

Кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ
VIBaklanov@fa.ru

Аннотация: Предмет исследования: советская общественная модель со всеми ее достижениями и противоречиями. Целями исследования явились, путем междисциплинарного подхода создать целостно-системную картину исторического опыта развития советской общественной модели. Методологической основой статьи, явился диалектико-материалистический метод, в сочетании с системным и синергетическим подходами. Научная новизна и результаты: во-первых, установлено что в обновленной марксистская теории- схеме формаций, для общественно-экономической формации коммунизма, (включая социализм как его первичную фазу) адекватна лишь постиндустриальная эпоха, чего не было в СССР с его ранним индустриализмом; во-вторых, установлено, что невысокая в формационно-стадиальном отношении гибридная модель советского индустриального социализма, не позволяла сформироваться высокому/зрелому социалистическому сознанию. Выводы: недостаточный социалистический вектор развития в СССР оказался невероятно продуктивным и вывел страну в мировые лидеры. Но поздний СССР, где процессы обуржуазивания элиты и общества в массе своем затопили коммунистические идеалы, находился в системном кризисе. Однако никакой предопределенности в крахе коммунистического проекта не было. Крах великого советского творческого проекта- СССР в годы Перестройки случился во многом благодаря неверной стратегии и тактики перестройщиков, благодаря субъективному фактору.

Ключевые слова: коммунистическо-советский, индустриальный, постиндустриальный, гибридный, буржуазный, ценности, сознание, партноменклатура, системный кризис.

преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции» [1, С. 116]

Впервые в мировой истории и истории нашей страны, ранее угнетенное большинство из крестьян и рабочих получило «коллективную путевку» в большую жизнь страны: возможность войти в состав верховной власти; стать политической, хозяйственной и культурной элитой; выбирать любую профессию; бесплатно получать квартиры, образование, лечение; бесплатно ездить за счет государственных субсидий и профсоюзов в дома отдыха и на курорты страны. Советский проект был социальным проектом успешно и максимально реализованным в истории нашей страны: проектом Просвещения и максимальной социальной Справедливости. Проектом, во всем обращенным в Будущее, как понимали его коммунистические деятели и творцы советской культуры и искусства. Коммунистический образ как мечта о «царстве свободы» (К. Маркс), максимального материального

и духовного прогресса человечества, с полной творческой самореализацией всех без исключения, людей, выступал для многих поколений советских граждан мощным побудительным ориентиром, который удесят�ерял энергию и силы людей по преодолению всех недостатков советской государственности, всех социально-классовых и индивидуально-личностных изъянов и несовершенств человека.

Следует помнить, что не просто историческая Россия, а коммунистическо-советский СССР смог: превратить ранее аграрную и во многом отсталую страну в передовую научную и индустриальную державу; победить в самой кровопролитной в истории человечества II мировой войне всю фашиствующую тогда Европу, вторгнувшуюся к нам во главе с Гитлером; победить в космической гонке передовую Америку и создать лучшую по тому времени систему образования. Советский Союз в послевоенный период являлся примером и мировым лидером для 1/3 всего мирового человечества! Когда такое было в нашей истории?

Важно помнить, что все эти победы и достижения советского красного проекта стали возможными, благодаря великой освободительной миссии Октября 1917 г. во главе с гениальным В. Лениным и прогрессивным наследием марксизма, открывшим всему человечеству путь выхода из всех антагонистических общественных форм Отчуждения. О чем не следует забывать всем соотечественникам сегодня. Вот почему советский период объективно является вершиной развития российской цивилизации в отечественной истории.

О двойственной системе коммунистическо-советской власти

Советский тип государственности заключал в себя двойственную систему власти, которая на первый взгляд, казалось сложной и запутанной для стороннего наблюдателя. Зато была чрезвычайно эффективной в управлении в период тяжелейших испытаний. В тоже время, если исходить из официальных государственных и партийных документов, складывалось ощущение, что они либо сознательно запутывают реальную картину государственной жизни, либо бездумно декларируют политические идеалы, под которые подгоняют действительность. Отсюда известное выражение Ю. Андропова в 1983 г., поразившее многих: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живем и трудимся...». Сказанное еще в осторожной форме, было в массах переведено так: «мы не знаем общества, и государства в котором живем!»

Действительно, в СССР официальные источники ча-

сто маскировали сущность явления советской государственной структуры под главенством вспомогательных учреждений. Во всех официальных документах фигурировало наименование «Советское государство», «советское общество», «советская власть», в то время как Коммунистическая партия была «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» [2, Ст.6]. Двойственная советско-коммунистическая властная система было трудноразрешимой проблемой для исследователей по выявлению сущности советской системы, а точнее коммунистическо-советской. Ведь официальное название «советская» лишь скрывала и маскировало наличие другой, внутренней и более существенной власти- коммунистической.

Коммунистическая партия в СССР, реализуя функцию главной (внутренней) власти, являлась формой тотального контроля за советским (внешним) государством. Можно сказать, что в СССР было два государства: внутреннее - глубинное и главное (коммунистическое) и внешнее, не главное, представительное (советское). Таким образом, коммунистическо-советская система была двусоставной: партийной и собственно¹ «советской». Поэтому ВКП (б)- КПСС не была партией в привычном смысле этого слова. Это было «внутреннее государство», которое своей всеобъемлющей деятельностью связывало воедино и политические функции и гражданские. По словам политолога В. Пастухова, «КПСС в СССР было тем стержнем, что связывало государство и его государственный аппарат со всем обществом воедино» [3]. В этом случае, советское государство и общество, по сути, не разделялось между собой, и действительно было тотально целостным, или тоталитарным. Но при этом советский тоталитаризм был созидательный, творческий, в интересах большинства общества.

Весь советский период: ВКП (б)- КПСС охватывала и вовлекала в политическую, хозяйственную, общественную и культурную деятельность десятки миллионов советских людей- все поколения советских граждан. В позднем СССР, по словам советского диссидента, философа, А. Зиновьева, через многообразную сеть партийных, комсомольских и других государственно-общественных организаций, «фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое, здоровое и активное население» [4, С.42]. В конечном счете, именно благодаря волевой деятельности компартии (а иногда и под страхом репрессий), все поколения советских граждан стали участниками, соучастниками и даже творцами непрерывного государственного строительства. В этом и кроется феноменальный успех советского периода отечественной истории. Без активной и энергичной деятельности компартии- «внутреннего», «глубинного государства», внешнее, более рыхлое советское государство не смогло бы

1 В связке «коммунистический» и «советский», всегда будет первенствовать и доминировать коммунистическое.

организовать и мобилизовать людей на великие стройки промышленности, сельского хозяйства, победить в тяжелых войнах, поднять экономику из руин, запустить космический проект и т.д. Все это смогла организовать и сделать компартия, как по-настоящему массовая политическая организация общества, даже несмотря на все ее недостатки. Но никак не внешне демократичная, но организационно слабая система власти Советов.

Эффективность компартии заключалась, во-первых, в ее жестко дисциплинированной организационной структуре, во-вторых, компартия вбирала в себя «все сколько-нибудь значимые советские элиты» [3]. Последнее крайне важно. Поскольку само общество без руководящей и мобилизующей деятельности элит и государства не способно к устойчивому и созидательному развитию. А советские элиты, объединенные под крылом компартии, вовлекая все группы общества в хозяйственную и культурную деятельность, создавали необходимые условия для поступательного развития общества.

Об индустриальном социализме, как «недосоциализме»

В тоже время, говорить о полноценном и успешном строительстве социализма как первой фазы коммунизма, на наш взгляд, было бы неверным. Здесь, автор, разделяет точку зрения философа А. В. Багатурия на природу и сущность советского «реального социализма». А именно; «ни по одному из основных критериев- форма собственности, способ распределения, классовая структура, политическая надстройка- «реальный социализм» не был первой фазой коммунистического общества. Это была новая форма общества, с элементами социализма и вектором развития в направлении подлинного социалистического общества» [5, С.208]. Чем это можно объяснить?

Если исходить из того, что в СССР был построен социализм как первая фаза формационно высокой коммунистической формации, то следует найти в Советском Союзе развитие производительных сил (машин, технологий, производительность труда, развитие науки и т.д.) выше, чем в предыдущей капиталистической формации, в которой «застряло», большинство стран Запада и Востока. Однако в действительности мы этого не обнаружим. Более того, мы увидим, что в 20-30-е годы в СССР лишь ускоренными темпами проходили процессы модернизации экономики, социальной сферы, культуры и образования, аналогичные западноевропейским капиталистическим странам XIX в. Получалось, что те задачи, решаемые партией ВКП (б), что впоследствии выдавались за «развертывание социалистического строительства», на деле, были во многом в рамках еще буржуазной модернизации. Впрочем, сам Ленин этого не скрывал. В своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской

революции» (октябрь 1921 г.), Ленин, констатировал: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране» [6, С.144]. Далее: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической...» [6, С.145].

Оказавшись в силу редкого политического стечения обстоятельств во власти, в полуфеодальной и полукapиталистической стране, без каких-либо материальных и культурных предпосылок для перехода к социализму, коммунисты-большевики должны были: либо реставрировать капитализм под социал-демократическим знаменем, либо попытаться с помощью политической власти партии большевиков, достраивать сверху материальные предпосылки капитализма без капиталистов! Последнее выглядело невероятным по сложности политическим кульбитом. Но именно этот, казалось бы, сумасшедший вариант взял за основу Ленин и так до этого творчески экспериментировавший с марксизмом.

Свою позицию Ленин изложил в работе «О нашей революции» в 1923 году. Здесь Ленин, с диалектических позиций, оспаривает все упрощенные линейно-экономический взгляды европейских и российских марксистов (особенно меньшевиков). Ленин так объяснял: «Что если полная безвыходность положения, удесятая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных предпосылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? ... Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры..., то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы...» [7, С.381-382]. Этот ленинский подход к строительству социализма «сверху» был одновременно и новаторским и одновременно необычайно трудным. Если не сказать, практически невыполнимым.

В сложных условиях, большевики, сначала во главе с Лениным, затем в 20-е годы во главе коллективного руководства, и наконец, в 30-е годы, под руководством Сталина, успешно решая задачи буржуазно-демократической модернизации, ни на йоту не отступали от главной цели: планов социалистического строительства. Социалистический вектор развития, фактически ими был

запущен с Октября 1917 г. И все эти годы этот вектор развивался параллельно с задачами несоциалистической модернизации (а буржуазно-демократической), благодаря личным усилиям вождей, работе организационного аппарата партии РКП (б) и ВКП (б), самоотверженности самого рабочего класса. Такая одновременная двойная модернизация страны: буржуазная и социалистическая, крайне осложняла развитие страны и движение ее к социализму. А тут еще встала во весь рост проблема безопасности страны. Отсюда защитить партию, страну любой ценой, не взирая на материальные и человеческие издержки – вот так диктовало суровое время большевикам. И выход, в таких жестких и чрезвычайных обстоятельствах, мог быть один – силовая мобилизация со всеми негативными сопутствующими явлениями (религиозное почитание вождей и самой коммунистической идеологии, обесценивание человеческой жизни, тоталитаризм с ГУЛАГОМ и т.д.). Вот только такой выбор стал роковым для судеб советского социализма. Он с одной стороны, спрямил движение к социализму и повысил мировой рейтинг страны, с другой, извратил саму сущность социализма как самодеятельного низового движения свободных тружеников нового коммунистического мира, так как это понимал К. Маркс.

А что в итоге? Даже в позднем и уже индустриальном СССР наблюдалось значительное отставание от такого же индустриального, но капиталистического Запада: по производительности труда и автоматизации производства, по материалоемкости и энергозатратности экономики. По свидетельству известного экономиста Ханина Г.И., в 70-е гг. разрыв в производительности труда между СССР и США в машиностроении составлял 46,1%, в угольной отрасли-11,1%, а в железорудной- лишь 8,6%. [8, С.439]. «Реальный социализм» оказался обществом, где прибыль получали тем же самым способом, что и прежде, но получали- в силу «научных принципов социалистических принципов»- с варварскими издержками, меньше, а распределяли хуже, несправедливей» [9, С.90-91]. Творческим и автоматизированным трудом, здесь как говорится и не пахло. По словам Владимира Вильчека: «типологически новым, в полном смысле послеиндустриальным», советское производство не стало [9, С.105]. Хотя, безусловно, в СССР была передовая фундаментальная наука, образование, культура; были прорывные, лидерские достижения в космической сфере. Отсюда, мнение А. Бузгалина, аналогичное предыдущему тексту: «В СССР развилось глубокое противоречие между прорывом в постиндустриальной, собственно социалистической сфере, и огромным отставанием в традиционной индустриальной, собственно буржуазной сфере» [10, С.57].

Сам рабочий класс так и не смог стать политическим «гегемоном» в стране², эту почетную роль уступил над-классовой партийной бюрократии. А, если прибавить сюда большую бедность советского населения по сравнению со странами Запада, то получается, что разрекламированный советский «развитой социализм», что по заверениям партийных вождей и пропагандистов якобы должен быть во всем выше и развитей капитализма, на деле таковым не является. А по целому ряду параметров в чем-то, ниже, ущербнее третируемого советской пропагандой западного капитализма³.

Наряду с теневыми элементами неизжитой частной собственности (теневой и спекулятивный бизнес), в стране сохранялась ее основа в виде наемного труда рабочих и колхозников с неизбежной продажей их рабочей силы нанятому им государству. А государство, здесь, по мнению К.Х Момджяна, выступало «в качестве интегративного частного собственника» [11, С.41]. По словам С. Кортунова: «Ликвидировав формы капиталистического отчуждения, коммунизм заменил их новыми, возможно более отвратительными, не преодолев отчуждения как такового» [12, С.163].

Соглашаясь с присутствием многообразного отчуждения в СССР, следует установить его принципиальную разницу с капиталистическим миром. Ведь в классовом отношении советское государство проводило социально-экономическую политику в интересах трудящегося большинства, а не меньшинства, как сегодня, в современной капиталистической России. Ведь та же, прибавочная стоимость, полученная государством, в целом, обратно возвращалась рабочим через государственные фонды в виде бесплатных квартир, бесплатного образования, медицины, льготных путевок в санатории и дома отдыха. Вот только к этому послевоенное общество стало быстро привыкать и требовать большего. С падением железного занавеса, для многих тысяч совграждан «открылся» капиталистический Запад, а в стране начался быстрый рост потребительских ожиданий людей, которых не могли удовлетворить коммунистические вожди в 70-80-е гг. Многочисленную интеллигенцию уже раздражала давящая и опекающая сила КПСС и государственных структур. Невыгодная для СССР разница в уровне жизни и степени политических свобод по сравнению с Западом, стало главным аргументом для деятельности антисоветски настроенных диссидентов и правозащитников. Однако это было уже в то время, когда советский социализм, ранее со спартанским отношением к собственности и к материальным благам, в кругах его элиты, столичных горожан всех национальных республик СССР, заразился всеобщим буржуазным потребительским

2 Вызывает большие сомнения в способности наемных рабочих, занятых рутинным нетворческим трудом к серьезному управленческому и творческому труду.

3 Так в СССР не была решена продовольственная проблема, и мы были вынуждены импортировать зерно.

культом. Что явно указывало на идейную инверсию советского социализма-коммунизма. Это и стало началом конца всего советского проекта.

**О метаморфозах марковского постулата:
«общественное бытие определяет сознание»
в позднем СССР**

Известный постулат Маркса: «общественное бытие определяет общественное сознание» в точности сбился в позднем СССР, но совсем не так, как это предполагали партийные и советские вожди и руководители. Если исходить из социальной практики, утверждаемой советским официозом, что в СССР было построено общество «развитого социализма», что предусматривало неизбежный и скорый переход общества на более высокий коммунистический уровень; то значит, что сознание советских граждан является глубоко социалистическим (или раннекоммунистическим), идейно-коллективистским, «правильным», с доминированием альтруистических форм поведения над эгоизмом, как учила советская пропаганда, то значит, все в стране в полном порядке. Социализм в соответствии с Марксом, Лениным построен, сознание граждан в СССР полностью ему соответствует. Значит, марксистский постулат «общественное бытие определяет общественное сознание»- соответствует действительности. Ведь постулат Маркса абсолютно верен, значит, верна и социальная практика в СССР!

Однако, откуда же тогда неискоренимая тяга многих советских граждан в 60-80-е гг. к лености в труде, халтуре, к выпивкам, к мещанству и «поклонению» западной буржуазной культуре, к всевозможным спекуляциям, хулиганству, уголовщине, и даже открытому национализму и антисоветизму? Почему в массе граждан так ничтожно мало альтруистов – пламенных коммунистов, корчагинцев, с «горящими глазами», готовых к самоотверженному коммунистическому труду, как учит партия и правительство? Почему все они живут в кино, но их нет в жизни! Налицо разрыв между серой практикой и красной идеологической картинкой, советским официозом! Это было очевидной проблемой для позднего СССР, руководители которого сами загнали себя в интеллектуальный тупик априорными и дежурными заклинаниями: о неизбежном крахе мирового капитализма и предопределенной победе коммунизма во всем мире.

Отсюда выход виделся один: заставить всех видеть вокруг жизнь, только сквозь определенную оптику, своеобразные идеологические очки, с коммунистическим фокусом, которые надевались всем, буквально с детско-

го сада. Затем очки менялись, в соответствии с возрастом повзрослевшего ребенка: школьник, юноша, молодой человек и т.д. В советских социальных науках также существовала своя оптика, но более высоколобая, для «продвинутых» ученых пользователей.

В СССР сложился жесткий и тотальный идеолого-партийный контроль над описанием жизни советского общества и государства. Общественные науки изучали советское общество, труды К. Маркса, В. Ленина и теорию «научного коммунизма» в строгих рамках официального дискурса с канонизированным языком, что оформился во времена Сталина и в более позднее время. По словам исследователя А. Юрчака, в позднем СССР, сформировалась особая символическая система, называемой им «авторитетным языком», в основе которой «было не создание как можно более точного описания реальности, а создание ощущения того, что публично описывать реальность можно было только в таких символических формах» [13, С.91]. При этом анализ советской общественной системы постоянно сверялся с трудами классиков марксизма-ленинизма (которые как известно не оставили подробного описания социализма и коммунизма), а не изучались непосредственно исследователями⁴. Отсюда социальную реальность не столько осмысливали, описывали, такой какая она была, а такой как она подавалась в жестко идеологизированном стандарте составленном сначала партийными вождями⁵, а затем целой армией идеологических работников-пропагандистов. Другими словами, реальность растворяли в канонизированной пропагандой псевдореальности, Это неизбежно приводило к опасному отрыву социальной практики от официальной теории, вернее квазитеории, в виде схоластического и идеологизированного продукта под названием «марксизм-ленинизм»⁶.

В позднем СССР все социально-гуманитарные дисциплины, находились под неусыпным и всепроникающим контролем партийных органов. Тотальность партии над государством и обществом означали тотальность идеологии⁷ над наукой и образованием. В этом была и сила и слабость советской общественной мысли. Сила ее проявлялась в период чрезвычайных обстоятельств (война), когда требовалась предельная мобилизация всего общества. Но откровенная слабость была тогда, когда было необходимо без аврала решать текущие проблемы и противоречия развития страны. В то время, как и философия, и социология, и история, не столько изучали реальное советское общество со всеми его проблемами, сколько занимались браваурной апологетикой существующего режима и господствующей идеологии. «Жесткая

4 Более глубоко и без прикрас советское общество «изучалось» только в системе КГБ.

5 При этом сами кремлевские вожди (после Сталина) речей не писали. За них это делали советские «спичрайтеры».

6 Абсолютно далеких от самих авторов: Маркса, Энгельса, Ленина.

7 Эта тотальность явно носила религиозный характер, вернее квазирелигиозный.

идеологическая цензура стала непреодолимым препятствием для проведения открытых теоретических дискуссий о перспективах социализма в стране и в мире» - как свидетельствует коллектив исследователей [14, С.204].

Языком «научного коммунизма», языком пропаганды, плаката, формировался канон, идеальный тип «советского социализма», «советской экономики», «советской демократии», «советского общества», «советского человека». Однако этот канон считавшийся «реальным» и изучаемый в школе, вузе, на производстве, был бесконечно далеким от действительности, самой жизненной реальности.

В СССР тотальный идеологический пресс буквально сковал все социальные науки, опутал их сложным методо-схоластическим языком советского марксистско-ленинского дискурса («марксизм-ленинизм», «пролетарский интернационализм», «развитой социализм», «народ и партия – едины!» и т.д.), заставлял их не реагировать на реальные проблемы, а описывать в строгом соответствии с глянцевым канонем. А главный теоретический компас страны – «научный коммунизм» был таковым лишь по названию. По свидетельству ряда перестроечных исследователей, научного в нем ничего не было, поскольку «научный коммунизм» творил фантастические идеологические мифы из ничего, и потому его можно отнести целиком к сфере мифоидеологии [15, С.509-513]. Но тех исследователей кто так считал, или кто пытался выйти за пределы установленного понимания действительности – подвергался в лучшем случае обструкции.

Все это, безусловно, убивало исследовательский свободный поиск. Превращало доцентов и профессоров социальных наук в особых квазирелигиозных толкователей псевдодействительности, «страны Зазеркалья», страны «развитого социализма». Вот только такой эталонной страны, где все «от съезда к съезду» все шло лучше и лучше, не было в действительности. Зато такая беспроблемная страна царил на экране советского телевидения, в литературе, в радужных описаниях толкователей «диамата» (диалектического материализма) и «истмата» (исторического материализма), советских псевдонаук. Неудивительно, что «развитие общественных наук в СССР с их «застывшей методологией» привело к тому, что ученые не смогли дать ответы на многие практически важные вопросы и способствовать тем самым решению в кризисные 1980-е гг. реальных социальных и экономических проблем» [16, С.34].

Внешне повседневная жизнь советских граждан сильно отличало их от всех стран капиталистического мира. Поскольку реально существовал тип «советского человека» и «советская цивилизация» с ее специфическими

базовыми ценностями (идейный коллективизм, советский патриотизм и т.д.). Однако, несмотря на всеобщие мобилизационные социальные практики советских людей, контроля со стороны партийных и государственных органов, КГБ, идеологической накачки и коммунистической системы воспитания начиная с детсада и кончая взрослым производственным коллективом, несмотря на дежурные заявления граждан о верности партии и правительству на всех политзанятиях и собраниях коллективов, массовое общественное сознание сильно отставало от канонизированного, плакатного мифа-образа настоящего «советского человека». К тому же ушел в прошлое страх массовых репрессий. Недолго просуществовал и коммунистический энтузиазм хрущевской «оттепели». И, реальная частная жизнь граждан буднично потекла в ритме явно несоциалистическом, или малосоциалистическом, больше смахивающий на жизнь и быт конформистов и мещан, которых так клеймили на комсомольских собраниях и партсобраниях. По мнению, Юрчака, подавляющее большинство «нормальных граждан» (не активистов), разделяя на словах все коммунистические лозунги, совсем не разделяли их на практике. Для них коммунистические идеалы давно стали «скучными» и «неинтересными». И они, живя среди непрерывных демонстраций, плакатов, лозунгов, собраний, умудрялись при этом существовать в состоянии «внезаходимости» к доминирующему, ритуализированному «авторитетному дискурсу», официальному советскому языку [13, С.553-583]. Большинство советских людей в позднем СССР были как раз именно те самые «нормальные» граждане, что жили как бы в двух мирах: официальном, ритуальном и даже в какой-то степени фантастическом⁸ и мире реальном. Причем в мире реальном, они давно жили по другим убеждениям и принципам (по сути своей мелкобуржуазно-потребительским). Они научились с комфортом для себя, чтобы от них отстали активисты и контролеры, просто имитировать коммунистическо-советские символы и практики. Все оказалось гораздо проще. Надо лишь быть регулярно на комсомольских и трудовых собраниях («у всех на виду»), повторять дежурные лозунги и правильно голосовать. И все. И от тебя отстанут. И при этом жить своей, другой, возможно совсем не коммунистической жизнью.

Возникает вопрос, почему в позднем СССР, несмотря на обилие внешних признаков, в повседневной жизни так мало было настоящей социалистическо-коммунистической практики? Причиной тому были в массе неизжитые досоциалистические отношения и уклады жизни, частнособственнические инстинкты и сопутствующий им эгоизм и индивидуализм.

Другими словами, далеко не коммунистическое по факту жизненное бытие советских граждан и воспроизводило у них докоммунистические формы сознания, мо-

8 Где было «правильное» «словоговорение» и «правильные» коммунистические ритуалы.

рали и поведения. В точности по каноническому марксизму - «общественное бытие определяет сознание». Однако признаться в том, что социализма, (причем «развитого») в стране полностью не удалось построить, что СССР застрял в длительном переходном этапе к нему, на это советские вожди позднего СССР пойти не могли. Они и сами изучали советское общество и государство по плакатному канону «марксизма-ленинизма» с его полурелигиозным, ритуализированным языком и поэтому слабо разбирались в действительности. О чем свидетельствовало парадоксальное признание Ю. Андропова в 1983 г.: «мы недостаточно знаем общество, в котором живем».

Но здесь не может быть и речи о массовом антисоветизме и антикоммунизме. Открытых антисоветчиков и антикоммунистов было жалкие сотни людей на всю страну- диссиденты. Советские «нормальные граждане» в массе своей были искренними патриотами своей страны и верили, что живут в лучшей стране мира, как их учили со школьной скамьи. Но рядовая «советскость» отнюдь не тождественно «социалистичности» и высоким идеалам коммунизма. Вовсе нет. Она была лишь тождественна выдрессированным мобилизационными практиками коллективных и псевдорелигиозных действий: шествий, лозунгов, речей, клятв, фраз, которые были умелой имитацией советской жизни. Поскольку большего, в условиях сохранения раннеиндустриального бытия, с огромной долей физического труда, отсутствием реальной рабочей демократии и мифологическим обожествлением вождей, достигнуть в СССР было просто невозможно. Нельзя было прыгнуть выше головы в коммунизм, когда постиндустриальных материально-технических условий для него еще не было.

То, что лавинообразное количество ритуальных коммунистических лозунгов, пропаганды, роста числа членов КПСС, не переходит в коммунистическое качество в 70-е гг. отчетливо видно, не только по повсеместно возросшей мелкобуржуазной культуре потребления, но и по росту буржуазного национализма во всех республиках СССР. Именно в 70-е гг., ранее господствующая и первичная интернациональная советская идентичность («я советский») перекрывается первичной этнонациональной идентичностью: «я литовец», «я украинец», «я грузин», «я русский» и т.д. [17, С.185-186]. Налицо был кризис интернациональной советской парадигмы, который власти всячески маскировали бравурными речами с высокой трибуны о том, что в СССР национальный вопрос «окончательно решен». В то время, как, по словам зампреда КГБ СССР Филиппа Бобкова: «Трудно назвать такую республику СССР, где не возникали бы национальные проблемы, грозившие перерасти в международные конфликты. Однако серьезно заниматься этим делом никто не желал, жили в какой-то необъяснимой эйфории идеального благополучия. Всем хотелось видеть картину абсолютного единодушия, полного согла-

сия всех племен и народов, и желание это выдавалось за истину, причем отбрасывались в сторону вопросы, требовавшие немедленного решения» [18, С.307].

Наблюдались и другие различные социальные девиации, порожденные так и не преодоленными стадийными различиями между более развитыми республиками Прибалтики, Украины, центральных городов СССР и южными республиками Кавказа и Средней Азии, где явно в обществах сохранялись неизжитые феодальные и даже дофеодальные родовые отношения с доминирующим религиозным сознанием. Впрочем, советская пропаганда называла эти многочисленные социальные и семейно-бытовые отношения всего лишь незначительными пережитками «проклятого прошлого», «родимыми пятнами». И их откровенно замалчивали, рассчитывая, что эти проблемы «сами рассосутся» через пропагандистскую накачку и производственные отношения.

Парадоксально, несмотря на все технологические достижения и высокий марксистский рационализм, в массе своей сознание советских людей позднего СССР сохраняла знаковые черты мифологического, полурелигиозного. Собственно сама коммунистическая идеология, так легко прижилась в крестьянской России, как верно заметил еще Н. Бердяев, потому, что она стала во многом светским заменителем православия [19]. По словам политолога Н. Загладина; «именно большевистская идеология, особенно в подкорректированном И.В. Сталиным виде, в наибольшей мере отвечала глубинным, по сути, средневековым стереотипам сознания, сохранявшимся у широких народных масс российского населения» [20, С.21]. В дальнейшем компартия с помощью современных технологий и тотальной и изоцированной агитации и пропаганды целой армии коммунистических жрецов-вероучителей всемерно насаждала единственно «верное учение», пусть даже сугубо атеистическое. Но атеизм коммунистической доктрины, по словам С. Кортунова, был, по сути «религиозным суррогатом» дискредитированного православия [12, С.142]. Зато только в полурелигиозной и мифологической форме подачи коммунистической идеологии в массы (особенно в виде обожествления умерших вождей и поклонения живущим), оно работало довольно эффективно! Но как только советская система разрушилась, исчез сопутствующий ей «марксизм-ленинизм», то традиционная религия вернулась на свое почетное место. В формационно-стадийном отношении, невысокая гибридная модель где-то индустриального, а где-то раннеиндустриального советского социализма, не позволяла сформироваться высокому/зрелому социалистическому сознанию.

Основные противоречия советской общественной модели

Любое государство и общество следует анализиро-

вать, в их непрерывном развитии и соотношении векторов повышающих уровень сложности и качественного развития общества (социальный прогресс) и векторов их понижающих – (социальный регресс). Отсюда любой период советской истории, будь то года НЭПа, сталинского периода, хрущевской оттепели, горбачевской перестройки, будет сильно отличаться от предшествующих периодов и этапов и своими особенностями и своими достижениями и своими утратами.

Сталинский период, несмотря на все его чудовищные социальные издержки, был периодом наивысшей динамики и качественного роста советской системы и вектора социализма в целом, пусть и в явно деформированной жестокостями сталинизма социальной сферы. «...Никакая другая система ни в России, ни в мире не обеспечила такие темпы экономического, социального, культурного развития, такую степень равенства и справедливости, какие были достигнуты в рамках сталинской модели социализма» [21, С.86]. Также очевидно, что накануне своего краха СССР достиг своего максимума во всех практических областях жизнедеятельности, особенно в сфере социальной политики и культуры. Вот только количество не всегда переходит в совершенное качество.

Наиболее ярко это видно по советской элите. С высоты времени видно, что со времени революции 1917 г. советская элита все время обновляясь и росла, при этом качественно все более и более вырождалась. Большевистских героев революции, сменили сталинские «солдаты партии», готовые бездумно выполнять приказы вождей. Но эти сверхэнергичные назначенцы, работали и за страх и за совесть. Но больше из-за чувства страха, разлитого по всем социальным этажам сталинской эпохи. Несмотря на все массовые преступления (сотен тысяч невинно погибших в ГУЛАГе) сталинского времени, эта эпоха была удивительным сочетанием социального оптимизма, веры в коммунизм, удивительного героизма и откровенного злодейства. Чего не скажешь о последующих периодах советской истории. Особенно брежневского периода. В ней бывшие наследники Революции, великих побед 30-40-х гг., представляли собой (за небольшим процентом энтузиастов) бесцветный ряд серых исполнителей, мещан-карьеристов. Наконец, начали образоваться партноменклатурные династии, превращаясь в замкнутые (в самом себе) и практически закрытые корпорации для самого народа. Социальные лифты для талантливых представителей самого народа в средние и высшие кадровые этажи КПСС перестали работать, хотя численно компартия увеличила свои ряды (свыше 18 млн.). Количественный состав партийных «билетоносителей» и «карьеристов», все время подавлял и размывал ее качественный слой - настоящих коммунистов, для которых фразы «Революция», «Ленин» и «Коммунизм» были не пустыми словами. Вот только они, будучи в глазах большинства «белыми воронами», в самой

партии «погоду» уже не делали. Там давно уже царили серые карьеристы и обуржуазившиеся партократы. Откровенное обуржуазивание верхов подало пример и социальным низам. «Мещанство постепенно побеждает на всех уровнях социальной лестницы, оно оказывает все более разлагающее влияние на общество и его идеалы» [14, С.203].

«Общепартийная» собственность в 70-е гг. все более превращалась в корпоративную и по существу частную. «Лица, распорядившиеся от имени государства так называемой государственной собственностью (чиновники всех уровней), нередко выступали уже в качестве ее реальных владельцев» - отмечает В. Пастухов[3]. На практике это означало, что члены единого правящего слоя - партхозноменклатуры, по факту распорядившиеся общепартийной собственностью становились все более и более независимыми от государства. Одновременно с этим процессом и государственная природа собственности в СССР, стремительно перерождаясь в корпоративно - частную, считалась государственной лишь условно. «Партийно-государственная номенклатура к 1980-м замкнулась в своеобразную касту, где царили корпоративные интересы. Возникали злокачественные социальные образования, объединявшие партийных работников, цеховиков и торговых работников. На уровне народа было осознано отчуждение от принятия решений, как на уровне страны, так и на уровне конкретного предприятия, так что сильных стимулов для развития экономики у работников тоже не было» [22, С.23]. Не удивительно, что сдерживается развитие государственной и общественной жизни, а страна вползает в стагнацию. И в конце 1970-х годов она вступила в стадию глубокого системного политического кризиса (даже несмотря на то, что экономика все-таки развивалась), что, естественно, повлекло за собой кризис всей государственной системы. По словам исследователя, «эпоха «застоя» показала, что эпоха трансформаций может порождать не только прогрессивные, но и реверсивные траектории социальной эволюции. Реверсивная эволюция, путь в болото тупика обеспечивают квазистабильность и квазиблагополучие, чреватое крахом - такова плата за отказ от прогресса»[23, С.267].

И это при том, что социалистический вектор развития все время шел параллельно с антисоциалистическим вектором, жестко конкурируя с ним. В позднем СССР значительно выросли государственные вложения в социальную сферу; советский кинематограф, советская литература и искусство создавали первоклассные художественные произведения, в которых коммунистические идеалы вдохновляли на коммунистическую жизнь советских граждан намного эффективнее и лучше, чем это делали скучно-унылые официальные речи и книги партийных и советских деятелей, штатных пропагандистов. Вот только в борьбе за умы и сердца советских граждан

коммунистическая идея в позднем, уже городском СССР явно стала проигрывать буржуазной, рыночно-потребительской культуре [22, С.39]. Или, по словам А. Бузгалина, она «постепенно отмирала в душной атмосфере «застоя» [24, С.267]. Такова была сложная количественно-качественная диалектика социалистического - несоциалистического в СССР.

В общем, кризис советской системы имел объективный идейно-политэкономический характер. В позднем СССР уже наличествовали многообразные буржуазные отношения: существуя либо в теневой сфере производства (теневики), либо в самой ведомственно-клановой структуре советских управленческо-производственных отношений, замаскированных звонкой, но пустой партийно-коммунистической риторикой.

Логика развития такого гибридного социалистическо-буржуазного общества неизбежно вела к полному изживанию-устранению советско-социалистических отношений, во всем мешавших дальнейшему развитию скрытых в обществе капиталистических отношений. Причем в этом уже была кровно заинтересована господствующая партхозноменклатура. Ведь, для того, чтобы стать частным собственником и полноценным владельцем управляемой «общенародной собственности», номенклатуре необходимо было уничтожить ту самую социалистическую собственность и соответствующую ей государственную надстройку, которые в течение десятилетий составляли основу ее господства. Ради своей собственности следовало уничтожить советскую государственность.

Исход битвы между сторонниками обновления социализма («демократический социализм») и его многочисленными противниками решила Перестройка 1985-1991 гг. [25]. В ней, по одну сторону баррикад оказываются реакционные партократы, стремящиеся, во что бы то ни стало сохранить отживающую государственную систему. По другую сторону - «рыночники- демократы»- буржуазные «перерожденцы» в партии, такой же узкий радикально-оппозиционный слой, стремящийся к уничтожению ненавистной им государственности⁹. «Коммунисты-демократы», опираясь на образованную часть общества (интеллигенцию) мастерски и по всем статьям переиграли партийных ортодоксов, став победителями в той битве. После чего сразу конвертировали свои хлебные должности в частную собственность. Или приватизировали всю общенародную собственность себе - став полноценными капиталистами.

«Глубинный» советский народ был против краха социализма и распада СССР (о чем свидетельствовали результаты референдума 17 марта 1991 г.), но историю совер-

шают не просто огромные и неорганизованные массы, а часто меньшинство, хорошо организованное и заряженное на победу. Таким меньшинством стало либеральная часть общества, руководимая исторгнувшими советский марксизм партноменклатурой во главе с Ельциным.

Заключение

Советская цивилизация поражает своей величием и грандиозностью исторических свершений, которые и по сей день вызывает национальную гордость у нашего народа. Вот только ее коммунистическое содержание справедливо вызывает острую полемику среди исследователей. На деле, советский вариант государственного социализма представлял собой удивительный общественный гибрид, в котором были смешаны все не ликвидированные предыдущие досоциалистические уклады и отношения, при активно развивающемся все годы советской власти социалистическом векторе развития. Среди них были и пережитки феодализма, капитализма и азиатского способа производства, что выливалось в соответствующие для них формы сознания, с которыми безуспешно боролась советская идеология. С другой стороны, им противостоял и с ними конкурировал социалистический плано-общественный сектор, с господствующей коммунистической идеологией и советской социалистической культурой и новым коммунистическим бытом. Вот только социалистический уклад и в экономике и в социальных отношениях и в культуре и быту, значительно уступал всем досоциалистическим и псевдосоциалистическим отношениям, лишь паразитировавшим на шумной коммунистической идеологии. И тем не менее, именно этот, в масштабах общества недостаточный социалистический и во многом надстроечный вектор развития оказался невероятно продуктивным. Именно он и вывел отсталую ранее страну на многие лидирующие позиции. Однако это не смогло удержать от реставрации капитализма в стране, где в силу процессов урбанизации, общекультурного развития общества, появился массовый запрос на более демократические формы управления обществом, чем то, что могла предложить стремительно деградировавшая партия КПСС в последние десятилетия СССР. Отказ от сталинской модели тоталитарного социализма, ранее сверхэффективного в модернизации страны, стал неизбежен в позднем СССР, где общество стало более городским и образованным. Горожане и интеллигенция уже не нуждались в строгой и всеохватывающей опеке со стороны партийных структур. Зато партаппарат страшился потерять былой контроль над массами. Наконец, партноменклатура, утратив былой страх перед вождями, утратив веру в коммунистическую идею, клюнула на привлекательные буржуазные ценности, закулилась в узких ведомственно-клановых интересах, стала стремительно освобож-

9 Презиравшими «совок» и смотревшими с вождением в сторону капиталистического Запада.

дать себя от ответственности за судьбу страны в коммунистическом векторе развития, и тем самым ослепила и оглушила общество лицемерной болтовней о скорой победе коммунизма. Позднесоветское общество было развращено чрезмерной, шумной и лицемерным пропагандой, уходя от них в частную малосоциалистическую жизнь. А в самом обществе коммунистические идеалы тонули в море буржуазных потребительских ценностей.

Все это указывало на системный кризис советского реального социализма, из которого, однако был положительный выход. Отсюда никакой предопределенности в крахе коммунистическо-советского проекта не было. Крах великого советского творческого проекта - СССР в годы Перестройки случился во многом благодаря неверной стратегии и тактики перестройщиков, благодаря субъективному фактору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавка Л.А. Советская культура как идеальное СССР (100-136)//СССР: Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
2. СССР. Конституция (1977).М.: Политиздат, 1977- 127, [17] с. илл.
3. Пастухов В. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М. ОГИ. 2012. [Электронный ресурс] – Адрес доступа: <https://coollib.net/b/518789/read> (дата обращения 19.12.2022).
4. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф. 1994. 495 с.
5. Багатурия Г.А. К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества(165-212)// Социализм-21: 14 текстов постсоветской школы критического марксизма.- М., Культурная революция, 2009.- 720 с.
6. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. - Политическая литература. М.1970. Т.44.- С.144-152.
7. Ленин В.И. «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова» (379-382). Полн. Собр. соч.-Политическая литература. М.1970. Т.45.
8. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время : монография : В 2 т. / Г.И. Ханин; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – 516 с.
9. Вильчек В.М. Алгоритмы истории.-М.: Аспект Пресс, 2004.- 219 с.
10. Бугалин А.В. Экономико-политическая система СССР: достижения, противоречия и уроки для социализма будущего (55-69)//Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
11. Момджян. К.Х. Было ли советское общество социалистическим? [Электронный ресурс] – Адрес доступа: <http://socis.isras.ru/files/File/2021/12/Momdzhyan.pdf> (дата обращения 19.12.2022).
12. Кортунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.- 589 с.
13. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 4-е изд.- М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.
14. Шевченко. В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Современные проблемы российского государства. Философские очерки.- М.: Прогресс-Традиция, 2015.- 464 с.
15. Платонов С. После коммунизма. Кн., не предназнач. для печати. - 2-е изд.; Второе пришествие.: Беседы.- М.: Молодая гвардия. 1991.- 555 с.
16. Кирдина-Чэндлер С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез-тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) (27-36)// Социологические исследования. 2021.№12.
17. Бакланов В.И. Советский этнонационализм против советского интернационализма (182-187). III Международная научно-практическая конференция посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские гуманитарные чтения) Сборник материалов. М. 13 мая. 2022 г.
18. Бобков Филипп. КГБ и власть. М. «Ветеран МП». 1995.
19. Бердяев Н. Истоки и Смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.- 224 с.
20. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. Отв. ред.: Лапкин В.В., Пантин В.И. М., ИМЭМО РАН, 2004, 171 с.
21. Апрышко П.П. Советский социализм: по Марксу, Ленину, Сталину (65-87)/Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России. 2-е изд., доп./ Авт. Кол.: П.П. Апрышко и др.-М.: Мир философии, Алгоритм, 2021.-607 с.
22. Кононов И.Ф. И все же – катастрофа! Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол). Социологические исследования. № 12. 2021.
23. Бакланов В.И. Формационно-цивилизационные особенности модернизации России XX век - начало XXI века. Обозреватель- OBSERVER. 2019. №1 (348) С.34-42.
24. Бугалин А.В. Потенциал «оттепели» и тупики «развитого социализма» (255-267) //СССР: Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
25. Бакланов В.И. Перестройка и крушение СССР в междисциплинарно-синергетической версии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 5.-С.6-15. <URL:<http://elib.fa.ru/art2022/bv776.pdf>

© Бакланов Вячеслав Иванович (VIBaklanov@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА КАК ФАКТОР КАРЬЕРЫ

Бондаренко Сергей Яковлевич

к. и. н., доцент, Вологодский институт права и
экономики ФСИИ России
bond5j4@yandex.ru

EDUCATION OF PROVINCIAL BUREAUCRACY AS A CAREER FACTOR

S. Bondarenko

Summary: The article examines the influence of education as a factor of career growth of provincials of the European North in the early 1940s – early 1950s. The study of the importance of the level of education in the career of provincial bureaucracy in the war end post-war periods of activity at the local and regional levels of government was conducted.

Keywords: power, state, party and Soviet nomenclature, bureaucracy, state apparatus.

Аннотация: В статье рассматривается влияние образования как фактора в карьерном росте провинциального чиновничества Европейского Севера в начале 1940-х – начале 1950-х годов. Проведено исследование значения уровня образования в карьере провинциального чиновничества в военный и послевоенный периоды деятельности на местном и региональном уровнях власти.

Ключевые слова: власть, государство, партийная и советская номенклатура, бюрократия, государственный аппарат.

В 1940-е годы образование приобретает все более заметное значение в карьерном росте провинциальных чиновников. Этому способствовала проводимая центром политика, которая была направлена как на повышение уровня общего образования всего населения в целом и руководящих работников в частности, так и на повышение квалификации госслужащих на курсах подготовки и переподготовки руководящих партийных и советских работников.

Основная масса статистической отчетности и сводных данных, отражающих уровень общего образования местного чиновничества, содержит сведения о количестве работников, имеющих высшее, незаконченное высшее, среднее, незаконченное среднее (семилетняя школа) и начальное (четырёхлетняя школа) образование. Исключение составляют материалы статистических отчетов о составе работников облизполкомов, горсоветов, райсоветов и сельсоветов на 1 января 1941 года, о составе руководящих кадров и специалистов обкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) на 1 января 1941 года, а также данные о составе и сменяемости руководящих кадров партийных и советских органов на 1 января 1943 года. В отчете о составе работников облизполкомов, горсоветов, райсоветов и сельсоветов учитывались работники с высшим, средним и начальным образованием. В отчете о составе руководящих кадров и специалистов обкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) содержатся сведения о количестве работников с высшим, средним специальным, средним общим, незаконченным средним и начальным образованием, отдельной графой выделялось количество работников, не имевших специального образования. В отчете за 1943 год содержатся сведения о количестве работников с высшим образованием, в том

числе получивших квалификацию инженера, а также о работниках с незаконченным высшим, со средним, с незаконченным средним и начальным образованием.

В статистической отчетности о составе председателей сельсоветов в начале 1950-х годов помимо информации об общем образовании содержатся данные о политическом образовании сельских чиновников. Так, в отчете на 1 января 1951 года представлены данные о количестве работников с высшим и незаконченным высшим партийно-политическим образованием, в том числе окончивших 2-х годичные партийные школы, со средним партийно-политическим образованием, в том числе окончивших 2-х годичные курсы марксизма-ленинизма, а отдельной графой показаны сведения об общем количестве работников, имеющих партийно-политическое образование [1]. В единовременных сводках и справках об образовании отдельных групп руководящих работников содержится информация о политической подготовке и количестве чиновников, закончивших комвузы, совпартшколы, партийные и курсы советского строительства, однако эти сведения носят фрагментарный характер и могут использоваться лишь в качестве иллюстрации к характеристике политического образования местного чиновничества. В таких источниках, как личные дела, биографии, поименные списки ответственных работников партийно-советского аппарата помимо образовательного уровня встречается конкретная информация о том, какое учебное заведение и когда закончил чиновник и какую специальность получил в результате обучения.

В 1940-е годы в составе председателей областных исполкомов преобладали чиновники со средним и выс-

шим образованием. Незаконченное среднее образование имел лишь М.А. Огарков, председатель Архангельского облисполкома в 1939-1942 годах[2].

По состоянию на 1 января 1941 года Вологодский облисполком в целом был укомплектован на 14,6% работниками с высшим образованием, 41,4% чиновников имели среднее образование, а 43,9% составляли группу сотрудников с низшим образованием[3]. В составе заведующих отделами и начальников управлений Вологодского облисполкома доля работников с высшим образованием составляла 15,7%, со средним – 31,5%, а с низшим – 52,6%. Среди чиновников Архангельского облисполкома на этот же период доля работников с высшим образованием составляла 38,6%, что было в 2,6 раза больше, чем среди чиновников Вологодского облисполкома[4]. Доля работников Архангельского облисполкома, обладавших средним образованием, на 1 января 1941 года составляла 27,2%, с низшим – 34,0%[5]. В составе должностной группы заведующих отделами и начальников управлений Архангельского облисполкома 26,3% работников имели высшее образование, 21,0% – среднее и 52,6% – низшее. Из приведенных данных следует, что общий уровень образования чиновников Архангельского облисполкома накануне войны был несколько выше, чем среди работников Вологодского облисполкома.

За годы войны образовательный уровень чиновников облисполкомов повысился. Так, по состоянию на 1 января 1945 года в Вологодском облисполкоме доля работников с высшим образованием составляла 26,1%, со средним образованием – 52,3%, а с низшим – 21,4%[6]. В Архангельском облисполкоме доля чиновников с высшим образованием на этот же период составляла 39,2%, со средним – 45,0%, а с низшим – 15,6%[7]. Таким образом, некоторое преимущественное положение в уровне образования среди чиновников Архангельского облисполкома по сравнению с Вологодским в годы войны сохранилось. В то же время, число работников с высшим образованием в составе чиновников Вологодского облисполкома, по сравнению с 1941 годом, увеличилось на 22,8%, а в Архангельском облисполкоме увеличение чиновников с высшим образованием составило 15,0% и со средним образованием – 47,9%. При этом уменьшение числа чиновников с начальным (низшим) образованием за годы войны в облисполкомах двух северных областей произошло в 2 раза.

В послевоенные годы процесс уменьшения доли работников облисполкомов с низшим образованием продолжался: на 1 января 1953 года в составе чиновников Вологодского облисполкома низшее образование имел лишь один сотрудник (2,1%), 3 сотрудника (6,3%) обладали незаконченным средним образованием[8]. Помимо этого, 15 работников (31,9%) облисполкома имели выс-

шее образование, 8 человек (17,0%) имели незаконченное высшее образование, а 20 сотрудников (42,5%) имели среднее и среднее специальное образование[9].

В составе должностной группы заведующих отделами и начальников управлений облисполкомов к началу 1950-х годов около половины работников обладали высшим и незаконченным высшим образованием. Так, среди заведующих отделами и начальников управлений Архангельского облисполкома на 1 января 1950 года более 51% работников имели высшее и незаконченное высшее образование. В этой же должностной группе Вологодского облисполкома на 1 января 1953 года высшим и незаконченным высшим образованием также обладали около 50% сотрудников.

Завершая анализ состава руководящих работников облисполкомов по уровню образования, необходимо отметить, что к началу 1950-х годов их образовательный уровень значительно вырос по сравнению с началом 1940-х годов, а участие во власти на областном уровне чиновников с начальным и незаконченным средним образованием существенно сократилось.

Образовательный уровень областных партийных чиновников в начале 1940-х годов был ниже, чем в аппаратах облисполкомов. Так, на 22 июня 1941 года в составе кадров Архангельского обкома ВКП(б) доля работников с высшим образованием составляла 22,6%, со средним – 32,0%, с низшим – 45,2%[10]. За годы войны образовательный уровень ответственных работников обкомов партии несколько повысился. Так, по состоянию на 1 января 1943 года доля работников Архангельского обкома ВКП(б) с высшим образованием составляла 25,2%, с незаконченным высшим – 1,8%, со средним – 31,7%, с низшим и незаконченным средним – 41,1%[11]. На 1 января 1946 года в аппарате Архангельского обкома с высшим образованием было 23,0% сотрудников, со средним – 37,4%, с незаконченным средним и низшим – 39,5%[12].

В повышении образовательного уровня среди партийных чиновников обкомов не последнюю роль играло привлечение на руководящие должности посредством “перебросок” партийных работников с более высоким уровнем образования из горкомов и райкомов партии. Так, в декабре 1941 года в Вологодский обком ВКП(б) на должность секретаря обкома по кадрам был перемещен П.В. Анисимов, имевший незаконченное высшее образование, до этого работавший первым секретарем Череповецкого горкома ВКП(б).

В послевоенные годы тенденция увеличения уровня образования партийных чиновников обкомов сохранялась и в начале 1950-х годов число работников, обладавших высшим и средним образованием существенно увеличилось. Так, на 1 января 1953 года среди чиновников

Архангельского обкома КПСС доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 60,1%, со средним – 28,1%, с незаконченным средним и низшим – 11,6%[13]. Таким образом, по сравнению с 1943 годом увеличение числа работников Архангельского обкома партии с высшим и незаконченным высшим образованием произошло в 2,2 раза, при этом уменьшение числа работников с начальным и незаконченным средним образованием произошло в 3,5 раза[14].

Среди заведующих и заместителей заведующих отделами Архангельского обкома партии в период с 1943 по 1953 годы увеличение доли работников с высшим и незаконченным высшим образованием произошло в 2,1 раза, а среди инструкторского корпуса – в 2,2 раза[15]. В Вологодском обкоме КПСС на 1 января 1953 года среди заведующих и заместителей заведующих отделами доля работников с высшим образованием составляла 84,1%, со средним – 15,7%, а представительство сотрудников с начальным и незаконченным средним образованием отсутствовало. Среди инструкторского состава Вологодского обкома КПСС доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием на 1 января 1953 года составляла 54,8%, со средним – 35,2%, с низшим и незаконченным средним – 9,7%[16]. В Архангельском обкоме КПСС на этот же период среди инструкторского состава доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 57,0%, со средним – 30,1%, с низшим и незаконченным средним – 12,6%.

Таким образом, уровень образования партийных чиновников обкомов партии в изучаемый период существенно повысился, а в начале 1950-х годов стал превышать уровень образования чиновников аппаратов облисполкомов.

Уровень общего образования советских чиновников районного звена в начале 1940-х годов значительно уступал областному. Так, в райисполкомах Архангельской области на 1 января 1941 года работало 78,2% сотрудников с низшим образованием, 19,4% имели среднее образование и только 0,5% – высшее[17]. Среди чиновников райисполкомов Вологодской области на этот же период 80,0% работников имели низшее образование, 20% – среднее, а высшее образование никто из сотрудников РИКов не имел[18]. Несколько выше уровень образования был среди работников горсоветов. Так, в горсоветах Вологодской области на 1 января 1941 года доля работников с начальным образованием составляла 60,0%, со средним – 37,1%, с высшим – 2,8%[19]. Среди работников горсоветов Архангельской области на этот же период доля сотрудников с высшим образованием составляла 2,6%, со средним – 34,2%, с начальным – 63,1%[20].

За годы войны уровень образования работников горсоветов и РИКов вырос, произошло заметное снижение

доли сотрудников с низшим образованием. На 1 января 1945 года в горсоветах доля работников с низшим образованием составляла 44,6%, со средним – 40,4%, с высшим – 14,8%[21]. Среди работников райисполкомов Архангельской области на этот же период доля сотрудников с низшим образованием составляла 54,9%, со средним – 40,9%, с высшим – 4,0%[22]. Таким образом, в период 1941-1945 гг. число сотрудников горсоветов Архангельской области, обладавших только начальным образованием, уменьшилось в 1,4 раза, а представительство работников с высшим образованием увеличилось в 5,6 раза, при этом число сотрудников горсоветов со средним образованием увеличилось на 6,2%. За этот же период в составе работников горсоветов Вологодской области число сотрудников с низшим образованием уменьшилось в 1,9 раза, со средним – увеличилось в 1,4 раза, с высшим – увеличилось в 2,8 раза. В составе чиновников райисполкомов Архангельской и Вологодской областей за годы войны число работников с низшим образованием снизилось в 1,4 раза, но качественное повышение уровня образования работников РИКов происходило, главным образом, за счет роста числа сотрудников со средним образованием, которое за 1941-1945 гг. увеличилось в 2,1 раза.

В послевоенные годы тенденция повышения уровня образования чиновников советских органов власти сохранялась. На 1 января 1953 года в составе руководящих работников горсоветов Вологодской области 16,4% сотрудников обладали высшим и незаконченным высшим образованием, доля сотрудников со средним образованием составляла 37,6%, с низшим и незаконченным средним – 45,8%[23]. В составе работников райисполкомов Вологодской области на этот же период доля сотрудников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 18,1%, что было несколько выше, чем среди работников горисполкомов, со средним образованием – 22,7%, с начальным и незаконченным средним образованием – 58,9%[24].

В составе председателей окружных, городских и районных исполкомов Советов в начале 1940-х годов преобладали работники с низшим образованием, доля чиновников со средним образованием была незначительна. Так, среди председателей гор-райисполкомов Архангельской области на 1 января 1941 года доля работников с низшим образованием составляла 86,2%, со средним – 11,7%, с высшим – 1,9%. Доля работников со средним образованием среди председателей гор-райисполкомов Вологодской области на этот же период была несколько больше и составляла 26,7%, а доля работников с низшим образованием составляла 73,2%. К 1943 году среди председателей РИКов Архангельской области 9,7% работников имели высшее образование, доля работников со средним образованием составляла 4,8%, с начальным и незаконченным средним – 85,3%[25]. На 1

января 1945 года слой чиновников с высшим и незаконченным высшим образованием среди председателей гор-райисполкомов Архангельской области составлял 7,0%, работников со средним образованием – 7,1%, подавляющее большинство – 85,7% – имели низшее и незаконченное среднее образование[26]. Среди председателей гор-райисполкомов Вологодской области на этот же период удельный вес чиновников с высшим образованием составлял 6,8%, со средним образованием – 40,9%, с низшим – 52,2%[27]. В целом по РСФСР на 1 января 1945 года доля работников с высшим образованием в составе председателей гор-райисполкомов составляла 5,9%, со средним образованием – 36,3%, с низшим – 57,6%[28]. Таким образом, уровень образования председателей горрайисполкомов Вологодской области в 1945 году был несколько выше, чем в целом по республике и существенно выше уровня образования председателей РИКов Архангельской области. Однако в начале 1950-х годов образовательный уровень председателей гор-райисполкомов в Архангельской области существенно повысился: по состоянию на 1 января 1953 года среди председателей РИК Архангельской области 7,1% работников имели высшее образование, 52,3% обладали незаконченным высшим образованием, 19,0% имели среднее образование, 21,4% – начальное и незаконченное среднее образование[29]. В составе председателей гор-райисполкомов Вологодской области на этот же период доля работников с высшим образованием составляла 20,0%, с незаконченным высшим – 31,1%, со средним – 26,6%, а с низшим и незаконченным средним – 22,1%. Таким образом, среди председателей городских и районных исполкомов Архангельской и Вологодской областей в начале 1950-х годов более половины работников имели высшее и незаконченное высшее образование, а доля работников с низшим образованием не превышала 10%.

В составе других ответственных работников исполкомов районных и городских Советов в начале 1940-х годов количество служащих с высшим и средним образованием было выше, чем среди вышестоящего руководства. Так, в должностной группе ответственных секретарей гор-райисполкомов Архангельской области на 1 января 1941 года доля работников со средним образованием составляла 21,5%, с низшим – 78,4%, тогда как среди председателей горрайисполкомов доля работников с низшим образованием составляла 86,2%, а со средним – 11,7%[30]. Среди ответственных секретарей гор-райисполкомов Вологодской области на этот же период доля работников с низшим образованием составляла 56,3%, со средним – 43,6%[31]. В то же время среди председателей гор-райисполкомов доля работников со средним образованием составляла 26,7%, с низшим – 73,2%[32]. В должностной группе заведующих отделами горрайисполкомов Архангельской области на 1 января 1941 года доля работников со средним образованием составляла 32,5%, с низшим – 65,8%[33]. Таким образом,

уровень образования секретарей и заведующих отделами гор-райисполкомов был выше, чем у председателей гор-райисполкомов. В начале 1940-х гг. в районных и городских исполкомах лишь уровень образования заместителей председателей несколько уступал уровню образования председателей. Так, среди заместителей председателей гор-райисполкомов Вологодской области на 1 января 1941 года доля работников с высшим образованием составляла 1,9%, со средним – 11,5%, а с низшим – 86,5%[34]. Среди заместителей председателей гор-райисполкомов Архангельской области на 1 января 1942 года среди председателей гор-райисполкомов доля работников с высшим образованием составляла 2,3%, со средним – 9,5%, с низшим – 85,7%[35]. Среди заместителей председателей гор-райисполкомов на этот же период доля работников со средним образованием составляла 7,6%, с низшим – 92,2%[36]. Однако уже к началу 1945 года среди заместителей председателей гор-райисполкомов доля работников с высшим образованием составляла 5,4%, со средним – 42,7%, с низшим – 51,8%[37]. В то же время среди председателей доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 7,0%, со средним – 7,1%, а с незаконченным средним и низшим – 85,7%[38]. Таким образом, в годы войны образовательный уровень заместителей председателей гор-райисполкомов улучшился и стал превышать уровень образования председателей гор-райисполкомов.

В послевоенные годы образовательный уровень председателей был выше уровня образования заведующих отделами, ответственных секретарей и заместителей председателей гор-райисполкомов. Так, на 1 января 1948 года среди заместителей председателей гор-райисполкомов Архангельской области доля работников с высшим образованием составляла 3,4%, со средним – 13,7%, с низшим и незаконченным средним – 82,7%[39]. В то же время среди председателей гор-райисполкомов доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 10,8%, со средним – 18,9%, с низшим и незаконченным средним – 70,2%[40]. На 1 января 1950 года среди заведующих отделами гор-райисполкомов Архангельской области доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 16,3%, со средним – 19,8%, с низшим и незаконченным средним – 63,7%; среди секретарей гор-райисполкомов доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 9,7%, со средним – 7,3%, с низшим и незаконченным средним – 82,8%; а среди заместителей председателей гор-райисполкомов доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 14,0%, со средним – 8,4%, с низшим и незаконченным средним – 77,4%[41]. В должностной группе председателей гор-райисполкомов Архангельской области на этот же период доля работников с высшим и незаконченным

высшим образованием составляла 21,9%, со средним – 21,9%, с низшим и незаконченным средним – 55,0%[42]. Таким образом, уровень образования руководителей исполкомов Советов был выше уровня общеобразовательной подготовки других ответственных работников гор-райисполкомов. Следовательно, во второй половине 1940-х и в начале 1950-х годов образовательный уровень первых лиц районных советских органов управления стал играть все более значимую роль при их назначении на руководящие должности и осуществлении карьеры.

Уровень образования ответственных работников райкомов и горкомов партии в начале 1940-х годов в целом сопоставим с уровнем образования чиновников гор-райисполкомов. Так, на 1 января 1941 года среди работников райкомов и горкомов ВКП(б) Архангельской области доля сотрудников с низшим и незаконченным средним образованием составляла 80,1%, со средним – 18,5%, с высшим – 1,4%[43]. Среди чиновников райисполкомов на этот же период доля работников с низшим образованием составляла 78,2%, со средним – 19,4%, с высшим – 0,5%[44]. К 1943 году среди чиновников гор-райкомов ВКП(б) Архангельской области доля работников с низшим и незаконченным средним образованием составляла 65,1%, со средним – 24,7%, с высшим и незаконченным высшим – 10,0%[45]. Таким образом, к 1943 г. количество ответственных партийных работников с высшим и незаконченным высшим образованием по сравнению с 1941 годом увеличилось в 7 раз, со средним – в 1,3 раза, при этом число работников с низшим образованием сократилось в 1,2 раза. Среди ответственных работников горрайкомов ВКП(б) Вологодской области в годы войны образовательный уровень был несколько выше: на 15 октября 1944 года доля сотрудников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 10,0%, со средним – 30,3%, с низшим и незаконченным средним – 59,5%[46]. Повышение образовательного уровня районных партийных работников продолжалось и в послевоенное время. Так, среди ответственных работников райкомов и горкомов ВКП(б) Вологодской области на 1 ноября 1947 года доля сотрудников с высшим образованием составляла 7,8%, со средним – 39,0%, с низшим и незаконченным средним – 53,1%[47]. К началу 1950-х годов уровень образования районных партийных работников значительно повысился и существенно сократилось число сотрудников с низшим образованием. Так, на 1 января 1953 года среди ответственных работников Ненецкого окружкома, горкомов и райкомов КПСС Архангельской области доля сотрудников с низшим образованием составляла 7,8%, с незаконченным средним – 17,7%, со средним – 25,3%, а с высшим и незаконченным высшим – 48,9%[48]. Таким образом, в начале 1950-х годов около половины состава районных партийных работников обладали высшим и незаконченным высшим образованием. При этом обра-

зовательный уровень районных партийных чиновников в начале 1950-х годов был значительно выше уровня образования чиновников райисполкомов.

В целом по стране из 13947 секретарей горкомов и райкомов ВКП(б), избранных в 1940 году, 1029 (7,4%) обладали высшим образованием, 3872 (27,8%) имели среднее и незаконченное высшее образование, а 9046 (64,8%) – начальное и незаконченное среднее образование[49]. Общеобразовательная подготовка секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Архангельской и Вологодской областей в начале 1940-х годов уступала этому уровню. Так, в составе секретарского корпуса горкомов и райкомов ВКП(б) Вологодской области к началу 1941 года 83,9% работников имели низшее и незаконченное среднее образование, 11,8 – среднее, 3,4% – высшее[50]. Среди секретарей Ненецкого окружкома, горкомов и райкомов ВКП(б) Архангельской области на 1 января 1941 года доля работников с низшим и незаконченным средним образованием составляла 75,7%, со средним – 22,7%, с высшим – 1,5%[51]. На 1 января 1943 года доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием среди секретарского корпуса горкомов и райкомов ВКП(б) Архангельской области составляла 10,6%, со средним – 16,7%, с низшим и незаконченным средним – 72,5%[52]. К началу 1945 года доля работников с низшим и незаконченным средним образованием составляла 65,2%, со средним – 26,7%, с высшим и незаконченным высшим – 7,8%. Таким образом, в период с 1941 по 1945 гг. в составе секретарей горкомов и райкомов в 1,2 раза произошло уменьшение числа работников с низшим и незаконченным средним образованием. При этом на протяжении 1940-х гг. наблюдался устойчивый рост доли секретарей с высшим и незаконченным высшим образованием. В результате, к концу 1940-х годов среди секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) Вологодской области доля работников с низшим и незаконченным средним образованием составила 20,8%, с высшим и незаконченным высшим образованием – 42,5%, со средним – 36,5%. На 1 января 1953 года в составе секретарей горкомов и райкомов Архангельской области доля работников с низшим и незаконченным средним образованием не превышала 9%, удельный вес работников со средним образованием составлял 18,1, с высшим и незаконченным высшим образованием – 73,4%[53]. В составе секретарей горкомов и райкомов партии Вологодской области к этому же времени доля работников с высшим и незаконченным высшим образованием составляла 71,3%, со средним – 20,3%, а с низшим и незаконченным средним – 8,2%. Таким образом, образовательный уровень секретарского корпуса в период второй половины 1940-х - начала 1950-х годов существенно повысился, чему, главным образом, способствовала политика центра, направленная на улучшение качественного состава местного чиновничества.

В целом на протяжении 1940-х – начала 1950-х годов

образовательный уровень всех чиновников среднего звена партийно-советского аппарата значительно вырос. При этом обращает на себя внимание, то, что к началу 1950-х годов уровень образованности первых лиц городов и районов становится выше, чем у подчиненных.

В составе местных чиновников наиболее низким был уровень образования председателей сельских и поселковых Советов. На 1 января 1941 года среди председателей сельсоветов Архангельской области доля работников с начальным образованием составляла 99,9%, и только работой одного сельсовета руководил председатель, имевший среднее образование. В Вологодской области на этот же период из председателей сельсоветов со средним образованием работало 12 человек (1,5%), с начальным образованием – (98,5%)[54]. В годы войны количество работников со средним и незаконченным средним образованием несколько увеличилось: на 1 января 1942 года среди председателей сельсоветов Вологодской области доля работников со средним образованием составляла 3,3%, а с низшим – 96,7%. В составе председателей сельсоветов Архангельской области на этот же период доля работников со средним образованием составляла 2,4%, с незаконченным средним – 6,6%, с низшим – 91,0%[55]. По данным на 1 января 1945 года в целом по республике из 23910 председателей сельсоветов 103 работника (0,4%) имели высшее образование, 3065 (12,8%) – среднее, 20742 (86,8%) – начальное[56]. В Архангельской области среди председателей сельских и поселковых Советов к началу 1945 г. доля работников с высшим образованием составляла 0,1%, со средним – 18,4%, с низшим – 81,5%[57]. Таким образом, образовательный уровень среди председателей сельсоветов Архангельской области был несколько выше республиканского. Среди председателей сельских и поселковых Советов Вологодской области на 1 января 1945 года доля работников с высшим образованием составляла 0,1%, со средним – 7,7%, с низшим – 92,2%[58]. Следовательно, уровень образования председателей сельсоветов Вологодской области был ниже как республиканского уровня, так и уровня образования председателей сельсоветов Архангельской области.

Уровень образования секретарей сельских и поселковых Советов был выше, чем у председателей. Так, на 1 января 1941 года среди секретарей сельсоветов Архангельской области доля работников со средним образованием составляла 10,3%, а с низшим – 89,7%[59]. За годы войны секретарский корпус сельских органов власти существенно пополнился непризывной молодежью, в большинстве своем из числа девушек и женщин обладавших как средним, так и незаконченным средним образованием. На 1 января 1944 года среди секретарей сельсоветов Архангельской области доля работников со средним образованием составляла 7,0%, с низшим – 65,5%[60]. На 1 января 1945 года в составе секретарей

сельсоветов Архангельской области 54,8% работников обладали средним образованием, 45,1% – низшим[61]. В послевоенные годы повышение уровня образования секретарей сельсоветов происходило, главным образом, за счет увеличения числа работников с незаконченным средним образованием. Так, на 1 января 1953 года среди секретарей сельсоветов Вологодской области доля работников со средним образованием составляла 6,6%, с низшим – 25,2%, а с незаконченным средним образованием – 68,2%. Таким образом, общий образовательный уровень сельских чиновников на протяжении 1940-х годов повышался, однако все еще оставался невысоким, особенно по сравнению с уровнем образования областных и районных чиновников.

Среднее или высшее образование, а в ряде случаев и начальное, дополнялось политическим образованием, полученным в системе партийного просвещения. В условиях сращивания партийного и советского аппаратов подготовка управленческих кадров происходила в системе партийного просвещения, что, по мнению Т.Г. Архиповой, является вполне закономерным явлением[62]. При этом, учеба, повышение квалификации приравнивались к партийной нагрузке, становились партийным поручением. В послевоенные годы внимание центрального руководства к проблеме подготовки кадров государственных служащих и руководящих партийных работников усилилось. Еще большую масштабность, плановость и системность эта работа приобрела после принятия 2 августа 1946 года Постановления ЦК ВКП(б) “О системе подготовки и переподготовки партийных и советских работников”, по решению которого в Москве была создана Высшая партийная школа (ВПСШ). В ее структуре функционировали партийный и советский факультеты, девятимесячные курсы переподготовки руководящих партийных и советских работников.

Региональное руководство также стало уделять больше внимания уровню образования местных чиновников. Так, по решению Вологодского облисполкома от 29 января 1940 года в г. Вологде были организованы шестимесячные курсы советского строительства по подготовке и переподготовке руководящих работников районных и городских исполкомов Советов депутатов трудящихся[63]. С 15 февраля 1940 года в г. Череповце началось обучение на четырехмесячных курсах советского строительства по программе подготовки председателей и секретарей сельсоветов[64]. Система подготовки советских и партийных руководителей предполагала обучение не только по месту работы, но в других городах. Так, в отчете о работе облисполкома на 23-й сессии Вологодского областного Совета депутатов трудящихся, проходившей в июле 1947 года, отмечалось, что в период с января 1946 года по июль 1947 года на шестимесячных межобластных курсах переподготовки советских работников в г. Горьком и г. Ленинграде прошли обучение 11

руководящих работников, на годичных курсах советского строительства в г. Горьком – 16 председателей горрайисполкомов области, в двухгодичной партийной школе в г. Ленинграде – 15 работников[65].

Учебными планами курсов советского строительства предусматривалось изучение как общеобразовательных, так и специальных дисциплин. На изучение дисциплин общеобразовательного блока (география, русский язык, арифметика, история СССР, история ВКП(б) отводилось 326 часов аудиторных занятий, при этом доля учебных часов, отводимых на изучение краткого курса истории ВКП(б) и истории СССР составляла 52,1% бюджета учебного времени блока общеобразовательных дисциплин. Таким образом, главным в содержании образования на курсах советского строительства являлось повышение политического уровня слушателей, формирование у них идейной преданности и политической благонадежности. Блок специальных дисциплин включал изучение Конституции СССР, административного права, основ сельскохозяйственного производства, бюджет и финансы, устройство советского государства. Для этой цели учебным планом отводилось 230 часов занятий. Таким образом, доля дисциплин общеобразовательного блока в общем бюджете учебного времени на курсах составляла 60,0%, а специальных – 40,0%[66].

Специальная партийная подготовка имела почти у каждого провинциального чиновника. Так, Н.А. Жданов, заместитель председателя Архангельского облисполкома в 1941-1944 годах, имея среднее общее образование, окончил Совпартшколу[67]. Б.Ф. Николаев, первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) в 1945-1948 годы, имея низшее общее образование (в 1918 году окончил начальное городское училище) в 1948 году был зачислен на курсы переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик при ВПШ[68].

Учеба в системе партийного просвещения, в Высшей партийной школе способствовала карьерному росту чиновников. Так, Г.П. Огородников, первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) в 1939-1945 годы, окончил высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б), после чего в 1947 году был назначен представителем Совета по делам колхозов по Краснодарскому краю[69]. Председатель исполкома Архангельского горсовета в 1939-1949 годах Н.П. Едовин, имевший среднее образование, окончил советский факультет Высшей партийной школы в 1949 году, после чего был назначен на должность заместителя председателя Архангельского облисполкома[70].

Итак, во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов образование приобрело значение важного фактора как при назначении чиновников на ответственные посты в аппаратах местной власти, так и при их продвижении по служебной лестнице. Изучаемое десятилетие стало периодом значительного повышения образовательного уровня провинциальных чиновников, особенно в областном и районном партийно-советских аппаратах. При этом в 1940-е гг. уровень образования партийных чиновников, как областных, так и районных, был выше, чем уровень образования руководящих работников исполкомов Советов. Также с середины 1940-х гг. руководители партийно-советских аппаратов обладали более высоким образовательным уровнем, чем их подчиненные, что соответствовало должностной иерархии. Вместе с тем, по-прежнему малообразованно оставалось сельское чиновничество. Недостаток общего образования компенсировался политической подготовкой в разветвленной системе партийного просвещения и на курсах советского строительства. В 1940-е гг. оно фактически стало обязательным для продолжения карьеры провинциальных чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 951. Л. 63-63об
2. ГААО. Ф. 2063. Оп. 14. Д. 37. Л. 2
3. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
4. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
5. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
6. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 667. Л.8; ГАРФ. Ф. 259. Оп 6а. Д. 13. Л. 16-17
7. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1854-В. Л. 55
8. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 107. Л. 24
9. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 107. Л. 24
10. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1032. Л. 11
11. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1280. Л. 12об
12. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1492. Л. 1
13. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1492. Л. 92
14. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1280. Л. 12об.; Д. 1492. Л. 92
15. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1280. Л. 12об.; Д. 1492. Л. 92

16. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 21. Д. 113. Л. 117
17. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
18. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
19. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
20. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
21. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1854-В. Л. 56
22. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1854-В. Л. 56
23. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 107. Л. 24
24. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 107. Л. 24
25. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1677. Л. 80
26. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1805. Л. 6
27. ГАВО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 991. Л. 2
28. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6а. Д. 21. Л. 30
29. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1492. Л. 92
30. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
31. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
32. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
33. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
34. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
35. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Д. Л. 74
36. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Д. Л. 37. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 2059. Л. 58об
37. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1805. Л. 6
38. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 2748. Л. 4
39. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 2748. Л. 4
40. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3
41. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3
42. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 813. Л. 1-2
43. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
44. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1280. Л. 12об
45. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 324. Л. 38
46. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 9. Д. 153. Л. 49-49об
47. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1492. Л. 92
48. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 412. Л. 65
49. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 139. Л. 18
50. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 813. Л. 1-2
51. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1280. Л. 12об
52. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1492. Л. 92
53. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1
54. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1522. Л. 55
55. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6а. Д. 21. Л. 62
56. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6а. Д. 21. Л. 62
57. ГАРФ. Ф. 259. Оп. 6а. Д. 21. Л. 62
58. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 976-Г. Л. 22
59. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1677. Л. 83
60. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1854-В. Л. 62об
61. Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Семин. История государственной службы в России 18-20 века. Учебное пособие. РГГУ. М. 1999. С. 190
62. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 308. Л. 17
63. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 308. Л. 20
64. ГАВО. Ф. 1300. Оп. Д. 744. Л. 13
65. ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 308. Л. 15
66. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 2489. Л. 3
67. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 9. Д. 9233. Л. 3-3об
68. ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 9. Д. 9508. Л. 2
69. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 3040. Л. 26

© Бондаренко Сергей Яковлевич (bond5j4@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХОСЕ КАЛЬВО СОТЕЛО. УБИЙСТВО НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

Кирсанова Алла Владимировна

аспирант, Рязанский Государственный Университет,
alla.kirsanova.1975@mail.ru

JOSE CALVO SOTELO. MURDER ON THE EVE OF THE SPANISH CIVIL WAR

A. Kirsanova

Summary: This article examines the main stages of the life of the outstanding Spanish politician of the XX century, deputy of the Cortes Jose Calvo Sotelo. The fight against the outrages and riots in Spain generated by the actions of the Second Republic led to a confrontation with the left bloc and to the tragic death of a deputy. The murder of Jose Calvo Sotelo was the culmination of aggression and violence on the part of the left and accelerated preparations for a conspiracy against the Second Republic. The author analyzes the results of the historical events that led to the Spanish Civil War of 1936-1939.

Keywords: Jose Calvo Sotelo, Second Republic, Santiago Casares Quiroga, Cortes, Civil War.

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные этапы жизни выдающегося испанского политика XX века, депутата кортесов Хосе Кальво Сотело. Борьба с бесчинством и беспорядками в Испании, порожденными действиями Второй республики привели к противостоянию с левым блоком и к трагической смерти депутата. Убийство Хосе Кальво Сотело стало кульминацией агрессии и насилия со стороны левых и ускорило подготовку к заговору против Второй республики. Автор анализирует результаты исторических событий, которые привели к Гражданской войне в Испании 1936-1939 гг.

Ключевые слова: Хосе Кальво Сотело, Вторая республика, Сантьяго Касарес Кирога, кортесы, Гражданская война.

Убийство испанского политика Хосе Кальво Сотело – одна из самых обсуждаемых тем, связанных с началом Гражданской войны в Испании в 1936 году. Трагедия, ставшая следствием хаоса, порожденного Второй Республикой, сделала его мучеником и героем, готовым принести себя в жертву во имя Испании. Именно так впоследствии франкистская пропаганда преподносила общественности этот гнусный инцидент. И с этим трудно не согласиться, Хосе Кальво Сотело действительно был очень смелым человеком, честным, глубоко верующим, каждое его обращение к народу, выступление в кортесах – пример стойкости и храбрости. Никто не усомнится в том, что он был уникальным, талантливым оратором. Луис Болин, известный испанский юрист и журналист вспоминал, что он «мог сбить аудиторию с ног, ослепляя слушателей глубиной и ясностью своего видения и правдивостью фактов, на которых он основывался [1].

Кальво Сотело, несомненно, является одним из самых выдающихся испанских политиков первой половины XX века. Министр финансов в правительстве М. Примо де Ривера, монархист и депутат от правого крыла в период Второй Республики, он всегда убеждал в необходимости возродить общественную и политическую жизнь в Испании.

Хосе Кальво Сотело родился 6 мая 1893 года в семье известного судьи Петро Кальво Камина. Окончив юридический факультет университета Сарагосы, он уехал учиться в Центральный университет Мадрида, где вскоре получил степень доктора. Здесь он начинает свою

политическую деятельность, вступив в партию Антонио Маура, председателя Совета Министров Испании. В те годы политическая карьера Кальво Сотело не приобрела особой значимости, но позволила ему познакомиться с самыми влиятельными представителями интеллигенции того времени, которые проповедовали необходимость реформирования либеральной системы. Кальво Сотело сумел переосмыслить эту идею и придать ей авторитарный характер, что нашло отражение в одной из его работ «Доктрина злоупотребления субъективным правом» (1917), ставшей первой в истории Испании подобной работой.

Занимая должность секретаря А. Мауры, он впервые начал заниматься вопросами реформы местного самоуправления. Талант руководителя принес ему известность в политических кругах и в 1919 году он получил свой первый депутатский мандат в кортесах [19].

С приходом к власти Мигеля Примо де Риверы в 1923 году Кальво Сотело был назначен на должность генерального директора администрации [17].

Его компетентность в области экономики и административных процедур была уникальной. Ему не составило труда привести в стабильное состояние государственный бюджет, издать муниципальные и провинциальные законы [1].

8 марта 1924 года по инициативе Кальво Сотело был

принят Муниципальный устав, давший женщинам возможность голосовать. Избирательное право также гарантировало тайное голосование и разрешало муниципальные референдумы. К сожалению, некоторые положения о выборах так и не были реализованы на практике, так как многие политики, в том числе и сам М. Примо де Ривера крайне негативно отнеслись к подобного рода переменам. Также скептически был встречен и Провинциальный устав, обнародованный в 1925 году, в нем было предложено ограничить власть гражданских губернаторов и расширить возможности самоуправления. Особенностью этого устава было введенное Кальво Сотело понятие самоуправляемого района, что, по его мнению, должно было уменьшить сепаратистские настроения в традиционных провинциях Испании. Однако в общей юрисдикции Верховного суда сохранялось право правительства и кортесов ликвидировать район, представлявший из себя угрозу национальной безопасности [2].

Став министром финансов в декабре 1925 года, он выступил за то, чтобы привилегированные слои облагались налогами в соответствии с их имуществом. Его политика была направлена на борьбу с налоговыми мошенничествами, что вызвало бурную реакцию аристократов. Кальво Сотело предрекал, что эгоизм испанских консерваторов может привести к кровопролитию, считал, что корень проблем Испании не столько в политике, сколько в экономике.

Его важными проектами, которые принесли экономический успех Испании стали: создание нефтяной монополии (CAMPESA), кредитных и ипотечных банков Испании. По его инициативе была проведена национализация ряда компаний, принят закон о Контрабанде и мошенничестве [17].

С падением диктатуры Примо де Ривера в 1929 году экономическая политика была свернута. Кальво Сотело пришлось уйти в отставку, но он продолжил свою политическую деятельность в период временного правительства Дамасо Беренгера. В 1930 году бывшие министры, в составе которых был и Кальво Сотело, предприняли попытку создать партию Национальный монархический союз, но на муниципальных выборах 12 апреля 1931 года они не встретили поддержки. Установившая свою власть Вторая Республика в силу своей близорукости не оценила заслуг этого политического деятеля и изгнала его из страны. 15 апреля бывший министр финансов покинул Испанию и уехал в Португалию. Несмотря на то, что он был депутатом, вернуться в Испанию он не мог, ему грозил арест и тюрьма.

В феврале 1932 года он переезжает во Францию. Обознавшись в Париже, он в течение двух лет интенсивно занимался изучением политологии [1], познакомился с мыслителями французского действия, с которыми про-

водил много времени за личными беседами. Испанский политик с интересом наблюдал за событиями, происходившими тогда в Европе. Приход к власти Гитлера и Муссолини, а также новый курс Рузвельта он называл политикой, затеянной самыми большими энтузиастами.

Здесь он выступил в роли посредника между альфонсистами и карлистами, сыграл немаловажную роль в их примирении по поводу вопроса династии. Кальво Сотело говорил: «Если Испания когда-нибудь изменится, ее режим не будет направлен на реставрацию монархии и даже если монархия вернется, она никогда не станет той, что погибла в 1931 году» [17].

В сентябре 1933 года его избрали Членом суда Конституционных гарантий, но и на этот раз ему не разрешили вернуться в Испанию. Кальво Сотело не мог участвовать в избирательной кампании в ноябре 1933 года, но его голос, записанный в Париже на пластинку, услышали все по радио Испании. В своей речи, обращенной к испанцам, он обвинял правительство в пристрастности, порождающей страдания, хаос, беспорядки и дефицит... Кальво Сотело говорил: «Чтобы создать деревню, нужны века и герои, а чтобы разрушить – достаточно двух лет пребывания у власти монстров... Партии рождены для служения национальным интересам, но они сразу же создали собственные, ложные и вредные, выдавая их за национальные...» [3].

Избранный в Кортесы подавляющим большинством голосов в ноябре 1933 года, он стал лидером правой оппозиции в парламенте, а парламентская неприкосновенность, которой он якобы пользовался, позволяла ему посещать собрания, выступать с речами и активно участвовать в политической жизни страны [1].

Спустя несколько месяцев благодаря амнистии в мае 1934 года, Кальво Сотело смог вернуться в Испанию. 14 июня 1934 года в интервью телеканалу Эй Би Си он поднимает вопрос о необходимости союза Национального блока с антиреспубликанскими правыми силами, которые выступали против Конституции 1931 года. В декабре депутаты - карлисты, члены испанской партии «Испанское обновление» и некоторые бывшие члены СЭДА подписали Манифест, согласно которому они объединяли свои действия. К ним присоединились известный аристократ герцог Альба и философ и общественный деятель Рамиро де Маэсту. Создав таким образом партию «Национальный блок», который историк С.П. Пожарская называла «мозговым трестом» испанской экономической правящей верхушки, так как в него по большому счету вошли бизнесмены и банкиры, Кальво Сотело надеялся сблизится с родственными по духу правыми группировками [4, с.44].

В середине декабря 1935 года произошел прави-

тельственный кризис. Президент республики Н. Алькала Самора, подозревавший Хиля Роблеса в поддержке антиреспубликанских настроений, отказал ему в возможности формировать новый кабинет министров и поручил это Мануэлю Портела Вальядаресу, который даже не был депутатом. Цель президента состояла в том, чтобы новоиспеченный министр Портела Вальядарес выиграл время для подготовки победы на предстоящих выборах, но его было слишком мало. Усиливались правые настроения среди военных, увеличилось число фалангистов, разделявших их взгляды.

2 января 1936 года Кальво Сотело снова выступил с осуждениями республики и правительства за их деяния, нежелание посмотреть правде в глаза и предотвратить беспорядки. Президент, понимая, что у него нет поддержки, распустил палату и назначил выборы на 16 февраля.

С приходом к власти Народного фронта после выборов 16 февраля 1936 года, которые были подтасованы, обстановка в стране напоминала апокалипсис. Бесчисленные толпы приверженцев Народного фронта, неистовствующие массы ознаменовали победу своего дела дикими бесчинствами. Сметались ворота тюрем, освобождались тысячи заключенных, поджигались церкви и монастыри, избивались священники. [5, с.52]

Сегодня хорошо известно, что выборы были сфальсифицированы [6, р.105]. Испанский историк Рикардо де ля Сьерва утверждал, что количество голосов изначально было примерно одинаковым [17], но после манипуляций протокольной комиссии правые были лишены более тридцати мандатов. Несмотря на это, Хосе Кальво Сотело появляется в кортесах, чтобы отстаивать свою позицию.

Утром 3 апреля 1936 года Кальво Сотело получил кресло депутата в кортесах, где продолжал осуждать нарушения общественного порядка, приводя статистические данные о творившемся: убийства людей, грабежи и разрушения церквей. Сотни людей писали письма Кальво Сотело, рассказывая о событиях, свидетелями которых они стали и преследованиях, которым они подверглись. Испанский историк Хуан Бласкес приводит примерное число убитых (454) и раненых (1638), но их могло быть больше [17]. И если цензура запрещала правой прессе освещать эти данные, то на Кальво Сотело как депутата она не распространялась, он смело приводил данные о количествах бесчинств в кортесах и до последнего дня своей жизни призывал правительство положить конец беспорядкам. В своих выступлениях депутат неоднократно предупреждал об угрозе «коммунистической опасности» и идентичности Народного фронта с советскими интересами [7].

Пренебрегая ненадежностью своей победы, левые повели себя так, словно получили абсолютный мандат

на революционные изменения [8, с.76]. Правительство, по сути, оказалось в руках тех, кто в 1934 году посягнул на республиканскую законность, тех, кто не скрывал своих революционных целей. Ларго Кабальеро – глава испанской социалистической партии (ИСРП) действительно заявлял о насильственной революции, к которой они стремятся [8, с.88]. Правительство более не контролировало разрушительные процессы. Наоборот, анархисты и коммунисты, вошедшие в народный фронт, тянули социалистов к «углублению революции». Испания пока- тилась в хаос [9, с.290].

Желание получить полный контроль над республикой побудило левых способствовать смещению президента Алькала Саморы. Большинство голосов депутатов Народного фронта и воздержанием правых, 7 апреля ему был вынесен вотум недоверия за то, что он дважды превысил конституционные полномочия, распустив кортесы до истечения срока своего мандата. Президентом стал Мануэль Асанья, убежденный в том, что будет управлять по закону и справедливости. Однако продолжающиеся поджоги церквей и нападения на правых погрузили его в «черное отчаяние», из которого он больше не выйдет [10, с.125]. В своем письме брату он пишет: «Мы идем под откос из-за анархии, творящейся в некоторых провинциях, из-за неспособности властей, из-за глупостей, которые творит Народный фронт... Я не знаю на сегодняшний день как мы с этим справимся, но несмотря ни на что, я считаю, что первостепенным является сохранение единства Народного фронта [11].

Призыв Ларго Кабальеро к революции социалистическая молодежь восприняла как ленинскую стратегию [8, с.88]. В течение всего апреля продолжалась волна беспорядков, в ходе которых было разграблено и сожжено большое количество церквей. В Гельвесе (Севиля) социалисты ворвались в церковь во время мессы и заставили священника прервать ее, делая вид, что приветствуют Россию. Всеобщие забастовки были зарегистрированы во многих местах Испании. Правящие в то время буржуазные левые, яростно антиклерикальные и с большим процентом масонов среди своих лидеров, считали, что видят спасательный круг в нападениях на церковь [12]

Свидетельством того, что ситуация выходила из-под контроля, являются события 1 мая 1936 года. Коммунисты, которые вышли на демонстрацию в Мадриде, несли по улицам большие портреты Ленина, Сталина и Ларго Кабальеро, требовали образования пролетарского правительства и народной армии [8, с.88]. Они тащили по улицам манекены Кальво Сотело и Хиля Роблеса за веревки, привязанные к их шеям.

Маршируя по улицам в военной форме, марксистская молодежь выкрикивала лозунги, с энтузиазмом

подхватываемые толпой: «Россия - да, Испания - нет!..». Наученные молодой коммунисткой Долорес Ибаррури (Пассионарией) и ведомые ее «призывом рожать детей без обузы замужества» [13], женщины шагая в колонне хором кричали: «Дети – да, мужа – нет!»

Весь этот период однозначно можно назвать полным беспределом, который сопровождался террором как со стороны левых, так и со стороны правых. Буквально за пять лет Республика ввергла страну в хаос, беспорядки и нищету. Столкновения между «красными» боевиками и правыми силами, происходившие на улицах, стали частым явлением. С террором со стороны левых по-своему пытались бороться фалангисты и наваррские карлисты. Их отряды брали под охрану некоторые храмы и монастыри. [9, с.290].

Перед своим концом Республика буквально билась в агонии, которая продолжалась пять месяцев. Ожесточенные забастовки и локауты, охота на людей, нападения и избиения, мародерства, поджоги церквей и убийства привели к полной катастрофе [5, с.60], которая приблизилась с назначением Сантьяго Касареса Кирога главой правительства. Политик в первом же выступлении продемонстрировал свою воинственность и высказался о приверженности левому радикализму.

16 июня 1936 году в кортесах произошло весьма оживленное столкновение между Кальво Сотело и Касаресом Кирога. На этом заседании Кальво Сотело снова осудил существующую анархию и обвинил Народный фронт в «60% общественных беспорядков», как экономических, так и военных. Депутат упрекал в бездействии правительство и несостоятельности демократическую парламентскую систему и Конституцию 1931 года. На заявление правительства положить конец беспорядкам депутат ответил: «Эти цели могут быть искренними, но вам не хватает моральной силы, чтобы претворить их в жизнь [...] Вам было необходимо 250 или 300 трупов, 1000 или 2000 задержанных и сотни забастовок. Повсюду беспорядок, грабежи, разрушения [18]. Вал оскорблений и обвинений с обеих сторон служил подтверждением того, что парламентское правительство окончательно обессилело [8, с. 92].

Протокол этого заседания сохранен и доступен для анализа, поэтому нет необходимости его излагать. Но есть необходимость отметить, что в кортесах уже царил угроза Гражданской войны. Выступления Кальво Сотело сделали его излюбленной мишенью для нападков со стороны левых. Несколько раз депутаты Народного фронта угрожали ему смертью. Не стали исключением и это заседание, на котором депутат произнес самое известное из своих изречений, обращенных к правительству: «Вы можете лишить меня жизни, но большего вы не сможете!» [15, с.715]. Большого правительство и не смогло.

Отчаянно выкрикнув со своего места, коммунистка Долорес Ибаррури пригрозила лидеру монархистов, что он выступает последний раз. Ее слова тщательнейшим образом были стерты из протокола заседания, но свидетелями их были многие [Сьерва].

Левые влияли на все государственные институты, были тесно связаны с полицией. В конце июня директор Службы безопасности Алонсо Мальоль приказал заменить двух полицейских, охранявших Кальво Сотело на двух других, поддерживающих Народный фронт. Они должны были шпионить за депутатом и сообщать о его деятельности. Также они получили инструкции, в которых рекомендовалось имитировать защиту в случае нападения на Кальво Сотело.

В воскресенье 12 июля отслужив мессу в церкви и навестив отца, Кальво Сотело вместе с семьей вернулся домой. В этот день поздно вечером в уличной перестрелке был убит лейтенант Штурмовой гвардии, республиканец Хосе дель Кастильо. Как утверждает испанский историк Эдуардо Паломар Баро, убийство лейтенанта Кастильо было подготовлено правительством, чтобы вызвать реакцию в правоохранительных органах. [14]. Левые сразу же обвинили в этом преступлении фалангистов, действовавших по их мнению с подачи лидера CEDA Хосе Марии Хилы Роблеса. Решив отомстить за смерть друга и потребовав от властей списки подозреваемых, гвардейцы планировали в эту же ночь произвести многочисленные аресты людей правого толка. Капитан Гражданской гвардии Фернандо Кондес вместе с полицией отправились к дому Хилы Роблеса. Когда выяснилось, что он находится на отдыхе в Биаррице [16, с.113], разъяренные мстители решили направиться к другому правому лидеру - Хосе Кальво Сотело. Они беспрепятственно проникли внутрь (два охранника, дежуривших у дома депутата, открыли им дверь) и произвели обыск. Полицейские усердно обыскивали квартиру депутата, чтобы имитировать причину его задержания. Примерно в три часа ночи они вывели мужчину на улицу, посадили в фургон №17 и увезли. Кальво Сотело, доверившись правоохранительным органам, посчитал, что его арест — это недоразумение, которое скоро разрешится. Вернутся домой ему было не суждено, в фургоне сидевший за ним Луис Куэнка выстрелил ему прямо в затылок. Контрольный выстрел был произведен тоже в голову после того, как тело выволокли на улицу и оставили почти на краю города на Восточном кладбище.

Представителями правого крыла это событие было воспринято как последняя капля терпения, особенно после того, как стали известны подробности убийства и причастность к нему сил общественного порядка, от которых зависят права и безопасность граждан [6, с.119]. Правые немедленно обвинили правительство в подготовке покушения.

Предупредительный Касарес Кирога быстро издал приказ об освобождении Кальво Сотело из-под ареста, как только узнал, что лидера правых могут самочинно задержать. Правительство резко осудило убийство депутата и арестовало более ста человек, среди которых были Фернандо Кондес и Луис Куэнка, не отрицавшие своей вины. Известно, что Ф. Кондес в личной беседе с министром Индалесио Прието говорил о планах самоубийства. Но Прието отговорил его, убедив, что скоро грянет мятеж и тогда появится возможность героически погибнуть на поле боя.

О готовящемся заговоре против республики уже давно ходили разговоры в военных кругах и правительстве, но мятеж мог бы начаться еще очень нескоро, учитывая отношение к нему генерала Ф. Франко, но помощь которого очень рассчитывали заговорщики. Известно о телеграмме, отправленной Франко генералу Моле – «директору» мятежа накануне убийства Кальво Сотело. В ней он ясно дал понять, что отказывается участвовать в заговоре, который он считал недостаточно продуманным и организованным. Понимая настроения в армии, большая часть которой оставалась верной правительству, осторожный Франко считал, что оно может провалиться как это уже было в 1932 году. И, скорее, так бы и случилось, если бы он в нем не участвовал, но смерть Кальво Сотело изменила решение генерала Франко и сделала сторонниками мятежников гораздо больше людей, чем их насчитывалось прежде [8, с. 97].

Убийство депутата кортесов продемонстрировало бессилие правительства, оно ничего не сделано для того, чтобы успокоить умеренных и консерваторов, виновные в убийстве скрылись. На протяжении десятилетий утверждалось, что ни республиканское правительство, ни левые не стремились к гражданской войне, но это было не так. Некоторые революционные лидеры ме-

сяцами призывали к гражданской войне, а социалисты, последовавшие за Ларго Кабальеро, неделями пытались спровоцировать военное восстание, чтобы захватить власть [6, с.120]. И такой момент наконец настал. Вечером 13 июля делегация социалистов и коммунистов во главе с Индалесио Прието пришли к Касаресу Кирога с требованием раздать рабочим оружие, пока не начался военный мятеж. Премьер-министр отказался, но он не мог не видеть, что началась война [16, с.113].

Многие историки прокладывают некую связь между убийством Кастильо и Кальво Сотело, которой на самом деле не было. Убийство Кастильо было совершено в результате уличных столкновений, которые за два года до начала Гражданской войны происходили с особой интенсивностью, а убийство Кальво Сотело, противника республики, было угодно левым, но этот инцидент нельзя рассматривать как причину Гражданской войны. Ее истинную причину стоит искать в десятилетии предшествующему 17 июля 1936 года. Убийство Хосе Кальво Сотело стало кульминацией бесчинств и насилия, зверств и агрессии со стороны левых.

Смерть Кальво Сотело безусловно серьезная трагедия с политической точки зрения, так как она иллюстрировала демократическое разложение государства, которое интенсивно происходило с восстания 1934 года, продолжилось подтасованными февральскими выборами в 1936 году и ожиданиями гражданской войны, которая как хотели левые должна была превратиться в революционный процесс и привести в конце к тоталитаризму.

Похороны Кальво Сотело состоялись 14 июля 1936 года, вместе с ним была похоронена и Вторая республика, которую с таким энтузиазмом встретило испанское общество в 1930 году. Через четыре дня началась Гражданская война.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luis A. Bolín. Spain: the Vital Years. Lippincott, 1967. 396 p.
2. Calvo Sotelo // Diccionario biográfico español. — Real Academia de la Historia, 2011.
3. Discurso de Calvo Sotelo - Antigua cinta de casete "La España Nacional (Lucha y Cruzada 1931-1939)" (España, 1978). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Sued2DPfVeA> (дата обращения 19.12.2022).
4. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время/ Светлана Пожарская. – М.: Алгоритм, 2014. – 352 с.
5. Дамс Х.Г. Франсиско Франко. – Пер. с нем. И. Жаровой. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 352 с.
6. Stanley G. Payne and Jesús Palacios. Franco. A Personal and Political Biography. The university of wisconsin press. USA, 2014. P. 617.
7. Las declaraciones de Azaña, en ABC, 5-IV-1936.
8. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936-1939/ Энтони Бивор; пер с англ. А. Кабалкина. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 720 с.
9. Шамбаров В.Е. Фашистская Европа/ Валерий Шамбаров. – Москва: Родина, 2022. – 544 с.
10. Ходжес Г. Франко. Москва: Издательство АСТ «Ермак», 2003. – 384 с.
11. Palabras de Manuel Azaña. Mitos al descubierto - El asesinato de Calvo Sotelo. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.telemadrid> (дата обращения 19.12.2022).
12. Luis Romero, Por qué y cómo mataron a Calvo Sotelo, Planeta, Barcelona 1982, pág. 59.

13. Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг.// Пер. с англ. И. Полоцка. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 573 с.
14. Palomar Baró E. A los 70 años del asesinato de Calvo Sotelo. [Электронный ресурс] – Режим доступа: generalisimofranco.com (дата обращения 19.12.2022).
15. Bullón de Mendoza A. José Calvo Sotelo. Publisher: Ariel, 2004. – 756 p.
16. Престон П. Франко. Биография. – Пер. с англ. Ю.В. Бехтина. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф. 1999. – 702 с.
17. Mitos al descubierto - El asesinato de Calvo Sotelo. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.telemadrid>. Ссылка НЕ РАБОТАЕТ
18. DSC. 16-VI-1936. – p. 1.388
19. Biografía de José Calvo Sotelo [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.biografiasyvidas.com/biografia/c/calvo_sotelo_jose.htm (дата обращения: 19.12.2022).

© Кирсанова Алла Владимировна (alla.kirsanova.1975@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Рязанский государственный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ СТРЕССУ И УПРАВЛЕНИЕ СТАРТОВЫМИ СОСТОЯНИЯМИ СПОРТСМЕНОВ-ПОДРОСТКОВ

IMPROVING TOLERANCE TO EMOTIONAL STRESS AND MANAGING THE STARTING STATES OF ADOLESCENT ATHLETES

A. Abdullaev

Summary: The article discusses the processes of improving the tolerance of adolescent athletes to emotional stress. Tolerance is considered in the context of determining the maturity of a person, preparing for an adequate perception of the surrounding world. Its level consists of personal characteristics and value orientations of an individual, his worldview and attitude to differences between other people. Athletes' tolerance to a stressful situation determines the level of perception of stressful factors. The article selects a set of criteria for assessing the tolerant attitude to stress factors of adolescent athletes.

Keywords: tolerance, stress, sports, teenager, emotion, self-regulation.

Абдуллаев Абдулхамид Абдукаюмович

аспирант, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Россия, Москва;
МОО СКБИ «ТАЙФУН» Межрегиональная общественная организация, спортивный клуб боевых искусств, тренер-преподаватель
abdullaevabdulhamid3@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются процессы совершенствования толерантности спортсменов-подростков к эмоциональному стрессу. Толерантность рассматривается в контексте определения зрелости личности, подготовки к адекватному восприятию окружающего мира. Ее уровень составляют личностные характеристики и ценностные ориентации индивида, его мировоззрение и отношение к различиям между другими людьми. Толерантность спортсменов к стрессовой ситуации определяет уровень восприятия стрессовых факторов. В статье подобран комплекс критериев оценки толерантного отношения к стрессовым факторам спортсменов-подростков.

Ключевые слова: толерантность, стресс, спорт, подросток, эмоция, саморегуляция.

Введение

Сов совершенствование психологической и функциональной регуляции состояния спортсменов является важной составляющей процесса тренировок. Большинство тренеров замечают, что спортсмены на соревнованиях могут допускать ошибки в элементах, которые с легкостью выполнялись во время тренировок. Чувство тревоги, страха и волнения присуще каждому человеку. Перед важным в жизни мероприятием уровень стресса всегда имеет высокий уровень. У некоторых спортсменов перед соревнованиями могут отмечать тошноту, головокружение, боли в животе и мигрень. Данные факторы свидетельствуют о повышении предстартовой тревожности или волнительного стресса у спортсменов-подростков.

С годами тренировок и выступлений на соревнованиях большинство спортсменов учатся способом саморегуляции, что позволяет им справлять со стрессами и волнением перед соревнованием. Но некоторые из них игнорируют собственную подверженность стрессовому влиянию, что вызывает у них психоэмоциональное напряжение, истощение нервной системы и физического состояния [3].

Актуальность и проблема исследования

Исследование психоэмоционального состояния спортсменов-подростков с каждым годом больше привлекает внимание исследователей. Проблема стрессового состояния при различных экстремальных условиях оказывает влияние на конечный результат деятельности человека. Особое значение имеют исследования тех видов деятельности, исход которых невозможно подвергнуть анализу. В данном отношении ситуации спортивных соревнований, выполнение каких-либо действий на время являются наиболее показательными. Стресс, в спортивной деятельности чаще всего связан именно с участием в различных соревновательных мероприятиях.

Проблематика исследования строится на анализе психических характеристики формирования стресса и толерантности к данному психическому состоянию спортсменов-подростков. Так как исследования в данной сфере имеют недостаточную разработанность в литературе по вопросам толерантности в спортивной среде.

Цель исследования – разработка критериев оценки толерантности к эмоциональному стрессу спортсменов-подростков во время соревнований. Это поможет в управлении стартовыми состояниями подростков в спортивной среде.

Обзор литературы

Стресс является особой характеристикой психического развития, которая способна отражать собственную реакцию на происходящие вокруг изменения. Главной особенностью восприятия стресса является отражение значимости ситуаций и объектов, которые действуют на субъекты. Формирование стресса тесно связано с эмоциональным фоном человека. Данная зависимость обусловлена отношением свойств эмоций к потребностям субъектов. Собственные эмоциональные чувства человек не только переживает внутренне, но и показывает внешне в виде изменения мимики лица, голосового тона, пантомимики, изменения ЧСС, пульса, дыхания, внешних проявлений, в виде покраснения или побледнения, повышенной потливости, а также смены биохимических показателей в организме. Именно внешние проявления эмоций помогают изучать их, но не всегда до конца способны раскрыть содержание пережитого чувства. Различные переживания человек проявляет по-разному, кто-то может выражать их бурными всплесками страсти, или же тонкими оттенками настроения. Каждая эмоция субъективна. Кроме того, такие психофизические процессы, как мышление и восприятие, помогают человеку оценивать окружающие его явления, а эмоции помогают человеку выразить собственное отношение к самому себе и к миру вокруг него [2, с. 247]

Все мы знаем о физиологических изменениях в организме, которые сопровождают наш эмоциональный фон. К таким изменениям можно отнести дрожь в ногах, учащенный стук сердца и так далее. Большинство таких изменений вырабатываются нашим мозгом и могут быть зафиксированы. Каждый раз, когда мы чувствуем что-то эмоциональное, наш мозг и нервная система физиологически изменяются. Это выражается передачей импульсов от нейрона к нейрону, смена влияния одного нейромедиатора на другой.

Даже перечисление всех механических и клеточных явлений с точки зрения нейробиологии не смогут точно передать наших эмоциональных чувств. Нет точного сравнения между изменениями в центральной нервной системе и то, что мы испытываем во время эмоционального всплеска.

К свойственным организму изменениям во время всплеска эмоций можно отнести такие, как изменение ритма сердечной и дыхательной деятельности, раздражение, покраснение, чувство жара или холода, усиленная перильстатики кишечника и желудка и прочее. До сих пор до конца не понятно, каким образом наш мозг контролирует эмоциональную сферу организма.

Проявление сильных эмоций и стресса связано с различными физиологическими изменениями нашего

организма, такими, как изменение частоты дыхательных движений и сердечных сокращений, смены работы различных желез организма, повышения кровяного давления и так далее. С точки зрения физиологии это говорит о возникновении в коре больших полушарий мозга процесса возбуждения, который переходит на подкорку, которая контролирует изменения деятельности внутренних органов организма, а также все изменения в организме в целом. При положительном эмоциональном настрое человек чувствует прилив сил, он более работоспособен, медленнее утомляется и чувствует себя бодро. Если человек переживает отрицательные эмоции, то они снижают психическую активность человека, быстрее утомляют, трудоспособность падает. Таким образом, все физиологические процессы в организме имеют зависимость от нашего эмоционального фона и состояния. Это также отражается на стартовом состоянии спортсменов.

Психологическая подготовка спортсменов основывается на формировании у них определенных психологических характеристик и свойств личности, которые необходимо применять в тренировочном и соревновательном процессе.

А.Д. Новиков описывал воспитание толерантности к стрессу через моделирование для человека условий, которые требуют от него применения качеств, формирующихся с самого детства. Нельзя сказать человеку, чтобы он был сильным, мужественным, стойким. Для раскрытия данных характеристик человеку необходимы построенные под это условия [4].

Формирование умений спортсмена регулировать процессы психоэмоционального состояния выражается в формировании устойчивости к определенным стрессовым ситуациям. В данном контексте выделим волевою и специальную подготовленность психического состояния человека.

Основными направлениями развития психоэмоционального состояния спортсменов являются:

1. Создание мотивационной среды для спортивных занятий.
2. Формирование волевого характера.
3. Тренировка моторных качеств.
4. Тренировка быстрой реакции.
5. Формирование толерантного отношения к стрессу и напряжению.
6. Управление стартовыми состояниями.
7. Формирование умений расчета времени на соревнованиях [4].

Конечно, любые изменения, инновации могут ввести человека в стрессовую ситуацию. Любая профессиональная деятельность, в том числе подготовка спортсменов, может подвергать нас стрессу, особенно если

эта деятельность напрямую связана с коммуникацией с другими людьми, а особенно при показе своих способностей на соревнованиях. Только стрессоустойчивый человек, который имеет призвание к спорту, способен без вреда организму из года в год заниматься физическим развитием и показывать его перед судьями. И если стресс перед соревнованиями для спортсмена-подростка постоянный – это влечет за собой последствия в виде повышенной утомляемости, тревожности, пассивного отношения к работе, нарушения внимания и трудовой дисциплины. Также он может пошатнуть эмоциональный фон тренера.

Обзор основной литературы по данной теме говорит о стрессе, как о реакции на определенные воздействия и изменения окружающей среды. В различных областях науки он описан по-разному.

Основными признаками стресса могут быть:

1. Физические факторы (головная боль, плохой сон, боли в различных частях тела, простуда, хроническая усталость и так далее).
2. Эмоциональные факторы (повышенная агрессивность, возбудимость, депрессивное состояние, нарушение концентрации и внимание, раздражение).
3. Поведенческие факторы (потеря интереса к обучению, к себе, к детям, постукивания и подергивания конечностями, чрезмерное курение).

Эти факторы относятся не только к спортивной, но и к любой другой профессиональной деятельности. Призерами конфликтных стрессовых ситуаций могут быть:

1. Неорганизованность и, как следствие, неправильное распределение времени, нехватка его для выполнения упражнений, спешка;
2. Конфликт, с тренером или другими спортсменами;
3. Недостаточная квалификация;
4. Чувство перегруженности работой, переутомляемость;
5. Слишком высокая ответственность [1, с. 68]

Материалы и методы исследования

Методика исследования основана на анализе литературных данных, теоретических сведений, анализ практических данных по данной проблеме.

Результаты исследований

Толерантность к стрессовым факторам должна быть присуща каждому спортсмену-подростку. От этого зависит успех его профессиональной деятельности. Каждый спортсмен должен уметь определять реакцию своего организма на определенные ситуации и при невозможности их решения обращаться за психологической по-

мощью.

В рамках данного исследования выделим критерии оценки устойчивости к стрессовым факторам (таблица 1).

Таблица 1.

Критерии оценки толерантного отношения к стрессу

Критерий	Особенности	
	Высокая толерантность	Низкая толерантность
Адаптирование под внешние условия	Приводит к продуктивной деятельности	Приводит к деструктивной деятельности
Внутреннее мотивирование	Удовлетворение собственными успехами	Неудовлетворение собственными успехами
Отношение к возникающим проблемам	Требуют решения	Вызывает угнетение
Успех	Присутствует	Отсутствует
Получение результатов от тренировок	Высокая результативность	Низкая результативность
Реализация собственных амбиций	Победа в различных соревнованиях и олимпиадах	Поражение в различных соревнованиях и олимпиадах
Характер деятельности	Стабильный	Нестабильный
Эффективность деятельности	Эффективна	Неэффективна

Оценим степени психического напряжения спортсменов-подростков по шкале от 0 до 3.

0. Недостаток возбудительной реакции, связан с вялым состоянием, отсутствием сосредоточенности, отсутствием концентрации на предстоящем соревновании. Внешними признаками спортсмен показывает безразличие к происходящему. Он может совершать какие-либо неопределенные действия. Данный тип стартового состояния характеризует спортсменов с отсутствием амбиций в спортивной карьере. Также он может быть присущ опытному спортсмену с недостаточной подготовкой и сниженным уровнем притязаний.

1. Оптимальная возбудительная реакция. Характеризует подготовленность спортсмена и его желание побеждать. В данной ситуации человек дает адекватную оценку собственным действиям, просчитывает стратегию, анализирует действия противников и товарищей по команде.

2. Переход в стадию перевозбуждения. Характеризуется предстартовым лихорадочным состоянием, чрезмерной возбудительной реакцией, потерей самообладания, тревожностью, злостью и придирчивостью ко всем вокруг. Данное состояние приводит спортсмена-подростка в чувство тревоги и неуверенности в себе. Это

оказывает влияние на его выступление на соревнованиях.

3. Развитие процессов торможения нервной системы. Характеризуются апатичным состоянием, заторможенностью, частично схоже с состоянием недостаточного возбуждения. Но в данном случае, спортсмен может резко реагировать на критику и быть недоброжелательным по отношению к другим людям. Внутри спортсмен переживает травмирующую ситуацию, связанную с неудачей на соревнованиях. Состояние характеризуется нежеланием в дальнейшем заниматься спортом.

Выявлено, что при недостатке возбудительной реакции стартового состояния спортсмена необходимо проводить возбуждающие нервную систему манипуляции. Они состоят из выполнения упражнений на развитие силы и скорости, интенсивной разминке, массажных действий, повышение психологической мотивации через возбуждающие беседы.

Во время развития процессов торможения необходимо быть спокойным и внимательным по отношению к спортсмену-подростку. Тренер может провести легкую разминку, поговорить со спортсменом, помочь снизить нарастание возбуждения.

Стадию от 0 до 3 баллов может проходить каждый спортсмен-подросток. При рациональном распределении своего внимания на предстоящее соревнование, толерантном отношении к стрессу можно плавно пройти все этапы и подготовить подростка к предстоящему событию. Повышенная возбудительная реакция может быть направлена на оттачивании тактики выступления, продумывании собственной подготовки. Данные действия могут гарантировать успех в сорев-

новательной среде [5].

Важным фактором является психологическая подготовка спортсмена-подростка на протяжении каждодневных тренировок. Также важна психологическая обстановка внутри школьной среды и обстановка в семье.

Заключение

Формирование толерантности к стрессовым состояниям у спортсменов подросткового возраста имеет влияние на результаты предстоящих соревнований. Поэтому каждый тренер должен уделять вопросу формирования стрессоустойчивости своих подопечных должное внимание. Данное исследование позволило разработать критерии диагностики толерантного отношения к стрессу у спортсменов-подростков, а также по шкале от 0 до 3 оценить степени стартового состояния спортсменов перед соревнованиями.

Таким образом, мы сделали вывод о том, что психологическая поддержка и работа по формированию толерантности к стрессовым состояниям благоприятно влияет на предстартовые состояния спортсменов-подростков.

Стартовые состояния спортсменов-подростков могут иметь различный характер и этиологию, которую необходимо подвергать тщательному изучению. Совершенствование толерантности к эмоциональному стрессу нужно на каждом этапе учебно-тренировочного процесса для подготовки спортсменов-подростков не только к соревновательной деятельности, но и устойчивой психо-эмоциональной составляющей юниоров для дальнейшего продуктивного роста спортивных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, Г.М. Влияние спортивной подготовки на формирование устойчивости к стрессовым ситуациям / Г.М. Бойко, М. Г. Пурыгина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 16 (254). — С. 69-71. — URL: <https://moluch.ru/archive/254/58252/> (дата обращения: 29.11.2022).
2. Газматова, Х.К. Влияние профессиональной деятельности на стрессоустойчивость организма человека / Х.К. Газматова, А.И. Рабаданова, Ш.М. Гайдарова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — №6-2. — С. 247–251.
3. Цыганок Т.В., Сунгурова А.В., Окунева Д.М. РЕГУЛЯЦИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СПОРТСМЕНА ВО ВРЕМЯ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА. // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014003844>><https://scienceforum.ru/2014/article/2014003844>(дата обращения: 28.11.2022).
4. Психологическая подготовка спортсменов // kb-sport.ru URL: <https://kb-sport.ru/article/useful-information/4130-psihologicheskaja-podgotovka-sportsmenov.html> (дата обращения: 27.11.2022).
5. Управление стартовыми состояниями спортсмена // opace.ru URL: http://opace.ru/a/upravlenie_startovymi_sostoyaniyami_sportsmena (дата обращения: 27.11.2022).

© Абдуллаев Абдулхамид Абдукаюмович (abdullaevabdulhamid3@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Бреннер Дарья Анатольевна

канд. пед. наук, доцент, ГППИ им. В.Г. Короленко, г. Ижевск
dariat@yandex.ru

**THEORETICAL IDEAS ABOUT
THE PROCESS OF FAMILIARIZATION
WITH SOCIAL REALITY IN THE CONTEXT
OF SOCIAL EDUCATION OF CHILDREN
IN SOVIET RUSSIA IN THE 20-30S
OF THE TWENTIETH CENTURY**

D. Brenner

Summary: This article discusses theoretical ideas about the process of familiarization with social reality as a component of the content of social education in the 20-30s of the twentieth century. The models of familiarization of students with social reality are indicated: socially-oriented, personal model, epistemological model. Their contents are disclosed.

Keywords: social education, familiarization with social reality, social education, environment, school, modernity.

Аннотация: В данной статье рассматриваются теоретические представления о процессе ознакомления с социальной действительностью как составляющей содержания социального воспитания в 20-30-е годы XX века. Обозначены модели ознакомления учащихся с социальной действительностью: социально-ориентированная, личностная модель, гносеологическая модель. Раскрыто их содержание.

Ключевые слова: социальное воспитание, ознакомление с социальной действительностью, общественное воспитание, среда, школа, современность.

В настоящее время динамичные изменения в обществе и государственной политике усиливают роль воспитания как проводника стратегических изменений социальной политики, обеспечивающей конструктивное решение задач социализации подрастающего поколения. История педагогики неоднократно показывает нам, что во все времена существовал социальный заказ государства на воспитание «нового человека», навязанного педагогике политикой и, используемого как «продукт общественного кризиса и одновременно как способ выхода из него». Особенно остро данный вопрос звучал в самые тяжелые и кризисные моменты развития государства и общества. Вот и сегодня воспитание рассматривается с позиций его социальной направленности, ведущей задачей которого является создание условий для достижения личностью успешной социализованности, которая предполагает баланс адаптации человека в обществе и обособления в нем.

В данной статье нами рассмотрены теоретические представления о процессе ознакомления с социальной действительностью в 20-30-е годы XX века. После революции 1917 года произошли кардинальные перемены в обществе, что не могло не отразиться на педагогике того времени. В данный исторический период аналогичным

образом возникла необходимость в решении вопросов воспитания. В рассматриваемый период появляется интерес со стороны ученых, педагогов, практиков к решению проблемы социального воспитания.

В связи с этим мы проанализировали монографии и труды ученых по педагогике данного периода. С общепедагогических позиций мы рассмотрели взгляды на проблему социального воспитания детей следующих ученых: А.Н. Дурикина, Н.Н. Иорданского, А.Г. Калашникова, С.А. Каменева, А.П. Пинкевича, С.Т. Шацкого, В.Н. Шульгина. Безусловно, что это не весь список ученых, которых в то время волновали вопросы решения проблемы социального воспитания. Данные авторы, на наш взгляд, наиболее полно и точно представили решение данную проблему в трудах и монографиях по общей педагогике через процесс ознакомления с социальной действительностью.

Интерес к проблеме социального воспитания был обусловлен развитием педагогической науки, которая строилась на совершенно новых принципах воспитания, основанных на учении марксизма-ленинизма. Одним из основополагающих принципов воспитания был ленинский принцип – связь воспитания с жизнью и со-

временностью. По этому принципу строилась вся система воспитания и образования. Процесс реализации социального воспитания явился следствием воплощения данного принципа в педагогике 20-30-х годов.

Важное место среди активных для периода 20-30-х годов XX века педагогических находок занимали идеи социального воспитания. Одним из ведущих отечественных специалистов в этой области являлся Н.Н. Иорданский. Николай Николаевич Иорданский с 1921 по 1922 гг. возглавлял Главное управление социального воспитания и политехнического образования (Главсоцвос) Наркомпроса. Главным направлением научной и педагогической работы Н.Н. Иорданского были вопросы социального воспитания.

Н.Н. Иорданский в своих трудах «Основы социального воспитания – 1919 г.» [2], «Организация детской среды – 1925 г.» [3], «Основы и практика социального воспитания – 1925 г.» [4] писал о необходимости постановки и реализации в современной школе идеи социального воспитания. Политическая и экономическая жизнь страны осложнилась после революции и закономерно возникла потребность вводить в эту жизнь детей с более «закаленными нервами», с большим запасом духовных сил и энергии, с более приспособленным для общежития и для общественной жизни организмом. Разрешение данной проблемы ученый видел в постановке социального воспитания детей, в ознакомлении, сближении, приобщении и приспособлении к «современной» общественной жизни, то есть к социальной действительности.

Н.Н. Иорданский в своих трудах достаточно четко сформулировал четыре основные позиции, связанные с содержанием самого понятия «социальное воспитание».

1. «Этим термином называли «всю систему воспитания со всеми ее сторонами». В качестве подтверждения он приводил тот факт, что центральный орган управления Наркомпроса в этой области носил название Главного управления социального воспитания (Главсоцвос).
2. Социальное воспитание рассматривалось и в узком смысле слова как воспитательная деятельность, опирающаяся не на семью, а на «общественные формы жизни», не на «индивидуально-частное обучение», а на «воспитание в общественно-государственной школе».
3. Социальное воспитание понималось и как воспитание «социальных инстинктов и навыков» путем создания в школе обстановки «социальной жизни», в том числе «в учебных занятиях детей» и в организации их жизни «на началах самоуправления».
4. Рассматривалось социальное воспитание и с опорой на социальную педагогику как научную и практическую дисциплину. Она рассматрива-

ла «психологию не индивидуума и личности», а «масс, толпы, коллектива, аудитории, класса», коллектив воспринимался не только как «воспитываемая среда», но и «воспитывающая» [4, С. 17]».

Н.Н. Иорданский придавал большое значение социальному воспитанию в процессе обучения детей в школе. Все стороны жизни учащихся, по его мнению, должны быть охвачены идеей социального воспитания. Ведущим направлением в работе по социальному воспитанию автор считал процесс ознакомления учащихся с социальной действительностью, активного участия в новой социальной действительности и ее преобразования. Ознакомление с социальной действительностью, представлялось им как процесс целенаправленный и основанный на изменениях в общественной жизни, произошедших после революции 1917 года.

Особого внимания заслуживают взгляды на проблему ознакомления учащихся с социальной действительностью В.Н. Шульгина, изложенные им в монографиях и статьях: «Основные вопросы социального воспитания – 1925 г.» [11], «Школа и государство – 1928 г.» [12], «О воспитании коммунистической морали – 1930 г.» [13]. В.Н. Шульгин также как и Н.Н. Иорданский писал о необходимости постановки в школе системы социального воспитания, о необходимости ознакомления детей с современностью. Следует отметить, что В.Н. Шульгин в процессе ознакомления детей с социальной действительностью большую роль отводил школе и учителю, так как именно они должны были помочь ребенку научиться оценивать происходящее, воспитать в нем «определенную» идеологию, выработать «нужное» мировоззрение. Самого же ребенка рассматривал как часть современности. Только такой ребенок смог бы в будущем перестроить общество и донести до окружающих идеи пролетариата. Главной задачей образования считал организацию социальной среды, которая формирует человека нового времени. Полагал, что размышлять о целесообразности процесса ознакомления детей с современностью бессмысленно, следовало лишь четко определить содержание, объем предлагаемого материала. Кроме этого знания необходимо было давать детям систематично. Результатом проделанной работы должно стать «новое» отношение ребенка к людям, вещам и ко всей окружающей жизни.

К проблеме ознакомления учащихся с современностью обращался А.П. Пинкевич в своих работах «Основные проблемы современной школы. Шесть лекций по педагогике. – 1924 г.» [7], «Педагогика. Опыт марксистской педагогики. – 1930 г.» [8]. Ученый писал о влиянии окружающей среды на психологию ребенка, на развитие его личности. Задачу общего образования определял как «развитие мирозерцания, а это значит введение человека в понимание всех культурных ценностей современности и установление их оценки [8, С. 33]». Автор

полагал, что школа должна научить ребенка понимать задачи «своего» класса, самостоятельно оценивать все значимые явления современности. А.П. Пинкевич, как и рассмотренные ранее авторы, считал необходимым знакомить детей с социальной действительностью, и целесообразнее начинать было этот процесс с дошкольного возраста. Большую роль при этом отводил школе, как одной из частей социальной среды. Школа же должна была быть обязательно социалистической, чтобы развивать в детях соответствующее мировоззрение, что и являлось целью процесса ознакомления с социальной действительностью.

Иной подход к интересующей нас проблеме у С.А. Каменева, который изложен им в монографии «Школа и организация детской среды – 1925 г.» [6]. Ученый не выделяет в школе специальной задачи, такой как, ознакомление детей с социальной действительностью. Наиболее значимой он считал проблему организации детской среды, а процесс ознакомления с окружающей действительностью являлся средством решения данной проблемы. Он писал о том, что «новая школа» должна стать школой жизни. Основным достижением школы, по его мнению, должна была стать «коммунистическая организация детской среды». С.А. Каменев подчеркивал, что без соответствующей организации детской среды школа превращается «не в школу организующую жизнь, а место, где культивируется учеба».

Следующий ученый, который рассматривал в своих трудах проблему ознакомления детей с социальной действительностью – А.Н. Дурикин «Вопросы общественно-политического воспитания в школе – 1928 г.» [1]. Целью ознакомления детей с современностью считал – «подвести детей к пониманию динамики общественной жизни, ее ведущего социалистического начала». А.Н. Дурикин, полагал, что из вопросов современности, кроме вопроса социалистического строительства, необходимо изучать еще три вопроса: 1) обороны страны, 2) интернационального воспитания (в частности борьбы с антисемитизмом), и 3) антирелигиозного воспитания. Рассматриваемый нами автор особое внимание уделял осуществлению в школе процесса ознакомления учащихся с социальной действительностью. Результатом работы по ознакомлению с современностью, в отличие от рассматриваемых ранее авторов, должно было стать не определенное отношение к каким-либо явлениям окружающей жизни, а осознанное понимание современности и окружающей жизни. Следует отметить, что это один из немногих ученых, включающих в работу по ознакомлению с социальной действительностью вопросы интернационального воспитания, борьбы с антисемитизмом.

А.Г. Калашников в своей монографии «Индустриально-трудовая школа – 1924 г.» [5] писал о том, что

основным стержнем развития общества должно быть производство. Из всего этого, по его мнению, возникает необходимость в создании трудовой, а самое главное политехнической школы. Задача такой школы должна была заключаться в «сообщении возможности подростку сознательно разбираться в окружающей его жизни [5, С. 49]» - утверждает автор. Ученый полагал, что учащийся должен был очень умело и грамотно разбираться в современности, то есть социальной действительности, а также ее исследовать. Необходимо отметить, что из всей многогранной, на его взгляд, действительности особое внимание следует придавать изучению политехнизма. Основным методом работы «новой», политехнической школы А.Г. Калашников считал метод живого действия, изучающий содержание общего образования на материале органической связи его с конкретной действительностью.

С.Т. Шацкий, как и рассмотренные нами ранее авторы, отводил большую роль процессу ознакомления учащихся с социальной действительностью. В своей работе «Советская начальная школа, ее теория и практика – 1929 г.» [10] писал о необходимости не только изучения окружающей действительности, но и организации и участия детей в окружающей жизни. С.Т. Шацкий считал целесообразным освещать в школе вопросы социальной действительности. Для этого необходимо было опираться на личный опыт ребенка, углублять и расширять его посредством сообщения ему новых знаний. Он полагал, что построение всего воспитательно-образовательного процесса должно учитывать личный опыт детей. С.Т. Шацкий сделал предметом своих исследований влияние микросредовых условий на социализацию ребенка. Цель школы, как центра воспитания в микросреде, видел в участии и преобразовании социальной среды. Кроме того, утверждал, что источник развития ребенка лежит не в генетических задатках, а в социальной и экономической среде, в которой протекает воспитание ребенка. Как и А.Г. Калашников, С.Т. Шацкий придавал большое значение принципу политехнизма в обучении. Полагал, что в школе не должно быть никакой религиозности, для этого необходимо было проводить с учениками антирелигиозную работу.

Таким образом, рассматриваемые нами ученые - педагоги в своих трудах раскрывали проблему социального воспитания учащихся. Процесс ознакомления с социальной действительностью являлся в то время ведущим направлением в работе по социальному воспитанию и одновременно средством решения вопросов социального воспитания через преобразование (активное участие) социальной действительности.

Хотя каждый из них имел свой подход к данной проблеме. В соответствии с этим, мы выделили три модели ознакомления учащихся с социальной действительностью.

стью. Первая – социально-ориентированная модель. Педагоги к процессу ознакомления детей с социальной действительностью подходили через реализацию в школе социального воспитания. Социальная действительность рассматривалась ими как часть содержания (ведущее направление) социального воспитания. Вторая – личностная модель, к ознакомлению с социальной действительностью – через организацию, преобразование и изучение среды. Ученые в основу всего процесса ставили личность воспитанника, от личности переходили к среде, считая, что эффективность воспитания каждого отдельного человека зависит от правильной организации и преобразования среды, а затем от среды переходили к изучению социальной действительности. Для того чтобы научиться преобразовывать и изменять социальную среду, по мнению педагогов, необходимо было ее изучить. Следует отметить, что в процессе ознакомления с социальной действительностью при данной модели особое внимание уделялось развитию самостоятельности ребенка, основ самоуправления. Третья – гносеологическая модель, ориентирующая учащихся на получение определенных знаний. Процесс ознакомления с социальной действительностью, при данной модели, имел целенаправленный характер.

Следует подчеркнуть, что ознакомление детей с социальной действительностью представляло собой некую систему. Цель состояла с одной стороны, в сообщении учащимся знаний о современной, социальной, социалистической действительности, а с другой, в выработке определенного отношения к явлениям и фактам данной действительности. Необходимо отметить, что вопросу о содержании материала для изучения, в монографиях и трудах ученых уделяется недостаточное внимание. Это объясняется появлением программ Государственного Ученого Совета (ГУСа), в которых основные направления процесса ознакомления детей с социальной действительностью были изложены, однако при этом некоторые из исследователей (А.Н. Дурикин, С.Т. Шацкий) уточняют в своих работах содержание предлагаемого материала для изучения. Они пишут о необходимости знакомства детей с природным окружением, как фактором «реалистического» воспитания, с трудовой деятельностью взрослых, отмечают необходимость включения вопросов антирелигиозного, политехнического, интернационального воспитания. Кроме того, особенно значимыми считают знания о классовой борьбе, о борьбе пролетариата за свои идеалы. Особое внимание уделяют выбору методов и приемов при ознакомлении детей с социальной действительностью. Педагогам предлагалось использовать «новые» методы обучения такие, как метод проектов, дальтон-план, метод живого действия, комплексная система обучения, исследовательский (лабораторный) метод. Особое место в процессе обучения занимали экскурсии на производство.

Нами установлено, что большинство монографий и трудов по решению проблемы социального воспитания через ознакомление с социальной действительностью написаны с 1925 по 1930 год. Это объясняется тем, что в данное время наступает период единомыслия в педагогике и, прежде всего, это связано с появлением программ ГУСа. Ученые и педагоги того времени пытались осветить в своих работах наиболее острые проблемы, уточнить цели, наметить задачи процесса ознакомления детей с социальной действительностью. Кроме того, интерес к проблеме социального воспитания постепенно угасает, так как управление Главсоцвоса было ликвидировано в июне 1930 года. По официальной версии в связи с реорганизацией Наркомпроса.

Таким образом, в настоящее время перед педагогами стоят аналогичные проблемы социального воспитания подрастающего поколения. Описанные в теории педагогики 20-30-х годов XX столетия модели решения данной проблемы позволяют нам сформулировать ряд конструктивных идей:

1. Приобщение подрастающего поколения к социальной действительности. Ответственное и осмысленное отношение к социуму.
2. Совместная организация среды, как фактора социального воспитания через создание, возрождение общественных организаций детей. Привлечение в детские организации всей окружающей действительности.
3. Усиление значения трудового воспитания (поручения, совместный труд взрослых и детей в семье, уроки общественно-полезного труда в школе, экскурсии на производство). Идея общественного сотрудничества, взаимопомощи.
4. Использование материалов краеведения (этнокультурное воспитание) в учебно-воспитательном процессе. Единство народов, населяющих нашу многонациональную страну заложено на «генном уровне». Оно является основой существования и дальнейшего успешного развития нашего государства.
5. Четкая и понятная система ценностных ориентаций порастающего поколения.
6. Развитие в детях чувство реальности, умение отличить возможное от невозможного, ставить далекие и близкие цели, подходить к их достижению с упорной настойчивостью и постепенностью.
7. Школа должна быть «школой жизни», «школой действия» и «школой труда», а не только школой учебы, отрезанной от жизни, где на первый план выходит успешная сдача ЕГЭ.
8. Реализация на федеральном, региональном и местных уровнях программ развития молодежи и школьников. Социальные проекты, олимпиады, конкурсы и т.д. – это возможность сформировать личностное восприятие человека в контексте об-

ственной значимости. Ценность собственных достижений во благо общества – эффективная модель развития человека и залог успешности, незыблемости государства.

9. Возрождение и популяризация детских периодических изданий (газет, журналов), как один из методов ознакомления с социальной действительностью и социального воспитания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы общественно-политического воспитания в школе. / Под ред. А.Н. Дурикина, Ф.Г. Моночиненкова, О.М. Наглис, М.Н. Орловой. – М.: Работник просвещения. – 1928. – 51с.
2. Иорданский Н.Н. Основы социального воспитания. – М.: Народный учитель, 1919. – 90с.
3. Иорданский Н.Н. Организация детской среды. – М.: Работник просвещения, 1925. – 102с.
4. Иорданский Н.Н. Основы и практика социального воспитания. – М.: Работник просвещения, 1925. – 387с.
5. Калашников А.Г. Проблемы политехнического образования: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1990. – С.49 – 53.
6. Каменев С.А. Школа и организация детской среды. – Ростов – н/Дону: Буревестник, 1925. – 55с.
7. Пинкевич А.П. Основные проблемы современной школы. Шесть лекций по педагогике. – Петроград: Прибой, 1924. – 109с.
8. Пинкевич А.П. Педагогика. Опыт марксистской педагогики. – М.: Работник просвещения, 1930. – 258с.
9. Поздняков А.Н. Н.Н. Иорданский: о социальном воспитании в советской школе (первое послеоктябрьское десятилетие) // <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1668409625&tld=ru&lang=ru&name=Action10326>
10. Шацкий С.Т. Советская начальная школа, ее теория и практика // Вопросы пролетарской педагогики: Доклады на Лейпцигской педагогической конференции интернационала работников просвещения / Под ред. А.П. Пинкевича. – М.: Работник просвещения, 1928. – С.172-185.
11. Шульгин В.Н. Основные вопросы социального воспитания. – М.: Работник просвещения, 1925. – 126с.
12. Шульгин В.Н. Школа и государство // Вопросы пролетарской педагогики: Доклады на Лейпцигской педагогической конференции интернационала работников просвещения / Под ред. А.П. Пинкевича. – М.: Работник просвещения, 1928. – С.94-159.
13. Шульгин В.Н. О воспитании коммунистической морали. – М.: Работник просвещения, 1930. – 59с.

© Бреннер Дарья Анатольевна (dariar@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Винокурова Мария Иннокентьевна,

Аспирант, Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова;

старший преподаватель, Якутский колледж

инновационных технологий, Россия, г. Якутск

vmi_78@mail.ru

THE INFLUENCE OF THE REGIONALIZATION OF THE CONTENT OF EDUCATION ON THE COMPETITIVENESS OF MIDDLE-LEVEL SPECIALISTS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

M. Vinokurova

Summary: The purpose of the study is to substantiate the effectiveness of the competence approach by regionalizing the content of education to increase the competitiveness of middle-level specialists. The author uses methods of analysis and scientific observation of the process of training specialists in the system of secondary vocational education of the Republic of Sakha (Yakutia) on the example of the specialty "Law and organization of social security". To determine the results of the study, the diagnosis of the level of formation of key competencies affecting the competitiveness of future lawyers was carried out. It is proved that the regionalization of the content of education contributes to an increase in the level of development of general and professional competencies that determine the competitiveness of future specialists in the regional labor market. As a result, the influence of the regionalization of the content of humanitarian and general professional disciplines on the development of general and basic professional competencies that form the competitiveness of future lawyers in the regional labor market is proved. Conclusion: the regionalization of the content of the mandatory and variable parts of the training program for mid-level specialists contributes to increasing their competitiveness in the regional labor market.

Keywords: mid-level specialists, secondary vocational education, FSES SPO, competitiveness, regionalization, competence approach, competence, demand, labor market.

Аннотация: Цель исследования – обоснование эффективности применения компетентного подхода путем регионализации содержания образования для повышения конкурентоспособности специалистов среднего звена. Автором использованы **методы анализа и научного наблюдения** над процессом подготовки специалистов в системе среднего профессионального образования Республики Саха (Якутия) на примере специальности "Право и организация социального обеспечения". Для определения результатов исследования проведена диагностика уровня сформированности ключевых компетенций, влияющих на конкурентоспособность будущих юристов. Доказано, что регионализация содержания образования способствует повышению уровня развития общих и профессиональных компетенций, определяющих конкурентоспособность будущих специалистов на региональном рынке труда. **В результате** доказано влияние регионализации содержания гуманитарных и общепрофессиональных дисциплин на развитие общих и базовых профессиональных компетенций, формирующих конкурентоспособность будущих юристов на региональном рынке труда. **Вывод:** регионализация содержания обязательной и вариативной частей программы подготовки специалистов среднего звена способствует повышению их конкурентоспособности на региональном рынке труда.

Ключевые слова: специалисты среднего звена, среднее профессиональное образование, ФГОС СПО, конкурентоспособность, регионализация, компетентный подход, компетенция, востребованность, рынок труда.

Введение

В Российской Федерации подготовка специалистов среднего звена, востребованных на рынке труда, является одной из приоритетных задач социально-экономического развития государства. Вместе с тем, до настоящего времени продолжает оставаться не решенной проблема подготовки в СПО конкурентоспособных кадров, соответствующих меняющимся потребностям региональной экономики и приоритетам социально-экономического развития региона. Основной причиной не востребованности выпускников, на наш взгляд, яв-

ляются противоречия, возникшие между потребностью работодателей региона на квалифицированных специалистов среднего звена и неспособностью учреждений СПО подготовить конкурентоспособных выпускников. Решение проблемы нами видится в совершенствовании методологических подходов к организации образовательного процесса с учетом региональных особенностей подготовки кадров.

Методологическую основу исследования составили публикации А.М.Короткова и Н.К.Сергеева, Т.О. Субановой и Ю.Г. Бюраевой О.Е., Ю.В. Айдаровой, Ф.Ф. Дуды-

рева, О.А. Романовой, А.И. Шабалина, И.В. Абанкиной, Л.А. Корчагиной, Л.А. Лукиной, Т.О. Субанакковой, Ю.Г. Бюраевой и др., посвященные проблемам подготовки кадров для обеспечения потребностей региона.

Важно отметить, что регионализация образования это: “тенденция”, определяющая “направленность действий по модернизации отечественного образования на многие годы вперед” [11, с.7], “баланс между количеством выпускаемых специалистов, уровнем их подготовки и возможностями трудоустройства» [18, с.36].

Рассматривая перспективы развития СПО на региональном уровне, группа авторов: Ф.Ф. Дудырев, О.А. Романова, А.И. Шабалин, И.В. Абанкина (2019) отмечают, что одни и те же действия федеральных органов власти, направленные на повышение качества СПО, приводили к разным результатам, сформировав в результате «лучшие региональные практики в области развития систем СПО» [8, с. 227]. Следовательно, мы предполагаем, что могут быть и худшие практики, которые в век глобальной конкуренции и стремительной цифровой трансформации общества могут стать причиной слабой конкурентоспособности выпускников СПО на рынке труда.

Несколько спорной является точка зрения Л.А. Корчагиной, Л.А. Лукиной (2017) о том, что “профессионально-квалификационная диспропорция спроса и предложения приводит не только к появлению невостребованных работников на рынке труда, но и вызывает кадровый дефицит на квалифицированных рабочих и служащих” [12, с.47]. Спорность данной позиции заключается в том, что на диспропорцию спроса и предложения зачастую влияет отсутствие опыта работы.

Группа авторов в составе Дубицкого В.В., Коновалова А.А., Кислова А.Г. (2021), одной из проблем региональных учреждений СПО назвали «неготовность педагогов и образовательных организаций к внедрению новых механизмов и содержательных элементов в образовательный процесс...» [6, с.17]. По мнению Ю.В. Айдаровой (2018): “рабочие программы дисциплин должны отражать современное состояние науки и практики” [2, с.213]. Следовательно, для повышения эффективности преподавания в СПО необходимы новые подходы, способные повысить качество подготовки специалистов.

Вышеизложенный анализ подтвердил актуальность поиска таких методологических подходов, которые могли бы способствовать повышению конкурентоспособности специалистов среднего звена на региональном рынке труда.

Исходя из целей подготовки конкурентоспособного специалиста, нами предлагается компетентный подход путем регионализации содержания образова-

ния, который позволит реализовать принцип единства педагогической теории, эксперимента и региональной практики.

Руководствуясь **гипотезой**, предполагающей о том, что подготовка специалистов среднего звена, востребованных региональным рынком труда, возможна путем регионализации содержания образования, перед нами были поставлены следующие задачи исследования:

- обосновать необходимость совершенствования методологических подходов к организации образовательного процесса для подготовки конкурентоспособных специалистов среднего звена в Республике Саха (Якутия);
- раскрыть сущность регионализации содержания образования как методологического подхода для повышения конкурентоспособности специалистов среднего звена на примере Республики Саха (Якутия);
- проверить эффективность компетентного подхода путем регионализации содержания образования для повышения конкурентоспособности специалистов среднего звена на примере специальности “Право и организация социального обеспечения”.

В целях реализации федеральных инициатив в Республике Саха (Якутия) в последние годы принято немало нормативно-правовых актов (НПА), регулирующих вопросы подготовки квалифицированных кадров, в том числе устанавливающих перечень востребованных экономикой республики профессий [9,17]. Вместе с тем, до настоящего времени коренного сдвига в повышении показателя трудоустройства выпускников СПО не наблюдается. Наряду с этим, не ведется мониторинг востребованности выпускников СПО, обучавшихся на коммерческой основе, в том числе по специальности ПИОСО.

Решению проблем востребованности специалистов посвящены работы: В.А. Адольф, Е.С. Богдан, Т.Ф. Зябкиной, М.Н. Марченко, Д.А. Мохорова, В.Г.Гладких, М.С. Чвала и др.

Как утверждает В.Г. Гладких (2018), “индикатором сбалансированности регионального рынка труда и учреждений профессионального образования” является “востребованность” выпускников [4, с.20]. Но на наш взгляд, востребованность специалистов среднего звена определяется их конкурентоспособностью, которая в свою очередь зависит от уровня развития общих и профессиональных компетенций. В связи с этим примечательно мнение В.А. Адольф (2018) о необходимости формирования у студентов “общих ключевых и базовых общепрофессиональных компетенций, обеспечиваемых преемственностью содержания образования” [1, с.8]. В этом контексте стоит согласиться с Е.С. Богдан (2018),

выделившим: “рейтинг компетенций, значимых для выпускника при трудоустройстве и выполнении своих профессиональных обязанностей”.

Поскольку мы проводили свои исследования на примере подготовки будущих юристов в системе СПО, нам также важны были выводы М.Н. Марченко (2017) о том, что “недооценка роли фундаментальных, общетеоретических дисциплин в процессе подготовки юристов...отрицательно скажется на их профессиональной грамотности...” [12,с.20]. Но нельзя не согласиться и с мнением М.С. Чвала (2019) о том, что «наличие системы компетенций в сфере профессиональной подготовки не всегда обеспечивает конкурентоспособность выпускников» [19, с.5].

Следовательно, для формирования высокого уровня развития компетенций у будущих специалистов СПО важно совершенствовать методологические подходы. Основываясь на результатах исследования Т.Ф. Зябкиной и Д.А. Мохорова (2018), выявивших эффективность компетентного подхода к изучению юридических дисциплин при подготовке бакалавров, мы установили, что образовательные результаты данного подхода остаются не изученными при подготовке юристов в системе СПО [10]. Таким образом, поиск методологических подходов к подготовке конкурентоспособных юристов среднего звена остается актуальной проблемой педагогики профессионального образования.

Вышеизложенное послужило основанием для применения компетентного подхода путем регионализации содержания гуманитарных и общепрофессиональных дисциплин на примере специальности “ПИОСО”. Исходя из того, что базовую основу конкурентоспособности будущих юристов составляют гуманитарные, экономические, общепрофессиональные и профессиональные области знаний, мы провели диагностику путем анкетирования показателя приоритетизации указанных

областей знаний у студентов первых курсов.

Как видно из рисунка 1, из 57 респондентов большинство признают роль общепрофессиональных и профессиональных знаний (71,9% и 85,9% соответственно), но значимость гуманитарных наук выделяют лишь 38,6%, экономических - 31,6% респондентов. Возможно, низкий уровень признания роли гуманитарных и экономических дисциплин, формирующих базовые основы общих и профессиональных компетенций у будущих юристов, является одной из причин их слабой конкурентоспособности на рынке труда.

Известно, что программа подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) базовой подготовки по ФГОС СПО специальности 40.02.01 «ПИОСО» включает три основных цикла теоретической подготовки:

- общий гуманитарный и социально-экономический (ОГСЭ);
- математический и общий естественнонаучный;
- профессиональный, включающий общепрофессиональные и профессиональные дисциплины [ФГОС].

При этом обязательная часть вышеуказанных учебных циклов дополняется вариативной частью, составляющей не менее 30% от общего количества часов и способной существенно повысить уровень развития компетенций.

Основы общих гуманитарных знаний теоретической подготовки будущих юристов составляют учебные дисциплины: философия, история, иностранный язык, физическая культура, формирующих 12 общих компетенций (ОК). Как показывает практика, при изучении цикла ОГСЭ зачастую преподаватели не уделяют должного внимания приоритетным направлениям социальной политики региона, особенностями социального обслуживания населения, региональными нормативно-правовыми актами.

Рис. 1. Результаты исследования приоритетных областей знаний для выпускников СПО Республики Саха (Якутия) (на примере специальности “Право и организация социального обеспечения”)

В целях реализации компетентного подхода путем регионализации содержания образования, нами в программу цикла ОГСЭ был включен раздел "Региональный аспект теоретической подготовки по общему гуманитарному и социально-экономическому циклу специальности ПИОСО.

Как видно из таблицы 1, на цикл ОГСЭ в структуре ППССЗ отведено всего 488 часов обязательных учебных занятий, из которых 304 часа на основную часть (ОЧ), 138 часов - на региональный компонент (РК). В соответствии с ФГОС результатом изучения учебных дисциплин цикла должно стать формирование общих и профессиональных компетенций (ОК и ПК) будущей специальности (табл.1).

Для установления влияния регионализации содержания образования по циклу ОГСЭ отобрали 57 студентов первых курсов с целью определения уровня развития общих компетенций. Для диагностики были взяты 4 критерия, представляющие собой обобщенные характеристики общих компетенций, формирующих базовую основу профессиональных компетенций: ОК 1 – студент понимает сущность и социальную значимость своей будущей профессии в экономике региона, ОК 4 - осуществляет поиск и использование информации, необходи-

мой для эффективного выполнения профессиональных задач в регионе, профессионального и личностного развития, ОК 8 – самостоятельно определяет задачи профессионального и личностного развития, занимается самообразованием, ОК 9 – ориентируется в условиях постоянного изменения региональной и федеральной правовой базы. Уровень развития общих компетенций (ОК) определяли по 5 уровневой шкале: высокий, выше среднего, средний, ниже среднего и низкий.

Как видно из рисунка 2, у 57 респондентов наблюдался преимущественно ниже среднего уровень развития ОК 4 у 22 (38,6%) и низкий у 7 (12,3%). Аналогичные показатели по критерию ОК 8: ниже среднего у 26 (45,6%) и низкие у 3 (5,3%) студентов. По критерию ОК 1 отмечался преимущественно (56,1%) средний уровень развития, что связано с навыками, полученными в период обучения в школе. По критерию ОК 9 наблюдался самый низкий уровень развития у 19 студентов (33,3%) и ниже среднего у 26 (45,6%), что свидетельствовало об отсутствии у 78,9% студентов готовности к развитию базовой профессиональной компетенции.

Таким образом, на начальном этапе обучения будущие юристы слабо осуществляют поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполне-

Таблица 1.

Доля регионального компонента цикла ОГСЭ в программе подготовки юристов в СПО

Индекс	Цикл ОГСЭ	Общее кол-во часов	Из них		Результат	
			ОЧ	РК	ОК	ПК
ОГСЭ 01	Философия	48	34	14	ОК 1-12	0
ОГСЭ 02	История	48	34	14	ОК 1-12	ПК 4.3 - 4.4
ОГСЭ 03	Иностранный язык	196	138	58	ОК 1-12	0
ОГСЭ 04	Физическая культура	196	138	58	ОК 2,3,6,10	0
	Итого	488	304	144		

Рис. 2. Результаты диагностики уровня развития ключевых общих компетенций у студентов первого года обучения

ния профессиональных задач, не могут самостоятельно определить задачи профессионального и личностного развития, практически не ориентируются в изменениях нормативно-правовой базы, следовательно не владеют навыками работы с ними. Полученные данные коррелируют с низким уровнем признания студентами роли гуманитарных и экономических дисциплин, формирующих базовые основы общих и профессиональных компетенций (рис.1).

В целях регионализации содержания учебных дисциплин цикла ОГСЭ, нами предлагается включить в их вариативную часть учебные материалы из региональной практики. К примеру, для будущих специалистов социальной сферы и пенсионной службы профессионально значимыми региональными компонентами содержания образования по истории и философии являются следующие тематические линии:

- История становления системы государственного призрения в XVII веке. Значение понятия «призрение».
- История развития социальной помощи и первые пособия для обездоленных.
- Первые в Якутии благотворительные заведения и общества для детей и для взрослых.
- Роль философии в становлении личности на примере жизни и деятельности первого якутского ученого философа А.Е. Мординова.
- Роль якутских ученых в развитии профессионального образования в Якутии.
- Филосовское и историческое значение Письма А.Е. Кулаковского к якутской интеллигенции А.Е. Кулаковского.
- Роль личности в истории социальной службы Якутии на примере английской сестры милосердия Кэт Марсден в истории Якутии и др.

Вышеперечисленный перечень тематических направлений регионализации учебного материала по ОГСЭ рекомендуется применять для текстов профессиональной направленности на занятиях по иностранному языку. Ввиду того, что содержание учебной дисциплины «Иностранный язык» направлено на формирование социокультурной компетенции, то изучение национально-культурной специфики страны изучаемого языка и умение выделять общее и различное в культуре России в контексте культурного развития региона может явиться условием для формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов.

На занятиях физической культуры будущим специалистам социальной сферы необходимо ознакомиться с развитием адаптивных видов спорта в регионе, о роли спорта в социализации инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья. Также целесообразно знакомить их с национальными видами спорта корен-

ных народов Республики Саха (Якутия).

Преимуществом связи цикла ОГСЭ с дисциплинами ОП обеспечивают знания по философии, истории, общемировой культуры, понимание роли профессии в жизни общества и государства. Поскольку основу юридических знаний формируют такие междисциплинарные понятия как: общество, интерес, собственность, действие, поведение, отношение и т.д., то существенное влияние на их усвоение может иметь регионализация содержания общепрофессиональных дисциплин (ОП). В свою очередь, устойчивые междисциплинарные знания в процессе изучения теории государства и права (ОП.01), конституционного права (ОП.02), административного права (ОП.03), экологического права (ОП.04), трудового права (ОП.05), гражданского права (ОП.06), семейного права (ОП.07), могут способствовать формированию более высокого уровня базовой компетенции ПК 1, проявляющейся в способности студентов толковать нормативные правовые акты.

Базовую основу профессиональной компетентности будущего юриста, наряду с теорией государства и права, формирует конституционное право. Недостаточные знания по указанной учебной дисциплине создают трудности в изучении других отраслей права, существенно влияя на конкурентоспособность будущих юристов. Содержание регионального компонента предмета конституционного права включает изучение Конституции субъектов РФ, конституционных законов, на основе которых принимаются региональные НПА.

Таким образом, сущность регионализации содержания ОП заключалась в изучении и анализе нормативно-правовых актов Республики Саха (Якутия), регламентирующих приоритетные направления социальной политики региона, вопросы социального обеспечения и социальной защиты населения, проживающего в экстремальных условиях Крайнего Севера, устанавливающих дополнительные меры социальной поддержки отдельных категорий граждан и др. Региональные НПА, затрагивающие интересы каждого жителя региона, в том числе и самих студентов, их семей, усиливают практико-ориентированность содержания изучаемых дисциплин.

Наблюдения подтвердили, что применение компетентностного подхода путем регионализации содержания ОП на основе междисциплинарной связи с предметами цикла ОГСЭ, формирует высокий уровень общих и базовых профессиональных компетенций, влияющих на конкурентоспособность будущего выпускника.

Как видно из рисунка 3, в результате регионализации содержания учебных дисциплин цикла ОГСЭ и ОП, у будущих юристов наблюдался высокий уровень развития общих компетенций ОК1 (91,2%), ОК4 (78,9%), ОК8

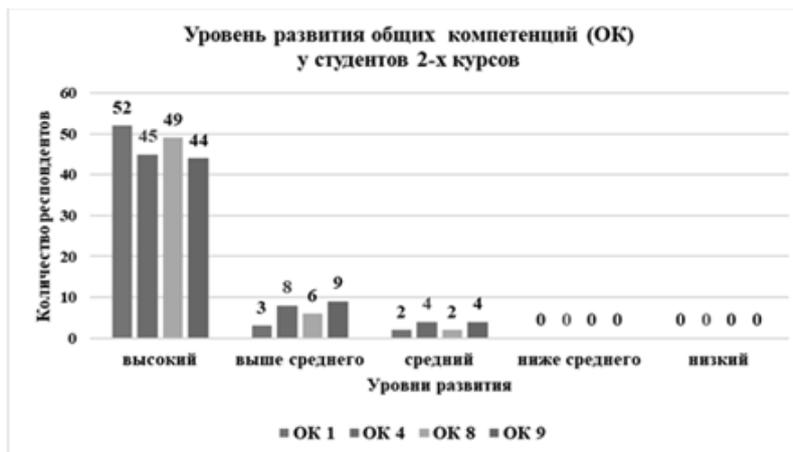

Рис. 3. Диагностика уровня развития ключевых компетенций у выпускников специальности ПИОСО

(85,9%), ОК9 (77,2%), чем в начале эксперимента (рис.2). Основными результатами регионализации содержания стали: более продуктивный поиск и использование необходимой информации; самостоятельность в определении задач профессионального и личностного развития; способность лучше ориентироваться в изменениях нормативно-правовой базы социальной отрасли; устойчивое владение навыками работы с НПА; способность мыслить юридическими понятиями и категориями; навыки применения норм различных отраслей права в решении проблемных задач.

Таким образом, нашими исследованиями подтверждено, что компетентностный подход путем регионализации содержания цикла ОГСЭ и предметов ОП обеспечивает междисциплинарную преемственность и повышает уровень развития общих компетенций, влияющих на конкурентоспособность будущих юристов.

Одной из эффективных форм компетентностного подхода является организация научно-исследовательской работы (НИР) студентов. Сущность его заключается в том, что студенты выбирают темы для самостоятельного исследования по наиболее актуальным проблемам законодательного регулирования социальной сферы. Наблюдения подтвердили, что студенты с высоким уровнем развития общих компетенций могут легко находить причины, требующие совершенствования регионального или федерального законодательства. При этом выступление по теме НИР на различных профессиональных конкурсах, олимпиадах и других мероприятиях, формируют основы их конкурентоспособности.

Анализ исследовательских работ студентов ЯКИТ, победивших в конкурентной борьбе за призовые места на различных региональных и федеральных мероприятиях для юристов, в том числе в конкурсе "Моя законодательная инициатива", подтвердил, что организация НИР является эффективной формой компетентностного под-

хода путем регионализации содержания цикла ОГСЭ и общепрофессиональных дисциплин, влияющей на конкурентоспособность будущих юристов.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, мы пришли к следующему заключению:

1. Сохраняющийся дисбаланс между трудовыми ресурсами и количеством невостребованных выпускников СПО свидетельствует об актуальности проблемы подготовки конкурентоспособного специалиста среднего звена.
2. Для подготовки востребованных специалистов среднего звена необходимо совершенствовать методологические подходы, способствующие повышению их конкурентоспособности на региональном рынке труда.
3. Одним из методов повышения конкурентоспособности выпускников на региональном рынке труда является компетентностный подход к организации учебного процесса путем регионализации содержания образования.
4. Сущность регионализации содержания гуманитарных и общих профессиональных основ теоретической подготовки студентов по специальности «Право и организация социального обеспечения» заключается в обновлении содержания учебных программ материалами, раскрывающими особенности социальной политики региона, социального обеспечения населения в регионе.
5. Регионализация содержания образования специальности СПО – это методологический подход, позволяющий применять различные формы практикоориентированных занятий на примере региона, способствующих развитию общих компетенций и базовых профессиональных компетенций, влияющих на конкурентоспособность будущих специалистов.

Вместе с тем, применение компетентностного подхода в системе СПО для подготовки конкурентоспособных специалистов среднего звена имеет дальнейшие перспективы развития. В частности, не до конца изученной

остается влияние компетентностного подхода путем регионализации содержания профессиональных дисциплин и его влияние на востребованность выпускников СПО у региональных работодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адольф В.А. Компетенция и квалификация, их взаимосвязь: методологический аспект. Методология профессионального образования: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной научному вкладу академика РАО Александра Михайловича Новикова. Составители: Аксенова М.А., Гудилина С.И., Яковлева М.Б., под науч. ред. проф. Ломакиной Т.Ю., Никитина М.В. /ФГБУ РАО. – М.: ФГБУ РАО, 2018. – С.8-14.
2. Айдарова Ю.В. Современное состояние и перспективы развития среднего профессионального образования в России//Проблемы современной экономики. ООО «Научно-производственная компания «РОСТ». - №4 (68). - 2018.С. 213-215.
3. Богдан Е.С. Конкурентоспособность выпускников на рынке труда// Вестник СурГУ. 2018. Вып. 1 (19) 29. С. 29-33.
4. Гладких В.Г., Иштерьякова Т.И. Востребованность выпускников на региональном рынке труда как показатель качества профессионального образования// Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. №5 (217). С. 21-25.
5. Грибина Г.А., Дубровин Н.А., Жидков А.А., Гордеев К.С., Воронцов А.М. Компетентностный подход в развитии профессионального образования // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/01/93801> (дата обращения: 11.10.2022).
6. Дубицкий В.В., Коновалов А.А., Кислов А.Г. К решению актуальных задач кадрового обеспечения в системе профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 3. С. 6-20.
7. Дубова М.В. Концепция компетентностно-ориентированного обучения в начальном общем образовании//Сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения российского ученого-педагога, академика РАО. – 2016. С.284-292
8. Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И., Абанкина И.В.. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. Научное издание Серия коллективных монографий «Российское образование: достижения, вызовы, перспективы» Издательский дом Высшей школы экономики. - Москва, 2019. С.272.
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2018 года 2077-З N 45-VI «О стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года».
10. Зябкина Т.Ф., Мохоров Д.А. Компетентностный подход преподавания юридических дисциплин в системе высшего образования // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 5.: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28154> (дата обращения: 26.07.2022).
11. Коротков А.М., Сергеев Н.К. Регионализация как тенденция развития современного российского образования// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Науки об образовании.2019. № 5 (138). С. 4-9.
12. Корчагина И.А., Лукина Л.А. Повышение конкурентоспособности выпускников среднего профессионального образования на региональном рынке труда//Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т.27.Вып.3. С.47-54.
13. Марченко М.Н. Состояние юридического образования современной России и проблемы повышения качества одготовки юристов//Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки • № 3 (12)' 2017. – С. 8-14.
14. Мухлынина Т.В. Регионализация современной системы дополнительного образования детей в условиях модернизации образования / Т.В. Мухлынина. — Текст: непосредственный // Инновационные педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 111-113.
15. Платонова Р.И., Федорова А.В., Иванов А.К. Подготовка кадров для Арктики в сфере среднего профессионального образования в условиях перехода на новый технологический уклад//Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.2018. №3 (99). С. 283-291.
16. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 г. № 508 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения».
17. Приказ Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 2017 года N 01-09/514“Об утверждении перечня профессий и специальностей среднего профессионального образования, наиболее востребованных, новых и перспективных в Республике Саха (Якутия)”.
18. Субанаква Т.О., Бюраева Ю.Г. Прогнозирование кадровых потребностей как метод достижения сбалансированности рынка труда и системы образования// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.2018.№3. С.36-55.
19. Чвала М.С. Формирование конкурентоспособности будущих бакалавров в области графического дизайна.: дисс. канд.пед.наук.: Ялта.- 2019.- 219 с.

© Винокурова Мария Иннокентьевна (vmi_78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

IMPLEMENTATION OF YOUTH NEEDS AND INTERESTS IN THE INTEGRATED EDUCATIONAL SYSTEM

N. Galchenko

Summary: The article studies the problem of functioning of an integrated educational system. The key characteristics of the system are described. The features of modern youth as a subject of education and training, their educational needs and interests are revealed. The directions for the implementation of the components of an integrated educational system to ensure the satisfaction of the needs of young people and the development of the conditions of the educational environment necessary for this are analyzed.

Keywords: youth, needs, integrated educational environment, blended learning format, educational environment.

Гальченко Наталья Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Мурманский
арктический государственный университет
galchenko.n.a@mail.ru

Аннотация: В статье изучается проблема функционирования интегрированной образовательной системы. Описаны ключевые характеристики системы. Выявлены особенности современной молодежи как субъекта воспитания и обучения, их образовательные потребности и интересы. Проанализированы направления реализации компонентов интегрированной образовательной системы для обеспечения удовлетворения потребностей молодежи и развития условий образовательной среды, необходимых для этого.

Ключевые слова: молодежь, потребности, интегрированная образовательная среда, смешанный формат обучения, образовательная среда.

В настоящее время существенно меняются цели образования, в соответствии с чем трансформируется и «стратегия проектирования процессов обучения, в которых происходит интеграция множества методов и форм (группового, индивидуального, самостоятельного, дистанционного и т.д.)» [6, с.56], применяются смешанные форматы образования (традиционный и цифровой) и комплекс педагогических технологий. Все это позволяет говорить о существовании интегрированной образовательной системы, в рамках которой осуществляется становление общекультурных и профессиональных компетенций будущего специалиста.

Несмотря на востребованность смешанных форматов образования, важно обеспечить реализацию интересов и потребностей современной молодежи, используя соответствующие знания об особенностях данного субъекта обучения и воспитания, выбирая соответствующие образовательные процессы (ОП), подходы и технологии. Поэтому целью нашего исследования является изучение комплекса характеристик интегрированной образовательной системы, способствующих реализации направленности (образовательных потребностей, интересов, стиля жизни, мотивации, настоящей социальной и будущей профессиональной роли и т.д.).

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие «образовательная система», описать ее ключевые характеристики;
- изучить особенности интегрированной образо-

вательной среды как основы функционирования образовательной системы;

- проанализировать характеристики молодежи (от 16 до 35 лет) как субъекта образовательной деятельности;
- проанализировать направления реализации деятельности в рамках ИОС для удовлетворения образовательных потребностей и интересов обучающейся молодежи.

Мы изучили сущность понятия «образовательная система», выявив, что:

- система – это «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой частей, при которой возникает целое, обладающее собственными качествами, отличными от качеств его частей» [3, с.11].
- Элементы образовательной системы (ОС) неразрывно связаны и функционируют как единое целое, они работают, как некие подсистемы и нацелены на цель всей системы.
- Функционирование ОС является качественным и продуктивным в случае «органичного и гармоничного взаимодействия всех ее элементов» [3, с.16], при этом один из них является системообразующим. В ОС – это цель образовательной деятельности, данный элемент системы обуславливает способ, содержание и конечный результат обучения.

Важно понимать особенности существования обра-

зовательной системы, поэтому мы проанализировали подходы к определению сущности понятия «образовательная система», приведенные в трудах отечественных ученых. (Таблица 1)

Следовательно, ОС – это всегда система взаимосвязанных компонентов, основные из которых представлены на рисунке 1.

В рамках описания интегрированной образовательной системы (ИОС) можно выделить такие подсистемы, как:

- содержательную, основными элементами которой являются ФГОС и образовательные программы различного уровня и направления подготовки;
- функциональную, включающую совокупность образовательных организаций и субъектов ОП (преподавателей, студентов, родителей);
- организационно-управленческую, интегрирующую деятельность федеральных и муниципальных государственных органов, причастных к управлению в сфере образования.

Следует отметить, что ОС развивается в рамках определенной образовательной среды как совокупности неких необходимых и достаточных условий организации психолого-педагогического воздействия и достижения поставленных образовательных результатов. В ряде исследований [3,7,10], выделены ключевые характери-

стики образовательной системы, необходимые для качественного функционирования ИОС и реализации потребностей молодежи:

- наличие характеристик здоровьесбережения, развивающего и обучающего воздействия, экологичности, информативности, гуманности и эстетичности.
- Основа функционирования ИОС – обеспечение интенсивного взаимодействия всех субъектов ОП.
- Гибкость и взаимодополняемость компонентов ОС.
- Наличие качеств «валеологически целесообразной среды как духовно-нравственного и деятельностного пространства, в котором обеспечиваются отношения сотворчества субъектов ОП на основе ценностей гуманизма и принципов личностно-профессионального развития» [11,с.46].

В нашем исследовании под ИОС мы будем понимать «систему гибридного образования, функционирующую в электронно-информационной образовательной среде (ЭИОС) на основе интеграции аудиторной и внеаудиторной работы студентов и преподавателей» [6,с.57].

Условия образовательной среды и ИОС должны соответствовать реализации образовательных потребностей, актуализации заинтересованности и мотивированности молодежи в достижении качества собственной образованности. Мы проанализировали отдельные характеристики обучающейся молодежи в контексте от-

Таблица 1.

Подходы к описанию сути понятия ОС

Автор понятия	Сущность понятия ОС
Э.И. Закирова	ОС - социальный институт образования со своей структурой взаимодействующих элементов[5].
Р.Н. Бунеев	ОС – совокупность преемственных, непрерывных ОП всех ступеней обучения, которые реализуются на основе научных концепций[2].
О.Е. Лебедев	ОС - структура взаимосвязанных элементов, функционирующих с целью обеспечения ОП[8].
Г.Н. Сериков	ОС – взаимосвязанное единство отдельных частей (процессов, явлений), представляющее отражение определенных частей образования [9].

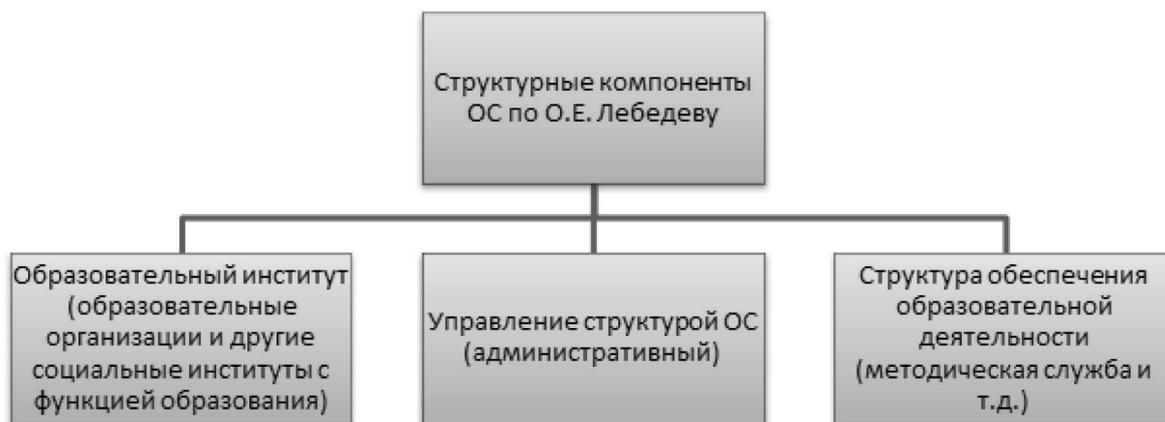

Рис. 1. Структурные компоненты ОС [8,с.7]

ношений к содержанию обучения, а также направления ИОС, способствующие развитию личностно-профессионального потенциала данной категории обучающихся (таблица 2).

Таким образом, к ключевым компонентам реализации ИОС с обучающейся молодежью следует отнести:

- доминирующую роль самостоятельного обучения, так как обучающийся имеет опыт, сформированную мотивацию и заинтересован в формировании индивидуальной образовательной траектории.
- организацию совместной продуктивной деятельности в рамках реализации интерактивных образовательных технологий (ИКТ).
- опору учебного процесса на имеющийся социально-профессиональный опыт, с его корректировкой;
- обеспечение индивидуализированного характера обучения;
- создание условий для контекстного и осознанного обучения.

К основным направлениям реализации интегрированной образовательной среды в обучении молодежи относят такие, как: воспитательное, научно-исследовательское, управления образовательным процессом, организации самостоятельной работы студентов и связи с будущей сферой профессионализации [11]. В таблице 3 представлена суть и содержание данных направлений.

Следовательно, обеспечение данных направлений

реализации компонентов ИОС будет в достаточной мере способствовать учету потребностей и интересов обучающейся молодежи, одновременно выполняя важные функции образования:

- постоянное развитие и усовершенствование ресурсной базы образовательной организации, реализация инновационных тенденций образовательных услуг, в том числе цифровизации [1,с.44];
- обеспечение качественной, оперативной и технологически доступной информационной оснастки ОП;
- внедрения инновационных информационно-коммуникационных технологий для оптимизации учебного процесса, повышения его наглядности, предоставления новых возможностей проектирования и моделирования в рамках НИРС.
- создание «интегрированного интеллектуального пространства» [4,с.8], как некой виртуальной ОС с рядом формальных и неформальных форматов обучения.

Подводя итоги анализа ИОС как средства реализации образовательных потребностей обучающейся молодежи, отметим, что результативность воздействия компонентов данной системы достигается благодаря научно обоснованному соединению традиционных дидактических технологий с новейшими информационными (ИКТ), электронными средствами обучения. Такое сочетание создает наиболее благоприятные предпосылки обеспечения доступности образования, реализации его индивидуализированного характера с большой долей самостоятельного обучения на основе дистанционных форм ОП.

Таблица 2.

Характеристики обучающейся молодежи, направленность и содержание ИОС [12]

Характеристики обучающейся молодежи	Специфика организации ИОС
Стремление к самостоятельности и самореализации обучающихся	Важность передачи инициативы и ведущей роли в обучении молодежи; Создание условий для личностной вовлеченности в процесс; Понимание исходных ожиданий и намерений обучающихся, анализ их образовательных возможностей и ограничений.
Эпизодичность, дискретность учебного процесса	Использование периодов учебной активации обучающихся, индивидуализированный характер обучения. Предоставление учебного материала в оптимальном, выполняемом объеме.
Фиксация студентов на индивидуальных целях обучения, актуальных проблемах профессионализации.	Учет специфики потребностно-мотивационной сферы обучающейся молодежи. Понимание их намерений по поводу внедрения результатов обучения. Обеспечение связи начала занятий с актуальными проблемами самих обучающихся. Использование большого количества кейс-стади, проблемных заданий, их решение в ходе занятий.
Сознательный выбор определенных стратегий образования	Внедрение разных стилей обучения, опора на имеющийся опыт обучающихся. Обеспечение поэтапности в технологии профессионального саморазвития (с учетом когнитивной, целевой, рефлексивной активности). Приоритетная форма обучения - учебно-исследовательская с обеспечением высокого уровня активности студента. Учет необходимости практического закрепления: молодежь рассчитывает на немедленное применение результатов.
Отсутствие интереса к общим теориям	Построение процесса обучения по схеме «от конкретного к общему». Установление общего в конкретных положениях. Создание практико-теоретических ситуаций на основе самостоятельного освоения материала, творческого поиска.
Наличие конкурирующих интересов в обучении	Создание компактных и эффективных циклов обучения. Обеспечение условий учебного сотрудничества, интерактивной образовательной среды.

Таблица 3.

Направления реализации ИОС

Направление	Суть, функции
Воспитательное	Информирование о содержании мероприятий (спортивных, культурно-массовых), разработанных на основе анализа интересов молодежи. Разработка социально важных проектов, содействие развитию межкультурной коммуникации
Научно-исследовательская работа студентов (НИРС)	Организация эффективного функционирования ЭИОС вуза, представление возможности дистанционного участия в научных конференциях. Представление доступа к ИКТ в виде специальных программных продуктов. Организация сотрудничества с научными организациями.
Обучение	Обеспечение доступа к совокупности образовательных информационных ресурсов, библиотечным фондам и т.д. Разработка индивидуальных образовательных траекторий. Использование ИКТ в управлении учебным процессом.
Самостоятельная работа студентов (СРС)	Использование ИКТ в оптимизации СРС. Формирование электронного контента курсов, участие студентов в разработке курсов, наполнении образовательных платформ учебным материалом.
Управление	Включение систем управления с использованием информационных ресурсов и программ (например, Moodle). Системы менеджмента качества ОП.
Связь с будущей профессиональной деятельностью	Предоставление актуальной информации о содержании, компетенциях профессионала, организация качественного взаимодействия с профильными организациями. Проектирование содержания курсовых и бакалаврских работ на основе технических заданий предприятий практики, с обязательным включением ИКТ-сопровождения. Обеспечение в ЭОС функционирования личного кабинета с формированием портфолио личных достижений как совокупности средств для дальнейшего профессионального продвижения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабин Е.Н. Цифровизация университета: построение интегрированной информационной среды // Университетское управление: практика и анализ. 2018. №6 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-universiteta-postroenie-integrirovannoy-informatsionnoy-sredy> (дата обращения: 19.12.2022).
2. Бунеев Р.Н. Образовательная система как составная часть системы образования / Р.Н. Бунеев // Начальная школа плюс До и После. – 2009. – № 6. – С. 3-6.
3. Воробьева С.В. Управление образовательными системами: учебник и практикум для вузов / С. В. Воробьева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 491 с.
4. Дмитриевская Н.А. Интегрированная интеллектуальная среда непрерывного развития компетенций // Открытое образование. 2011. № 3. С. 4–8.
5. Закирова Э.И. Управление образовательными системами с использованием мультиагентных технологий // Машиностроение и компьютерные технологии. 2013. №09. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-obrazovatelnyimi-sistemami-s-ispolzovaniem-multiagentnyh-tehnologiy> (дата обращения: 21.12.2022).
6. Котова Е.Е. Прогнозирование успешности обучения в интегрированной образовательной среде с применением инструментов онлайн аналитики // КИО. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-uspeshnosti-obucheniya-v-integrirovannoy-obrazovatelnoy-srede-s-primeneniem-instrumentov-onlayn-analitiki> (дата обращения: 19.12.2022).
7. Кукушин В.С. Теория и методика обучения: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений / В.С. Кукушкин. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 476 с.
8. Лебедев О.Е. Управление образовательными системами: теория и практика: Учебно-методическое пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. - 108 с.
9. Сериков Г.Н. Управление образованием: системная интерпретация. - Челябинск: Факел, 1998. - 660 с.
10. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования / В.И. Слободчиков. – 2-е издание / В.И. Слободчиков. – Биробиджан: БГПИ, 2005. – 272 с.
11. Сиренко С.Н., Лукошко А.Г. Развитие интегрированной информационно-образовательной среды современного университета // Открытое образование. 2012. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-integrirovannoy-informatsionno-obrazovatelnoy-sredy-sovremennogo-universiteta> (дата обращения: 19.12.2022).
12. Чернявская А.Г. Андрогогика: учебное пособие для вузов/ А.Г. Чернявская. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 174 с.

© Гальченко Наталья Александровна (galchenko.n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В НАЧАЛЬНОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Джафарова Гюнай Асиф кызы

Соискатель, учитель иностранных языков,
Московский государственный областной университет
dzhafarovaga@gmail.com

INDICATORS OF THE DIALOGIC COMMUNICATION FORMATION IN PRIMARY FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

G. Jafarova

Summary: The article raises the question of the foreign-language dialogical communication formation among younger schoolchildren in a socio-cultural environment. The author refers to the skills of dialogic communication and the criteria for their evaluation in the domestic and foreign methods of teaching foreign languages and, based on the highlighted provisions, suggests the indicators of formation of foreign-language dialogic communication, taking into account younger pupils' age characteristics and peculiarities.

Keywords: primary foreign language education, foreign language dialogical communication.

Аннотация: В данной статье поднимается вопрос сформированности иноязычного диалогического общения у младших школьников в условиях социокультурной среды. Автор обращается к умениям диалогического общения и критериям их оценивания в отечественной и зарубежной методике обучения иностранным языкам и, основываясь на выделенных положениях, предлагает выделить показатели сформированности иноязычного диалогического общения с учётом возрастных особенностей младшего школьника.

Ключевые слова: начальное иноязычное образование, иноязычное диалогическое общение.

Методика проектирования социокультурной среды и требования к обучению младших школьников иноязычному диалогическому общению предполагает создание как среды, так и коммуникативной ситуации. Грамотное моделирование ситуаций общения и выделение в них коммуникативных задач в условиях проектируемой среды послужит основой для обучения диалогическому общению в начальном иноязычном образовании.

Участие в диалогическом общении требует большой совокупности умений, среди которых мы выделяем доминантные, без которых невозможно диалогическое общение в младшем школьном возрасте, и дополнительные, которые помогут более широко раскрыть и глубоко показать готовность учащегося вступить в диалогическое общение. В качестве доминантных умений диалогического общения младшего школьника в проектируемой социокультурной образовательной среде мы выделили умения: 1. формулировать запрос информации (коммуникативно и ситуативно мотивированные вопросы); 2. удовлетворять запрос информации, то есть коммуникативно и ситуативно адекватно отвечать на вопросы; 3. сообщать информацию в целях ее последующего обсуждения; 4. выражать оценочные суждения по поводу полученной информации (реплики согласия, несогласия, сомнения, подтверждения ее истинности и т.д.).

Данные умения диалогического общения базируются

на умениях диалогической речи учащихся, которые владеют необходимыми диалогическими единствами в речи в соответствии с информативно-коммуникативными задачами общения в определенных пределах, заданных условиями обучения, то есть на коммуникативном уровне. Перечисленные умения также выступают средствами формирования диалогического общения в начальном иноязычном образовании.

Для выделения показателей сформированности иноязычного диалогического общения проанализируем умения диалогического общения, которые имеются в отечественной и зарубежной методике.

В отечественной методике выделяются разные показатели сформированности умений диалогического общения и, соответственно, критерии (Г.В. Рогова, О.А. Бизикова, Е.А. Рекичинская и др.) Показатели сформированности делятся на количественные и качественные. Так, к количественным показателям относят: количество реплик с каждой стороны, количество разнотипных диалогических единств, количество пауз хезитации.

Качественные показатели включают в себя: 1. Спонтанность. 2. Эмоциональную окрашенность. 3. Умение выступать в различных ролях. 4. Умение сочетать разные типы микродиалогов. 5. Уметь решать поставленную коммуникативную задачу в ходе диалогического общения (убедить, возразить, не согласиться, высказать свое

мнение и д.). 6. Грамматическую и лексическую правильность высказывания.

Показатели сформированности диалогического общения рассмотрены и в основном установлены применительно к старшей ступени. К таким показателям принято относить умения: формулировать вопросы, отвечать и пояснять ответы, высказывать личное мнение (положительное, отрицательное, нейтральное), организовывать диалог таким образом, чтобы взаимодействие с собеседником естественно и непринужденно перерастало официальные рамки, трансформируясь в межличностное диалоговое общение. Важным также является умение преодолевать адаптационный барьер в диалоге; находить адекватные средства для диалогического взаимодействия (верный тон, нужные слова, жесты, мимика и т.д.); разворачивать диалогическое обсуждение проблемы, решающей образовательные задачи; грамотно формулировать вопросы и отвечать на вопросы коммуникантов; слушать собеседника; согласовывать свои интересы с интересами других; инициировать познавательную активность и поддерживать в процессе всего взаимодействия на уроке (всё время держать собеседника в «тонусе»); владение техникой речи, культурой речевого поведения; вызвать к себе стабильное расположение и симпатию на протяжении всего взаимодействия.

Дополнительные показатели связаны с лексическим, грамматическим оформлением диалогического высказывания (адекватный выбор лексико-грамматического материала для достижения поставленной коммуникативной цели в диалоге; соответствие уровню владения языком на данном этапе обучения; разнообразный словарный запас; владение простыми и сложными грамматическими конструкциями; использование различных типов предложений, лексическая и грамматическая корректность речи). В качестве дополнительного показателя следует рассматривать и произносительную сторону речи (адекватное произношение, долгота/краткость гласных, оглушение согласных/его отсутствие в конце слова, смягчение согласных/ его отсутствие перед гласными, ритмико-интонационные особенности оформления повествовательного, побудительного и вопросительного предложений, ударение/отсутствие ударения, интонация перечисления). Использование в диалогическом общении социокультурных знаний и лингвострановедчески маркированной лексики тоже можно рассматривать как дополнительный показатель.

В европейских документах также выделяются показатели и критерии. Обратившись к общеевропейским критериям оценки уровня владения иностранным языком, а именно умениям ведения диалога (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Совет Европы, 2001, Московский государственный лингвистический универси-

тет (русская версия), 2003), мы выяснили, что для интересующей нас начальной ступени актуальным является уровень А1, дескриптор к которому отсутствует. Однако, помимо умений ведения диалога имеются дескрипторы, т.е. критерии оценивания умений развития темы, целостности и связности, беглости устной речи и точности высказывания. Следует при этом учитывать различие между иностранным языком, изучаемым в иноязычной среде (в России), и вторым языком, изучаемым в языковой атмосфере (в Германии, Англии, Франции, Испании и т.д.), где место изучения языка представляет собой языковую атмосферу, а средством управления изучением языка выступает не только преподаватель и учебник, но и процесс повседневного общения. Коммуникативной функцией языка в условиях иноязычного образования является статус языка образования, а в языковой среде – повседневное общение.

Применительно к предмету нашего исследования мы находим наиболее актуальными и целесообразными критерии, предложенные Т.М. Фоменко, которые мы адаптируем под возрастные особенности младшего школьника. Данные умения могут выступать объектами контроля при оценивании умений говорения в целом, так как они направлены на выражение мыслей в устной форме. Итак, рассматривая диалогическое общение как комплекс умений выражения мыслей, его составляющими можно определить:

- умение ориентироваться в условиях общения и последовательно развивать иноязычное высказывание, правильно реагируя свою речь и самостоятельно выбирая её содержание;
- умение найти адекватные средства для передачи этого содержания, делая при необходимости самостоятельные выводы, обобщения; умения использовать в иноязычных высказываниях аргументы, соответствующие коммуникативным намерениям говорящего;
- умение излагать свои мысли с достаточной степенью полноты; умение выражать на иностранном языке субъективно-оценочное отношение к предмету речи.

Совокупность этих умений определяет готовность и возможность общения и является объектом контроля умений иноязычного диалогического общения.

Важно осуществлять постоянный контроль за уровнем сформированности разных видов умений в диалогическом общении. В качестве объектов контроля в отечественной методике выделяются: умение реплицирования, умение взаимодействия и умение выбора необходимых иноязычных средств для конкретной коммуникативной ситуации.

Умение участвовать в диалоге предполагает владе-

ние умениями реплицирования в рамках диалогического общения. Эти умения предполагают способность отреагировать инициативной репликой на предложенную ситуацию общения и дать ответную реплику на инициальную реплику партнера с учетом ситуации общения.

Специфическим параметром диалога являются умения взаимодействия, то есть умения начать беседу и поддерживать ее с соблюдением очередности при обмене репликами, побуждать партнера к продолжению разговора, проявлять инициативу при смене темы, восстанавливать беседу в случае сбоя.

Контролю подлежит умение выбрать из накопленных иноязычных средств те, которые соответствуют коммуникативной задаче (например, при первой встрече поздороваться, используя принятые в стране правила речевого общения).

Важно отметить, что одним из самых важных показателей владения диалогическим общением является соответствие содержания высказывания ситуации общения и поставленной коммуникативной задаче. Так, беседа по заданной ситуации является одним из основных критериев сформированности умений диалогического общения младших школьников. Ситуация может задаваться как вербально — путем описания, так и невербально — с помощью средств наглядности.

Итак, приняв во внимание все критерии и показатели сформированности умений диалогического общения, мы сформулировали критерии и показатели применительно к младшему школьному возрасту в условиях социокультурной образовательной среды. В дополнение к вышесказанному следует отметить, что при оценке качества владения умениями диалогического общения важно выбирать адекватные приёмы контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банникова, Л.С., Кошман, Д.М. Методы активного обучения как средство формирования умений диалогической речи учащихся в процессе изучения иностранного языка // *Вісник МДПУ імя І. П. Шамякіна*. 2012. №1 (34).
2. Джафарова Г.А. Роль социокультурной образовательной среды в обучении младших школьников диалогическому общению // *Педагогический журнал*. 2022. Т. 12. №2А. С.361-365. DOI: 10.34670/AR.2022.65.50.065
3. Джафарова Г.А. Содержание обучения устному иноязычному общению в контексте теории начального иноязычного образования // *Современная наука*. №2-2 2022. С.76-77. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-1.11
4. Никитенко З.Н. Иностранный язык в начальной школе: теория и практика. Учебник. Гриф АРПУИ. М.: ФЛИНТА, 2020.
5. Фоменко, Т.М. Тесты как форма контроля : книга для учителя / Т. М. Фоменко. - Москва: Просвещение, 2008. – 174 с.
6. Усольцева, Н.К. Формирование предпосылок диалогического общения у детей старшего дошкольного возраста с ОНР Текст.: автореф. дис. .канд. пед. наук / Н.К. Усольцева. М.: [б. и.], 1996. - 16 с.

© Джафарова Гюнай Асиф кызы (dzhafarovaga@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ПИСЬМА У ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ)

SPECIFIC WRITING ERRORS IN SCHOOLCHILDREN WITH MENTAL RETARDATION (INTELLECTUAL DISABILITIES)

**A. Erokhina
V. Morugina
E. Parshenkova
T. Tashina**

Summary: Children with mental retardation are characterized by a variety of speech disorders. One of the most common at school age is a violation of written speech. The text of the article presents the ascertaining stage of the study, the purpose of which is to study the state of written speech of a student with intellectual disabilities. In accordance with the set goal, a speech therapy examination was organized and carried out, containing several stages. The first stage, indicative, allowed us to formulate a general characteristic of the subject, determining his individual capabilities and features. The second stage, diagnostic, contributed to the identification of features of reading and writing disorders in the student. The third stage, analytical, provided for an assessment of the formation of writing and reading skills. The fourth stage, prognostic, was focused on summing up and formulating a speech therapy conclusion. The fifth stage, the stage of informing parents, included notifying parents of the results of the diagnostic examination and informing them of recommendations on the need for speech therapy support for the child. Based on the data obtained, it is further planned to compile a set of corrective measures aimed at correcting violations of writing in a primary school student with intellectual disabilities. Thus, the article describes in detail the content and results of a speech therapy examination of a student with an intellectual disability.

Keywords: mental retardation, speech therapy examination, violation of writing.

Ерохина Алена Александровна

учитель-логопед, ОГКОУ «Шуйская коррекционная школа-интернат»;

старший преподаватель, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Шуя
olena-m-a@mail.ru

Моругина Валерия Валерьевна

кандидат педагогических наук, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Шуя
8219788@mail.ru

Паршенкова Елена Николаевна

кандидат педагогических наук, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Шуя,
vena.mail@yandex.ru

Ташина Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Шуя
ta-ta81@yandex.ru

Аннотация: Для детей с умственной отсталостью характерны разнообразные речевые нарушения. Одним из самых распространенных в школьном возрасте является нарушение письменной речи. В тексте статьи представлен констатирующий этап исследования, целью которого выступает изучение состояния письменной речи школьника с интеллектуальными нарушениями. В соответствии с поставленной целью, было организовано и осуществлено логопедическое обследование, содержащее несколько этапов. Первый этап, ориентировочный, позволил сформулировать общую характеристику на испытуемого, определив его индивидуальные возможности и особенности. Второй этап, диагностический, способствовал выявлению особенностей нарушения чтения и письма у школьника. Третий этап, аналитический, предусматривал оценку сформированности навыков письма и чтения. Четвертый этап, прогностический, был ориентирован на подведение итогов и формулировку логопедического заключения. Пятый этап, этап информирования родителей, включал уведомление родителей о полученных результатах проведенного диагностического обследования и сообщение им рекомендаций о необходимости логопедического сопровождения ребенка. На основе полученных данных в дальнейшем предполагается составление комплекса коррекционных мероприятий, направленного на коррекцию нарушений письменной речи у обучающегося младшего школьного возраста с нарушением интеллекта. Таким образом, в статье подробно описано содержание и результаты логопедического обследования обучающегося с нарушением интеллекта.

Ключевые слова: умственная отсталость, логопедическое обследование, нарушение письма.

Письмо и чтение являются основой процесса школьного начального обучения и превращаются в средство дальнейшего получения знаний учащимися. Это говорит о том, что если обучающийся не освоит на-

вык письма, то обязательно будет отставать в освоении всей школьной программы. Отсюда следует, что проблема нарушений письменной речи у школьников является одной из самых актуальных.

Доказано, что нарушения чтения и письма являются распространенной формой речевой патологии детей младшего школьного возраста [6; 7]. У детей с нарушением интеллекта письменная речь формируется позднее, замедленнее и с большими трудностями. Это объясняется сложностью механизма письма и значимостью сформированности графо-моторных навыков письма для обучения в школе.

Исследование процесса становления и развития письменной речи и ее коррекции у школьников, имеющих нарушение интеллекта, осуществляется давно и представлено трудами разных авторов. Так, можно назвать таких исследователей, как Р.И. Лалаева, А.К. Аксенова, Э.В. Якубовская, Л.Б. Баряева, Е.Т. Логинова, Л.В. Лопатина, В.В. Воронкова, С.В. Комарова [1; 2; 5; 8; 11; 12; 13] и др.

Анализ литературных данных показывает, что в науке накоплен и на практике реализуется широкий спектр подходов к диагностике и коррекции нарушений письменной речи у обучающихся, имеющих нарушение интеллекта. Большинство авторов отмечают, что при обследовании и устранении нарушений письменной речи у учащихся данной категории необходимо брать во внимание все особенности психофизических процессов в общей картине структуры дефекта при умственной отсталости [3; 15; 16].

Так, с целью исследования состояния письменной речи ученика с интеллектуальной недостаточностью нами было осуществлено его диагностическое обследование на базе Областного государственного казенного общеобразовательного учреждения «Шуйская коррекционная школа - интернат».

В эксперименте принял участие обучающийся по 1 варианту адаптированной основной общеобразовательной программы образования обучающихся с легкой умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) Андрей в возрасте 9 лет. Диагноз: F 70.08 – умственная отсталость легкой степени. Заключение ПМПК – тотальное недоразвитие легкой степени выраженности (тормозимый инертный вариант).

При исследовании соблюдались этапы логопедического обследования по О.Е. Грибовой [9].

Ориентировочный этап включал изучение медицинской и педагогической документации на испытуемого (личное дело, заключение ПМПК, медицинская карта развития, индивидуальная карта личностного развития, психолого-педагогическая характеристика, классный журнал, речевая карта, рабочие тетради), знакомство с испытуемым и установление эмоционального контакта, наблюдение за ним во время учебного дня, а также

Таблица 1.

Представление об индивидуальных возможностях и особенностях ученика с нарушением интеллекта на момент диагностического исследования

Логопедическое заключение	Системное недоразвитие речи легкой степени, нарушения письменной речи смешанного характера. Средний балл успеваемости по программам русского языка -3,3, чтения – 3,4.
Произношение	Просодическая сторона речи без выраженных особенностей. Мономорфный характер недостатков произношения – параламбдацизм (замена [л] на губно-губное [в]).
Фонематическая сторона	Восприятие в основном сформировано, но незначительно затруднена слухо-произносительная дифференциация оппозиционных звуков в слогах. Недоразвитие фонематического анализа и синтеза (определяет первый и \ или последний звук в слове, количество слогов в знакомых 2-3-сложных словах, но затрудняется определить характеристики звука, количество и последовательность звуков в слове, слов в предложении).
Понимание речи	Наблюдаются трудности в различении морфологических элементов, выражающих значение числа и рода; приставочных и суффиксальных изменений значений слов. Доступно понимание простых логико-грамматических конструкций (2-3-ступенчатых инструкций, простых сравнений). Нарушено понимание скрытого и переносного смысла, инверсии, сложных сравнений, вопросов и инструкций, сложных предложно-падежных конструкций и конструкций в творительном падеже.
Экспрессивная речь	Фраза простая распространённая, с усложнением (использует простые союзы); редко аграмматичная. Часто фразы однословные или неполные по составу. Спонтанная форма речи развита лучше произвольной.
Лексико-грамматическая сторона и связная речь	Словарный запас беден. Простым обобщением владеет частично. Антонимы подбирает с ошибками, синонимы не подбирает. Недостатки словоизменения и словообразования без выраженных отклонений. Связная речь сформирована недостаточно: в пересказах и рассказах на наглядной основе наблюдаются пропуск и искажение смысловых звеньев, нарушение последовательности событий. Значительно затруднена контекстная речь (без опоры на наглядность).
Чтение	Читает медленно, единичные ошибки. Понимание прочитанного незначительно затруднено. Пересказ самостоятельный с небольшими наводящими вопросами. Заучивать наизусть может короткие стихотворения.
Письмо	Списывает с печатного и (или) рукописного текста по слогам (сложные слова), целыми словами. Под диктовку пишет, допускает большое количество ошибок. Грамматические задания выполняет с помощью учителя. Правила применять затрудняется. Почерк малоразборчивый.

беседа с классным руководителем. В результате сбора анамнеза получена общая характеристика испытуемого, начиная с дошкольного возраста, и сформировано представление об индивидуальных возможностях и особенностях ученика на момент исследования. Результаты представлены в таблице 1.

Анализ данных показал, что ведущим симптомом является нарушение письменной речи, препятствующее освоению школьной программы на достаточном уровне.

Диагностический этап исследования имел целью выявление особенностей нарушений письма и чтения у испытуемого.

Оценка сформированности навыков чтения производилась на уровне текста традиционным способом с учетом рекомендаций пособия Н.Н. Баль, И.А. Захарченя «Обследование чтения и письма у младших школьников» [4]. В качестве материалов обследования использовался специально подобранный текст, доступный ребенку и соответствующий программе класса по объему и содержанию.

Проверка навыков письма производилась подробно по методике И.Н. Садовниковой [14] и включала три вида письма:

- списывание (с рукописного и печатного текста);
- слуховой диктант (строчных и прописных букв, слогов, слов, предложения, текста);
- самостоятельное письмо (подписи слов и предложения к картинкам).

Речевой материал включал:

- звуки всех фонетических групп;
- предусматривал позиционную близость звуков, имеющих акустико-артикуляционное сходство, а также букв, смешиваемых по кинетическому сходству;
- включал слова различной сложности слого-ритмической структуры.

Образцы письма испытуемого стали протоколом обследования, подверглись подробному анализу.

Сбор эмпирических данных занял 4 диагностических занятия, продолжительностью 25-30 минут. Занятия проводились в увлекательной форме с дополнительной стимуляцией мотивации и созданием ситуаций успеха.

Оценка сформированности навыков чтения на аналитическом этапе исследования не вызвала затруднений, производилась по следующим показателям: способ и скорость чтения; характер ошибок; осмысление содержания.

В таблице 2 представлены результаты исследования сформированности навыков чтения.

Следует отметить, что характер чтения является механическим: правильное послоговое чтение с нарушением паузации, а также недостаточное формирование связей прочитанного с его значением.

Оценка сформированности навыков письма на аналитическом этапе предусматривала изучение работ ученика с образцами письма, а именно распознавание элементов букв и определение характера ошибок письма, подсчет ошибок и их классификация [10]. При этом полученные результаты оценивались качественно (причины и дифференциальная диагностика) и количественно. Количество ошибок подсчитывалось единицами за каждую допущенную ошибку ребенка. Результаты отражены в таблице 3.

Важно отметить, что при списывании с рукописного текста обучающийся с нарушением интеллекта допустил следующие ошибки:

- замену/смешение рукописных букв а-и, е-ь, а-о по сходному моторному акту;
- искаженное написание буквы (при написании буквы «ш» добавил лишний элемент);
- смешение рукописных букв («в» - «В»);
- искаженно написал букву «о» (кольцо через вверх);
- неудержание букв на строчке;
- неправильное обозначение мягкости на письме;
- пропуск «ь». Искажение звуко-буквенной структуры слова.

Таблица 2.

Сформированность навыков чтения ученика с нарушением интеллекта на момент диагностического исследования

Показатели	Результаты испытуемого
Способ чтения	Слоговое
Скорость чтения	27 слов в минуту
Характер ошибок	Техническая сторона - без ошибок, но нет пауз на знаках препинания.
Осмысление содержания	Понимание прочитанного текста незначительно затруднено, самостоятельно пересказывает, но с незначительными наводящими вопросами. На наводящие вопросы по прочитанному тексту отвечает, частично требуется помощь. Причинно-следственные связи и главную мысль выделяет с дополнительной помощью.
Специфические ошибки	Проявления семантической дислексии.

Таблица 3.

Сформированность навыков письма ученика с нарушением интеллекта на момент диагностического исследования

Задания	Кол-во ошибок	Характер ошибок
1. Списывание		1) Замена/смешение рукописных букв по сходным моторным актам (по одному элементу).
1.1С рукописного текста	6	
1.2С печатного текста	2	2) Добавление лишних элементов букв.
2. Слуховые диктанты		
2.1 Строчные буквы	4	3) Смешение рукописных букв (прописные -> строчные).
2.2 Прописные буквы	8	
2.3 Слоги	17	
2.4 Слова	6	4) Искажение написания букв.
2.5 Предложение (4 слова)	3	5) Неправильное обозначение мягкости на письме.
2.6 Текст (22 слова)	19	
3. Самостоятельное письмо		
3.1. Подписи слов и предложения к картинкам	8	6) Отмечается неудержание букв на строке на протяжении всего письма.
Итого	73	

Таблица 4.

Типы и количество ошибок ученика с нарушением интеллекта на момент диагностического исследования

Орфографические ошибки	Ошибки языкового анализа и синтеза	Фонематические ошибки	Грамматические ошибки	Оптические ошибки	Общее количество ошибок
7	8	6	4	48	73

Таким образом, 5 из 6 допущенных ошибок имеют характер оптической дисграфии и указывают на недостаток сформированности графо-моторных навыков.

При слуховых диктантах были допущены следующие ошибки:

- часто не соблюдал размеры букв и элементов;
- лишний элемент у букв «ш», «щ»;
- искаженное написание «Б», «Д», «Р», недописывание элементов;
- замена прописных букв на строчные: «Д», «Р», «Т», «Ц», «В»;
- искаженное написание буквы «к» - недописывание элементов;
- искаженное написание буквы «и» по сходному элементу в составе соседней графемы;
- замена / смешение рукописных букв «и-е», «в-л», «у-ю», «я-й» схожих по фонематическому признаку;
- замена / смешение рукописных букв по графо-моторному сходству и оптическому сходству «ы»-«н», «щ-ц», «а-о», «ч-и»;
- слитное написание предлога с существительным;
- пропуск слова и предлогов (искажение структуры предложения);
- орфографические ошибки – правописание «ща-щя», отсутствие большой буквы в имени.

В письменной работе Андрея встретились такие ошибки, как замены, пропуски букв, слогов и слов. Испытуемый путает печатные и письменные, строчные и прописные буквы. Наблюдается проблема в ориентировке на листе: не удерживают строку (буквы выше и шире). Замечено, что ученик не дописывает элементы букв и добавляет лишние. Отмечается слитное написание слов в предложениях. Испытуемый совершает ошибки в расстановке пунктуационных знаков.

В ходе написания диктанта отмечено, что ребенок был рассеян, двигателью расторможен, невнимателен, не замечал свои ошибки. Скорость выполнения задания, и также точность его выполнения зависела от скорости реакции испытуемого. При увеличении скорости выполнения задания страдала правильность его выполнения.

Типы ошибок и их количество представлены в таблице 4.

Обобщая характер специфических ошибок, наиболее типичными проявлениями нарушений письма являются: искаженное написание букв (несоблюдение размеров, недержание на строке, замена рукописных элементов на печатные); замена/смешение букв по кинетическому сходству (совпадение начертания первого элемента взаимозаменяемых букв, тождество графо-моторных движений «на старте», общая отправная точка): неправильно передал количество однородных элементов (ш, щ, ц, м, ч), либо ошибочно

выбрал последующий элемент (у-и, ц-и, о-а, и-а, м-ш, ш-щ).

Менее выраженными, но всё же имеющими стойкий характер проявлений, стали ошибки:

- искажение написания букв (ш, о, я, щ, б, р, д, ц, к, ч, л);
- замена рукописных букв, схожих по фонетическим признакам (и-е, у-ю, л-в);
- орфографические ошибки (ща-щя);
- слитное написание предлога с существительным (у ёлки - уёлки).

Прогностический этап позволил сделать вывод о том, что у испытуемого имеются выраженные нарушения письма смешанного характера: смешанная дисграфия с преобладанием оптического характера специфических ошибок на почве кинетического сходства. Нарушения письменной речи носят закономерный и стойкий характер, тормозят развитие речемыслительной деятельности ученика. Следует отметить, что без специальной коррекционной работы

не будут устранены выявленные недостатки.

Этап информирования родителей включал уведомление о результатах обследования обучающегося с нарушением интеллекта и рекомендации о необходимости логопедического сопровождения.

Таким образом, полученные данные в ходе проведения диагностического исследования ученика с нарушением интеллекта указывают на необходимость проведения своевременной коррекционной деятельности со стороны всех участников образовательного процесса. Подводя итог, можно определить перечень задач индивидуального плана в рамках логопедической коррекции: развитие зрительного гнозиса; развитие буквенного гнозиса; расширение объема зрительной памяти; формирование пространственных представлений; развитие графомоторных навыков, овладение графической символизацией; дифференциация букв, имеющих оптическое и кинетическое сходство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова, А.К. Методика преподавания русского языка для детей с нарушениями интеллекта / А.К. Аксенова, С.Ю. Ильина. – Москва: Просвещение, 2011. – 335 с. – Текст: непосредственный.
2. Аксенова, А.К. Дидактические игры на уроках русского языка в 1-4 классах вспомогательной школы / А.К. Аксенова, Э.В. Якубовская. – Москва: Просвещение, 1991. – 176 с. – Текст: непосредственный.
3. Ахутина, Т.В. Нейropsychологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Т.В. Ахутина, О.Б. Иншакова. – Москва: Сфера, 2013. – 128 с. – Текст: непосредственный.
4. Баль, Н.Н. Обследование чтения и письма у младших школьников / Н.Н. Баль, И.А. Захарченя. – Минск: Ураджай, 2001. – 75 с. – Текст: непосредственный.
5. Баряева, Л.Б. Подготовка к обучению грамоте детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью / Л.Б. Баряева, Е.Т. Логинова, Л.В. Лопатина. – СПб.: Союз, 2004. – 44 с. – Текст: непосредственный.
6. Величенкова, О.А. Логопедическая работа по преодолению нарушений чтения и письма у младших школьников / О.А. Величенкова, М.Н. Русецкая. – Москва: Национальный книжный центр, 2021. – 318 с. – Текст: непосредственный.
7. Воронина, Т.П. Дисграфия, или Почему ребёнок плохо пишет? / Т.П. Воронина, Т.В. Попова. – Ростов н/Д: Феникс, 2018. – 95 с. – Текст: непосредственный.
8. Воронкова, В.В. Дифференцированный подход в обучении умственно отсталых детей младшего школьного возраста на примере усвоения русского языка: монография / В.В. Воронкова. – Москва: АСОУ, 2016. – 197 с. – Текст: непосредственный.
9. Грибова, О.Е. Технология организации логопедического обследования / О.Е. Грибова. – Москва: АРКТИ, 2019. – 80 с. – Текст: непосредственный.
10. Евстифеева, Д.О. Сборник диктантов с грамматическими заданиями по русскому языку для обучающихся с ОВЗ. 2–4 классы: методическое пособие / Д.О. Евстифеева, Н.А. Макарова. – Казань: Изд-во «Бук», 2017. – 56 с. – Текст: непосредственный.
11. Комарова, С.В. Речевая практика. Методические рекомендации. 1–4 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций, реализующих адапт. основные общеобразоват. программы / С.В. Комарова. – Москва: Просвещение, 2016. – 208 с. – Текст: непосредственный.
12. Лалаева, Р.И. Логопедическая работа в коррекционных классах: методическое пособие для учителя-логопеда / Р.И. Лалаева. – Москва: Владос, 2004. – 220 с. – Текст: непосредственный.
13. Лалаева, Р.И. Нарушения устной речи и система их коррекции у умственно отсталых школьников: учеб. пособие к спецкурсу / Р.И. Лалаева. – Л.: ЛГПИ, 1988. – 70 с. – Текст: непосредственный.
14. Садовникова, И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников / И.Н. Садовникова. – Москва: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 257 с. – Текст: непосредственный.
15. Ястребова, А.В. Обучаем читать и писать без ошибок: Комплекс упражнений для работы учителей-логопедов с младшими школьниками по предупреждению и коррекции недостатков чтения и письма / А.В. Ястребова, Т.П. Бессонова. – Москва: АРКТИ, 2007. – 360 с. – Текст: непосредственный.
16. Яцель, О.С. Коррекция оптической дисграфии у младших школьников. Конспекты логопедических занятий / О.С. Яцель. – Москва: Гном, 2020. – 72 с. – Текст: непосредственный.

© Ерохина Алена Александровна (olena-m-a@mail.ru), Моругина Валерия Валерьевна (8219788@mail.ru), Паршенкова Елена Николаевна (vena.mail@yandex.ru), Ташина Татьяна Михайловна (ta-ta81@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И КИТАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

INTERFERENT PHENOMENA IN THE PHONETICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND CHINESE DIALECTS IN THE INTERCULTURAL DIMENSION

V. Kruglov
O. Vladimirova

Summary: The article deals with the interferential phenomena in phonetics of the Russian language and Chinese dialects through the prism of intercultural approach. The aim is to determine the nature and role of the comparative analysis of phonetic systems of the Russian language and Chinese dialects in the educational process of elementary school students. In particular, such paradigmatic concepts of foreign language education as interference of phonetic systems, interculturality, trilingualism and phonological subordination in the theoretical dimension are revealed. The results of the study are supported by a pedagogical experiment carried out in the summer of 2022 in a group of Chinese elementary school students. The authors have successfully proved the necessity of using materials of dialectal phonetic systems for the successful acquisition of phonetics of Russian as a foreign language.

Keywords: Chinese elementary school students, Russian as a foreign language, phonetics, interferential phenomena, intercultural approach, subordinative trilingualism.

Круглов Владислав Владиславович
к.филол.н., доцент, ГАОУ ВО МГПУ;
преподаватель МГИМО МИД России
Владимирова Ольга Юрьевна
Аспирант, ГАОУ ВО МГПУ
cpr.chindep@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются интерферентные явления в фонетике русского языка и китайских диалектов сквозь призму межкультурного подхода. Целью является определение специфики и роли сопоставительного анализа фонетических систем русского языка и китайских диалектов в процессе обучения младших школьников. В частности на раскрываются такие парадигмальные явления иноязычного образования, как интерференция фонетических систем, межкультурность, трилингвизм и фонологическая субординация в теоретическом измерении. Результаты исследования подтверждаются педагогическим экспериментом, проведенным летом 2022 года в группе китайских младших школьников. Авторы успешно доказали необходимость привлечения материалов диалектных фонетических систем для успешного освоения фонетики русского языка как иностранного.

Ключевые слова: китайские младшие школьники, русский язык как иностранный, фонетика, интерферентные явления, межкультурный подход, субординативный трилингвизм.

Современная геополитическая ситуация ставит новые вызовы перед образовательной системой нашей страны. Глокализация системы международных отношений на европейском континенте и усиление роли азиатских партнеров, в первую очередь Китая, во внешнеполитическом дискурсе Российской Федерации напрямую влияют на приоритеты образовательного сектора изучения иностранных языков.

В последние годы в разных регионах нашей страны наблюдается повышенный интерес к изучению китайского языка, в частности это подтверждается успешным проведением Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку и введением Единого государственного экзамена по китайскому языку. Младшая школы также очень чутко воспринимает эти явления и постепенно адаптируется к новой иноязычно-образовательной реальности. Это, безусловно, определяет актуальность настоящего исследования – а именно интерферентных явлений в фонетике русского и китайского языков в межкультурном аспекте. Однако рассмотрение китайского языка в целом является аллюзией успешного ре-

зультата сопоставления фонологических систем, поэтому в фокусе нашего исследования оказались диалекты китайского языка. Как отмечает исследователь китайской фонетики А.Н. Алексахин, «изучение фонологических систем китайских региональных языков (фанъянь) является актуальным в 21 веке», а «создание алфавита и звукобуквенного стандарта слова государственного китайского языка путунхуа является эпохальным событием в истории китайской цивилизации» [1, 112]. Тут нельзя не отметить, что транскрипция (или, как это обозначает А.Н. Алексахин, звукобуквенный стандарт) был создан не только для общепринятого китайского языка путунхуа, но и для фонологических систем южнокитайских диалектов – кантонского диалекта, диалекта хакка и южноминаньского диалекта. Как справедливо отмечал известный фонетист Л.В. Бондарко, «единственной реальной произносительной единицей является открытый слог» [3, 16], поэтому на уровне слогов должно проходить сопоставительное исследование фонетических систем русского языка и китайских диалектов, следующей стадией должна стать выработка технологий и методов обучения фонетики русского языка сквозь призму ана-

лиза интерферентных явлений.

Второй важной методологической основой настоящего исследования, безусловно, является принцип «от этноцентризма к межкультурности», выражающийся в динамике функционирования современных культуросообразных подходов. Как пишет Е.Г. Тарева, «современный этап развития культуросообразных подходов к обучению иностранным языкам связан со стремлением преодоления этноцентризма и монокультурного центризма. Возникли все предпосылки для того, чтобы <...> построить стройную концепцию, согласно которой две взаимодействующие культуры являют собой равнозначные ценности для обучающегося: во взаимном пересечении они поддерживают друг друга и позволяют построить истинный диалог культур» [9, 26]. Только если в культуросообразных подходах центральными понятиями выступают культура, лингвокультура, межкультурное лингвострановедение; то в нашем случае рассматривается единица фонетического строя языка – слог в его сопоставительном измерении. Хотя, например, как отмечает А.Л. Бердичевский, языковой компонент на уровне «лексики, грамматики, речевых образцов и текстов, межкультурно ориентированных тем и ситуаций» включен в общее поле межкультурного образования [4, 165], однако фонетический уровень остается, к сожалению, не охваченным.

Реверсную нашему исследованию проблему поднимает О.А. Малых в своих научных работах – только на примере изучения китайского языка русскоязычными студентами в трилингвистическом пространстве (китайский – русский – английский). В частности, она отмечает, что в ходе изучения этих трех языков «у обучающихся формируется индивидуальный искусственный смешанный субординативный трилингвизм» [7, 48]. Этот феномен проявляется в том, что иностранные языки находятся в условиях субординации к родному русскому языку, возникает неразрывная связь трех языков на фонетическом уровне, а также формируется особый тип субординации, связанный с принципиальными типологическими и генеалогическими различиями языковых систем и удаленностью культурных пространств. Нашей целью является преодоление этой дистанции культурных пространств на фонетическом уровне. Поэтому диалектная составляющая относительно китайских обучающихся представляет принципиальную важность, иначе из системы выпадает очень важный элемент – родной язык. В таком случае реализуется концепция фонологического учебного трилингвизма, которая, как пишет О.А. Малых, «определяет схожесть / несхожесть, универсальность / неуниверсальность протекания процессов, происходящих во время формирования фонетических навыков» [6, 224].

В последнее время в российских школах растет количество китайских обучающихся, при том – не только в средней и старшей школе, но и на уровне младшей.

Трилингвистический подход с привлечением фонетики английского языка не будет работать с китайскими младшими школьниками, так как они не в полной мере или вообще не владеют фонетической системой английского языка. Здесь крайне необходимой мерой является интеграция их родного языка общения (диалектной формы китайского языка) в процесс обучения. В Китае особое отношение к сохранению национальных языков: «Срединный путь проявляется и в языковой политике современного Китая в отношении своих граждан: во-первых, приветствуется знание родного языка – своего диалекта, сохранение своей национальной культуры» [8, 23].

Представим методологию и результаты экспериментального обучения, проводимого нами в период с июня по август 2022 года в ходе летнего лагеря для китайских младших школьников на базе Центра языков стран Европы и Азии Школы Центра педагогического мастерства.

Экспериментальная группа состояла из 25 младших школьников, каждый из которых говорил на одном из четырех диалектов (пекинский, шанхайский, хакка, кантонский), но и владел государственным китайским языком путунхуа. В качестве основных упражнений использовались материалы учебника русского языка «Дорога в Россию» (элементарный уровень), а именно первых пяти уроков, где представлен раздел «Фонетический материал» [2]. Нами было выбрано 100 слогов для удобства процентного подсчета выполнения в равных долях из каждого урока учебника (по 25 слогов из урока). После этого приводились интерферентные звуки из китайского государственного языка путунхуа с учетом того, что в русском языке слоги «реализуются с консонантным наполнением, а в китайском с вокальным» [5, 309], общий процент выполнения такого задания составил 52,72%. На финальном этапе экспериментального обучения интерференция была проведена с применением материала диалектных фонетических таблиц, общий процент выполнения задания этого этапа составил 77,92%, тем самым такой подход продемонстрировал возросшую на 25,2% эффективность.

Из таблицы мы видим, что результаты носителей пекинского диалекта не сильно различаются, так как произносительная норма путунхуа зиждется на этой диалектной группе, результаты носителей других диалектных групп сильно различаются.

Таким образом, применение интерференции и элементов трилингвизма в ходе обучения китайских обучающихся (в нашем случае – младших школьников) фонетики русского языка эффективно, слоги усваиваются гораздо быстрее, чем при использовании так называемой методики «русский через русский» или сопоставительного анализа общепринятого китайского языка путунхуа. В таком образовательном процессе проявляется

Таблица 1.

Список экспериментальной группы с результатами исследования

№	Фамилия, имя	Родной диалект	Процент правильно произнесенных слогов, интерферируемых с общепринятым языком путунхуа	Процент правильно произнесенных слогов, интерферируемых с родным диалектом
1.	Ао Ц.	пекинский	75	77
2.	Ван И.	шанхайский	65	88
3.	Ван К.	шанхайский	43	76
4.	Ван Л.	шанхайский	80	96
5.	Ван Ц.	пекинский	76	80
6.	Ли Ч.	пекинский	89	90
7.	Ли Чэ.	кантонский	30	88
8.	Люй Ч.	кантонский	53	79
9.	Сунь В.	пекинский	90	97
10.	Сунь Ю.	кантонский	34	85
11.	Сюй Ц.	хакка	33	78
12.	Сюй Ю.	шанхайский	57	88
13.	У Н.	хакка	10	60
14.	Ху Ю.	кантонский	29	71
15.	Цзян И.	кантонский	40	80
16.	Цинь К.	хакка	30	64
17.	Чжа С.	кантонский	26	47

межкультурный характер и преодоление этноцентризма. Итак, две культурные данности, эксплицируемые в фонологических системах русского языка и диалектов

китайского языка, оказываются на одном уровне и активно взаимодействуют – именно так происходит настоящий диалог культур и языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин, А.Н. Инспирированные гласные в вокализме мэсяньского и шанхайского диалектов и их диахронические генетические корреспонденты ретрофлексные гласные в вокализме китайского языка путунхуа / Алексахин А.Н. / Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XIV Международной научной конференции, Москва, 23-24 ноября 2020 г. / Моск. гос. ун-т им М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак.; отв. ред. А.Ю. Вихрова. – Москва: Ключ-С, 2020. С. 112-114.
2. Антонова, В.Е., Нахабина, М.М., Сафронова, М.В., Толстых, А.А. Дорога в Россию. Учебник русского языка (элементарный уровень) / Антонова В.Е., Нахабина М.М., Сафронова М.В., Толстых А.А. / 6-е издание. Санкт-Петербург: Издательство «Златоуст», 2010. – 342 с.
3. Бондарко, Л.В. Звуковой строй современного русского языка / Бондарко Л.В. / Москва, 1977. – 175 с.
4. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – 424 с.
5. Круглов, В.В. Методика обучения фонетике китайского языка / В.В. Круглов // Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции, Казань, 01 января – 31 января 2017 года. – Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2017. – С. 307-310.
6. Малых, О.А. Обучение студентов произносительной стороне речи на китайском языке в условиях учебного трилингвизма / О.А. Малых // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 57-5. – С. 224-230.
7. Малых, О.А. Особенности трилингвизма студентов, изучающих китайский язык / Малых О.А. // Kant. 2017. №2 (23). С. 45-48.
8. Малых, О.А., Круглов, В.В. Трилингвальные основы преподавания иностранных языков в школе: от фонетики до лингвокультуры (на примере китайского и английского) / О. А. Малых, В. В. Круглов // Иностранные языки в школе. – 2022. – № 8. – С. 22-27.
9. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики: коллективная монография / Отв. редактор Е.Г. Тарева. – Москва: Логос, 2014. – 232 с.

© Круглов Владислав Владиславович, Владимирова Ольга Юрьевна (crr.chindep@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

USE OF AUTHENTIC VIDEO MATERIALS AS ONE OF THE METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

**E. Lobanova
L. Zenina
E. Sulitskaya
I. Demidova
O. Kurbakova**

Summary: In this scientific article, the authors explore the methodological methods of working with authentic video materials in teaching a foreign language, in particular, in the formation of intercultural competence. The study presents the views of scientists on the model of the student's sociocultural competence, and also considers the analysis of the use of authentic video materials from the point of view of the methodology of teaching English. The authors of the article consider the possibilities of using video materials in teaching a foreign language, taking into account various sociolinguistic factors. Thus, comparative, systemic, structural-functional, axiological methods of comparison are used for research. As a result of the study, the authors come to the conclusion that on the basis of authentic video materials, it is possible to compile a methodological set of exercises that contribute to the assimilation of the lexical and grammatical corpus of the language being studied. Educational materials presented in the form of visual information largely determine the nature of communicants' speech utterances, namely: their social status, the nature of relationships and spatio-temporal conditions of communication. Authentic video materials are as close as possible to the language reality and therefore their use in foreign language lessons is more than justified. No other educational materials can give such a complete picture of the socio-cultural reality of the country of the language being studied and demonstrate the combination of verbal and non-verbal codes of foreign language communication. Thus, the use of authentic audiovisual video materials, which combine visual and auditory perceptual components, contribute to the intensification of the educational process and create favorable conditions for the formation of students' communicative competence.

Keywords: authenticity of video materials, visual component, video fragment, spatial and temporal conditions, perceptual components.

Лобанова Евдокия Ивановна

*Кандидат социологических наук, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Lobanova.El@rea.ru*

Зенина Людмила Владимировна

*Кандидат педагогических наук, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Zenina.LV@rea.ru*

Сулицкая Елена Ефимовна

*Старший преподаватель, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Sulitskaya.EE@rea.ru*

Демидова Ирина Викторовна

*Старший преподаватель, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Demidova.IV@rea.ru*

Курбакова Ольга Андреевна

*Старший преподаватель, РЭУ имени Г.В. Плеханова
Kurbakova.OA@rea.ru*

Аннотация: В данной научной статье авторы исследуют методические приемы работы с аутентичными видеоматериалами в обучении иностранному языку, в частности, при формировании межкультурной компетенции. В исследовании изложены взгляды учёных на модель социокультурной компетенции студента, а также рассмотрен анализ использования аутентичных видеоматериалов с точки зрения методики преподавания английского языка. Авторы статьи рассматривают возможности использования видеоматериалов при обучении иностранному языку с учетом различных социолингвистических факторов. Таким образом, для исследования используется сравнительный, системный, структурно-функциональный, аксиологический методы сравнения. В результате исследования, авторы приходят к выводу, что на основе аутентичных видеоматериалов, можно составить методический комплекс упражнений, способствующий усвоению лексического и грамматического корпуса изучаемого языка. Учебные материалы, представленные в виде визуальной информации, во многом определяют характер речевых высказываний коммуникантов, а именно: их социальный статус, характер взаимоотношений и пространственно-временные условия общения. Аутентичные видеоматериалы максимально приближены к языковой реальности и поэтому их использование на уроках иностранного языка более чем обусловлено. Никакие другие учебные материалы не могут дать такого же полного представления о социокультурной реальности страны изучаемого языка и продемонстрировать сочетание вербального и невербального кодов иноязычного общения. Таким образом, использование аутентичных аудиовизуальных видеоматериалов, которые сочетают в себе зрительный и слуховой перцептивные компоненты, способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной компетенции студентов.

Ключевые слова: аутентичность видеоматериалов, визуальная составляющая, видеофрагмент, пространственно-временные условия, перцептивные компоненты.

Постановка проблемы

Методическая актуальность исследования аутентичных видеоматериалов в обучении иностранному языку обусловлена тем, что под воздействием развития экономических, социальных, политических, социокультурных и технологических изменений, происходит межкультурное взаимодействие. Обучение с помощью видеоматериалов, предоставляет большие возможности для всесторонних теоретических и прикладных исследований различных наук, поскольку обладает значительной степенью интегративности. Это может быть подтверждено тем фактом, что учебные видеоматериалы являются объектом изучения различной тематике в экономике, социологии, культурологии, психологии, филологии, философии и многих других наук. В обучении иностранному языку аутентичные видеоматериалы исследуются преимущественно в целях выяснения их дидактического потенциала, как инструмент формирования социокультурной компетенции при обучении.

Анализ дальнейших исследований и публикаций

В современных учебных средах студенты должны взаимодействовать с подлинными действиями и учебными материалами, отражающими реальную жизнь в социуме. Поскольку аутентичные материалы включают в себя проблемы и сложности, присутствующие в реальной жизни, они предоставляют студентам реальный жизненный опыт. Кроме того, студенты сотрудничают и общаются с друзьями, родителями или другими людьми разных специальностей и статусов. Следовательно, они продолжают учиться как в вузе, так и за его пределами. Аутентичные материалы, если они правильно используются в обучении, могут улучшить знания иностранного языка несмотря на то, что они не предназначены специально для обучения иностранному языку [22, р. 330].

Обращаясь к трактовке понятия аутентичного материала, мы можем увидеть разные подходы. Зарубежные учёные широко рассмотрели данное явление. К примеру, в подходе Рона Оливера и Дженис Херрингтон, выделялся новый термин «аутентичное обучение», этот термин непосредственно связан с реальной жизнью студентов, и направлен на подготовку к тому, чтобы лицом к лицу сталкиваться с реальными ситуациями в мире [23, р. 30].

Другой подход предложили Дэвид Нанен и Рональд Картер, определив аутентичные материалы, назвав их обычными текстами, не подготовленными специально для целей обучения языку [24, р. 178].

Поддерживая его позицию, Роберт Джордан дал похожее определение аутентичного текста, как текста, не разработанного специально в педагогических целях [25, р. 11].

Эрик Джекобсон предложил называть аутентичными материалами те материалы, которые используются в классах так же, как они могли бы быть использованы в реальной жизни [26, р. 99].

Ферит Киликья считает, что аутентичный материал, это тот, язык который коррелирует с реальным языком и его использованием в собственном сообществе. Он также добавил, что английский язык, представленный в аудитории, должен быть подлинным, а не искусственно воспроизведенным для учебных целей. Как правило, это предполагает использование материалов, которые включают в себя язык, естественно встречающийся в общении, в использовании носителей языка [27, р. 115].

Согласно определению, предложенному Джерри Гебхард, аутентичные материалы включают все, что используется для общения. Они могут быть представлены в виде газет, журналов, телевизионных или радиопрограмм, фильмов, песен, рекламы [28, р. 10].

В отечественной литературе встречается следующее суждение: «Аутентичный материал не предназначен для учебных целей и не адаптирован для нужд обучающихся с учетом их уровня владения языком. Он отражает национальные особенности и традиции построения

и функционирования текста» [1, с. 34]. «Аутентичный» часто употребляется как синоним к словам «документальный», «реальный» и «настоящий». Это понятие является противоположным понятиям «произведенный», «сфабрикованный», «ненастоящий» [12, с. 7]. «Аутентичные тексты — это собственно оригинальные тексты, которые написаны носителем языка для носителей языка... Это та категория, которую принято трактовать как семиотическое пространство, представляющее собой многоуровневое целостное образование, как результат отражения некоторого фрагмента действительности с помощью определенной знаковой системы...» — утверждает Н.В. Барышников [2, с.157]. Большая часть материалов, применяемых в процессе обучения иностранному языку, должна быть аутентичной [19, с. 83]. Поэтому очевидно, что полностью отказаться от работы с неаутентичными материалами на занятиях по иностранному языку невозможно [24, с. 149].

Все авторы выделяют аутентичные материалы и, конкретно, тексты, в особый пласт материала, не разработанный для педагогических целей и отражающий актуальные нормы и положения языка, его современную степень развития.

В данной работе, под аутентичным видеоматериалом мы понимаем видеозаписи (сочетающие зрительный и звуковой ряд), предназначенные для носителей языка, которые содержат лингвистическую и экстралингвисти-

ческую информацию сфер жизни общества, связанных с любой деятельностью людей, и показывают функционирование языка как средства коммуникации в естественном окружении. Говоря об употреблении видеоматериалов в обучении, следует отметить, что аутентичные видеоматериалы вызывают у обучающихся интерес вследствие своего стилистического жанрового образования. При этом никакие другие материалы не могут дать такого полного представления социокультурной реальности страны изучаемого языка и продемонстрировать сочетание вербального и невербального кодов иноязычного общения.

Аутентичные материалы помогают расширить кругозор любых студентов, обучающихся в школах, языковых и неязыковых вузах.

Есть несколько преимуществ использования аутентичных видеоматериалов для изучения языка и преподавания. Во-первых, они могут предоставить видеопримеры для студентов о том, как общаться в реальных жизненных ситуациях, показывая им обычных людей и проблемы, с которыми обучающиеся могут столкнуться в повседневной беседе [28, р. 309].

Во-вторых, аутентичные видеоматериалы могут помочь студенту сосредоточиться на языковых навыках, которые ему действительно нужны, и игнорировать навыки, которые ему могут не понадобиться для работы или учебы. Кроме того, аутентичные материалы могут укрепить стратегии обучения, которые затем могут быть использованы в различных ситуациях.

Те студенты, которые обучаются самостоятельно, как правило, обладают знаниями о том, какие стратегии изучения языка они могут наилучшим образом использовать [29, р. 56].

Визуальная составляющая видеоматериалов может облегчить осмысление и понимание для изучающих язык в идеальном визуальном контексте, что делает такие материалы эффективными языковыми средствами. Также утверждается, что видеоролики предлагают различные методы и ресурсы для обучения иностранному языку, помощь студентам в совершенствовании их навыков аудирования и общения [30, р. 50].

Использование видео на уроке способствует решению следующих задач:

1. Повышение мотивации учения;
2. Создание комфортной среды обучения;
3. Способствует интенсификации обучения;
4. Повышает активность обучаемых;
5. Создает условия для самостоятельной работы учащихся [28, с. 3].

Видеофрагменты могут оказывать сильное эмоциональное воздействие на учащихся, что в свою очередь влияет на формирование личностного отношения к увиденному. Еще одним преимуществом видеофрагмента является непосредственность изображения реальной действительности. Отдельного внимания удостоивается особая манера общения ведущего со зрителями (в том случае, если это телепередача или телешоу), использование крупных или дальних планов использование спецэффектов, ненавязчивое предъявление информации, красочность, наличие музыкального фона.

При соприкосновении с происходящим на экране создаются условия, наиболее приближенные к естественным, и ученик погружается в естественную языковую среду, а именно в совокупность речевых и неречевых условий, которые отражают быт, историю, культуру и традиции носителей языка в фактах данного языка) [5, с. 165].

Аутентичные видеоматериалы помогают формировать социокультурную компетенцию учащегося, способствуют запоминанию материала, сопутствуют эмоциональной оценке, позволяют разнообразить учебную деятельность с помощью зрительной и слуховой опоры [18, с. 67].

Аутентичные видеоматериалы предлагают большее разнообразие образцов языка и речи, включая различные лингвистические дифференциации, такие как региональные акценты, общеупотребительную и специальную лексику, идиомы. Причем употребляются они в реальном контексте, именно так, как их используют носители языка. Они обеспечивают широкие возможности для овладения иноязычной культурой. Видеоматериалы представляют значительные трудности, связанные со скоростью речи, ее индивидуально-типологическими характеристиками, диалектами особенностями, фоновым шумом и т.д. Аутентичные видеоматериалы обладают различными методическими особенностями. По критерию жанрово-тематической направленности их можно разделить на 3 группы:

1. Развлекательные программы (драматические произведения всех видов, шоу, «музыкальное» видео, спортивно-развлекательные программы и др.);
2. Программы, базирующиеся на фактической информации (документальное видео, теледискуссии и др.);
3. «Короткие программы» продолжительностью от 10 секунд до 10-15 минут (новости, прогноз погоды, результаты спортивных состязаний, рекламные объявления и др.) [10, с. 71 – 75].

Демонстрация видео, относящегося к любым приведенным выше категориям, имеет огромное значение в процессе обучения иностранным языкам. Во время просмотра таких видеоматериалов происходит слухозрительный синтез, одновременная трансляция звука и изо-

бражения. Это в свою очередь способствует развитию навыков и умений восприятия речи на слух (аудирования) и стимулирует устно-речевое общение обучаемых, которое происходит в форме выражения собственного мнения, отношения, поиска аргументов и доказательств.

Практика показывает, что ученик запоминает то, что он слышит и видит лучше, чем что-то, что он просто слышит. Обобщим представленный выше материал, выделив 6 групп видеоматериалов. Критерием *первой группы* служит канал поступления или восприятия информации:

1. Аутентичные видеоматериалы (зрительное восприятие информации): таблица, график, схема, карта, письмо, печатный текст;
2. Аутентичные аудиоматериалы (воспринимаемая на слух информация): аудиозаписи стихов, рассказов, песен, сказок, рифмовок, диалогов, экскурсий и т.д., радиопередачи, компакт-диски с записями и т.д.;
3. Аутентичные аудио-видеоматериалы (зрительное и слуховое восприятие): видеопленки или другие цифровые носители с записями телепрограмм и видеоматериалов, фильмы, CD-роммы [24, с. 150].

Критерием *второй группы* служит тип видеоматериала:

1. Аутентичные (видеоматериалы, созданные носителями языка и не предназначенные для учебных целей);
2. Учебные (искусственно созданные видеоматериалы для решения определенных учебных задач);

Критерием *третьей группы* служит характер информации:

1. Функциональные материалы (повседневного обихода): указатели, схемы, карты, этикетки, ценники, программы, афиши, инструкции, объявления, реклама, надписи, знаки (т.е. все, что несет в себе функциональную информацию рекламирует, объясняет, инструктирует, предупреждает);
2. Информативные материалы: рефераты, учебные программы, лекции на иностранном языке в записи, репортажи, сообщения, интервью, тесты, диаграммы, комментарии, анонсы, опросы;
3. Антропонимические материалы (источники исторической информации): газеты, книги, предметная наглядность, фильмы и т.д. [24, с. 150].

Критерием *четвертой группы* выступает средство презентации:

1. Аутентичные материалы, предъявляемые с помощью технических средств обучения: видеоматериалы (телепередачи, программы и т.д.), компьютерные программы, диапроекторы со схемами, картами, слайды, Интернет-ресурсы и т.д.;
2. Все остальные материалы, предъявляемые без использования технических средств обучения;

К критериям *пятой группы* относится целевое использование в учебном процессе:

1. Материалы, предназначенные для обучения общению (в основном это официальные и неофициальные диалоги): интервью, опрос, телефонные разговоры и т.д.;
2. Материалы, предназначенные для создания фоновых знаний (социокультурных, лингвострановедческих, культурологических): видеоматериалы, газетные тексты, карты и т. д.;

Критерий *шестой группы* - роль в учебном процессе:

1. Основные материалы, которые могут составлять ядро учебной темы, например, тексты;
2. Дополнительные материалы: схемы, графики, статистические таблицы и т.д.;
3. Сопутствующие материалы, которые не нуждаются в УМК и используются как прикладные: видеокассеты, DVD-диски, CD-роммы, тексты, газеты, журналы [24, с. 151].

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Исходя из вышеизложенного исследования, можно справедливо отметить важность плюрализма приёмов обучения иностранному языку. Говоря о социокультурной компетенции, незаменимым для образовательного процесса является использование видеоматериалов как пример «живого» языка, используемого в сфере межкультурных взаимоотношений. Эффективности использования видеоматериалов как средства обучения способствует комплекс факторов, среди которых: наглядность событий и действий, их краткость, новизна и тесная связь с повседневной жизнью, что мотивирует студентов, стремящихся идти в ногу со временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Аутентичный текст // Новый словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). М., 2009 С.25-26.
2. Барышников Н.В. Теоретические основы обучения чтению аутентичных текстов при несовершенном владении иностранным языком. Дис. ... д-ра пед. наук. Пенза. 1999 220 с.
3. Бачурина Е.С. Развитие фонетических навыков на уроках английского языка /Е.С. Бачурина <http://aneks.spb.ru/metodicheskie-razrabotki-i-posobiia-po-inostr-iazyku/razvitie-foneticheskikh-navykov-na-urokakh-angliiskogo-iazyka.html>. 2015
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. 2000 192с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш.

- пед. учеб. заведений. М. 2004 336 с.
6. Гез Н.И. Роль условий общения при обучении слушанию и говорению // Иностранные языки в школе. Вып.5. М. 1981 32 с.
 7. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. и др. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник. М. 1982. 372с.
 8. Домрачев В.А. Дистанционное обучение на базе электронной почты // Высш. образование в России. Вып.2. М. – 1995 с.17 – 22
 9. Елухина Н.В. Обучение аудированию в русле коммуникативно- ориентированной методики // ИЯШ. Вып.2. 1989 с. 20
 10. Елухина Н.В. Обучение слушанию иноязычной речи // ИЯШ. Вып.5 1996 с. 71 68
 11. Зимняя И.И. Психология обучения иностранному языку в школе. М. 1991 223 с.
 12. Игна О.Н. Развитие социокультурной компетенции студентов на основе аутентичных материалов при профессионально-ориентированном обучении иноязычному общению. : Дис. . . . канд. пед. наук. Томск. 2003 256 с.
 13. Карева Н.В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка //Интернет журнал Науковедение. Вып.3. 2014 65 с.
 14. Лемешко О.В., Лемешко В.В. Використання автентичних відеосюжетів професійної спрямованості у процесі вивчення англійської мови курсантами ВВНЗ // Вісник Національної академії Державної прикордонної служби України. м. Хмельницький. Вып.3. 2015 17 с.
 15. Мишин М.М. Восприятие телевизионного изображения как особого звуко-зрительного ряда // Психолого-педагогическое воздействие учебного кино и телевидения. Материалы конф. М. 1979 26 с.
 16. Молибог А.Г., Тарнопольский А.И. Технические средства обучения и их применение. М. 1985 26 с.
 17. Миролюбов А.А. Аудиовизуальный метод // ИЯШ. Вып.3. 2005 77с.
 18. Носкова М.В. Профессиональное развитие преподавателя иностранных языков. Иркутск. 2016 71 с.
 19. Носонович Е.В. Методическая аутентичность учебного текста. Дис. . . . канд. пед. наук. Тамбов. 1999 175 с.
 20. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М. 1988 223 с.
 21. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М. 1989 89 с. 69
 22. Aytunga O., Ozge Bahar H. The Importance of Using Authentic Materials in Prospective Foreign Language Teacher Training // Journal of Social Sciences. 2008/ V.5 P. 328-336
 23. Herrington J., Oliver R. An instructional design framework for authentic learning environments // ETR&D. 2000/ V.48 P. 23-48.
 24. Carter R., Nunan, D. The Cambridge guide to teaching English to speakers of other languages. Cambridge University Press. 2001 274 p.
 25. Jordan R.R. English for Academic Purposes: A guide and resource for teachers. Cambridge. 1997 424 p.
 26. Jacobson E., Degener S., Purcell-Gates V. Creating authentic materials and activities for the adult literacy classroom: A handbook for practitioners. NCSALL teaching and training materials. Boston. 2003 138 p.
 27. Gebhard J.G. Teaching English as a Foreign or Second Language. USA. 2006 300 p.
 28. Lustigová L. ESP as a challenge to confront - A case study of technical English in a pre-intermediate level university classroom // Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science. 2013/ V.6(4) P. 308-327.
 29. Woottipong K. Effect of Using Video Materials in the Teaching of Listening Skills for University Students // International Journal of Linguistics. 2014/ V.6(6) P. 56-61.
 30. Khan A. Using films in the ESL classroom to improve communication skills of non-native learners // ELT Voices. 2015/ V.5(4) P. 46-52.

© Лобанова Евдокия Ивановна (Lobanova.El@rea.ru), Зенина Людмила Владимировна (Zenina.LV@rea.ru),
Сулицкая Елена Ефимовна (Sulitskaya.EE@rea.ru), Демидова Ирина Викторовна (Demidova.IV@rea.ru),
Курбакова Ольга Андреевна (Kurbakova.OA@rea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСНОВ НАУК

THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL QUALITIES OF FUTURE SPECIALISTS WHILE STUDYING THE FUNDAMENTALS OF SCIENCE

**E. Matveeva
N. Markova
E. Muraya
N. Eyrikh**

Summary: The article deals with the pedagogical conditions of development and self-development professional and managerial qualities of the students while studying the fundamentals of science. The sequence of the development of professional training of graduates is formulated. The professional qualities with interrelation of professional and managerial objectives with educational, spiritual and philosophical goals on the methodological basis are considered. An authors took systematical approach. Systematical approach allows to model the pedagogical system which contribute to the development of the subject position of students. A subject position of students is associated with the idea of modern humanistic pedagogy consisting with the need to subject-subject interaction between a teacher and a students.

Keywords: systematical approach, subject, object, professional qualities, professionalism.

Матвеева Елена Владимировна

к.ф.-м.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
gabitus-ev@mail.ru

Маркова Наталья Владимировна

к.ф.-м.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет
nata_mark@mail.ru

Мурая Елена Николаевна

к.т.н., доцент, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
elena_muray22@mail.ru

Эйрих Надежда Владимировна

к.ф.-м.н., доцент, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
nadya_eyrikh@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются педагогические условия становления профессионально-управленческих качеств студентов технического вуза при изучении основ наук. Выделена и сформулирована последовательность в становлении профессиональной подготовки выпускника как субъекта профессиональных качеств, установлена взаимосвязь профессионально-управленческой цели с образовательной и духовно-мировоззренческими целями на методологической основе системного подхода. Системный подход позволяет моделировать педагогические системы, способствующие становлению субъектной позиции обучающихся. Развитие субъектной позиции студентов связано с идеей современной гуманистической педагогики, состоящей в необходимости установления субъект-субъектного взаимодействия между педагогом и студентами.

Ключевые слова: системный подход, субъект, объект, профессиональные качества, профессионализм.

Нормативные документы профессиональной подготовки специалистов позволяют констатировать, что задача системы образования на современном этапе его развития состоит в переводе человека из объекта обучения и воспитания в позицию субъекта. Это значит, что в результате обучения и воспитания студенту надлежит стать субъектом развития интеллектуального, духовного и профессионального потенциала.

Отмечая актуальность проблемы качества подготовки специалистов, обратимся к Н.А. Селезневой: «Современное состояние проблемы качества образования отражает усиливающееся *противоречие между, с одной стороны, возрастающими требованиями общества к нравственности и интеллекту человека, его способности к проектированию, прогнозированию и будущему творению (что проявляется в системе современных требований к уровню профессионализма, общей культуры и*

нравственности членов общества, получающих образование, и особенно, высшее) и, с другой стороны, фактическим уровнем, образования и развития выпускников образовательных учреждений. А он, этот фактический уровень, часто оказывается ниже современных требований, что усиливает тенденции роста общей и функциональной неграмотности населения, опасность духовно- и интеллектуального обнищания общества» [1].

Традиционное образование как в школе, так и в вузе пока недостаточно эффективно решает эту задачу, что объясняется слабостью научно-педагогического и методического образования преподавательского корпуса. В тоже время проблема развития свойств субъекта есть сознательная и ответственная задача деятельности педагога высшей школы, как по отношению к себе, так и по отношению к студентам. Развитие субъектной позиции студентов связано с идеей современной гуманистиче-

ской педагогики, состоящей в необходимости установления субъект-субъектного взаимодействия между педагогом и студентами.

В своих исследованиях мы под субъектом понимаем носителя целей и технологий, то есть качества человека как субъекта проявляются в осознании цели деятельности, в моделировании систем познания и поведения в соответствии с поставленной целью и адекватной технологией ее достижения [2].

Если обратиться к рассмотрению педагогического обоснования развития студентов как субъектов в системе обучения в вузе, то следует отметить, что современная образовательная ситуация в России представляет собой одну общую проблему, выражающую противоречие между потребностью в воспитании творческой личности, субъекта образовательного пространства, своей жизнедеятельности и направлением массовой школы на «формирование» функционального индивида.

Анализируемые материалы позволили сделать ряд выводов. Во-первых, образование является сложной самоорганизующейся синергетической системой [3]. Во-вторых, развитие образовательной системы характеризуется переходом ее в новое качественное состояние: обучение – в самообучение, воспитание – в самовоспитание, развитие – в саморазвитие, управление – в самоуправление [4]. В-третьих, мы вышли на понимание сущности субъектов образовательной системы и определились с условиями развития студентов как субъектов саморазвития интеллектуального, духовного и профессионального потенциала.

Решению проблемы совершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов посвящено много исследовательских работ. Ученые предлагают для развития студентов как субъектов становления профессиональных качеств решать вопросы целеполагания в системе обучения, моделирования систем познания и поведения. В своих исследованиях мы предлагаем учитывать законы синергетики, так как в системе образования мы рассматриваем особым образом организованное взаимодействие (согласованное по целям) обучающего и обучаемого.

Субъектная позиция в интеллектуальном развитии студентов обеспечивается содержательно-образовательными целями, реализуемыми репродуктивной и творческой деятельностью. Духовно-нравственное становление обусловлено реализацией мировоззренческих целей, которые позволяют устанавливать гармоничные отношения с миром, с самим собой на основе нравственных ценностей.

За методологическую основу исследований нами

принят системный подход, позволяющий моделировать педагогические системы, способствующие становлению субъектной позиции обучающихся.

Приметой настоящего времени становится, как говорят специалисты, новоприобретение ценностей и одна из таковых профессионализм. Профессиональная подготовка студентов технического вуза при изучении основ наук осуществляется посредством конвергенции содержательно-образовательных, мировоззренческих целей в системе обучения, то есть на всех академических занятиях по курсам учебных программ и стандартов.

Остановимся на взаимозависимости профессионально-управленческой цели с содержательно-образовательными и мировоззренческими целями в системе обучения и отметим целевое взаимодействие систем обучения и воспитания, которое обеспечивается технологией управления. Рассмотрим эту технологию по этапам ее цикла применительно к реализации названных выше целей.

Содержательно-образовательные цели:

1. Осмысление стратегических целей развития интеллектуального потенциала субъектов управляемой отрасли труда.
2. Декомпозиция стратегической цели по уровням усвоения профессиональных знаний, обеспечивающим развитие памяти, репродуктивного и творческого мышления по соответствующим технологиям.
3. Конструирование идеальной модели интеллектуально-познавательного пространства производственной сферы.
4. Конструирование реальной модели управления системой использования на практике технологий реализации целей.
5. Анализ результатов труда не по перечню выполненных видов работ, а по степени реализации содержательно-образовательных целей системы.

Мировоззренческие цели:

1. Осмысление стратегических целей духовно-нравственного потенциала субъектов управляемой отрасли труда, разработка «дерева цели».
2. Декомпозиция этой цели по наличию информационно-целевых полей и их преобразованию по аспектам и технологиям реализации цели субъектами взаимодействующих систем.
3. Конструирование идеальной духовно-нравственной модели пространства бытия на основе созидательных целей и гармоничных отношений к труду, его результатам, к окружающим людям, самому себе, к духовным и материальным ценностям.
4. Конструирование реальной модели управления на основе претворения на практике идеальной

модели системы труда.

5. Анализ результатов труда по степени реализации мировоззренческих целей системы.

При моделировании реальной гуманитарной системы особое значение приобретает разработка средств достижения целей в конкретном времени и пространстве. В этих условиях субъекты сознательно выбирают цели, разрабатывают технологии их реализации. Такое состояние развивающейся и вновь образуемых синергетических систем (познания и поведения) подтверждает объективность самоорганизации гуманитарных целостностей, к числу которых относится система обучения, где необходимо осваивать опыт управления моделированием системы в условиях риска. Для этого необходимо развивать у субъектов опыт:

1. Осмысления приоритетности саморазвития телеологического мышления.
2. Осуществления свободы выбора тактической цели поведения.
3. Овладения рефлексией логики постановки целей и технологий их реализации на базе взаимодействия сознательной и бессознательной сфер психики субъекта.

Названные операции обуславливают развитие профессиональных качеств будущего специалиста.

Управление развитием системой обучения на занятиях позволит студентам освоить механизмы достижения профессионально-управленческих целей в образовательном пространстве вуза. Приобретение опыта моделирования систем учения (познания) и самовоспитания (поведения) имманентно создает условия для экстраполяции опыта в любую сферу предстоящей профессиональной деятельности. Выбор содержательно-образовательной, мировоззренческой и профессионально-управленческой цели осуществляют все субъекты гуманитарной системы. Осознавая и осуществляя свободу выбора и реализуя цели, человек развивает у себя качества свободного деятеля – творца.

Рассмотренный нами подход представляет новую область педагогической науки, экстраполяция которой в сферу конкретного образовательного пространства позволяет воспитать молодое поколение с пониманием своего целевого единства в мире природных и социально-культурных целостностей, гармоничное развитие которых в свою очередь предполагает необходимость сознательного встраивания поведения человека в окружающий мир, для чего необходимо овладеть существующими на данный момент технологиями реализации духовно-нравственных целей бытия.

Рассмотрим приобретение студентами опыта развития профессиональных качеств на примере работы с

математическими задачами. Задача – цель деятельности, данная в определенных условиях и требующая для своего достижения адекватных средств, к каковым мы относим технологию. Из такого определения с необходимостью вытекает требование осмысления цели (вопроса) задачи. Так как задача содержит цель и требует алгоритма достижения цели, то ее можно рассматривать как систему. С другой стороны, задача – элемент учебного материала. Поэтому ее можно считать единицей содержания образования (системой), при усвоении которой имманентно происходит развитие студента как субъекта интеллектуального, духовно-нравственного и профессионального потенциала.

Функционирование задачи как системы фиксируется, если она становится объектом в системе учения. Это может произойти при гармоничном (целевом) встраивании предметной области знаний в систему обучения и перевода системы преподавания в систему учения. Самоорганизация новой системы (учение) возможна, когда студент принимает задачу как средство своего развития (интеллекта, духовности, профессиональных качеств), проявляет к ней интерес (появляется положительная мотивация). Гарантированность положительного результата в предстоящей предметной деятельности студентов достигается за счет целей и адекватных технологий их реализации.

Так как структура задачи согласуется с содержательно-образовательными целями оперативного уровня в системе обучения, она может требовать от студента моделирования деятельности на всех трех уровнях усвоения. Для описания того, как происходит самоуправление студентами этой деятельностью при решении задачи, мы предлагаем использовать алгоритм управленческого решения, или, операционный алгоритм. Так как успешность решения любого задания при управлении познавательно-мыслительной деятельностью обеспечивается с помощью алгоритма управленческого решения, то сам алгоритм является объектом усвоения на всех трех уровнях усвоения. Первый уровень усвоения – воспроизведение операций и раскрытие их сущности. При выполнении операций происходит усвоение его на втором уровне. Перенос приобретенного опыта применения данного алгоритма в новую ситуацию обуславливает усвоение на третьем уровне усвоения, то есть на творческом уровне.

Педагог обращает внимание студентов на то, что задача, как элемент культуры, является не самоцелью, а средством развития и интеллекта, и чувственно-волевой и мотивационной сферы, и средством развития профессиональных качеств субъекта-управленца, приобретающего опыт управления саморазвитием, субъекта-творца себя и окружающего мира за счет моделирования новых систем в познании и жизнедеятельности.

Заметим, что решение задач может обуславливать развитие как репродуктивного, так и творческого мышления, формировать установку на необходимость при моделировании учитывать гармоничность отношений к себе и окружающей действительности, способствовать становлению субъектной позиции студента на уровне проявления его творчества. Это объясняется тем, что решение задачи может потребовать от субъекта второго уровня усвоения – студенту алгоритм (образец) решения известен или он готов его разработать. Если оператор задачи студенту не известен, то задача требует третьего уровня усвоения. В этой ситуации студент осуществляет поисковую деятельность (частично-поисковый или исследовательский методы) с использованием алгоритма творческой деятельности.

Организация взаимодействия педагога со студентами, организованная по операционному алгоритму, позволяет сделать ряд утверждений. Во-первых, студенты овладевают опытом управления познавательно-мыслительной деятельностью посредством алгоритма принятия решений. Во-вторых, усваивают сам алгоритм на первом и втором уровнях усвоения. В-третьих, проведение операций анализа и диагноза позволяет констатировать приобретение студентами опыта моделирования учения при изучении математики. Таким образом, подтверждается мысль о том, что математика является средством развития студентов. В-четвертых, происходит становление студентов как субъектов саморазвития интеллектуального и духовно-нравственного потенциала, что имманентно обуславливает развитие их профессионализма.

В свою очередь развитие профессионализма связано, как было ранее сказано, с профессиональными способностями. Можно утверждать, что у студентов при изучении математики (в частности, при решении задач), развиваются способности: академические – усвоение информации из дидактики и предметной области учебной дисциплины; усвоение операционного алгоритма, алгоритма творческой деятельности; дидактические – овладение опытом целеполагания; конструктивные – овладение опытом моделирования посредством соответствующей технологии; организаторские – деятельность по реализации построенного алгоритма для достижения спрогнозированной цели (перевод модели системы учения, построенной в результате осуществления академических и дидактических операций в реальную практику). Самоанализ (рефлексия по степени достижения цели) в процессе решения задачи способствует развитию академических, дидактических и организаторских способностей.

Таким образом, организованная на научной основе целевая деятельность студентов обеспечивает развитие памяти, репродуктивного и творческого мышления,

становление профессионализма студентов в системе обучения, то есть развитие и саморазвитие их профессиональных качеств.

Анализ динамики овладения студентами опытом применения операционного алгоритма при работе с задачами свидетельствует о том, что целенаправленная деятельность педагога по формированию у студентов опыта моделирования создает условия для становления их субъектной позиции. Они приобрели опыт управления развитием как интеллектуального, так и профессионального развития, развития профессиональных качеств.

Управляя развитием студентов как субъектов становления их интеллектуального потенциала, педагоги способствуют тому, что каждый из них становится профессионалом учения в любой сфере деятельности, будь то продолжающаяся учеба или профессиональная область труда. Интеллектуальный потенциал личности развивается по тем же целям, с использованием тех же технологий, которые позволяют думать и обеспечивать становление творческого потенциала труда и созидательной позиции при моделировании всех сторон жизнедеятельности, включая свободное время.

В аспекте анализа и прогнозирования целевого развития гуманитарных систем мы не отделяем интеллектуальное развитие субъектов учения от систем любой трудовой активности в любой отрасли профессиональной деятельности, в которую предстоит встраивать свое поведение будущим гражданам страны. Такая подготовка студентов соответствует ведущему принципу учения и профессиональной деятельности: «теория без практики мертва, а практика без теории – слепа» (М. Ломоносов). Следует учесть, что для развития творческих основ умственной деятельности необходимо развивать базу бессознательного психического потенциала, то есть интуицию, сферу чувств.

Таким образом, рассмотренный механизм взаимодействия педагога со студентами по овладению опытом целеполагания в системе учения на базе предметной области математики позволяет сделать выводы:

1. Усвоение студентами информации о целях из дидактики не идет в ущерб усвоению материала предметной области знаний.
2. Педагогизация занятий способствует повышению осмысленности усвоения предметной области.
3. Конвергентность целей позволяет сохранить системную целостность занятия и развивать студента как субъекта в аспектах целеполагания и разработки адекватных технологий.
4. В свою очередь, перечисленные в первых трех пунктах выводы, обуславливают обретение студентами опыта моделирования системы учения

и становления их субъектами саморазвития профессиональных качеств.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что при системном подходе к обучению студентов на занятиях происходит взаимодействие систем преподавания и учения на базе предметной области знаний, выраженной темой занятия. Это приводит к следующим результатам:

1. На занятии происходит развитие интеллектуального потенциала студента (памяти, репродуктивного и творческого мышления) средствами математики, согласно прогнозируемым содержательно-образовательным целям занятия, которые выражены уровнями усвоения.
2. Студенты приобретают опыт субъектов учения, моделирующих свою деятельность по целям и

технологиям саморазвития.

3. У студентов происходит осознание того, что предметная область учебной дисциплины является не самоцелью, а средством развития их интеллектуального потенциала и средством развития их как субъектов.
4. У студентов развивается системное видение обучения, в котором создаются условия для установления субъектно-субъектных (сотрудничество) отношений.
5. Приобретается опыт моделирования поведения в системе обучения.
6. Происходит в сознании студентов интегрирование системы обучения как системы саморазвития интеллектуального потенциала субъектами учения, что имманентно ведет к развитию соответствующих профессиональных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнева, Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. Лекция-доклад. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. – 2004.
2. Дворянкина, Е.К., Горбанева, Л.В. Универсальные способы мышления как одно из условий становления субъектной позиции студентов // Проблемы высшего образования. – 2018. – № 1. – С. 241-244.
3. Рабош, В.А. Синергетика образования человека // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 3. – С. 82-83.
4. Дворянкина, Е.К. Моделирование образовательной системы вуза по развитию студентов как субъектов профессионально-педагогической деятельности: автореф. дис. д-ра пед-их наук. – М.: Московский педагогический гос. университет, 2012.

© Матвеева Елена Владимировна (gabitus-ev@mail.ru), Маркова Наталья Владимировна (nata_mark@mail.ru), Мурая Елена Николаевна (elena_muray22@mail.ru), Эйрих Надежда Владимировна (nadya_eyrikh@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ЙОГАТЕРАПИИ В РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ С ПРЕДМЕНСТРУАЛЬНЫМ СИНДРОМОМ

THE METHOD OF YOGA THERAPY IN THE REHABILITATION OF PATIENTS WITH PREMENSTRUAL SYNDROME

**A. Revenko
L. Lagunova
K. Ryamova
A. Ponomarev
T. Stepina**

Summary: Premenstrual syndrome (PMS) is a complex of mental and somatic symptoms that appear in women a few days before the onset of menstruation. The researchers note that in patients with PMS, the ability to adapt to the manifestations of the disease and social activities (at work, in life) is significantly impaired. They are characterized by frequent unjustified mood swings, aggressiveness and increased conflict, depression. All this significantly violates the quality of a woman's life. In this paper, the methods of combating PMS are disclosed and analyzed how effective yoga therapy classes are in reducing the level of manifestations of PMS symptoms in girls aged 18-22. The purpose of the study: to develop a method of yoga therapy to reduce the symptoms of PMS in accordance with the form of manifestation. Methodology and organization of the study: The experiment was conducted on the basis of the Federal State Educational Institution of the UGMU of Yekaterinburg from February 2021 to April 2022. 66 girls aged 18 to 22 years took part in the experiment. Classes were held three times a week for 40-45 minutes - one lesson in full-time format, two online. The girls had a questionnaire to identify the form of PMS manifestation. To assess the clinical characteristics of pain symptoms, we used Rudolf Musa's menstrual distress questionnaire.

According to the results of the questionnaire, it was revealed that most of the most pronounced symptoms relate to the neuropsychic form, it was decided to use the «fractional shavasana» protocol when compiling an experimental complex.

The conducted research showed that the complex developed by us turned out to be the most effective in reducing such symptoms of PMS as negative affectation and changes in behavior, which is undoubtedly a positive moment in working on this issue.

Keywords: yoga therapy, premenstrual syndrome, physical culture, mental disorders, psychotherapy.

Ревенько Алия Исхаковна

Уральский государственный медицинский университет,
г. Екатеринбург;
aliushia-86@rambler.ru

Лагунова Любовь Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, Уральский
государственный медицинский университет,
г. Екатеринбург;
lagunova1969@list.ru

Рямова Ксения Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Уральский
государственный медицинский университет,
г. Екатеринбург;
ks.1608@mail.ru

Пономарев Алексей Сергеевич,

Уральский государственный медицинский университет,
г. Екатеринбург;
alekseosokin@yandex.ru

Степина Татьяна Юрьевна

доцент, Уральский государственный университет путей
сообщения, г. Екатеринбург
stepina66@yandex.ru

Аннотация: Предменструальный синдром (ПМС) – это комплекс психических и соматических симптомов, появляющихся у женщин за несколько дней до наступления менструации. Исследователями отмечается, что у пациенток с ПМС способность адаптироваться к проявлениям болезни и социальной деятельности (на работе, в жизни) существенно нарушена. Для них характерны частая неоправданная смена настроения, агрессивность и повышенная конфликтность, депрессия. Все это значительно нарушает качество жизни женщины. В данной работе раскрыты методы борьбы с ПМС и проанализированы насколько эффективны занятия йогой в снижении уровня проявлений симптомов ПМС у девушек 18-22 лет. Цель исследования: разработать методику йогой для снижения симптомов ПМС в соответствии с формой проявления. Методика и организация исследования: Эксперимент проводился на базе ФГБОУ ВО УГМУ г. Екатеринбург с февраля 2021 г. по апрель 2022 г. В эксперименте приняли участие 66 девушек в возрасте от 18 до 22 лет. Занятия проводились три раза в неделю по 40-45 минут - одно занятие в очном формате, два онлайн. У девушек проводился опросник для выявления формы проявления ПМС. Для оценки клинических характеристик болевых симптомов мы использовали менструальный дистресс опросник Рудольфа Муса. По результатам опросника было выявлено, что большая часть наиболее выраженных симптомов относится к нервно-психической форме, принято решение использовать протокол «фракционная шавасана» при составлении экспериментального комплекса.

Проведенное исследование показало, что разработанный нами комплекс оказался наиболее эффективным в снижении таких симптомов ПМС как негативная аффектация и изменения в поведении, что является бесспорно положительным моментом в работе над данной проблематикой.

Ключевые слова: йогой, предменструальный синдром, физическая культура, психические нарушения, психотерапия.

Предменструальный синдром (ПМС) – это комплекс психических и соматических симптомов, появляющихся у женщин за несколько дней до наступления менструации и исчезающих вскоре после ее начала. Отмечаемые в этот период отклонения, включают тревогу, раздражительность, подавленное настроение, плаксивость, изменение пищевых предпочтений, напряженность, колебания настроения, ангедонию, утомляемость; соматические – болезненность грудных желез, абдоминальный дискомфорт, увеличение массы тела, ощущение «раздутости», боль в мышцах и суставах, головную боль, отечность конечностей [4].

По данным некоторых авторов частота ПМС полностью зависит от возраста женщины: чем старше — тем частота больше и колеблется от 25 до 90 %. В возрасте от 19 до 29 лет ПМС наблюдается у 20 % женщин, после 30 лет синдром встречается примерно у каждой второй женщины. После 40 лет частота достигает 55 % [5]. Существуют данные о том, что ПМС подвержены преимущественно эмоционально лабильные пациентки астенического телосложения с дефицитом массы тела, а также женщины, занимающиеся интеллектуальным трудом [3]. Для них характерны частая неоправданная смена настроения, агрессивность и повышенная конфликтность, депрессия. Все это значительно нарушает качество жизни женщины. Согласно С. I. Jarvis, изменение образа жизни на более активный и физические упражнения рекомендуются для всех женщин с ПМС, в некоторых случаях это единственный способ снять ПМС с легкими и умеренными симптомами. Так же есть мнение, что именно упражнения из практической йоги значительно снижают проявление данных симптомов.

Цель исследования: разработать специализированный комплекс йогатерапии для снижения симптомов ПМС в соответствии с формой проявления, выявленной в исследуемой группе.

Задачи исследования:

1. Изучить средства и методы лечения ПМС в мировой литературе;
2. Выявить специальные упражнения из йогатерапии для снижения симптомов ПМС у девушек 18-20 лет;
3. Оценить эффективность экспериментального комплекса.

Методы оценки:

Для оценки клинических характеристик болевых симптомов мы использовали Менструальный дистресс опросник Рудольфа Муса, состоящий из 8 компонентов, которые объединяют 47 симптомов. Симптомы, перечисленные в данном опроснике, раскрывают клиническую картину и позволяют определить доминирующие предменструальные симптомы (вегетативные, эндокринные

и эмоциональные). Степень проявления вышеуказанных симптомов определяется по балльной системе 1 балл отсутствие патологических проявлений, 2 балла мало заметные проявления, 3 балла явные, слабые, 4 балла явные, средней интенсивности, 5 баллов явные, выраженные, 6 баллов острые, лишающие пациентку трудоспособности. Опросник позволяет оценить тяжесть течения ПМС, провести анализ изменений симптоматики в динамике и определить эффективность проводимой терапии [2].

Клиническая картина предменструального синдрома характеризуется своим симптоматическим многообразием. Она включает в себя:

- психоэмоциональные симптомы (раздражительность, депрессию, плаксивость);
- симптомы вегетососудистых нарушений (головная боль, тошнота, рвота, боли в сердце);
- симптомы, отражающие обменно-эндокринные нарушения (набухание молочных желез, отеки, зуд, повышение температуры тела и др.).

В зависимости от превалирования тех или иных симптомов в клинической картине выделяют четыре формы ПМС:

- нейропсихическая,
- отечная,
- цефалгическая,
- кризовая.

Следует отметить, что нарушение трудоспособности независимо от количества и длительности симптомов свидетельствует о тяжелом течении ПМС и часто сочетается с нейропсихической формой.

Нервно-психическая форма ПМС характеризуется наличием следующих симптомов: эмоциональная лабильность, раздражительность, плаксивость, бессонница, агрессивность, апатия к окружающему, депрессивное состояние, слабость, быстрая утомляемость, обонятельные и слуховые галлюцинации, ослабление памяти, чувство страха, тоска, беспричинный смех или плач, сексуальные нарушения, суицидальные мысли. Помимо нейропсихических реакций, которые выступают на первый план, в клинической картине могут быть другие симптомы: головные боли, головокружения, нарушение аппетита, болезненность молочных желез, вздутие живота [1]. Отмечено, что если у молодых женщин при данной форме предменструального синдрома преобладает депрессия, то в переходном возрасте превалирует агрессивность. Нервно-психическая форма занимает первое место по распространенности среди других форм, она наблюдается примерно у 43,3 % больных женщин [5].

Существует так же отечная форма ПМС отличающаяся превалированием в клинической картине следующих симптомов: отеки лица, голеней, пальцев рук,

нагрубание и болезненность молочных желез (мастодиния), кожный зуд, потливость, и т.д. и *цефалгическая форма ПМС* характеризуется превалированием в клинической картине вегетативно-сосудистой и неврологической симптоматики: головные боли по типу мигрени с тошнотой, рвотой и диареей (типичные проявления гиперпроstagландинемии), головокружение, сердцебиение, боли в сердце, бессонница, раздражительность, повышенная чувствительность к запахам, агрессивность. При *кризисовой форме ПМС* в клинической картине преобладают симпато-адреналовые кризы, сопровождающиеся повышением АД, тахикардией, болями в сердце, чувством страха без изменений в ЭКГ. Приступы нередко заканчиваются обильным мочеотделением.

Существует несколько способов снижения ПМС: изменение образа жизни; диета; физические упражнения; психотерапия; фармакотерапия. Модификация образа жизни может улучшить состояние при легких формах, но этого часто недостаточно для пациенток с тяжелыми симптомами.

Фармакотерапия ПМС помогает облегчить симптомы почти у 80 % женщин. Фармакологический метод должен сочетаться с правильно дозированной физической нагрузкой, полноценным сном и отдыхом, а также правильным питанием, что затрудняет его постоянное применение.

Более того медикаментозные методы и средства, так или иначе они имеют ряд противопоказаний, побочных эффектов, которые не желательны для пациентов.

Нами было проанализировано большое количество литературы по поиску средств и методов снижения симптомов ПМС различными методами, но наибольший интерес с нашей точки зрения вызывают физические упражнения с направленностью занятий – «йогатерапия».

Б.К.С. Айенгар в своей книге «ЙОГА (путь к здоровью)» пишет, что практика йоги может помочь предотвратить или облегчить многие недомогания, характерные для женщин, поскольку йогические упражнения воздействуют на устранение базовых причин болезней. Йога помогает устранить менструальные расстройства и дисбаланс в работе щитовидной железы, избавить от последствий остеопороза и побочных эффектов менопаузы[3].

Исходя из рекомендаций БКС Айенгар и множества других авторов работающих в этом направлении нами были выбраны упражнения (асаны) для составления специализированного комплекса:

- перевернутые асаны (Ширшасана и вариации ПаршваШиршасана, ПаривриттаикападаШиршасана, ШиршаБаддхаКонасана, ПрасаритаПадаШиршасана и Сарвангасана, и вариации как СуптаКо-

насана, ПрасаритаПадаСарвангасана, СарвангасанаБаддхаКонасана);

- прогибы (Эка ПадаВипаритаДандасана, Эка Пада Раджа Капотасана, ВипаритаДандасана на лавке или стуле, УрдхваДханурасана и Капотасана на стуле);
- позы сидя на раскрытие и расслабление мышц таза (УпавиштаКонасана, БаддхаКонасана, Вирасана, Падмасана, Маласана, СуптаПадангуштасана, АрдхаЧандрасану, Вирабхадрасану II, Уттхита-Паршваконасану, УттхитаХастаПаданеуштасану с опорой для ноги).

При симптомах: отсутствии аппетита, проблем с пищеварением рекомендуется выполнять вытяжения вперед, такие как Джану Ширшасана, Пашчимоттанасана, УпавиштаКонасана с опорой под голову. При головной боли – избегать Ширшасаны и прогибов назад. Также, наряду с асанами Гита Айенгар рекомендует выполнять Вилома пранаяма и особенно Вилома II, выдох-пауза для снятия предменструального напряжения [4].

В эксперименте приняли участие девушки, обучающиеся на 1-3 курсе Уральского государственного медицинского университета. На первом этапе девушкам было предложено заполнить Менструальный дистресс-опросник Р. Муса, для определения наиболее распространенной формы ПМС в группе. В опросе приняли участие 95 человек. Наиболее ярко выраженные симптомы: изменения поведения (снижение активности во время учебы; сонливость), негативная аффектация (раздражительность, перемены настроения, плаксивость, беспокойство, тревога).

Исходя из результатов опроса, у большинства девушек была единые симптомы относящихся к нервно-психической форме, в следствии чего была образована экспериментальная группа

Учитывая, что большая часть наиболее выраженных симптомов относится к нервно-психической форме, принято решение использовать протокол «фракционная шавасана» при составлении специализированного комплекса. Упражнения подбирались более простые, т.к. учебный семестр начался в дистанционном формате и не было возможности полностью контролировать выполнение техники асан. Комплекс рассчитан на 40 минут, выполняли его 3 раза в неделю. Один раз с преподавателем по видео сначала, а потом в очном формате и два занятия проходили строго в онлайн формате в единое время.

Исследование проводилось в три этапа:

На первом этапе проведены анализ и обобщение научно-методической литературы.

На втором этапе проводился педагогический экс-

перимент, с использованием специализированного комплекса реабилитации больных с ПМС, а также анкетирование с целью выявления динамики изучаемых показателей.

На третьем этапе исследования был проведен анализ полученных результатов, оценка предложенных упражнений реабилитации больных с ПМС с точки зрения ее эффективности.

Занятия в исследуемой группе строились по следующей методике:

- в подготовительной части занятия в качестве разминки и подготовки организма к предстоящей тренировке мы использовали упражнения сустав-

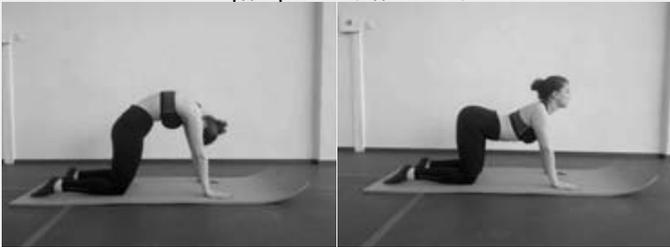
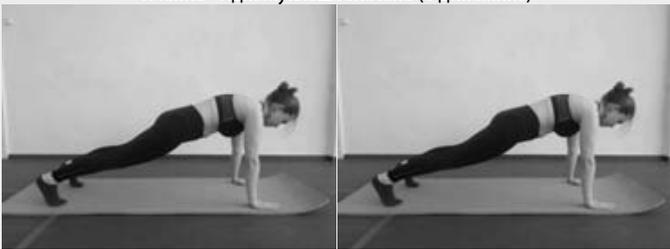
ной гимнастики.

- в основной части занятия мы апробировали протокол «фракционная шавасана» с резонансным дыханием.
- в заключительной части занятия для расслабления и восстановления сил выполняли Шавасану.

В процессе реализации методики мы стремились научить занимающихся контролировать качество выполнения упражнений путем анализа собственных ощущений, создавать необходимые для усвоения ряда упражнений зрительные образы, а также корректировать свое психофизическое состояние. Для снятия психоэмоционального напряжения и уси-

Таблица 1.

Экспериментальный комплекс упражнений

Часть занятия	Упражнения	Предполагаемый эффект
Подготовительная	Суставная гимнастика	Подготовка организма к занятию
Основная	<p>Уддиянабандха</p> 	Массаж внутренних органов, стимуляция работы печени, улучшение венозного оттока, стимуляция перистальтики кишечника, снижает раздражительность.
	<p>Марджариасана (в динамике)</p> 	Улучшает подвижность позвоночника, расслабляет мышцы спины, снимает напряжение, успокаивает нервную систему, способствует улучшению функции пищеварения и мочеиспускания, улучшает состояние легких и дыхательной системы, способствует насыщению крови кислородом и благотворно влияет на женскую репродуктивную систему, облегчает менструальные боли.
	<p>АрдхаБхуджангасана</p> 	Улучшается работа диафрагмы, верхних долей лёгких (увеличивается объем легких) и сердца, укрепляются мышцы живота и мышцы спины, стимулируется работа желез внутренней секреции, желудочно-кишечного тракта, почек, надпочечников, паращитовидной и щитовидной желез, улучшает кровоснабжение в тазовой области.
	<p>Планка - АдхоМукхаШванасана (в динамике)</p> 	Помогает раскрыть заднюю поверхность ног, укрепляет лодыжки, снимает скованность пяток, укрепляет мышцы рук, улучшает подвижность лопаток замедляет сердцебиение, способствует приливу крови к голове – обновляет клетки головного мозга, улучшает цвет лица, способствует пищеварению, благотворно влияя на состояние органов брюшной полости, снимает усталость. Планка укрепляет мышцы рук, спины, живота, ног.

Часть занятия	Упражнения	Предполагаемый эффект
Подготовительная	Суставная гимнастика	Подготовка организма к занятию
	<p>В промежутках между асанами резонансное дыхание в шавасане</p> 	<p>Снижение тонуса СНС Снижение тревожности Снижение ЧСС Снижение давления</p>
Заключительная	Шавасана	Активизация парасимпатической нервной системы, восстановление всех систем организма

ния тренировочного эффекта использовалось музыкальное сопровождение.

В результате эксперимента были выявлены следующие результаты:

Таблица 2.

Показатели степени болевых проявлений

Показатели	До эксперимента	После эксперимента	t-критерий Стьюдента	достоверность
мышечное напряжение	2,76	2,3	2,2	$p \leq 0,05$
головная боль	1,88	1,85	0,2	$p \leq 0,05$
спазмы и судороги	2,73	1,77	4,3	$p \leq 0,05$
люмбагия	2,76	2,26	2,5	$p \leq 0,05$
усталость	3,2	2,73	2	$p \leq 0,05$
генерализованные боли	2,48	1,71	3,2	$p \leq 0,05$

Из данной таблицы видно, что все параметры показали достоверное улучшение, что является положительным результатом в данном исследовании.

Показатели проявления нарушения концентрации внимания имеют лишь тенденцию к снижению по некоторым показателям.

Анализируя показатели табл.3 видна положительная динамика по всем показателям, что подтверждает правильность и ценность нашей методики при снижении болевого синдрома ПМС.

Таблица 3.

Общий балл по менструальному дистресс опроснику Р. Муса

Показатели	До эксперимента	После эксперимента
Болевые проявления	15,8	12,62
Нарушение концентрации	15,06	13,08
Изменение поведения	14,42	11,14
Вегетативные реакции	6,41	5,52
Задержка жидкости	10,41	8,15
Негативная аффектация	24,94	18,27
Дееспособность	11,71	11,64
Контроль	7,76	7,47

На рис. 1. Мы можем увидеть графическое изображение снижения ПМС после применения экспериментальной методики.

В результате полученных данных можно сделать вывод о том, что разработанный нами специализированный комплекс оказался более эффективным в снижении таких симптомов ПМС как негативная аффектация и изменения в поведении, но остальные показатели так же фиксируют снижение симптоматики, но в меньшей форме, чем выше указанные. Это говорит о том, что разработанный нами специализированный комплекс оказался эффективным в снижении проявления симптомов ПМС.

Выводы

Анализ литературных источников показал, что

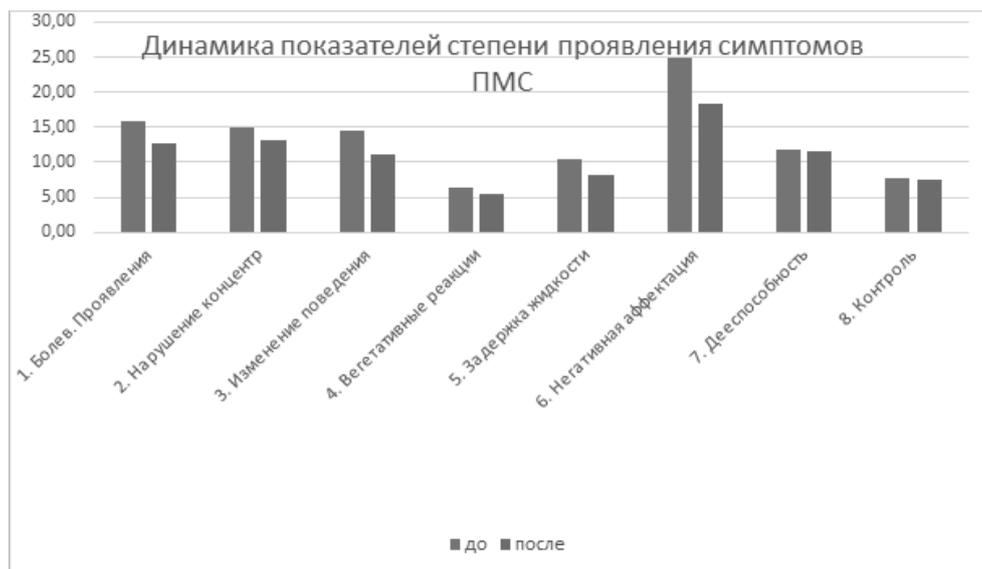

Рис. 1. Динамика показателей степени проявления симптомов ПМС по кластерам

действительно существует такая проблема, как болевой синдром при ПМС у женщин различных возрастов. Так же мы выявили, что многие исследователи предлагают различные методы борьбы с данным недугом, но как правило они имеют различные противопоказания либо не совсем удобны для частого использования.

Таким образом нами была предложена методика с использованием йоготерапии – протокол «фракционная шавасана» с резонансным дыханием.

Результаты полученные в ходе эксперимента позволяют рекомендовать данную методику к использованию при снятии болевого синдрома при ПМС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манухин, И.Б. Гинекологическая эндокринология. Клинические лекции / И.Б. Манухин, Л.Г. Тумилович, М.А. Геворкян, Е.И. Манухина. - 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 304 с.: ил. - (Серия «Библиотека врача-специалиста»). – 304 с. (Серия «Библиотека врача-специалиста»), ISBN 978-5-9704-5821-1. Текст: электронный // ЭБС «Консультантстудента»: [сайт]. - UR: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970458211.html> (дата обращения: 24.01.2022). – Режим доступа: по подписке.
2. Прилепская В.Н., Довлетханова Э.Р. Предменструальный синдром: клиника, диагностика, фитотерапия (клиническая лекция)/В.Н. Прилепская, Э.Р. Довлетханова // Медицинский совет – 2020 - №13 - 106
3. Айенгар Г. Практика йоги для женщин в течение всего цикла // <http://www.indrayoga.ru/about-yoga/187>
4. Айенгар Б.К.С. Йога (путь к здоровью). Изд-во: «Флинта», 2014. – 336 с.
5. Яковлева Э.Б., Бабенко О.М. Пилипенко О.Н. Предменструальный синдром / Э.Б. Яковлева, О.М. Бабенко, О.Н. Пилипенко // Медицина неотложных состояний – 2014 - №3 (58) – 159 с.

© Ревенько Алия Исхаковна (aliushia-86@rambler.ru), Лагунова Любовь Владимировна (lagunova1969@list.ru), Рямова Ксения Александровна (ks.1608@mail.ru), Пономарев Алексей Сергеевич (alekseosokin@yandex.ru), Степина Татьяна Юрьевна (stepina66@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ СКОРОСТНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЗАНИМАЮЩИХСЯ СКОРОСТНЫМИ ВИДАМИ ПОДВОДНОГО СПОРТА

DEVELOPMENT OF HIGH-SPEED ABILITIES ENGAGED IN HIGH-SPEED UNDERWATER SPORTS

**E. Redi
I. Tolstopyatov
A. Lisovik**

Summary: The speed abilities of a submariner swimmer are characterized by the ability to swim a short distance with absolutely high speed. Speed abilities are inextricably linked with the technical skill of the athlete. Without a good swimming technique, competent execution of the start and turns, there are no high speeds. Perfection of swimming technique in the main way, the ability to perform movements with maximum mobilization, maintaining accuracy, coordination and optimal amplitude is the most important prerequisite for a high level of speed abilities of a submariner swimmer.

Keywords: speed, underwater sports, distance, competitions, underwater swimmer, sports equipment.

Реди Елена Владимировна

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск, Россия
russlen90@mail.ru

Толстомятов Игорь Анатольевич

Профессор, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск, Россия
tia965@mail.ru

Лисовик Алла Николаевна

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск, Россия
lissa0407@mail.ru

Аннотация: Скоростные способности пловца-подводника характеризуются умением проплыть короткий отрезок дистанции с абсолютно высокой скоростью. Скоростные способности неразрывно связаны с техническим мастерством спортсмена. Без хорошей техники плавания, грамотного выполнения старта и поворотов нет и высоких скоростей. Совершенство техники плавания основным способом, умение выполнять движения с максимальной мобилизацией, сохраняя точность, координированность и оптимальную амплитуду – важнейшая предпосылка высокого уровня скоростных способностей пловца-подводника.

Ключевые слова: скорость, подводный спорт, дистанция, соревнования, пловец-подводник, спортивная техника.

Введение

Ведущие спортсмены – пловцы на современном этапе развития этого вида спорта обладают высоким уровнем развития физических способностей (Логинов С.И., 2013). Данная направленность отчасти связана с введением новых методик подготовки пловцов, начиная с учебно-тренировочных групп и заканчивая группами спортивного совершенствования.

Многие авторы отмечают, что нагрузки, предъявляемые для высококвалифицированных спортсменов, имеют очень высокий уровень, но по сведениям специалистов в области юношеского спорта данная тенденция становится характерной и для начинающих спортсменов (Морозов С.М., 1983; Топчиян В.С. и др., 1983; Булгакова Н.Ж., 1986; Платонов В.Н., Фесенко С.Л., 1990; Кузнецов А.А. и др., 2006; Костючек И.Ю., 2013).

Физическая подготовка спортсменов – подводников включает применение комплекса упражнений, как на суше, так и в воде, целью которых является развитие всех

без исключения физических качеств (Крылов А.И. Кононов С.В., 2006; Валеев А.М., 2009). Одно из приоритетных качеств, которые развивают на тренировках пловцы – быстрота, потому что именно это качество дает предпосылки для достижения максимально возможного результата в будущем (Викулов А.Д., 2004; Костикова С.Д., 2014).

В физиологии спорта давно известно, что наибольшее внимание, уделяемое для развития быстроты, приходится на возрастной период 9-12 лет. Особое внимание на развитие скоростных способностей в плавании также приходится на данный период.

Воспитание скоростных способностей начинается в процессе овладения рациональной спортивной техникой. Прежде всего добиваются точности при плавании в различном темпе на средних и коротких дистанциях и их отрезках. Чем совершеннее техника плавания основным стилем, тем в большем объеме используются в учебно-тренировочных группах эстафеты и игры, связанные со спринтерским плаванием на коротких отрезках. Уделяют внимание технике выполнения стартовых прыжков

и финишных ускорений, освоению техники плавания 10–15-метровых отрезков со старта и поворота.

Цель исследования

Исследовать и определить уровень развития скоростных способностей пловцов-подводников за 2021 и 2022 год среди детей 9 – 10 лет.

Материалы и методы

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ лучших спортивных результатов занимающихся скоростными видами подводного спорта за период 2021-2022 год. Исследование проводилось в г. Красноярске на базе Дворца водного спорта СибГУ среди детей 9-10 лет.

Результаты исследования

Плавание в ластах – ряд скоростных дисциплин подводного спорта, где основной задачей спортсмена является преодоление дистанции по поверхности воды или под водой с помощью мускульной силы без применения каких-либо механизмов за наименьшее время. В этой группе дисциплин существует очень большое количество соревновательных дистанций, ряд которых является спринтерскими, где спортсмены проявляют на максимуме свои скоростные качества.

Развивать скоростные качества у спортсменов необходимо с раннего возраста. Для того, чтобы определить уровень развития скоростных способностей пловцов-подводников за 2021 и 2022 год среди детей 9 – 10 лет нами был проведен сравнительный анализ лучших результатов показанных детьми на соревнованиях в спринтерских дисциплинах (Рисунок 1-11).

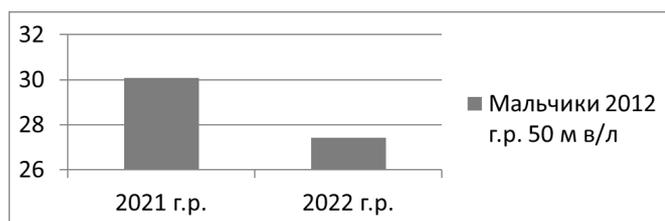

Рис. 1. Сравнительный анализ результатов на дистанции 50 метров плавание в ластах среди мальчиков 2012 года рождения

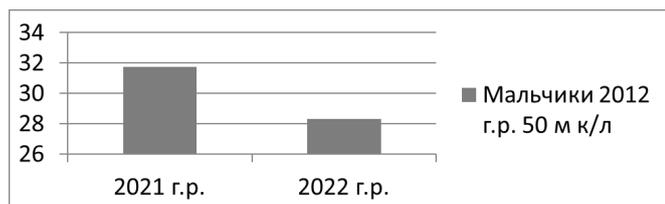

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов на дистанции 50 метров плавание в классических ластах среди мальчиков 2012 года рождения

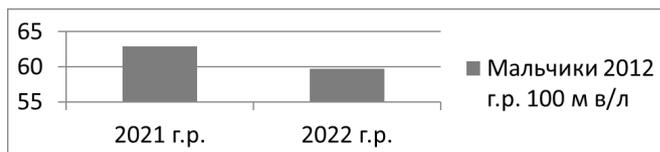

Рис. 3. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в ластах среди мальчиков 2012 года рождения

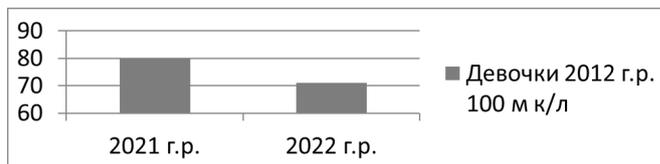

Рис. 4. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в классических ластах среди девочек 2012 года рождения

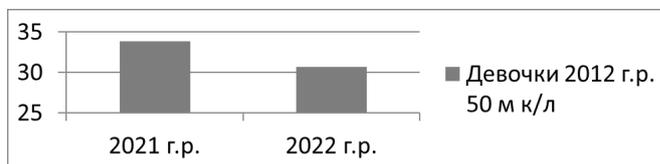

Рис. 5. Сравнительный анализ результатов на дистанции 50 метров плавание в классических ластах среди девочек 2012 года рождения

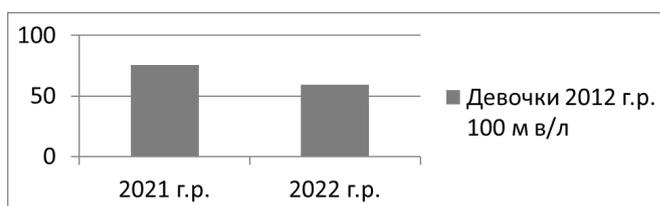

Рис. 6. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в ластах среди девочек 2012 года рождения

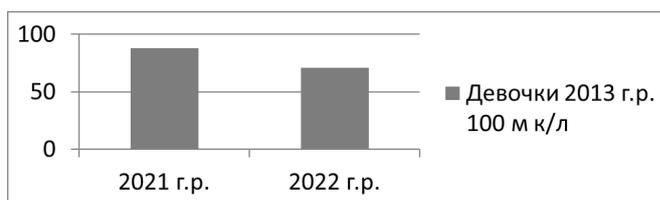

Рис. 7. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в классических ластах среди девочек 2013 года рождения

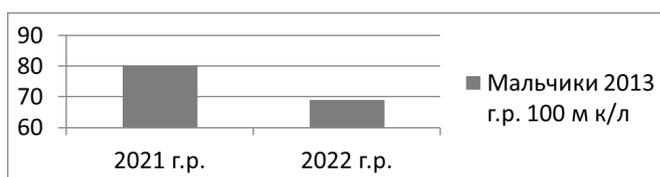

Рис. 8. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в классических ластах среди мальчиков 2013 года рождения

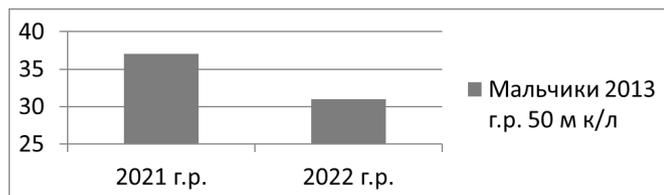

Рис. 9. Сравнительный анализ результатов на дистанции 50 метров плавание в классических ластах среди мальчиков 2013 года рождения

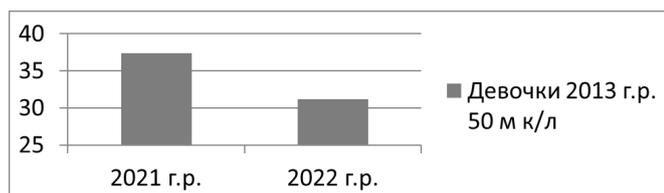

Рис. 10. Сравнительный анализ результатов на дистанции 50 метров плавание в классических ластах среди девочек 2013 года рождения

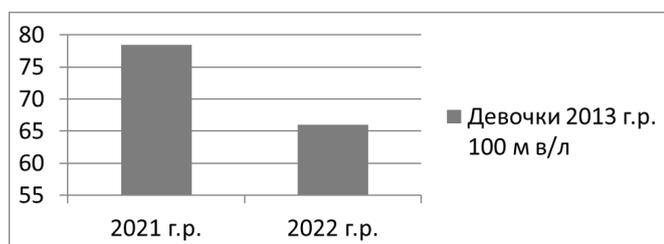

Рис. 11. Сравнительный анализ результатов на дистанции 100 метров плавание в ластах среди девочек 2013 года рождения

Проведя сравнительный анализ выступлений спортсменов на спринтерских дистанциях за 2021 - 2022 год, мы можем сделать следующий вывод: что спортсмены (мальчики и девочки) выступавшие в 2022 году имеют более быстрое время в преодолении дистанций 50 метров плавание в ластах, 50 метров плавание в классических ластах, 100 метров плавание в ластах, 100 метров

плавание в классических ластах, чем спортсмены выступавшие в 2021 году. Очевидно, что скоростные способности спортсменов из года в год стремительно развиваются, о чем свидетельствует и постоянный рост мировых рекордов пловцов-подводников.

В процессе выполнения работы также было установлено, что скоростные способности являются одним из важнейших факторов, высокий уровень которых, может привести к высоким спортивным результатам.

В процессе анализа научно-методической литературы было выявлено, что физиологической основой и как следствие уровень развития скоростных способностей зависит от строения мышечного волокна, особенностей биоэнергетического склада организма спортсмена, а также от других не менее важных факторов. Также стоит отметить, что скоростные способности имеют сенситивный период 9-12 лет.

Вывод

Развитие скоростных способностей пловца начинается с овладения им техникой спортивного плавания. С этой целью нужно добиться точности, свободы и экономичности движений при проплывании различных дистанций, в том числе и длинных, сначала в умеренном, а потом и в высоком темпе. Развитие скоростных способностей идет параллельно с изучением техники плавания, формированием стиля, повышением выносливости. Также применяются упражнения с уменьшением усилий.

При тренировке скоростных способностей в возрасте 10-12 лет отличительной чертой является применение упражнений скоростной направленности с периодом отдыха до полного восстановления. Также в данном возрастном периоде закладываются основы для высокого уровня не только быстроты на дистанции, но и стартовой реакции, а также поворота и отталкивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова, Н.Ж. Отбор и подготовка юных пловцов [Текст] / Н.Ж. Булгакова. – М.: Физкультура и спорт, 1986 - 243 с.
2. Булгакова, Н.Ж. Спортивное плавание [Текст]: учебное пособие для высших учебных заведений / Н.Ж. Булгакова. – М.: ГЦОЛИФК, 1996 - 120 с.
3. Булгакова, Н.Ж. Спортивные способности: диагностика и формирование [Текст] / Н.Ж. Булгакова // Теория и практика физической культуры. 2009 - №9 - С. 49 - 51.
4. Валеев, А.М. Влияние мышечных тренировок плаванием на развивающийся организм [Текст] / А.М. Валеев // Теория и практика физической культуры. 2009 - № 10 - С. 20 - 22.
5. Валеев, А.М. Влияние тренировок плаванием на развивающийся организм [Текст] / А.М. Валеев // Теория и практика физической культуры. 2009 - №10 - С. 20 - 22.
6. Викулов, А.Д. Плавание [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А.Д. Викулов. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004 – 367 с.
7. Костикова, С.Д. Выявление спортивно одаренных детей для занятий спортивным плаванием [Текст] / С.Д. Костикова // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии. 2014. Т. 1. - №1 - С. 88 - 91.
8. Костючик, И.Ю. Развитие скоростных качеств у юных пловцов [Текст] // В сборнике: Современные проблемы физического воспитания студентов и студенческого спорта Сборник статей и тезисов международной научно-практической конференции / И.Ю. Костючик. – Ишим, 2013 - С. 180 - 184.

9. Крылов, А.И. Плавание в физическом воспитании школьников [Текст] / А.И. Крылов, С.В. Кононов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2006 - № 20 - С. 17 - 20.
10. Логинов, С.И. Влияние регулярных занятий плаванием на физическое развитие детей [Текст]: (исслед. в рамках разраб. мед.-биол. паспорта здоровья юного спортсмена) / С.И. Логинов // Теория и практика физической культуры. 2013 - № 6 - С. 89 - 93.
11. Морозов, С.Н. Оценка состояния физической подготовленности пловцов-спринтеров и стайеров в системе управления тренировочным процессом [Текст]: учеб. пособие для институтов физической культуры / С.Н. Морозов. – М., 1983 – 65 с.
12. Платонов, В.Н. Сильнейшие пловцы мира [Текст]: Методика спортивной тренировки / В.Н. Платонов, С.Л. Фесенко. – М.: Физкультура и спорт, 1990 – 304 с.
13. Фомиченко, Т.Г. Совершенствование скоростной и технической подготовленности пловцов различных возрастных групп [Текст] / Т.Г. Фомиченко. – М.: СпортАкадемПресс, 2001 – 103 с.

© Реди Елена Владимировна (russlen90@mail.ru), Толстопятов Игорь Анатольевич (tia965@mail.ru),
Лисовик Алла Николаевна (lissa0407@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

DESIGNING A MODEL FOR OPTIMIZING CHILD-PARENT RELATIONSHIPS IN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENT

*T. Slyusarskaya
Yu. Kuznetsova*

Summary: The article presents the results of an experimental study, the purpose of which was to develop and test a model for optimizing child-parent relationships in families raising older preschoolers with visual pathology. The hypothesis of the study was the assumption that the correctional and educational process aimed at optimizing child-parent relations in families raising older preschoolers with visual pathology will be carried out more effectively if we consider the qualities of child-parent interaction and its structural components from the point of view of both participants in the interaction: both parents and children, highlighting behavioral, cognitive and affective (emotional) components.

Keywords: child-parent relations, family, visual pathology, parenting styles.

Слюсарская Татьяна Вадимовна

кандидат психологических наук, доцент, Тульский
государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)
slusarskaya@mail.ru

Кузнецова Юлия Викторовна

кандидат психологических наук, директор, Открытый
социально-экономический колледж (г. Тула)
sp-def@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального исследования, цель которого состояла в разработке и апробации модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что коррекционно-образовательный процесс, направленный на оптимизацию детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, будет осуществляться эффективнее, если рассматривать качества детско-родительского взаимодействия и его структурные компоненты с точки зрения обоих участников взаимодействия: как родителей, так и детей. Кроме того, при проектировании модели необходимо выделить поведенческий, когнитивный и аффективный (эмоциональный) компоненты.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, семья, зрительная патология, стили воспитания.

Семья является основой адаптации и интеграции ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общество. Детско-родительские отношения занимают важное место в процессе развития ребенка, в том числе с патологией зрения. Родитель такого ребенка является его руководителем в вопросах приобретения элементарных знания об окружающей действительности, умений и навыков жизни в обществе. Проблемы межсемейного взаимодействия проявляются в низкой осведомленности и компетентности родителей в вопросах развития и воспитания детей, имеющих различные зрительные аномалии, они не вооружены необходимыми специальными технологиями в области преодоления негативны эмоциональных реакций обусловленных зрительной патологией своих детей, а страх дальнейшей зрительной перспективы их пугает. Отчасти родители ребенка с нарушением зрения не желают признавать негативные влияния зрительных нарушений в области развития психики, а также сами находятся в сложной психотравмирующей ситуации [1].

В рамках нашего исследования нам необходимо было разработать и апробировать модели оптимизации

детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией. Раскроем элементы модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией с позиции родителей:

1. когнитивный компонент:

— идеальный и реальный образ ребенка. Решая задачи оптимизации детско-родительских отношений, мы посчитали важным включить данный аспект в модель. Мы подразумевали формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа ребенка, позитивного восприятия и понимания перспектив и ожиданий по отношению к своим детям со зрительной патологией, то есть родительских установок как системы или набора родительского отношения к ребенку в семье на эмоциональной основе, собственно восприятие ребенка, а также и формы и способы организации поведения с ним. Этот аспект связан с изучением непосредственного положения ребенка в семье, его образом «я», созданного родителями, при котором происходит определение

реального и идеального ребенка как на уровне осознанного, так и бессознательного, что влияет на родительские отношения. При этом реальный образ ребенка может стремиться к идеальному и, наоборот, идеальный образ ребенка может измениться под влиянием расширения показателей реального образа ребенка. Нашей целью явилось формирование личностно-ориентированного образа «Я» ребенка», при котором ребенок считается «здоровым», однако с наличием некоторых особенностей, принимающихся во внимание при воспитательном процессе. Родители стараются вырастить ребёнка полноценным человеком, способным самостоятельно жить в социуме;

- идеальный и реальный образ родителя. Данный аспект модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией заключался в формировании родительской позиции, понимаемой как совокупность родительских отношений, удобство воспитания, удобство воспитания-опосредованного воспитания, конкретных жизненных ситуаций, основанных на готовности и способности родителей действовать, их достойных установках. Формируя у родителей адекватный (идеальный и реальный) образ родителя, позитивные установки родительского отношения к детям со зрительной патологией в семье, мы опирались на три основные характеристики: актуальность – это уровень участия родителей в образовательном процессе, способность развивать и объективно связывать в ребенке определенные качества; динамичность – гибкость родительской позиции, способность к изменению способов общения и установок детей, атрибут; предсказуемость (прогностичность) – это способность родителей прогнозировать будущее развитие своих детей и строить отношения на их основе;

2. эмоциональный компонент. Включая данный элемент в модель оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, мы исходили из того, что при появлении в семье ребенка с нарушением зрения семья попадает в ситуацию страха, стресса, которая может носить длительный характер. Затяжной характер тревоги, стресса в семье, несомненно, откладывается на психике ребенка со зрительной патологией, является причиной психотравмирующей ситуаций и негативной стратегией развития ребенка. Отсутствие необходимой информации о возможном воспитании такого ребенка усугубляет отчаянное состояние родителей.

Возможным выходом из депрессивного состояния, на наш взгляд, должны стать: 1) формирование разумных типов рецептивных установок,

которые характеризуются адекватными и гибкими оценками поведения детей, удовлетворенностью общением и установками, позитивным отношением к детям, высоким уровнем принятия; 2) выбор адекватных родительских реакций; 3) формирование эмоционально-ценностного отношения родителей к своим детям, учитывая действие противоположных вариантов: симпатия – антагонизм, уважение – грубость, близость – дистанция; 4) формирование перспективной модели постепенного сознания особенности развития своего ребенка;

3. поведенческий компонент. Данный элемент модели посвящен формированию знаний об адекватных (идеальных и реальных) стратегиях межсемейного взаимодействия (между супругами, между родителями и ребенком, между ребенком и прародителями, между сиблингами) и семейного воспитания (стили). Работа по реализации данного элемента модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, должна строиться на открытом общении, предполагающем целостность и уверенность в выражении своих чувств, желаний и ситуаций, гибкую регуляцию поведения, возможности самосовершенствования и самораскрытия. При этом не стоит пренебрегать единством взглядов на процесс воспитания со стороны матери и отца.

Раскроем элементы модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, с позиции дошкольников:

1. когнитивный компонент модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, связан с формированием у ребенка со зрительной патологией адекватного (идеального и реального) образа семьи (родителей, прародителей, сиблингов).

Основной целью реализации данного элемента модели должно стать формирование активной позиции ребенка в семье, которая проявляется в направленном поведении при детско-родительском взаимодействии. Для этого необходимо индивидуально с каждым ребенком со зрительной патологией проработать субъективные факторы формирования семейных отношений: общие представления о структуре семьи, (полная, неполная, многодетная), очерёдность появления детей в семье (взаимодействие с сиблингами); показатель значимости взаимодействия между родственниками; важность межсемейных контактов в том числе и с родственникам старшего порядка (бабушки, дедушки, прародственники), формирую-

щие защищенность семьи, накопление семейных традиций их хранение и соблюдение, формы проведения досуга в семье, социально психологический климат, формы профессиональной деятельности, самообразование родителей и др.;

2. эмоциональный компонент модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, будет направлен на формирование положительных исходящих чувств у ребенка со зрительной патологией по отношению к членам семьи (родителям, прародителям и сиблингам). Главная цель в реализации данного элемента модели заключается в формировании эмоционального благополучия в семье, воспитывающего ребенка с нарушением зрения, снижении тревожности при взаимодействии с родителями даже в типичных жизненных ситуациях и повседневной жизни, в минимизации стрессовых и проблемных ситуаций при общении с членами семьи. Необходимо прорабатывать неблагоприятные стратегии семейного воспитания по типу «гипер-

социализации», «симбиоза», «инфантилизации», «отвержения», зависящих от степени потери зрения ребенка, отвержения зрительного дефекта, неадекватной оценка уровня психического развития ребенка, а также общей негативной родительской позиции. Особое внимание при реализации модели необходимо обратить на тот факт, что в семейном сосуществовании детей с нарушением зрения и их родителей типы родительского реагирования или позиции не представлены в чистом виде, а имеют тенденцию к смешению.

Реализуя данный компонент, необходимо организовать совместную с родителями деятельность по накоплению знаний об окружающей действительности, закладывая предпочитаемый образ миродействия. Формирование устойчивого образа миродействия значительно зависит от стиля воспитания родителей, характеризующегося сбалансированной степенью родительских запретов, контроля, отсутствием высокого стремления исполнять все желания ребенка, адекватным его восприятием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слюсарская Т.В. Особенности развития представлений о себе и своих сенсорных способностях у детей со зрительной патологией // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 6–1. С. 49–55.

© Слюсарская Татьяна Вадимовна (slusarskaya@mail.ru), Кузнецова Юлия Викторовна (sp-def@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИЧЕСКАЯ БЕСЕДА КАК ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ К СОЧИНЕНИЮ НРАВСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Стельмахова Лариса Александровна

Аспирант, Институт педагогики и психологии образования «Московский городской педагогический университет» г. Москва
LoraKarolla@yandex.ru

ETHICAL CONVERSATION AS AN ELEMENT OF PREPARING PRIMARY SCHOOL PUPILS TO ESSAY ON MORALITY

L. Stelmakhova

Summary: The article considers the methodology for conducting an ethical conversation that precedes the writing of an essay on moral issues by younger students based on the analysis of the Russian folk tale "Finist the Bright Falcon". It is noted that an ethical conversation should be built in the form of a lively discussion of problems that are relevant in our time and largely affect the lives of modern people. Questions of a heuristic nature should actualize the experience of children, help them to realize the problems posed in the fairy tale as important to them and determining their modern and future life.

Keywords: essay, elementary school, moral issues, ethical conversation, preparation for essay.

Аннотация: В статье рассмотрена методика проведения этической беседы, предвещающей написание младшими школьниками сочинения нравственной проблематики на основе анализа русской народной сказки «Финист – ясный сокол». Отмечается, что этическая беседа должна строиться в виде живого обсуждения проблем, являющихся актуальными и в наше время и во многом влияющих на жизнь современных людей. Вопросы, имеющие эвристический характер, должны актуализировать имеющийся у детей опыт, помогать им осознать проблемы, поставленные в сказке, как важные для них и определяющие их современную и будущую жизнь.

Ключевые слова: сочинение, начальная школа, нравственная проблематика, этическая беседа, подготовка к сочинению.

Развитие нравственности, формирование у детей этических качеств, нравственного отношения к окружающим – важнейшие задачи обучения в начальной школе. Образование определяется в педагогической литературе как «организованный процесс целенаправленных передачи и приобретения систематизированных знаний, умений, навыков, качеств и нравственных ценностей» [10, с. 54]; это значит, что этическая составляющая процесса обучения является не менее важной, чем информационная. К этическим чувствам, на формирование которых должна быть направлена деятельность педагога, относятся любовь, сострадание, прощение, доброжелательность, гуманность, преданность и др. [5, с. 174]. Богатый этический материал, транслирующий народные представления о правильном и неправильном, представляют сказки и другие фольклорные произведения, отражающие народную мудрость, передающие детям народные традиции. Как отмечают исследователи, «знакомство с этическим наследием предшествующих поколений способно обозначить те вековые базовые ценности жизнедеятельности, формирование которых станет одним из обязательных направлений учебно-воспитательного процесса школы» [11, с. 22]. Формирование этических представлений младших школьников может быть организовано на основе изучения русских пословиц [2], чтения и анализа произведений художественной литературы [1], совместного

обсуждения кинофильмов и театральных постановок [9, с. 179] и т.п. Перспективно и этически продуктивно изучение вместе с детьми фольклорных произведений, в том числе русских народных сказок.

Целью статьи является выявление роли этической беседы как подготовительного элемента перед сочинением нравственной проблематики в начальной школе; разработка методики этической беседы, предвещающей написание сочинения по сказке «Финист – ясный сокол».

Без беседы как устной словесной формы обучения нельзя представить себе правильно организованного занятия по любой дисциплине в любом учебном заведении. Беседа создаёт на занятии атмосферу диалогичности, живого общения между учителем и учениками и учеников друг с другом, делает занятие полезным и интересным. Лучше, если беседа является эвристической – нацеленной на развитие мышления обучающихся, на совместный поиск правильного решения, на размышление и творческое развитие [7, с. 19].

Этическая беседа представляет собой особую разновидность учебной коммуникации, во время которой педагог и обучающиеся обсуждают различные нравственные проблемы, а у учителя появляется возможность осуществлять этическое воспитание школьников. В

ходе этической беседы «учитель формирует у учащихся нравственные оценки, суждения, воздействует на нравственное сознание и нравственный опыт школьников» [6, с. 207]. Организация эффективной этической беседы возможна только «на основе равноправия и сотрудничества» [4, с. 100], для её успеха «обучающиеся должны доверять учителю, любить его» [Там же].

Этическая беседа может проходить на основе обсуждения самых разных явлений, произведений литературы, фильмов, событий и т. п. Мы считаем данный вид беседы важным пропедевтическим инструментом в процессе подготовки обучающихся к сочинению нравственной проблематики.

Создавая собственные тексты, в которых обсуждаются этические проблемы, школьники учатся рассуждать на темы, связанные с нравственностью, с правилами поведения в обществе, нормами взаимоотношений между людьми. Самостоятельное составление такого текста – дело непростое, в том числе с точки зрения оценки нравственных проблем, поиска путей их решения, поэтому этическая беседа будет уместна как способ предварительного анализа порой сложных для детей моральных вопросов.

Рассмотрим сочинение нравственной проблематики на основе русской народной сказки на примере сказки «Финист – ясный сокол», изучение которой проходит на уроке внеклассного чтения во втором классе [8, с. 150]. Сказка содержит историю поиска любви и счастья младшей дочерью крестьянина. В ней есть традиционные для сказок такого типа мотивы: ленивые старшие дочери просят отца купить наряды, а трудолюбивая Марьюшка – перышко Финиста – ясна сокола; сёстры предают Марьюшку, и Финист улетает, изранившись; девушка отправляется за любимым в дальние края, не боясь износить «трое железных башмаков», изломать «трое железных посохов», порвать «трое железных колпаков» [3, с. 88]; в дороге ей, благодаря её доброте, помогают баба-яга и другие сказочные существа; девушка ничего не боится, в том числе наняться работницей к злой царице, заколдовавшей её возлюбленного; ей удаётся преодолеть все трудности и освободить Финиста – ясного сокола.

Сюжет и этическая проблематика сказки предоставляют значительные возможности для воспитания нравственных чувств и качеств. Детям можно предложить написать сочинение на одну из тем: «Лень и трудолюбие в нашей жизни», «Отношения сестёр: зависть или взаимопомощь?», «Всё преодолеть ради дорогого, близкого человека», «Добрый людям все помогают» и др. Для подготовки к сочинению целесообразно провести этическую беседу.

Внимания заслуживают образы главных героев сказ-

ки. Для их анализа можно задать вопросы:

- Опишите Марьюшку. Есть в вашем окружении люди, похожие на неё? Похожи ли вы сами на неё?
- Опишите старших сестёр Марьюшки. Есть в вашем окружении люди, похожие на них? Бываете ли вы сами на них похожи? В каких ситуациях? Что вы при этом чувствуете?
- Правильно ли поступили сёстры? Почему они так сделали?

Очень важно не просто осудить негативный поступок сестёр, а создать условия для осознания обучающимися его причин, мотивов, побудивших старших сестёр быть жестокими к Марьюшке и Финисту – ясному соколу. Необходимо, чтобы дети поняли: зависть не ушла, не исчезла с тех времён, когда была написана сказка. Она существует и сейчас, и даже они иногда чувствуют зависть. Помогут такие вопросы:

- Испытываете ли вы зависть хоть когда-нибудь?
- Кому и чему вы завидуете?
- Вы понимаете в этот момент, что завидовать нехорошо?
- Боретесь ли вы с собой, пытаетесь ли перестать завидовать?
- Как зависть может испортить жизнь человеку?

Ещё один важный момент – показать учащимся, что негативные поступки не начинают совершаться вдруг, внезапно. Есть признаки, подсказывающие, что человек способен на плохое. Для этого могут быть использованы вопросы:

- Когда вы читали начало сказки, вы догадались, какими персонажами окажутся сёстры Марьюшки? Если да, то по каким признакам?
- Вы не удивились, что именно младшая дочь предложила отцу после смерти матери вести хозяйство? Кто на самом деле должен был взяться за эту непростую работу?

Желательно, чтобы школьники увидели героев сказки живыми, настоящими людьми и начали сопоставлять с ними себя:

- Что бы вы ответили на вопрос родителей о том, что вам купить на ярмарке?
- Вы удивились пожеланиям Марьюшки иметь не наряды, а только перышко Финиста – ясна сокола?

Значима оценка поступков героини сказки, её умения преодолевать трудности ради своей цели. Задуматься над этим помогут вопросы:

- Долгим ли был путь Марьюшки к любимому? Как вы это поняли? (значение метафоры о железных башмаках, колпаках и посохах).
- Сомневалась ли девушка в своём решении идти на выручку Финисту – ясному соколу?
- Кто ей помогал в пути? Почему ей помогали?

— Заслуженно ли получила девушка в финале сказки своё счастье?

Если беседа будет проведена в живой манере, с опорой на жизненный опыт обучающихся, пусть и небольшой, с желанием вызвать школьников на дискуссию, организовать живое обсуждение, сделать вопросы, поднятые в древней сказке, важными для их современной жизни, то написание сочинения не затруднит детей.

Итак, написание сочинения нравственной проблематики на основе русской народной сказки целесообразно предварять этической беседой, в ходе которой

детьми и учителем в активном обсуждении будут рассмотрены моральные вопросы, затронутые в сказке. Необходимо строить беседу так, чтобы она была эвристической и соотносила проблематику сказки с жизнью детей, из собственными намерениями, чувствами и поступками.

Важно, чтобы дети поняли, что нравственный смысл, заложенный в сказке, является вечным. Он относится не только к прошлому, к жизни наших предков, но и к настоящему, нашей собственной жизни. А значит, этические уроки, извлечённые из сказочного текста, являются актуальными и пригодятся в нашей современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Т.Н. Развитие этических чувств на уроках литературного чтения в начальной школе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2017. – № 22. – С. 41-42.
2. Бабичева Е.Л., Ванюкова В.В. К вопросу об изучении в начальной школе пословиц морально-этической направленности // Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы: Сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. «Артемовские чтения». – Пенза: ПГУ, 2016. – С. 207-210.
3. Все самые великие русские сказки. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
4. Доценко А.Е., Маркина В.В. Использование этической беседы на уроках в начальной школе как метода формирования нравственных ценностей младших школьников // Молодёжь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 99-101.
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
6. Кочкина К.В. Содержание этических бесед в начальной школе // Ребёнок в языковом и образовательном пространстве: Сб. мат. X Всерос. научн. конф. – Елец, ЕлГУ, 2020. – С. 206-211.
7. Крылова М.Н. Педагогика и методика профессионального обучения для магистров: практикум. – Волгоград: АЧИИ, 2022. – 61 с.
8. Никитченков А.Ю. Фольклор в системе филологической и методической подготовки педагогов начальной школы. – М.: Прометей, 2013. – 272 с.
9. Саттарова Л.С., Попова А.С. Элементы этического воспитания в образовательном процессе начальной школы // Образование в пространстве школы и вуза: опыт, проблемы, перспективы: Сб. мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: БГУ, 2020. – С. 177-180.
10. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам: словарь-справочник / Авт.-сост.: Т.М. Барина, И.О. Гарипова, В.В. Каранова, Н.П. Леонова, Е.А. Шкатова. – Магадан: Охотник, 2011. – 112 с.
11. Шемшурина А.И. Этическая грамматика в начальной школе // Начальная школа. – 2013. – № 4. – С. 21-25.

© Стельмахова Лариса Александровна (LoraKarolla@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ В ВУЗЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ОСОБОГО ВИДА

PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AT THE UNIVERSITY AS A SPACE FOR DIALOGUE OF A SPECIAL KIND

V. Chernyshev
L. Chernysheva
A. Matsko
A. Konobeyskaya

Summary: The article highlights the problem of the content of the discourse of young people at the present stage of development of social relations. It is noted that the satiation of the colloquial speech of young people with profanity has become a sign of the times. The phenomenon of the transition of the language of communication of a particular society to simplified forms of discourse is traditionally considered to be a symptom of the troubles of culture as a whole. It is noted that profanity is a phenomenon familiar to all historical eras, but culture itself has always imposed certain restrictions on the possibility of using certain words and concepts. The use of profanity in the practice of life was placed in certain, marginal strata of society, while in the cultural strata the use of such vocabulary was tabooed by the current norms of the community. The direct impact of the word on the part of the older generation in modern conditions does not produce the desired effect. Physical culture and sport, being a social phenomenon today, the impact of which on the upbringing of the younger generation is obvious, can, through the use of its own, specific means, contribute to the destruction of the learned negative way of building a dialogue and offer more complex forms of communication. The significance of physical culture in solving this problem is limited, but even minor shifts in the public consciousness of young people should be used in practice.

Keywords: physical Culture and sport, youth environment, obscene vocabulary, dialogue space.

Чернышев Виктор Петрович

кандидат педагогических наук, Тихоокеанский
государственный университет
chernyshov_vp@mail.ru

Чернышева Лариса Георгиевна

кандидат педагогических наук, Армавирский
государственный педагогический университет
tschern@yandex.ru

Мацко Андрей Иванович

Кандидат педагогических наук, Армавирский
государственный педагогический университет
andrmas@mail.ru

Конобейская Анжела Владимировна

Старший преподаватель, Тихоокеанский
государственный университет
kangel15@mail.ru

Аннотация: В статье высвечивается проблема содержания дискурса молодых людей на современном этапе развития общественных отношений. Отмечается, что приметой времени стало пресыщение разговорной речи молодежи ненормативной лексикой. Явление перехода языка общения конкретного общества на упрощенные формы дискурса, традиционно принято считать симптомом неблагополучия культуры в целом. Отмечается, что ненормативная лексика явление знакомое всем историческим эпохам, но сама культура всегда накладывала определенные ограничения на возможности использования определенных слов и понятий. Использование ненормативной лексики в практике жизни помещалось в определенные, маргинальные слои общества, тогда как в культурных слоях использование такой лексики табуировалось актуальными нормами общечеловеческого. Прямое воздействие словом со стороны старшего поколения в современных условиях не производит должного эффекта. Физическая культура и спорт, являясь сегодня социальным явлением, воздействие которого на воспитание молодого поколения очевидно, может через использование своих, специфических средств, способствовать разрушению усвоенного отрицательного способа выстраивания диалога и предлагать более сложные формы общения. Значимость физической культуры в решении данной проблематики ограничена, но даже незначительные сдвиги в общественном сознании молодежи должны быть использованы на практике.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, молодежная среда, обценная лексика, пространство диалога.

Образование, будучи ключевым конструктом цивилизации, как и все общественное устройство в широком смысле, переживает серьезный кризис. Для образования как важнейшего способа передачи культурных достижений следующим поколениям и обеспечение тем самым преемственности общественной жизни, кризис - явление вполне закономерное. Особенно это становится явным при общем кризисе общественного развития. Кризисы принято делить на два противо-

положных вектора: кризис упадка и кризис развития. От того, какой вектор возобладает зависит устойчивое, поступательное развитие общества, а сам выбор вектора развития зависит от множества факторов и в первую очередь от успешности преемственности внутри цивилизационной матрицы [2].

Физическая культура и спорт как составная часть образования инкорпорирована в него с древнейших вре-

мен. В античности физическая культура была важным социальным маркером, свидетельствующим о высоком гражданском статусе человека. Занятия физическими упражнениями были привилегией определенной группы граждан. В более поздние исторические времена физическая культура как часть образовательного процесса претерпевала различные метаморфозы, в большей степени оставаясь уделом привилегированных слоев общества и использовалась в основном как прикладное средство обеспечивающие возможность ратной службы. Начиная со второй половины XX века физическая культура и спорт как социальное явление стали не просто массовым занятием большинства, но и превратились в средство культуриндустрии, обеспечивающее мощную низовую солидарность членов общества [4]. Целью данной статьи является рассмотрение физической культуры и спорта как составной части высшего образования в роли особого фактора, формирующего особое пространство диалога между молодыми людьми.

Методологической базой исследования стало не включенное наблюдение за поведением студентов в ходе занятий по физической культуре на первых этапах знакомства друг с другом в новых для себя условиях. Стало общим местом характеризовать наше общество, как слабо структурированную массу людей, находящихся в крайней степени атомизации по отношению друг к другу. Так ли это на самом деле — вопрос дискуссионный, но одно сегодня очевидно: дискурс молодежи перенасыщен ненормативной лексикой так, что это стало обыденной речью очень многих. Представители старшего поколения ужасаются этому факту, а молодые люди воспринимают это, со своей стороны, как нечто вполне естественное. Мы не будем оценивать данное положение с моральной точки зрения, но зафиксируем его как факт реальности.

В связи с этим следует подчеркнуть что мат как элемент общения между людьми явление не новое, но ему всегда отводилось особое место в общественном дискурсе. Физическая культура и спорт как вид деятельности характеризуется повышенным эмоциональным фоном с особым, ограниченным по времени контактированием между партнерами по команде. Не секрет, что ненормативная лексика в виде особого сленга присутствует в физкультурно-спортивной деятельности, как средство коммуникации достаточно плотно.

Как и в любой профессиональной среде, в совместной физической деятельности люди руководствуются особенностями этой среды и часто оформляют диалоги в форму ненормативной лексики. Однако следует помнить, что возникающая в особых условиях форма коммуникации с трудом удерживается в том поле, где она уместна и стремиться выйти за ограничения ее использования. Если контроль со стороны общества при этом не до-

статочный, то упрощенная форма коммуникации может стать доминирующей и банально понижать уровень культуры данного общества. Недостаточный контроль не означает свободу и анархию, он означает что некие деструктивные силы, связанные не с разумом, а с необузданными эмоциями, жадностью, агрессией, ненавистью, невежеством, инерцией, злобой могут стать обыденной практикой и выраженные сначала в слове, стать затем способом жизнеосуществления [5]. Это понимали еще в античности, один из представителей которой Плотин, подчеркивал, что матерные слова оставляют пробоину в душах людей, не позволяющие ей подниматься ввысь, другими словами в рамках подобного дискурса человек не может в полной мере реализовывать свой человеческий потенциал.

Один из основателей «диалога культур» в советской философии В.С. Библер [1] считал, что личностно-развивающий потенциал диалога связан с диалогической природой личности, с тем что она существует в постоянном внутреннем диалоге с самой собой, в этом своеобразном движении от сознания к мышлению и обратно, личность оформляет внутренний опыт в мыслительных конструкциях, текстах, поступках, высказываниях. Для проверки гипотезы о насыщенности внутреннего пространства молодых людей ненормативными лексическими элементами, были опрошены студенты младших курсов. Оказалось, что и внутренняя речь студентов изобилует матершинными словами, при этом данный эффект не воспринимается большинством как некая деструкция, напротив, студенты не видели в этом факте ничего предвещательного, более того, они просто не обращали на это внимание.

Таким образом, «овнешненное», «оформленное» сознание молодых людей проявлялось во вне в крайне замусоренной форме, что априори свидетельствовало о потенциальном диалоге между субъектами деятельности в таких же формах. Можно констатировать тот факт, что сегодняшняя коммуникативная среда молодых людей включает в себя большое количество ненормативной лексики и это является проблемой для общества в попытке практиковать более сложные культурные формы взаимодействия между людьми. Задача перевода обыденного дискурса в диалоговой форме в культурный формат не может быть решена прямым воздействием на участников коммуникации. Императивная форма, в которой преподаватели пытаются ограничить или искоренить использование обценной лексики просто игнорируется по сути, принимая конформистские способы сокрытия истинного разговора между участниками диалога. Констатируя тот факт, что ненормативная лексика в общении молодых людей достигла массового масштаба и понимая, что такое использование языка грозит упрощением культуры человеческого общения, сведением его на примитивный, архаичный язык, а прямое воздей-

стве на говорящих на этом языке не работает, мы предположили, что поиск путей исправления, сложившийся ситуации лежит внутри того диалога, который студенты практикуют между собой, чередуясь в роли адресанта и адресата.

Используя схему языковой коммуникации предложенной Р. Якобсоном, когда передающий информацию субъект и принимающий ее объект пользуются одним, известным им кодом, которым первый зашифровывает сообщение, а второй его расшифровывает, нами была поставлена задача в пределах возникающего коммуникативного поля создать дополнительные кодовые символы, дублирующие привычные языковые сообщения. Вместе со студентами был придуман набор языковых символов, призванных обозначать базовые эмоции определенными словами, понятными всем участникам эксперимента. Дополнительная кодовая линейка не просто отличалась от привычных обозначений, она создавала ситуацию взаимной непереводимости сообщений. Такие переводы могут осуществляться с помощью принятой в данной культуре условной системы эквивалентностей, когда пространство языка и стиля взаимопересекается. Стиль, как мы подчеркивали, насыщен ненормативными лексемами, тогда как новые искусственные символы разрушают привычный диалог, внося в него некоторый хаос. Для участников диалога использование во время выполнения напряженных мышечных усилий, выражение смысла своих действий партнерам по команде, с использованием искусственных символов оказалось не простой задачей, их естественный стиль выражения, столкнувшись с искусственно разработанным и принятым к реализации в конкретных игровых обстоятельствах, в определенной степени потерял ту естественность, которая позволяла участникам коммуникации не прилагать усилий по дешифровке посланного им сообщения. Комбинация переводимости-непереводимости определяет креативную функцию, требуя от участников коммуникации определенного напряжения и концентрации внимания на подавлении естественного стиля, искусственным. Помимо индивидуального контроля за выражением смысла в особой форме, внутри группы образовался групповой контроль внешних акторов друг за другом. Студенты с интересом включились в игру по изменению способов выражения сообщения, приемлемого для других участников коммуникации. Важным компонентом данной работы было то, что ее активными участниками изначально были не все члены учебной группы, а специально отобранные лидеры, обладающие определенным статусом в силу их физического превосходства. Именно эти студенты стали основой той матрицы, в которой «самообучение» адресата происходило автоматически, связано это с тем, что в любом, даже предельно индивидуализированном языке, не все индивидуально: обязательно находятся уровни, общие для обоих участников коммуникации. Возникшее

в результате инкорпорирования в обыденный язык искусственно придуманных символических лексем пространство диалога, превратилось по сути в уроки языка.

В системе образования сегодня главенствует компетентностный подход, имеющий как сторонников, так и противников. При освоении учащимися набора компетенций разного рода следует непременно учитывать и такой фактор как контр-компетенции. К контр-компетенциям мы относим умения и навыки приобретенные в естественной среде, где отсутствуют прямые способы обучения. Другими словами, люди, получая впечатления, конвертируют их в устойчивые установки поведения. Термин «импринтинг» введенный в научный обиход К. Лоренсом, стал хорошей объяснительной практикой почему «запечатленные» впечатления могут сохраняться в памяти индивида практически всю жизнь.

Окружающая языковая среда современных молодых людей перенасыщена ненормативной лексикой, что косвенно может свидетельствовать об упрощении, деструкции культуры в целом. В предшествующие временные отрезки развития общества обценная лексика присутствовала в языковом пространстве общества в строго отведенных для нее лакунах, известная поговорка фиксирует это положение - «материться как сапожник» означало использовать ненормативную лексику только в малокультурных слоях общества, в образованных слоях об этом языке знали, но его использование табуировалось рамками приличий. Сегодняшнее тотальное распространение мата как содержания коммуникации между молодыми людьми не может быть принято, как норма поведения. Исправлять ситуацию напрямую не представляется возможным, именно поэтому использование косвенных или смежных средств культуры способно создавать в сознании молодых людей то, что философ предложил называть «нарративный диссонанс» [3], имея в виду другую проблему, но подходящую для описания нашего кейса. Разрыв привычного повествования, ставший обыденным, осуществляется путем инкорпорирования в господствующий дискурс таких символов, которые сами по себе переформатируют пространство коммуникации. Важно при этом отметить, что инкорпорирование символов должно происходить в условиях, когда устоявшийся сленг напрашивается к употреблению, а именно в условиях выполнения совместных командных действий в области физической культуры. Образование конкретных языковых символов процесс творческий и произвольный, следует только помнить, что искусственные языки невозможны к употреблению, если они не обладают хотя бы зачаточными признаками синонимизма. Работа по «изобретению» рабочих символов языка целиком ложится на плечи самих участников процесса коммуникации, что придает этому процессу дополнительный креативный оттенок.

Культура, которую реализует то или иное общество на практике всегда полна противоречий и нестыковок. Однако всегда есть возможность определить основные тенденции развития данной культуры, определение тенденций важный, но сложный процесс, так как тенденции — это сложно сконструированные явления, не поддающиеся однозначной трактовке. Человеческий язык одно из самых больших эволюционных преимуществ вида homo, именно благодаря перманентно усложняющимся формам, язык расширяет горизонты познания людей, эпохи редукции языка к упрощенным способам словоупотребления для объяснения сложных процессов, называют в литературе «темными» веками. Для каждого индивида, вступающего сегодня в жизнь уже есть готовые культурные формы языковой практики, от выбора которых во многом зависит судьба конкретной общино-

сти. Если современная молодежная страта выбирает в качестве инструмента общения примитивные формы языка, это становится проблемой не только для самих носителей языка, это становится проблемой для всего общества в целом. Поиск путей и средств, купирующих употребление контр-культурных компетенций и замена их более сложными элементами культуры развивает в индивиде личностные качества, способствующие включению его в состав общества в режиме прогресса. Физическая культура и спорт как культурный феномен способна своими средствами как поощрять, так и деструктурировать личность в ее общественном аспекте, будучи востребованным у молодежи способом жизнеутверждения физическая культура должна быть насыщена элементами высокой культуры, в этом ее миссия, помимо прочих задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В.С. Самостояние человека. Изд-во Кемерово. Алеф., 1993. - 431с.
2. Естественные эксперименты в истории / под. ред. Д. Даймона и Д. Робинсона. - Москва: Изд. АСТ, 2018. - 352 с.
3. Руднев В. Нарративный диссонанс: язык против реальности: Уч. Пособие для вузов. - М.: Академический проект, 2016. - 165 с.
4. Чернышев В.П. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПЕДАГОГИЧЕСКИМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТИНУУМЕ: сборник статей Международной научно - практической конференции (1 марта 2018 г, Уфа). - Уфа: АЭТЕРНА, 2018. - 226 с
5. Андриющенко Ю.В., Белкина Н.В. Покусаева Н.В., Хабарова О.Л., Чернышев В.П. Окультуренные формы физической активности как средство формирования приватной зоны личности. Научный журнал Социология. - Изд. МГУ. №2.- 2021. С. 223-228.

© Чернышев Виктор Петрович (chernyshov_vp@mail.ru), Чернышева Лариса Георгиевна (tschern@yandex.ru),
Мацко Андрей Иванович (andrmaz@mail.ru), Конобейская Анжела Владимировна (kangel15@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Чудиновских Александр Владимирович

Соискатель, СВФУ; директор МОБУ Гимназии «Центр
глобального образования»
г. Якутск
alexchudinovskih@mail.ru

POLY CULTURAL AND GLOBAL EDUCATION: POSSIBILITY OF TRANSFORMING

A. Chudinovskikh

Summary: The aim of the article is to identify perspectives of development of Russian polyculture education from a position of global education. The scientific methods were used to reach the aim: analysis, comparative analysis, synthesis. Based on the research conclusions were made: polycultural and global education have common culturological core which reflecting formation of skills of intercultural collaborations. In aspect of differences global education can be considered as larger educational phenomena. Historical analysis of the theory of polycultural education showed that current global education replaces polycultural education as early polycultural education took out international education. Therefore, further stage of development is transformation to the global education.

Keywords: polycultural education, global education.

Аннотация: Целью статьи является определение перспективы развития отечественного поликультурного образования с позиции глобального образования. Для достижения цели использовались следующие исследовательские методы: анализ, сравнение, синтез. По результатам исследования были сделаны следующие выводы: поликультурное и глобальное образование имеют общее культурологическое ядро, отражающее формирование навыков межкультурного взаимодействия. В аспекте отличительных особенностей глобальное образование может быть рассмотрено, как более крупное образовательное явление. Историко-графический анализ теории поликультурного образования показал, что сегодня глобальное образование замещает поликультурное образование, как в своё время поликультурное образование выместило интернациональное воспитание. Следовательно, дальнейший этап развития поликультурного образования состоит в трансформации в глобальное образование.

Ключевые слова: поликультурное образование; глобальное образование.

Всезрастающий интерес к определению вектора развития отношений на глобальной повестке дня побуждает научное сообщество активно включаться в процесс поиска ответов по сохранности (устойчивости) человеческого мира. Педагогической наукой пройден значимый путь – от изучения языка другой культуры до формирования межкультурной компетенции, повлиявший на становление многих культур, народов и стран мира. Так, педагогика гуманизма образовала прочные подходы, в рамках которых стали появляться такие образовательные стратегии, как культурологическая (Л. Кольберг, В. Библер, Ш. Амонишвили и др.), холистическая (В. Караковский, А. Тубельский и др.), развивающее обучение (В. Давыдов, Л. Занков, Б. Эльконин и др.) и др. Проблематика глобального и поликультурного образования, как явления, основой которых послужил культурологический подход, широко обсуждаются в научных источниках (глобальное образование – В.В. Виноградов, И.М. Курдюмова, Н.В. Черникова, Р.Р. Хайрутдинов; поликультурное образование – Е. В. Бондаревская, В. П. Борисенков, Ю. С. Давыдов, Г. Д. Дмитриев и др.).

Определим сущность обоих понятий. Обращение к научным источникам показало, что формирование глобального образования началось в 1970-е годы в США. Его активное развитие связывают с именами американских ученых Р. Хенви и Дж. Боткина. Однако, как отмечают отечественные авторы, истоком глобально-

го образования послужила идея русского космизма (В.И. Вернадского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгаков, К.Э. Циолковский и др.), которая в дальнейшем приобрела особую популярность в американской образовательной практике. Развитие же отечественного поликультурного образования происходило в рамках культурно-антропологической теории общения М.М. Бахтина, основанной на идее диалога [1].

В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова указывают, что «поликультурное образование заключается в формировании человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований» [7]. Г.В. Палаткина отмечает, что поликультурное образование обеспечивает равноправие и «направлено на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном сообществе, и на передачу этого наследия, а также и инновационных новообразований молодому поколению» [8]. С позиции глобального образования А.П. Лиферов указывает, что оно направлено «на формирование гражданина Мира и гражданина России, формирующее чувство сопричастности и ответственности за настоящее и будущее мира, уважение ко всем народам и национальным культурам

и развивающее целостную творческую личность свободную от предрассудков и стереотипов мышления» [5]. Н.В. Черникова определяет «глобальное образование», как подготовку к работе в условиях мирового рынка и решения глобальных проблем через формирование глобального знания (мышления) школьников [12]. Мы можем прийти к промежуточному выводу о том, что глобальное и поликультурное образование имеют как смежные, так и отличительные черты. В обоих явлениях акцентируется внимание на формирование межкультурной компетенции, то есть знаний языков, о родной и других культурах, умений вести диалог с представителем любой культуры. Отличием можно назвать компонент глобального образования, формирующий знания о глобальном мире (политика, экология, экономика, культура и др.), а также умения определять и решать глобальные проблемы с целью развития глобальной компетенции.

О взаимосвязи поликультурного и глобального образования О.Г. Ултургашев пишет – поликультурное образование – «одно из составляющих частей, элементов глобального образования» [10]. На взаимосвязь двух изучаемых образовательных явлений указывают также авторы И.М. Курдюмова, Р.Р. Хайрутдинов и др. [6; 11]. Вследствие сказанного поликультурное образование можно определить, как компонент глобального образования в аспекте формирования навыков межкультурного взаимодействия.

Прежде чем перейти к осознанию того, что в современном мире не только необходимы навыки межкультурного общения, но и умения жить в глобальном мире, четко понимать проблемы планеты, действовать «всем миром» с целью эффективного взаимодействия по решению локальных и глобальных проблем. Но при этом необходимо учитывать прошлый позитивный опыт поликультурного образования. Обратимся к краткой периодизации истоков развития поликультурного образования как основы его развития и естественному выходу на глобальное образование.

На основе анализа работ отечественных авторов (А.Д. Николаева, Иванова, Неустроев и др.) исторические этапы развития поликультурного образования условно можно представить следующим образом: церковное воспитание (изучение языка коренного населения, зарождения билингвизма); интернациональное воспитание (этап советской власти); поликультурное образование (начало демократизации в сфере образования России). На современном этапе (XXI век) в России стали развиваться образовательные учреждения, которые не только интегрируют в содержание компоненты, формирующие представления о глобальном мире, но также создают определенные организационно-педагогические условия, приближенные к международным стандартам (PISA, IB и др.). Так, О.В. Гукаленко отмечает, что

«Повышается значимость воспитания личности новой формации — гражданина мира» [3]. Например, страны запада уделяют особое внимание содержанию образования в контексте глобализма. Так, с 2012 года в США Департамент образования Америки выпустил доклад по Международной стратегии, в котором подчеркнул необходимость включить в повестку дня об образовании глобальные потребности и тенденции [4]. С позиции российского опыта, о возрастающей актуальности также свидетельствует политическая конъюнктура российского образования, которая строится сегодня вокруг глобальной цели – попасть в десятку стран по качеству школьного образования.

В современный период в регионах России появляется практика глобального образования (IB School Kazan (Республика Татарстан); Международная арктическая школа, Гимназия «Центр глобального образования» (Республика Саха (Якутия) (далее – РС(Я) и др.). Так, например, Муниципальное общеобразовательное учреждение Гимназия «Центр глобального образования» готовит учащихся в рамках глобально-ориентированного обучения. В учреждении реализуется «Концепция глобального образования школьников» по формированию глобальных компетенций. Среди форм реализации можно выделить фестиваль глобального образования «Глоболус», в рамках которого организуются встречи с иностранными гостями, представителями народов России и РС(Я), экспертами по вопросам устойчивого развития и др. На содержательном уровне в гимназии интегрирован предмет «Планета Земля» на уровне начального общего образования и «Мир таинственный и познаваемый» в основной школе, ядром которых является культурологический и экологический компоненты, позволяющие создать у обучающихся не только представление о культурах России, но также и о позиции России на глобальном уровне, её значимости и роли.

Стоит отметить, что формирование глобальных компетенций учащихся является значимым явлением, отражающим, как государственные, так и международные требования качества образования [2]. Итак, размышляя о будущем школы, И.М. Синагатуллин указывает на значимость глобального образования сегодня и его перспективы, выделяя системную и комплексную подготовку педагогов, как основу. Автор утверждает, что к 2030 году в большинстве учебных планов будет интегрирован курс поликультурного образования [9]. Актуальность глобального (поликультурного) образования определяется также международным политическим институтом (ООН), основной целью которого является создание устойчивого развития.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что сегодня одной из основных задач системы школьного образования является не только формирование навыка

межкультурного общения, но и умения жить и действовать в глобальном мире сообразно пониманию проблем планеты, при этом действовать с представителем любой культуры, внося свой вклад по решению определенных локальных проблем, в том числе и глобальных. Отечественная теория и практика указывают на этап транс-

формации, который мы понимаем, как перенос акцента с поликультурного образования на глобальное и является отражением осознания значимости идеологии глобального мышления. А значит современный этап развития поликультурного образования можно определить, как глобальное образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Искусство и ответственность / М.М. Бахтин - М.: Худож. лит., 1986;
2. Болотов В.А., Вальдман И.А., Ковалева Г.С. и др. Российская система оценки качества образования: главные уроки // Качество образования в Евразии. 2013. № 1. С. 85–122;
3. Гукаленко, О.В. Поликультурное образование в условиях глобализации / О.В. Гукаленко, В.П. Борисенков // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2016) : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 июня 2016 года. – Москва: Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2016. – С. 49–57. – EDN XAUJPH;
4. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования;
5. Колкер Я.М., Лиферов А.Г., Устинова Е.С. Организация учебного процесса в глобально-ориентированной школе. – Рязань: РГПУ, 1995. – 40 с.;
6. Курдюмова И.М. Глобальное образование: новый учебный предмет в средней школе за рубежом // Проблемы современного образования. 2010. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-obrazovanie-novyy-uchebnyy-predmet-v-sredney-shkole-za-rubezhom> (дата обращения: 01.06.2022);
7. Макаев, В.В. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы / В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова// Педагогика. 1999. № 3. С.5–10;
8. Палаткина, Г.В. Мультикультурное образование в политическом пространстве / Г.В. Палаткина. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 74;
9. Синагатуллин Ильгиз Миргалимович БУДУЩЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. №5 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.06.2022);
10. Ултургашева Ольга Гавриловна Поликультурное образование как теоретическая основа подготовки педагогических кадров для национальной школы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovanie-kak-teoreticheskaya-osnova-podgotovki-pedagogicheskikh-kadrov-dlya-natsionalnoy-shkoly> (дата обращения: 01.06.2022);
11. Хайрутдинов Рамиль Равилович Глобализация образования и мир глобального образования // Глобальная экономика и образование. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-obrazovaniya-i-mir-globalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.06.2022);
12. Черникова Н.В. Концепции глобального образования и особенности их реализации в практике российских школ: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2005.

© Чудиновских Александр Владимирович (alexchudinovskih@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ РУССКОГО И ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКОВ

THE CONCEPT OF "FAMILY" AS A KEY CONCEPT OF THE RUSSIAN AND DARGIN LANGUAGES

S. Alieva
M. Abdulmanapova

Summary: The article is devoted to the study of the ethnocultural specifics of the concept of "family". The Russian and Darginian proverbs representing of the concept of "family" are considered; the connections of the concepts of "home", "marriage" and "homeland" in the structure of the polyconcept "family" are established. In some cases, such connections lead to the expansion of the semantics of the concept of "family". The analysis also showed that the concept of "family" occupies an important position in the conceptual sphere of the Russian and Dargin languages and refers to universal concepts.

Keywords: concept, ethnocultural specifics, proverbs, family, family relations.

Алиева Самая Азеровна

к.ф.н., доцент, Дагестанский государственный
университет г. Махачкала
samaya.alieva.00@mail.ru

Абдулмананова Марият Магомедсайгидовна

магистрант, Дагестанский государственный
университет г. Махачкала
mariyat2208@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию этнокультурной специфики концепта «семья». Рассмотрены русские и даргинские паремии, репрезентирующие концепт «семья», установлены связи концептов «дом», «брак», «родина» в структуре поликонцепта «семья». В некоторых случаях подобные связи приводят к расширению семантики концепта «семья». Анализ также показал, что концепт «семья» занимает важную позицию в концептосфере русского и даргинского языков и относится к универсальным концептам.

Ключевые слова: концепт, этнокультурная специфика, паремии, семья, семейные отношения.

Концепт признан учёными главной формой категоризации знания и главным средством концептуализации действительности [1, с. 6]. Концепт является базовым понятием лингвокультурологии, так как с его помощью «человек входит в культуру, а иногда и влияет на неё» [2, с. 40]. Концепт «семья» можно обнаружить во всех национальных языковых картинах мира, он входит в число фундаментальных концептов любого языка. Все это позволяет отнести данный концепт к универсальным. Следует отметить, что концепту присуща культурная специфика в силу ценностной ориентированности стереотипов сознания, которые у каждой национальной языковой картины мира уникальны и детерминируют содержание концепта. Концепт эксплицируется сквозь призму аксиологических ориентиров, обладающих этнокультурной специфичностью, обусловленной различным восприятием мира носителями языков [3, с. 2].

Одно из средств выражения этнокультурного содержания концепта «семья» – это паремии. Наличие большого количества паремий, посвященных понятию «семья», в русском и даргинском языках доказывает то, что вышеупомянутый концепт входит в систему ключевых концептов русской и даргинской языковых картин мира (нами рассмотрено 276 даргинских и 242 русских паремий).

Цель данной статьи – проанализировать этнокультурную специфику русских и даргинских паремий, вклю-

чающих понятие «семья».

Источником фактического материала послужили Русские народные пословицы и поговорки, автор А. Жигулев [4]; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь [5] и Даргинские народные поговорки и пословицы, составители М.Х. Гамидов, И.М. Омаров [6]. Даргинские примеры даются с авторским русским переводом.

Русские паремии демонстрируют яркую выраженность в русском сознании того, что счастье в семье возможно только при взаимном согласии (*Согласную семью и горе не берёт*). Даргинские паремии транслируют мысль о том, что счастье каждого отдельного члена семьи зависит от прочности связей между всеми членами семьи, от поддержки родных: *Анкъи шалали биалли, уркира шадли бирар* «Если очаг светится (т.е. если в семье мир), то и сердце радуется». Семья обладает несомненной ценностью для носителей обеих культур. «Вся история России показывает, что обращение за помощью к родным и самым близким часто становилось жизненной необходимостью» [7, с. 4]. Семья выступает такой ячейкой общества, в которой каждый её член открыт другому, и они связаны между собой не только родственными узами, но и более глубокой, духовной связью (*В своём доме все судьи*). При несоблюдении интересов каждой

отдельной личности интересы семьи перестают иметь вес как приоритетные. Русская пословица *Родных много, а как тонуть – не за кого ухватиться* и даргинская пословица *Вайси тухумличив гяхлси унра гьалав сай* «Чем плохой родственник, лучше хороший сосед» подтверждают эту мысль.

Оба рассматриваемых лингвокультурных сообщества сходятся во мнении, что создание новой семьи – это важный шаг, к которому надо отнестись с большой ответственностью. С.М. Адамова отмечает, что «паремии не только определяют характерные признаки жизненных явлений, особенности поведения людей, но и представляют собой рекомендации, как себя вести в той или иной ситуации» [3, с. 8]. Видя в браке неразрывный союз на всю жизнь (*Женитьба есть, а разженитьбы – нет*), «народная мудрость создала много пословиц, имеющих предупредительный характер» [8, с. 5]. Как правило, в даргинской семье за молодых решают взрослые члены семьи. К выбору мужа для дочери, жены для сына подходили обдуманно: *Магьар – унц-эмхлела вачар ахлен* «Свадьба – не сделка между волом и ослом». Женить детей – одна из высших обязанностей родителей. *Уршиби хьайчикабатурририв, рурсби шеро бедирив – хлела чебла ахьир* «Женил сыновей, выдал замуж дочерей – выполнил свой долг». В русской культуре к ранней женитьбе/замужеству отношение двоякое: с одной стороны, ранняя женитьба считается опрометчивым, необдуманным шагом (*Не кайся, рано вставши, кайся, рано женившись*), с другой стороны, ранняя женитьба даёт дополнительную помощь в хозяйстве (*Рано вставши, больше наработашь, рано женившись, скорее помощь будет*). Это связано с тем, что женитьба предполагает большую ответственность, это выбор на всю жизнь. Женившись, человек берёт на себя заботу о жене, детях (*Жена не рукавица – за пояс не заткнёшь*). В отличие от русской, в даргинской культуре женитьба/замужество в молодом возрасте однозначно одобряется, хотя и предполагает большую ответственность. Эту мысль можно подкрепить следующей пословицей: *Жявли мекъ барибси пашманхлейрар* «Рано женившийся не пожалеет».

В менталитете русского человека заложено отрицательное отношение к вдовству: *Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота. Когда овдөөеешь, тогда и жену пожалеешь. Лучше семь раз гореть, чем один раз овдөөеть. Не дай бог овдөөеть да гореть. Тот не видел беды, кто не сватал молодой вдовы*. Представление о том, что овдөөеть – значит, стать несчастным, связано с житейской практичностью и мистическими представлениями. С точки зрения семейно-бытовой практичности муж – это работник в доме, кормилец. Теряя мужа, женщина теряла кормильца, теряла свой статус и уважение (*Вдова – что неогороженный стог: всякая скотина морду тычет*), зачастую даже свёкор со свекровью переставали признавать её членом семьи, считая лишним ртом. Это всё

отражалось на благополучии семьи (*овдөөеть* = «погореть», т.е. лишиться всего) и на ментальном здоровье вдовы. Вторая причина связана с тем, что народ на Руси был чрезвычайно суеверен и верил в существование различных представителей нечистой силы. В народе бытовало поверье, что к овдөөевшей женщине приходит огненный змей, приняв образ покойного мужа. Подобные представления окружали вдов ореолом мистического, чего остальные опасались. Так же и в даргинской языковой картине мира вербализуется отрицательная оценка разрушения семьи, будь то развод или смерть одного из супругов: *Пяхгьабзала клел-хлябал хьунул хлебларар, гяхлси хьунул клийна-хляйна шеро хлякьян* «У героя не бывает 2-3 жён, хорошая женщина не выйдет замуж 2-3 раза». Разведённая женщина или вдова считается социально незащищённой, это связано с тем, что муж в даргинской (даргинской) семье традиционно признаётся главой семьи, опорой дома, он выполняет функцию кормильца семьи, а на женщину возложены обязанности по рождению и воспитанию детей, т.е. обязанности в семье гендерно распределены. Потеря кормильца лишает семью благополучия. Подобная культурная установка обусловлена материальным, социальным и этическим факторами. Мы встречаем это в пословице *Хьали буклухлелира, мурул вебклибхлелирагьуна хьунуйс кьутлкьудеш хлебларар* «Смерть мужа приносит женщине большие страдания».

Воспитание детей – одна из важнейших функций семьи. В русской культуре детям испокон веку уделялось большое внимание. Без детей семья неполноценна, дети являются продолжателями рода, семейных традиций, будущими носителями семейных ценностей: *Отец рыбак, и дети в воду смотрят. Супругам без ребятишек, что зимой без дровишек*. В русских паремиях «отражён патриархальный уклад семейной жизни» [9], именно поэтому на протяжении веков сложилось мнение, что родители могут рассчитывать главным образом на сына: *Сын хлебом кормит, а дочь последний кусок унесёт. Дочь – чужое сокровище*. Предпочтение в даргинской семье отдаётся сыновьям, как продолжателям рода. Рождение мальчика обеспечивало семью наследником, а родившая сына мать возвеличивалась в глазах общественности: *Уршиби варкьибси хьунул – нуни варкьира риклар, рурси ракьибси хьунул – Аллагьла кьадар риклар* «Женщина, родившая сына, говорит, что она сама родила, а женщина, родившая дочь, говорит, что это судьба». Даргинские пословицы о дочери характеризуют её как «камень в чужой стене» *Рурси – урхила лацлизиб кьаркьа* «Место дочери в чужом доме».

Русская семья, изначально имевшая в своём составе многочисленных родственников (Я. Кузнецов в работе, написанной в 1910 году в русле юридической науки, пишет о том, что для русских «один муж и одна жена ещё не составляют семьи»: *Какая тут семья, всего муж да жена* [8, с. 4]), и даргинская семья, включающая в себя ещё и

ближайших родственников (С.Ш. Гаджиева приводит в качестве примера даргинские семьи из с. Гапшима и с. Кортек-Махи, состоящие из 30, 32 человек, куда входили, помимо женатых сыновей, ещё и женатые внуки, правнуки [10, с. 41]) претерпела изменения. По мнению социологов, «семья перестаёт эффективно выполнять свои функции по рождению и воспитанию детей; разводы, неполные семьи и матери-одиночки становятся обыденной моделью поведения», «система семьецентризма уступает место системе эгоцентризма» [11, с. 12]. Согласно данным опроса, приведённым в статье Б.М. Алимовой, большее количество дагестанцев молодого поколения выразили мнение о том, что предпочитают жить отдельно от родителей вместе с собственной семьёй [12, с. 50]. Таким образом, подтверждается тот факт, что и в русской культуре, и в дагестанской (куда входит и даргинская), наблюдается тенденция к пониманию семьи как конъюгального образования. Изменения в концептуализации семьи можно проследить на конкретных примерах. Например, использование дескриптивных сочетаний типа «брат жены» вместо «деверь», «сестра мужа» вместо «золовка». В даргинской семье отделение молодой семьи от старшего поколения приводит к тому, что дети постепенно начинают забывать многое из родной культуры. Старики прививали детям любовь к фольклору, знакомя их с такими жанрами, как сказки, загадки, пословицы, считалки, приметы. В настоящее время многие слова переходят в разряд архаизмов, с фольклором дети знакомятся по учебнику.

Концепт «семья» связан с такими концептами, как «дом», «брак», «родина». Семья, прежде всего, ассоциируется с домом. В русских поговорках лексемы «дом» и «семья» часто выступают как синонимы. Для даргинских поговорок характерны синонимические отношения между лексемами *хъалибарг* «семья», *анкъи* (*анкъи* – это место в центре дома, где разводили огонь; очаг – здесь традиционно собиралась вместе вся семья), *хъали* «дом», *хъалица* «семейное хозяйство»: *Чула замайчир дарибтигъунти хъалица хедирар*. «Вовремя созданная семья лучше». *Анкъи шалали биалли, уркира шадли бирар* «Если очаг светится, то и сердце радуется».

Дом – это место, где собирается семья. *В семье разлад, так и дому не рад* – в поговорке отражена идея о том, что когда в семье происходит много ссор и конфликтов, человек перестаёт получать удовольствие от

таких отношений и члены семьи начинают избегать друг друга. Дом для русского человека всегда имел сакральный смысл, неслучайно и строительство русской избы сопровождалось целым рядом ритуалов, начиная от жертвоприношения при закладке строения и до оставления незавершённым строительства дома в течение определённого времени с целью избежать смерти какого-либо члена семьи. Дом представляет собой центр, с которым человек связан глубокими сердечными узами. Пословица *Дома и стены помогают* демонстрирует эту связь. Дом, с одной стороны, выступает как щит, оберегая всю семью, живущую в ней. Эта идея отражена в поговорке *Из дома уйдёшь – семь бед переживёшь*. С другой стороны, и сам дом нужно было защищать, вести хозяйство: *Дом вести – не бородой трясти*.

В поговорках русского языка содержится идея о том, что всё, происходящее внутри семьи, должно быть скрыто от чужих глаз, должно оставаться внутри дома, не выходя за его пределы: *Не выноси из избы сору, меньше будет вздору*. Каждый член семьи открыт другому, в доме все знают истинную сущность друг друга: *Дома чертком, а в людях цветком, Дома петух, а на улице курица*.

В годы Великой Отечественной войны активно употреблялись поговорки, содержащие патриотический посыл. В них расширяется семантика концепта «семья» за счёт соприкосновения его с другим важным концептом «родина», т.е. «семья» и «родина» выступают равнозначными и означают единство перед общим неприятелем. Например: *Родина мать – умей за неё постоять. Родину, как и родителей, на чужбине не найдёшь. Родина любимая, мать родимая. Береги землю родимую, как мать любимую*. Отношения между военнослужащими в это нелёгкое для всей страны время равносильны семейным отношениям: *Солдату солдат – родной брат. Солдату отец – командир, мать – служба. Иному служба – мать, иному – мачеха*.

Таким образом, концепт «семья» занимает важную позицию в концептосфере русского и даргинского языков и является универсальным. Он репрезентируется различными средствами, среди которых наиболее яркими выступают поговорки. У концепта «семья» прослеживаются связи с другими концептами, в первую очередь «дом», «брак», «родина», которые входят в структуру поликонцепта «семья». Подобные связи могут приводить к расширению семантики концепта «семья».

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: «Перемена», 2003. – 213 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

3. Адамова С.М. Пословицы и поговорки, отражающие межличностные отношения в языках различных культур: лакском и английском: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Махачкала, 2015. – 29 с.
4. Жигулев А. Русские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1969. – 448 с.
5. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1979. – 240 с.
6. Даргинские народные поговорки и пословицы /Сост. М.Х. Гамидов, И.М. Омаров. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. –208 с.
7. Харитоновна О.В., Панова Л.В. Репрезентация концепта «Семья» в русском языковом сознании // Мир науки. Социология, филология, культурология. – №1. – Т.9. – 2018. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FISK118>.
8. Кузнецов Я. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках//Журнал Министерства Юстиции. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 86 с.
9. Флудра Э. Образ семьи в пословицах и поговорках русского и польского языков. Сопоставительный аспект // Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. <https://st-hum.ru> – 2020. – № 3.
10. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX- начале XX в. – М.: Издательство «Наука», 1985. – 360 с.
11. Новоселова Е.Н. Динамика норм и ценностей брачно-семейных отношений в России (конец XX – начало XXI века): социологический анализ фольклора: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2008. – 29 с.
12. Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник института ИАЭ. – 2011. – № 1. – С. 48-52.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru), Абдулманапова Марият Магомедсайгидовна (mariyat2208@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет

КОНЦЕПТЫ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

THE CONCEPTS "LAW" AND "JUSTICE" IN RUSSIAN IN THE FICTIONAL TEXT AS THE REFLECTION OF THE NATIONAL LANGUAGE SYSTEM OF THE WORLD

**N. Balashova
O. Kochetova
L. Cherenkova**

Summary: Conceptual analysis is considered to be the basic method of concept research. The goal of conceptual analysis is to perceive the meaning of the concept and record them in the semantic language. The article offers the analysis of the concepts "law" and "justice", represented in the Russian literature. The concepts of law and justice are often confused and misinterpreted because they are strongly connected, but not the same thing.

Keywords: concept, law, justice, analysis.

Балашова Наталья Павловна

канд. филол. наук,
Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского
Государственного Университета
balashova.nata84@yandex.ru

Кочетова Олеся Анатольевна

канд. филол. наук, Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского Государственного Университета
kochetova1@rambler.ru

Черенкова Любовь Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
st098146@student.spbu.ru

Аннотация: Концептуальный анализ считается основным методом концептуальных исследований. Цель концептуального анализа - выявить значения концепта и отразить их в семантике языка. Статья посвящена анализу концептов «закон» и «справедливость», представленных в русской литературе. Концепты «закон» и «справедливость» часто неверно интерпретируются, потому что они не являются синонимами, хотя их значения тесно связаны.

Ключевые слова: концепт, закон, справедливость, анализ.

Современные лингвистические исследования отличает повышенный интерес к изучению концептов в языковом выражении. За последние десятилетия данные исследования развились в самостоятельные научные дисциплины: когнитивная лингвистика, концептуальная лингвистика, концептуальная метафорология. В последнее время в связи с интеграционным подходом к изучению языка как развивающейся антропоцентрической системы особый интерес исследователей обращён к когнитивной лингвистике.

Национальная специфика фиксируется в языке в качестве особых единиц – концептов. Понимание концептосферы как индивидуального инструментария является причиной повышенного интереса когнитивистов и лингвистов к данной категории художественной стилистики в когнитивном аспекте.

Концепт понимается как «квант структурированного знания», «глобальная мыслительная единица» [Попова, Стернин 2007: 3—4], «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [КСКТ 1997: 90—92]. То, что «индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров», его «представление о референте (фрагменте мира)» и есть концепт [Пименова 2011: 127]

В нашей работе мы будем опираться на интерпретацию Ю.С. Степанова, которая отличается своей лаконичностью и прозрачностью, будет более актуально для дальнейшего исследования: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в сознание человека» [Степанов].

Для выявления концепта необходимы и выделимость некоторых признаков, и предметные действия с объектами, и их конечные цели, и оценка таких действий. Но зная роль всех этих факторов, когнитологи тем не менее еще не могут ответить на вопрос, как возникают концепты, кроме как указав на процесс образования смыслов в самом общем виде.

Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [2].

В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие), в которой отражается понимание человеком

реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир. Экспликация процесса концептуализации и содержания концепта доступна только лингвисту, который сам является носителем данного языка. Таким образом, на рубеже тысячелетий на первый план в лингвистике выходит проблема ментальности, ибо концепты – ментальные сущности.

Понятийные признаки концепта - это «рациональная часть концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [Карасик, с. 224]. Информация о понятийных признаках концепта фиксируется, прежде всего, в толковых словарях. В работе использован метод концептуального анализа (согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину - семантико-когнитивного), который предполагает переход от содержания значений слова - репрезентанта концепта к содержанию концепта. «Путь исследования «от семантики единиц языка к концепту» наиболее надежен... анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт». Понятийная составляющая концепта - часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова, репрезентирующего концепт.

«Закон» является одним из важнейших концептов, определяющих мировосприятие человека и регулирующих его социальное поведение, который связан, прежде всего, с идеей нарушения закона и оценкой его соблюдения (недостаточное, искаженное, чрезмерное соблюдение закона {следовать букве закона}). Закон, так же как и другие социальные феномены, возникшие в процессе социальных интеракций, существует как разделяемые идеи индивидуумов (судей, полиции, адвокатов, граждан), в тех значениях, которые воплощены в ряде ожиданий поведения. Эти значения составлены в результате многочисленных ежедневных взаимодействий представителей власти (полиции, судей, прокуроров и т.д.) между собой и гражданами, соприкасающимися с правовой системой. «Закон», таким образом, представляет собой ярлык, данный определенному полю человеческого взаимодействия

Согласно этимологии слова «закон» корень этого существительного тот же, что в словах «исконны» или «конец». Существовавшее когда-то слово кон имело значение «начало», «предел». Приставка «за» придала этому слову новый смысл: «то, что было изначально - «за коном». Т.е., закон - есть установленный государством свод обязательных правил и норм экономического и общественного поведения всех субъектов на территории данной страны, включающий перечень запретов и ограничений.

В ходе исторического развития России, простой че-

ловек претерпел немало тягот и лишений, о чём нам рассказывает термин «маленький человек». Неудивительно, что и к закону у героев русской художественной литературы сложилось особое отношение, иногда даже отличное от слова концепта «справедливость». Рассмотрим денотации терминов «закон» и «справедливость»

Можно выделить 4 денотации термина «Закон»: 1) не зависящая ни от чьей воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром (закон природы); 2) постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общеобязательные правила (соблюдать законы); 3) общеобязательное и непреложное правило (законы нравственности); 4) общее название основных принципов и идей религиозного верования, свод правил какой либо из религий.

Мы проанализировали 85 примеров употребления изучаемого концепта с целью категоризации вариантов его употребления, согласно категориям значений, представленным в словарях. Самое распространенное значение – постановление государственной власти (более половины рассмотренных примеров).

1. «Есть ли это вид своеобразного садизма, вроде практиковавшихся извещений родственникам о мнимой смерти заключённого, или просто желание выполнить всё по закону?» [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)],
2. «Он сказал: не отдавайте жильё, закон на вашей стороне. И по **закону** она не может быть её мамой» [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)] Арап Петра Великого (1828)],
3. «Я ей скажу: вы прокурор, вы должны следить за соблюдением **законов**, а вы...» [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

Представление о законе как инструменте власти, направленного против объекта власти (народа, общества, личности), также представлено в проанализированной выборке и связано с отрицательной оценкой закона.

1. «И это - в нашем плановом хозяйстве, где, как говорится, план - это закон!» [И. Грекова. Без улыбок (1975)].
2. «У нас в стране нет сухого **закона**» [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)]
3. «Он умер через два часа в больнице. По **закону** отвечала жена Арутюняна. Её сумели спасти, она получила год условно, но ведь и я был виновен - я очень спешил в Москву, так же, как она» [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].
4. Потом, когда я останусь в своей единственной комнате и тут же надо будет работать, и тут же бу-

дет плакать ребёнок, я смогу утешиться тем, что я не вышел за рамки закона [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].

5. Четыре дня он будет жить в чужой квартире, четыре дня будет нарушаться закон. [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].
6. Я всё понимаю, но при всём уважении к товарищу Промыслову участвовать в нарушении закона никак не могу. [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].

Примеры, приведенные выше, описывают закон как проявление Государственной воли. В сознании русского народа закон ассоциируется либо с ограничением свободы, либо с повсеместным беззаконием. Кроме того, для русской языковой картины мира характерно представление о должном идеальном законе и идеальной власти, которые обладают характеристиками “сила” и “справедливость”

Также закон часто воспринимается как общеобязательное правило (нами было проанализировано 28 примеров).

1. «Пойми ты, усвой ты железный **закон** нашего века: два мира — две системы!» [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990].
2. «Алёша, хоть и не ведал великого **закона** жизни, чтимого Абдулкой, но верил ему- и вот уже надо было верить начальнику медицинской части, которому поверил Абдулла Ибрагимович» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].
3. «Но сила **закона**, определявшего движения исходящих и входящих бумаг, видимо, была нешуточная сила» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

В русской художественной литературе не слишком часто упоминается закон в качестве объективной данности окружающего мира (9 примеров).

1. Случается то, что и должно случиться — согласно законам жизни. [Василь Быков. Камень (2002)].
2. «А у нас существует **закон**, что если тот, кому мы показали, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны» [Антоний Погорельский. Черная курица (1829)].
3. «О, конечно, это всегда так бывает: стоит понизиться на два градуса температуре тела, и совесть замерзает...**закон** природы...» [В.Г. Короленко. Мороз (1900-1901)].

Вся русская литература 19 века была проникнута евангельскими мотивами, представления о жизни, основанные на христианских заповедях, были естественны для людей позапрошлого века.

1. «Семья, нечего бога гневить, большая; четверо нас братьев, сударь, да детки в **закон** ещё не вышли... вот Петрунька один и вышел» [М.Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)].
2. «Однажды на уроке из **закона** Божия преподаватель заговорил о пороках» [И.С. Тургенев. Ася (1858)]
3. «На десятый день предстоит последний, самый трудный экзамен — **закона** божьего, все стоят у окна и ещё с большим нетерпением ожидают его» [Л.Н. Толстой. Отрочество (1854)]

На последних двух уровнях закон ассоциируется с независимым от человека порядком вещей. В приведенных выше примерах, закон является воплощением справедливости и разумности мироздания.

В культурном сознании русского народа присутствуют понятия «неписанный закон», «закон есть закон», «закон божий», воплощающие не юридические, а общечеловеческие представления о законе.

Действуя по аналогичному алгоритму, рассмотрим определения слова «справедливость». Первым значением концепта «Справедливость» является беспристрастное действие, соответствующее истине, т.е. действовать по справедливости означает действовать по истине.

1. «**Справедливость** надлежит отдать бывшему моему господину, что он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают» [А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)].
2. «Ах! отдайте **справедливость** моим чувствованиям... Неужели ты не мог видеть, что письмо, которым я тебе запрещала себя видеть и которым я отрекалась от моей к тебе страсти...» [П.А. Плавильщиков. Бобыль (1790)].
3. «Надобно отдать **справедливость** сему молодому храбрцу, что он самую отважную лож занюхивал иногда табаком, но не краснел никогда» [И.А. Крылов. Ночи (1792)]
4. Он причину наших несчастий; отец мой был кадием в одном богатом городе; он исполнял со всею честностию свое звание; некогда, судя родню одного царедворца с бедным ремесленником, решил он дело, как требовала **справедливость**, в пользу последнего. [И.А. Крылов. Каиб. Восточная повесть (1792)].
5. Отдавая справедливость его достоинствам, осуждают в нем некоторые слабости и говорят, что они были причиной безвременной смерти его [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]

Слово «справедливость» происходит от праславянского слова «правъ»- со значениями: а) прямой, правильный; б) право, договор, присяга; в) Правъ – мир богов и вселенский нравственный закон. Далее понятие «справедливость» образовалось путем сложения корней слов «правда» и «ведать». Сопоставив значения данных слов, «справедливость» можно трактовать как «ведать Правъ» или «ведать с Правью», что означает «знать божественный закон». и чем, ему горя мало! Говорит: справедливость! [М.В. Авдеев. Тамарин (1851)].

Следующим значением концепта справедливость является действие на законных и честных основаниях.

«**Справедливость** требовала же, наконец, чтобы старый капельмейстер получал какое-нибудь вознаграждение за покровительство, оказываемое им молодому музыканту; смешно было восставать против этого; но грубой натуре Сусликова недоступны были такие тонкие отношения; он не замедлил отплатить благодетелю самую черною неблагодарностью» [Д.В. Григорович. Капельмейстер Сусликов (1848)].

Третьим значением является значение «истинный, правильный»

«Таким образом, на самом себе испытал я **справедливость** того, что Руссо говорит о действии горного воздуха» [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)].

Нами было также рассмотрено 85 примеров употре-

бления данного концепта в художественной литературе, из них 80 примеров соответствовали значению «беспристрастное действие, соответствующее истине».

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы: 1) в русской художественной литературе концепт «закон» может быть воспринят по-разному, тогда как отношение к концепту «справедливость», в основном, однородно, 2) закон бывает субъективен, справедливость – объективна.

К закону у авторов произведений порой прослеживается негативное отношение, статьи и положения закона ущемляют простого человека, отягощая его жизнь

Справедливость же, напротив, видится читателю некой привилегией, объективной похвалой. Однако, иногда справедливость и закон идут рядом, взаимодополняя друг друга.

Таким образом, нами были изучены денотации концептов «закон» и «справедливость». Мы также исследовали Национальный корпус русского языка, проанализировав примеры употребления данных концептов в русской художественной литературе. Выделили слои каждого концепта, сравнив их между собой.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, язык, как и общество, является живым организмом. Возможно, после нескольких лет изменений общества, произведения русской художественной литературы продемонстрируют более тесную связь изучаемых нами понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, Н.Г. Об одном из компонентов концепта «закон» / Н.Г. Арутюнян, И.Х. Кунижева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 27 (131). — С. 547-549. — URL: <https://moluch.ru/archive/131/36382/> (дата обращения: 16.09.2022).
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Язык русской культуры, 1997. С.267–279.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. 390 с. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
4. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор/ 2011/ № 4 (28). С. 126—132. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004, с. 42-67.
5. Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 189 с.
6. <https://lexicography.online/etymology/krylov/z/zakon> Происхождение слова закон в онлайн-словаре Крылова Г.А.

© Балашова Наталья Павловна (balashova.nata84@yandex.ru), Кочетова Олеся Анатольевна (kotchetova1@rambler.ru), Черенкова Любовь Сергеевна (st098146@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА КАБАРДИНСКОГО ПОЭТА З. ТХАГАЗИТОВА

Бозиева Наима Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик
naimabozieva@mail.ru

LOVE LYRICS OF KABARDIAN POET Z. THAGAZITOV

N. Bozieva

Summary: The subject of the study is the analysis of the love lyrics of the Kabardian poet Zuber Mukhamedovich Thagazitov, whose characteristic feature is mutual love, happiness, joyful mood, mutual understanding and friendly participation in all experiences. The theme of love is considered based on the analysis of poems from different years. In them, the author writes about the fiery passion. Portrait sketches of the poet amaze with their originality of thought and feeling. This is the poetic peculiarity of Z. Thagazitova. The national identity is expressed in his artistic thinking, in poetics and style. The obtained results can become a theoretical aid in the further study of Z. 's creativity . Thagazitova, as well as in the study of Adyghe poetry, in particular, love lyrics.

Keywords: Kabardian literature, love lyrics, Zuber Thagazitov, heartfelt experiences, fiery passion, idealization of the beloved.

Аннотация: Предметом исследования является анализ любовной лирики кабардинского поэта Зубера Мухамедовича Тхагазитова, характерной особенностью которого являются счастья, взаимная любовь, радостное настроения, взаимопонимания и участия во всех переживаниях. Тема любви рассматривается на основе анализа стихов разных лет. В них автор пишет о пламенной страсти. Портретные зарисовки поэта поражают своей оригинальностью мысли и чувства. В этом поэтическое своеобразие З. Тхагазитова. Национальное своеобразие выражается в его художественном мышлении, в поэтике и стиле. Полученные результаты могут стать теоретическим подспорьем при дальнейшем исследовании творчества З. Тхагазитова, а также при изучении адыгской поэзии, в частности, любовной лирики.

Ключевые слова: кабардинская литература, любовная лирика, Зубер Тхагазитов, сердечные переживания, пламенная страсть, идеализация любимой.

Зубер Мухамедович Тхагазитов (1934–2021) одним из видных представителей кабардино-черкесской поэзии 60–90-х годов XX века. Сборники стихов поэта символические: «Иду в гору» [2], «Эхо весны» [3], «Горы молчат» [4], «Иду к тебе» [5], «Лицо земли» [6], «Память» [7], «Рождение песни» [8], «Избранное» [9]. По ним легко проследить эволюцию лирического героя поэта.

«Зубер Тхагазитов является своеобразным связующим звеном между поколениями кабардинских авторов самого высочайшего уровня, представленных именами Али Шогенцукова и Алима Кешокова. А потому на сегодняшний день его творчество остается одной из важных составляющих эволюции кабардинской советской поэзии» [10, с. 5].

Зубер Тхагазитов, поэт, быстро нашедший свой путь в поэзии, собственный мир идей и образов. Ему свойственно глубокое поэтическое осмысление темы, причудливость и неожиданность хода мыслей, всегда оказывающейся закономерным развитием идеи.

Нет на свете трудностей, которые не мог бы преодолеть человек, охваченный настоящим, глубоким чувством. Об этом поэт говорит в стихотворении «Взбираюсь в гору».

Лирический герой идет рядом со своей любимой. И

когда луна выглянула из-за туч, ему почудилось, что она старается осветить им тропинку. А когда он обнял девушку, ему показалась, что луна от неожиданности смутилась и покраснела. Когда же он свою возлюбленную поцеловал – луна закрылась облаком. Автор не подчиняется найденному образу, а становится его повелителем.

Душа поэта неотвратимо пленена влюбленностью в рассветы весны, в смех детей, в улыбку и нежность женщины, в рукопожатие друга, пленена силой поэзии, верой в высокое назначение художника, в красоту и правдивость людей. Именно этой верой пронизано все стихотворение «Мне говорят...». Главными чертами лирического героя З. Тхагазитова являются убежденность в незыблемость хорошего начала в людях, желание верить в самые светлые человеческие черты:

«Мне говорят, а я не верю,
что подлецов на свете – тьма...
Что лжива женщина, – бормочут, –
что наш язык и слаб и лжив, –
пусть верит в это тот, кто хочет,
а я в другую верой жив» [4, с. 23].

Перевод Р. Казаковой

В стихах о любви, неподдельно человеческих и правдивых, есть и боль, и сомнение, и тревога. Эти строки отличаются особым изяществом и благородством. Если лирический герой поэта и грустит, не очень счастлив в

любви, то печаль его светла.

Со временем появления цикла «Моя весна» З. Тхагазитов занимает ведущее место в любовной лирике. Поэт с самого начала отдал заметную дань этой тематике. Это лирика отличается большой человечностью, художественным и житейским тактом, горским поклонением женщине, ее красоте и облагораживающей силе.

По мнению Шаковой М. «любовная лирика З. Тхагазитова отличается поэтическим тактом, особым изяществом, благородством, искренностью, откровенностью в строгом сочетании с чувством меры» [1, с. 353].

«Что с ней раньше было?
Где я раньше был?
Кого она любила?
Кого я любил?
...Ну а если б раньше где-то
повстречались с дорогой,
неужели б я все это
говорил другой!..» [9, с. 87]
Перевод Р. Казаковой

Большинство стихов З. Тхагазитова повествуют о светлой и счастливой любви. В них ощущается сомнение, взволнованность и боль. Много стихов поэта положены на музыку. Они стали знаменитыми песнями: «Золотые пчелы», «Девушка и весна», «Ты – мой ветер» и др.

В стихотворении «Золотые пчелы» чувствуется драматизм: сомнения в прочности любви, ревность, предчувствие скорого расставания, разлука. Поэт пишет:

«Золотые пчелы небо залепили...
Шевелятся крылья, светятся в ночи.
Помнишь, мы любили? Или не любили?
Что ты тихо шепчешь? Не шепчи, кричи!» [9, с. 80]
Перевод Р. Казаковой.

«Золотые пчелы» – это воспоминания, что в себя «вобрали золотые дни» с той, у которой с золотинкой были глаза. Где она теперь? С кем? Ранят ли и ее сердце эти пчелы? Носятся ли они и над ее головой? Может, она «с нелюбимым». Любящее сердце не может поверить в это. Любимый, красив и молод, и она – любима.

«...летите рядом! Крылья не ослабнут.
Мое сердце тоже мчит за вами вслед.
То клянёт вас горько, то поет вам славу –
столько долгих месяцев, столько длинных лет.

Ах, воспоминанья! Книгой – вас прочел я.
Закрываю книгу. Жизнь во всем права.
Растворились в небе золотые пчелы.
Утро. Надо мною – только синева» [9, с. 80].
Перевод Р. Казаковой

По богатству чувств, по своей поэтичности это сти-

хотворение стоит в одном ряду с лучшими образцами современной любовной лирики.

В арсенале поэта немало таких подкупающих своей искренностью стихов. Сказанное, однако, не должно создавать впечатление, что у З. Тхагазитова преобладают подобные розыски ушедшей любви. Большинство стихотворений поэта о любви единой, светлой, верной, счастливой и красивой. Примером этого служит стихотворение «Девушка и весна!». Поэт не сравнивает девушку с весной, отказавшись от обычного параллелизма, создает образное представление в неожиданном плане:

«Не знаю я, кто красивей,
но истина мне ясна:
никто разобрать не в силах,
где – девушка, где – весна!» [9, с. 79]
Перевод Р. Казаковой

Сколько прямоты, постоянства и уверенности в своих чувствах в этих строго образных строках:

«Ты – мой ветер.
Когда на поляне весною
Ветер в губы дохнет тишиною лесною
Так неслышно, что даже не дрогнут листья, –
Это ты» [9, с. 78].

Здесь прямое обращение. А чаще любовь передается опосредованно, без всяких подобных «прямых доказательств» («Исламей», «Сели мы в разные поезда», «Лучи солнца взяв за руки» и др.).

В стихотворении «Исламей» лирический герой видит, как с его возлюбленной пляшет молодой красавец, а она «плыла за ним, покорна и нежна, и не сводила потемневших глаз с искусных ног красавца-плясуна». Это стихотворение динамичное, как сам огненный кабардинский танец. Мы слышим здесь энергичную инверсивную ритмику пляски, но это не просто описание – это «Кабардинка», пришедшая к нам через страдающее сердце влюбленного юноши. Мы видим само человеческое сердце, любящее и ревнующее, надеющееся и страдающее, все вместе это темпераментный характер кавказца:

«...бесконечно длился исламей
В дому гудящем и в груди моей!
Плясало сердце, бешено звеня,
Но девушка не слышала меня.
И сердце задышалось:
«Пожалей!»
Но девушка
Плясала
Исламей!» [3, с. 34]
Перевод Дм. Голубкова

Душевное состояние, выраженное в этих строках, как нельзя более подходит к темпераментному ритму исламея. Нет в этом стихотворении ни особо ярких эпитетов,

ни неожиданно свежих сравнений; все поэтическое волшебство идет от глубоко переосмысленного традиционного образа танца, в котором бьется горячее авторское сердце.

Поэт умело показывает психологию влюбленного, то обстоятельство, что для него предмет любви становится «термометром» добра и справедливости, и то, как по ней он судит о всем человечестве:

«Когда, назначив встречу, держишь слово,
 Всем девушкам на свете верю я.
 Когда же, обойдясь со мной сурово,
 Ты не приходишь, милая моя,
 В минуты эти не тебя одну –
 Всех девушек на свете я клянусь!
 Пойми, в твоих руках –
 Уж так сложилось –
 Отныне и правдивость их, и лживость!» [4, с. 12]

Любовная лирика З. Тхагазитова проникнута лирической субъективностью и идеализацией женщины: возлюбленной («Три песни»), матери, сестры, супруги (Твой день рождения), подруги по танцу («Исламей»), девушки в винограднике («Виноград»), девушки в поле («Девушка и весна»).

Для поэта, любовь – бесконечный подарок жизни («Она незыблема вовек»), и если уходит, вместо себя оставляет воспоминания о закончившемся счастье, пусть даже грустные:

«Любовь щедра – она своим участием
 Людей не может обойти совсем:

Отнимет песню, что светилась счастьем,
 И даст другую – грустную взамен» [6, с. 12]
 Перевод Г. Серебрякова

Лирический герой З. Тхагазитова сомневается в преданной и чистой любви. Светлые начала ранней лирики сменились тревожными предположениями, грустными раздумьями, как, например, в стихотворении «Она не тихоня...».

В любовной лирике З. Тхагазитова встречаются философские рассуждения, авторские выводы и призывы беречь любовь, уважать женщин и служить им верой и правдой, всегда поступать благородно и справедливо, не задевать грубым словом и скверным поступком, содействовать им во всем и не стыдиться просить прощения. Об этом поэт рассказывает в стихотворениях «Мужчины смеются, скрывая печали...», «Твой день рождения», «Первый снег», «Любовь», «Три песни», «Я сижу у реки...», «Ты – мой ветер...», «Клятвы», «Смотрю на тебя...», «Если бы не жаждал я работы...», «А.П. Керн», «Встреча под дождем», «Исламей», «О, как медленно солнце...».

Любовная лирика З. Тхагазитова неслучайно построена преимущественно на параллелизмах – это не прием, а гармоничная связанность сил души и природы.

Характерными чертами любовной лирики З. Тхагазитова являются радостное настроение, признание возможной взаимной любви, счастья, взаимопонимания, дружеского участия во всех переживаниях и стремлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). Библиографический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 442 с.
2. Тхагазитов З.М. Иду в гору. – Нальчик: Эльбрус, 1960. –
3. Тхагазитов З.М. Эхо весны. – Нальчик: Эльбрус, 1963. – 191 с.
4. Тхагазитов З.М. Горы молчат. – М.: Сов. писатель, 1968. – 79 с.
5. Тхагазитов З.М. Иду к тебе. – М.: Сов. писатель, 1974. – 142 с.
6. Тхагазитов З.М. Лицо земли. – М.: Современник, 1974. – 139 с.
7. Тхагазитов З.М. Память. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 147 с.
8. Тхагазитов З.М. Рождение песни. – М.: Современник, 1989. – 126 с.
9. Тхагазитов З.М. Избранное: Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 272 с.
10. Тхагазитов Ю.М., Кануков М.Б. Поэзия Зубера Тхагазитова. В контексте кабардинского историко-культурного процесса // Тхагазитов З.М. Избранное: Стихотворения. – Нальчик: Эльбрус, 2019. – 272 с. – С. 5–18.

© Бозиева Наима Борисовна (naimabozieva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ВСТАЛ Я СЕГОДНЯ ТАКИМ ЯСНЫМ СОКОЛОМ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИРОДНОЙ МЕТАФОРИКИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Бочарова Анна Александровна

Аспирант, Московский городской педагогический
университет
dannaa@yandex.ru

**"TODAY I STARTED SUCH A CLEAR
FALCON": ANTHROPOLOGICAL
SIGNIFICANCE OF NATURAL
METAPHORICS IN F.M. DOSTOYEVSKY
"POOR PEOPLE"**

A. Bocharova

Summary: The article discusses the meaning of natural symbolism in the novel by F.M. Dostoevsky «Poor people». Particular attention is paid to the analysis of floristic and ornithological images. It is believed that the rich use of such images is necessary for Dostoevsky to create a certain model of the worldview and worldview of the characters. The purpose of the work is to consider how the use of natural metaphors by the author forms a deep meaning and introduces a new dimension into the plot of the novel and sets a starting point in understanding a person.

Keywords: "Poor People", Dostoevsky, nature, floral images, ornithological images.

Аннотация: В статье рассматривается значение природной символики в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Особое внимание уделяется анализу флористических и орнитологических образов. Полагается, что насыщенное использование подобных образов необходимо Достоевскому для создания определенной модели мироощущения и мировидения героев. Цель работы заключается в том, чтобы рассмотреть, как использование автором природной метафоры формирует глубинный смысл и вносит в сюжет романа новое измерение и задает точку отсчета в понимании человека.

Ключевые слова: «Бедные люди», Достоевский, природа, флористические образы, орнитологические образы.

Господствующая в течение долгого времени идея фрагментарности и малозначимости природы у Ф.М. Достоевского уже не раз подвергалась критике. Например, С.Н. Дурылин отмечает, что «Достоевский не изобразитель природы» [4, с. 476], так как «о космосе Достоевский думает только всегда в связи с человеком: его взор — творческий и мыслительный — всегда упирается в человека» [4, с. 477]. Поэтому, указывает исследователь, «наиболее значительные пейзажи у Достоевского непременно являются пейзажами-символами» [4, с. 477]. К.В. Мочульский считает, что «мир природный и вещный не имеет у Достоевского самостоятельного существования; он до конца очеловечен и одухотворен» [11, с. 240]. А.Б. Криницын, рассуждая о природе, указывает, что «Достоевский выхватывает только отдельные образы (листок, травка, пчелка, лучи заходящего солнца), которые тут метафоризируются героями — осознаются ими как неизъяснимое чудо, в котором, как в капле, отражаются божественная красота и глубинные жизнетворные силы мироздания» [8, с. 171]. Для Д.А. Богача природа в творчестве Достоевского значима с точки зрения раскрытия внутреннего мира героев и имеет сакральное значение. Богач выделяет три идеологических способа осмысления природы: в сакральном значении, в почвенническом образе и в эстетическом освещении [1, с. 54]. Накамура Кэнноске отмечает у Достоевского «ощущение природы,

приносящее радость жизни ("соприкосновение с природой") и ощущение природы, основывающееся на принципе "дважды два = четыре" и вызывающее нестерпимое уныние» [12, с. 23], которые «противостоят друг другу, но не находятся в строго определенном отношении, а постоянно смешиваются и спутываются, взаимозаменяются друг другом» [14, с. 23].

Действительно, изучение природного мира у Достоевского необходимо для целостного понимания художественного текста. Природа в творчестве Достоевского представлена очень многогранно, но в рамках статьи мы остановим свое внимание на флористических и орнитологических образах в романе «Бедные люди».

Макар Девушкин дарит Вареньке горшки с бальзамиком, геранью и резедой. С этими цветами связаны легенды. Так, М.В. Лысковский, составивший сборник легенд о цветах, приводит легенду о резеде, появившейся на земле в память о юной самоотверженной матери, сына которой принесли в жертву ненасытному божеству Молоху. Женщина не предотвратила гибель своего сына, но предотвратила смерть других детей, бросившись в костер [9, с. 217]. Этот цветок еще называют «утоляющим боль». Жертвенный сюжет, связанный с этим цветком, может соотноситься с жертвенной любовью Макара Девушкина,

готового на любые подвиги для своей Прекрасной Дамы, а в конце готового броситься под колеса кареты Быкова, чтобы Варенька не уезжала.

С бальзамином также связано много легенд. Например, Л.М. Мартыанова вспоминает легенду о Ладе и ее женихе Ване [10, с. 51]. Когда девушка провожала своего жениха на битву, тот попросил, чтоб она засветила лампу на своем окошке — ее огонек укажет ему путь к любимой. Он не вернулся, но Лада не хотела в это верить и всё ждала любимого. Однако она так и осталась одна — не смогла никого больше полюбить, и в ее окне всегда светился огонек. Так Лада состарилась и умерла, а огонек на окошке превратился в прекрасный алый цветок. Форма листьев бальзамина напоминает сердце, но при этом цветок ядовит.

Достоевский мог использовать эту легенду в романе: «Вижу, уголок занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзамином, точнехонько так, как я вам тогда намекал; тут же показалось мне, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали» [3, т. 1, с. 13]. Таким образом, мечтатель Макар Деушкин представлял себя тем героем, который бы спас Вареньку и которого бы она любила и ждала.

По словам Иоанна Кронштадтского, «смотря на цветок или травку, прекрасно, лепотно сотворенные Художником мира — Богом, можем лобызать их, видя в них проявление творческой премудрости» [6, с. 247]. Поэтому Варенька хоть и ругает Макара за траты, но все же рада, так как цветы, украшая ее комнату, напоминают ей о райском детстве (на соотношение детства Вареньки с потерянным раем уже указывала В.Е. Ветловская [2, с. 66]). «Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками. Где это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посредине окна поставила, на самом видном месте; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цветов поставлю; вот только дайте мне самой разбогатеть! Федора не нарадуется; у нас теперь словно рай в комнате, — чисто, светло!» [3, т. 1, с. 18]. Название герани происходит от греческого *geranos* — «журавль», поэтому в народе ее прозвали журавельником. Свое название эти цветы получили за сходство пестика с журавлиным клювом. Таким образом, герань здесь нельзя считать только символом мещанства, цветок приобретает другой, высокий смысл — смысл полета. С.П. Красилов, собиратель легенд о цветах уже XX в., отмечает, что герань использовалась и в народной медицине: аромат листьев герани снимает головную боль, прогоняет усталость [7, с. 124]. Таким образом, когда Макар Деушкин присылает Вареньке герань, это, с одной стороны, может быть забота об ее эстетическом наслаждении, но, может быть, и забота о ее здоровье: Варенька, как мы помним, неоднократно говорит о своем плохом самочувствии и слабости.

В тексте есть указание и на буквальную заботу Макара Алексеевича о Варенькином здоровье, когда 20 мая он посылает ей виноград: «Посылаю вам винограду немного, душечка, для выздоравливающей это, говорят, хорошо, да и доктор рекомендует для утоления жажды, так только единственно для жажды» [3, т. 1, с. 25]. 20 мая в 40-х гг. XIX в. в Петербурге приобрести виноград должно было быть очень затруднительно, поэтому очевидно, что Макар Алексеевич приложил огромные усилия для этого. Однако этот сюжет может иметь и другой, символический, смысл. Виноградная лоза — один из популярных евангельских образов («Я есть истинная виноградная лоза, а Отец мой — виноградарь», — говорит Христос (Ин. 15:1), поэтому слова Макара Алексеевича «для утоления жажды, так только единственно для жажды» [3, т. 1, с. 25] могут иметь значение и жажды духовной. В Псалтири виноград имеет также значение и людей, народа. Стих из 79 псалма: «Боже сил, обратися убо, и призри с небесе и виждь, и посети виноград сей: и соверши и, егоже насади десница твоя...» (Пс. 79:8) «Боже сил! обратись же, призри с неба, и воззри, и посети виноград сей», — произносит архиерей на богослужении. Этой жаждой, с учетом того, что о ней повторяется дважды, на самом деле, страдает как раз Макар Алексеевич — это жажда духовного общения с Варенькой, примерно то же, о чем говорит Христос: «где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них» (Мф. 18:19,20), потому что никакой надежды на иные взаимоотношения у Макара не прослеживается.

Важно отметить, что весь роман насыщен и орнитологическими образами. Почти что каждый герой сравнивается с теми или иными птицами. Макар неоднократно называет Варвару «голубушкой», «голубчиком», что говорит не только о нежном отношении к героине, но и отсылает к голубю — христианскому символу мира, примирения, а также традиционному символу чистоты и невинности. Слово с корнем «голубь» (голубчик, голубушка) использовано в романе 42 раза. Помимо голубя, Макар Деушкин сравнивает Вареньку и просто с неконкретизированной птичкой: «Я еще и в должность не сбирался, а вы, уж подлинно как пташка весенняя, порхнули из комнаты и по двору прошли такая веселенькая» [3, т. 1, с. 14] и далее сам размышляет о своем сравнении: «Сравнил я вас с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной. Тут же подумал я, Варенька, что и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц» [3, т. 1, с. 14]. Образ Вареньки, слабой и беззащитной, среди враждебного мира, Макар Деушкин соотносит с неконкретизированной пташкой среди хищных птиц: «Не помоги я вам, так уж тут смерть моя, Варенька, тут уж чистая, настоящая смерть, а помоги, так вы тогда у меня улетите, как пташка из гнездышка, которую совы-то эти, хищные птицы заклевать собрались. Вот это-то меня и мучает, маточка» [3, т. 1, с. 73] и даже

слабое здоровье Вареньки показано через «птичий» образ: «Ведь вы, маточка, как перышко слабенькие!» [3, т. 1, с. 107] Служанку Терезу Макар сравнивает с «общипанным, чохлым цыпленком» [3, т. 1, с. 23]. В доходном доме, где живет Макар Иванович, по его признанию, «чижики так и мрут. Мичман уж пятого покупает, — не живут в нашем воздухе, да и только» [3, т. 1, с. 22].

С птицей сравнивает Макар Девушкин и свою бывшую любовь — «актрисочку Глашу»: «А потом и заснуть не дадут; всю ночь напролет об ней толкуют, всякий ее своей Глашей зовет, все в одну в нее влюблены, у всех одна канарейка на сердце» [3, т. 1, с. 61]. Голодного беспризорного мальчика начинающий писатель Макар Девушкин сравнивает с птенчиком «из разбитого гнездышка выпавшим» [3, т. 1, с. 87]. Здесь следует пояснить, что формирующийся литературный талант Макара Девушкина неоднократно отмечали ученые. Сам Макар без ложной скромности признается Вареньке: «Потому что вы, верно, сами сознаетесь, маточка, что у меня с недавнего времени слог формируется» [3, т. 1, с. 88]. В.Н. Захаров отмечает, что герой преобразуется духовно и ключевую роль в этом играет литература, «которую Макар Девушкин создает сам» [5, с. 379].

Себя Макар Девушкин сравнивает то с соколом

(«Встал я сегодня таким ясным соколом — любо-весело!» [3, т. 1, с. 14]), то с глухарем («Прежде ведь я жил таким глухарем, сами знаете: смирно, тихо; у меня, бывало, муха летит, так и муху слышно» [3, т. 1, с. 16]). Соколом Макар себя представляет в своих мечтах, а с глухарем сравнивает тогда, когда перед ним открывается суровая реальность. Предвидя свою беспомощность в соперничестве с Быковым, он уже прямо восклицает: «Зачем я не птица, не хищная птица!» [3, т. 1, с. 14]. Именно таким смелым и отважным рисует себя в своих мечтах Девушкин. Тем более здесь напрашивается фольклорная символика: в русских сказках «соколом» называют доброго молодца, жениха. А самец глухаря, напротив, глохнет весной, не слышит ничего вокруг, что делает его беззащитным перед охотниками. Здесь как раз и напрашивается параллель с Быковым, перед которым Девушкин абсолютно беззащитен.

Таким образом, природная метафорика, с одной стороны, позволяет роману быть содержательно более емким, с другой — оттеняет «тайну» человека и в целом является гранью «индивидуального стиля» писателя Девушкина, который, хоть и реально беззащитен перед «охотником» Быковым, но в пространстве художественного текста проявляет смелость и героизм для защиты своей «голубки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Богач Д.А. Природа как ценность в наследии Ф.М. Достоевского: монография / М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 238 с.
2. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Л.: Художественная литература, 1988. 208 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. / Ф.М. Достоевский. Л.: Наука, 1972-1990.
4. Дурылин С.Н. Пейзаж в произведениях Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах № 25. СПб.: Лит.-мемориальн. музей Достоевского в СПб, 2011. С. 473-508.
5. Захаров В.Н. Что открыл Достоевский в «Бедных людях»? // Ф.М. Достоевский: pro et contra, антология. Советский и постсоветский Достоевский / Сост., вступ. статья, коммент. И.А. Есаулова (при участии Ю.Н. Сытиной). — СПб.: РХГА, 2021. С. 376-380.
6. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия: Избранные работы. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 704 с.
7. Красилов С.П. Легенды о цветах. М.: Молодая Гвардия, 1990. 302 с.
8. Криницын А.Б. О специфике визуального мира и семантике видений в романе Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 170-205.
9. Лысковский М.В. Цветочное кружево: Легенды о цветах. М.: Воскресный день, 2013. 319 с.
10. Мартынова Л.М. Легенды Древнего Востока: языческие мифы, античные предания, библейские истории. Москва: Центрполиграф, 2015. 511 с.
11. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-PRESS, 1980. 563 с.
12. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1997. 330 с.

© Бочарова Анна Александровна (dannaa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ван Сюецзяо

Аспирант, Уфимский университет науки и технологий
wangxuejiao2014@yandex.ru

ANALYSIS OF THE CONCEPT "HEALTH" IN RUSSIAN AND CHINESE ON THE BASIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Wang Xuejiao

Summary: This article explores the reflection of the characteristics of Chinese and Russian cultures in phraseological units (PU) representing the concept of «health» (健康). The purpose of the work is to conduct a linguocultural analysis of Chinese and Russian phraseological units associated with the concept of «health» in order to identify their similarities and differences.

The study used Russian phraseological units in a broad sense (i.e., both stable phrases corresponding to one word, and units that correspond semantically and structurally to the whole sentence), and Chinese phraseological units called «成语» (literally: «ready expression»; a stable turnover, most often consisting of four hieroglyphs).

As a result of a linguocultural analysis of phraseological units associated with the concept of «health», it turned out that they all reflect common worldview and behavioral stereotypes, but also carry specific mental features of the Russian and Chinese ethnic communities. So, in the phraseology systems of both languages there are phraseological units that indicate the need for sports, proper nutrition and a healthy lifestyle to keep the body in good shape and achieve longevity. But at the same time, in Russian and Chinese phraseological units, different food products, animals and plants act as symbols of health and longevity, which makes it possible to judge the geographical place of residence, cultural characteristics and food habits of the two peoples.

Keywords: linguoculturology, concept, health, culture, comparison, phraseological units, Russian, Chinese.

Аннотация: В данной статье исследуется отражение особенностей китайской и русской культур во фразеологических единицах (ФЕ), представляющих концепт «здоровье» (健康). Цель работы – провести лингвокультурологический анализ китайских и русских фразеологизмов, связанных с концептом «здоровье», чтобы выявить их сходства и различия.

В исследовании были использованы русские ФЕ в широком понимании (т. е. как устойчивые словосочетания, соответствующие одному слову, так и единицы, которые в семантическом и структурном отношении соответствуют целому предложению), и китайские ФЕ, именуемые «成语» (буквально: «готовое выражение»; устойчивый оборот, чаще всего состоящий из четырёх иероглифов).

В результате лингвокультурологического анализа фразеологизмов, связанных с концептом «здоровье», выяснилось, что все они отражают общие мировоззренческие и поведенческие стереотипы, но также несут специфические ментальные черты русского и китайского этнических сообществ. Так, в системах фразеологии обоих языков имеются ФЕ, указывающие на необходимость спорта, правильного питания и здорового образа жизни для поддержания тела в тонусе и достижения долголетия. Но при этом, в русских и китайских ФЕ символами здоровья и долголетия выступают разные продукты питания, животные и растения, что позволяет судить о географическом месте проживания, культурных особенностях и пищевых привычках двух народов.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, здоровье, культура, сравнение, фразеологические единицы, русский, китайский.

Введение

Каждый язык является своеобразным культурным «генетическим кодом» говорящего на нем народа. «Язык – это не просто средство для понимания народа, который на нем говорит, ... это не просто отпечаток идей народа, а объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение», – считал немецкий языковед Вильгельм фон Гумбольдт [1, с. 348–349]. Это означает, что культуру можно успешно познавать через язык.

Вот почему в современной лингвистике достаточно прочно закрепился лингвокультурологический подход к изучению языковых явлений. Лингвокультурный подход – это ключ для понимания национального мышления и национального сознания, потому что окружающая человека действительность всегда очень сильно отражается в его языке. В итоге человек видит мир сквозь своеобразную призму национального языка, что принято называть языковой картиной мира (ЯКМ). ФЕ играют особую роль в формировании ЯКМ, поскольку сама их природа тесно связана со знаниями, внутренними установками и стереотипами носителей языка. А в формировании ФЕ, в свою очередь, важную роль играют культурные концепты. Так, доктор филологических наук Ю.С. Степанов убежден, что «концепт, как сгущение культуры в человеческом сознании, является формой, в которой культура входит в

духовный мир человека» [2, с. 161-162]. Еще более подробно раскрывает роль концептов в формировании ФЕ другой российский лингвист, В.И. Карасик: «Культурные концепты понимаются в языковом сознании как многомерная сеть значений. Эти значения выражаются в лексике, идиомах, пословицах, художественных текстах, этикете и ритуальных терминах и даже воплощаются и повторяются в стратегии речи и поведении в определенных аспектах социальной жизни» [3, с. 11].

В целом же, рассматриваемый нами концепт «здоровье» относится к числу важнейших витальных ориентиров человека и поэтому закономерно получает в любом языке множественное лексическое и идиоматическое обозначение. Китайский и русский языки в этом плане не являются исключениями.

В настоящее время термин «концепт» активно используется многими гуманитарными науками: литературоведением, философией, психологией, культурологией, лингвистикой. Определений термина «концепт» множество, так как он стал одним из ключевых в исследовании языковой картины мира. В целом же, в языковедении выделяется три подхода к толкованию концепта: лингвистический, когнитивный и культурологический.

1. В рамках лингвистического подхода концепт понимается как значение слова в сочетании с когнитивным элементом. Поддерживают эту точку зрения С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов и др.
2. Для представителей когнитивного подхода (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.) концепт относится к явлениям ментального характера.
3. Культурологическое направление разрабатывают Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачёв, Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик и др. Для этих учёных приоритетным становится культурологический аспект изучения концептов. Культура понимается ими как совокупность концептов и отношений между ними, концепт, таким образом, базовая единица культуры.

В данной статье мы будем рассматривать термин «концепт» с лингвистической точки зрения, а потому используем определение, данное С.А. Аскольдовым. Он трактует концепт как мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода [4, с. 269]. И действительно, концепт «здоровье» вмещает в себя множество предметов, характеристик и процессов, но все они так или иначе связаны с жизнедеятельностью человеческого организма.

В.И. Карасик выделяет в концепте понятийный, образный и ценностный компоненты [5, с. 39-40]. Понятийный компонент хранится в вербальной словоформе в

сознании человека, в то время как два остальных компонента (ценностный и образный) невербальные, их можно описать и интерпретировать. По его мнению, эти два компонента являются разными явлениями и событиями, которые ощущаются в нашей памяти различными органами, и имеют характеристики, адаптированные к нашему жизненному опыту [3, с. 8].

Таким образом, сравнительный лингвокультурологический анализ концепта «здоровье» в русском и китайском языках может не только углубить наше понимание сходств и различий китайской и российской культур, но также позволить нам глубже прочувствовать и понять менталитет, психологию, мышление другого народа. В данной статье мы используем русские и китайские ФЕ (фразеологические единицы), связанные с концептом «здоровье», в качестве основы для сравнительного анализа двух культур и менталитетов. Потому что по мнению Е.Ф. Арсентьевы «Фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа, культуры» [7, с. 329].

В.В. Иванов и В.Н. Топоров считают, что в славянской культуре насчитывается как минимум 14 основных групп семантических оппозиций (тип словесных оппозиций, т.е. пар слов, характеризующийся отношениями противоположности). По их классификации, одной из этих 14 групп как раз является группа «здоровье – болезнь» [5, с. 15], что намекает о безусловной важности концепции «здоровье» для русской культуры с самого момента ее зарождения, ведь семантические оппозиции имеют особое воплощение в картине языкового мира народа и являются одним из ключей для раскрытия национальной культуры. В китайской культуре, концепт «здоровье» также является одним из основополагающих, так как проблема здоровья и долголетия является актуальной с древнейших времен. Всем известно, что китайцы занимались поисками разнообразных средств достижения вечной молодости и вечной жизни. Считалось, что долголетие можно обрести с помощью употребления в пищу некоторых животных и птиц, ставших впоследствии символами бессмертия. В этом плане, китайская культура очень близка к русской.

Как оказалось, многие китайские ФЕ также довольно близки по смыслу к русским:

О частях тела:

- лицо: лицо как маков цвет - по-китайски 面色红润 (румяное лицо)
- глаза: воловь глаза - по-китайски 黯淡无光 (тусклые глаза)
- кожа: мороз по коже продрал - по-китайски 饱经风霜 (кожа заледенела)

- кости: кожа да кости - по-китайски 皮包骨 (обтянутые кожей кости)
- кровь: кровь с молоком - по-китайски 肤如凝脂, 面如霞飞 (Кожа бела как жир, лицо румяно как закат)
- волосы: львиная грива, копна волос - по-китайски 鬃发如云 (волосы пышны как облако)
- плечи: косая сажень в плечах - по-китайски 膀大腰圆 (широкие плечи и талия)

Как видно из этих примеров, одни и те же части тела используются в русском и китайском языках для описания человеческой внешности в одном и том же ключе, при этом часто используются метафоры. Но метафоры, используемые в ФЕ русского языка довольно сильно отличаются по стилистике от китайских метафор.

О фигуре:

Однако, не обошлось и без различий, обусловленных разным культурным фоном двух народов. Например, отношение к худобе. В русском языке ФЕ, связанные с худобой, как правило звучат уничижительно и имеют негативный окрас: «Тощий как селедка», «одни кости», «тощий как Кощей», «как из Бухенвальда», «костями гремит», «из трех лучинок» и т.д.

Конечно, и в китайском языке можно найти ФЕ с аналогичным эмоциональным окрасом, например: «瘦骨伶仃» - кожа да кости, «骨瘦如柴» - худой как щепка. Однако, согласно китайским представлениям об эстетике, худые женщины красивы, поэтому ФЕ о худых женщинах в китайском языке почти всегда носят положительный окрас. Например: «杨柳细腰» - талия тонкая как ива, «轻如鸿毛» - как пушинка. Обычно такие женщины сравниваются с ивами, птицами и т.д.

Рассмотрим еще два типа фигур: высокая и короткая. Про высоких говорят «коломенская верста», «дуб сибирский», по-китайски это будет звучать как «站如松» (как сосна), «玉树临风» (как дерево на ветру). Про коротких же говорят: «короче воробьиного носа», «короче птичьего носа», по-китайски это будет звучать как «小鸟依人» (короткая и нежная как маленькая птичка).

Как можно заметить, и в русском, и в китайском языках для описания стройной и высокой фигуры используются метафоры с растениями, в частности высокими видами деревьев, а для описания низкого роста зачастую используются метафоры с птицами.

О физической силе и выносливости:

Про физически сильных и крепких людей говорят: «здоровый, как бык», «здоров, как сто коров», «здоров как конь». На китайском это будет звучать следующим образом: «力壮如牛» - здоров, как бык, «龙马精神» - сил,

как у коня или дракона, «虎背熊腰» - спина тигра и поясница медведя (обр. в знач.: богатырское сложение; здоровый, дюжий). Как видно из этих примеров, и в русских, и в китайских ФЕ используются сравнения с животными для описания человеческой силы и выносливости. Причем сравнение происходит с одними и теми же животными - коровами, драконами, лошадьми, тиграми, медведями и т.д.

Про слабых же обычно говорят: «ветром шатает», «дрожать как осиновый лист», «как выжатый лимон», «гнить на корню». На китайском это будет звучать следующим образом: «弱柳扶风» - ветер поддерживает слабую иву, «秋风萧瑟» - уныл, как осенний ветер, «枯本竭源» - как исчерпанный источник, «精疲力竭» - без задних ног, «根朽枝枯» - засохшие корни и засохшие ветви. Как видим из этих примеров, метафора осеннего ветра используется в русских и китайских ФЕ для выражения физической слабости. Слово «Выжатый» используется в русском языке для описания слабости, иероглиф «竭» в китайском имеет аналогичное значение. Как в русских, так и в китайских ФЕ гниение корней является метафорой того, что здоровье становится все хуже и хуже.

Заключение

В результате лингвокультурологического анализа китайских и русских фразеологизмов, связанных с концептом «здоровье», были выявлены их сходства и различия. На основе полученных данных было проведено сравнение двух культур. В целом, проведенное сравнение позволяет сделать следующие выводы:

1. Между русскими и китайскими ФЕ, связанными с концепцией «здоровье», сходств намного больше, чем различий. Это может объясняться универсальностью и актуальностью концепции «здоровье» для любого народа мира в любой период времени, ведь здоровье представляется как жизненно необходимая ценность, что получает отражение во фразеологическом фонде обоих языков.
2. Различия между русскими и китайскими ФЕ обусловлены, в основном, разными представлениями об эстетике и прекрасном у двух народов. Так, из-за разных эстетических представлений, ФЕ русского и китайского языков, описывающие худых людей, будут наделены разным эмоциональным оттенком.
3. При составлении ФЕ, связанных с концепцией «здоровье», часто используются такие приемы как сравнение и метафора. Причем, сравнивают людей чаще всего с чем-либо из мира природы: например, для описания образа стройной и высокой фигуры используют сравнение с высокими растениями, в частности деревьями, а для описания физических сил сравнивают с крупными животными.

4. В целом, ФЕ – это высокоинформативные единицы языка, передающие в сжатой форме большой объем культурной информации. Изучение фразеологического фонда языка является особым средством для «проникновения» в глубину народного

сознания, постижения менталитета, моральных ценностей, норм и особенностей жизни народа как носителя данного языка, и может помочь в достижении глубокого понимания чужого культурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон.: Язык и философия культуры / пер. с нем. яз.; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
2. Степанов Ю.С.: Константы: Словарь русской литературы. Москва: Академический Проект, 2004. С.161-162
3. Карасик В.И.: О категориях лингвокультурологии//языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С.8-11
4. Аскольдов С.А.: Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Академия, 1997. С. 269
5. Иванов В.В., Топоров В.Н.: Исследования в области славянских древностей [М]. М.: Издательство «наука», 1974, С.15
6. Карасик В.И.: Оценочные доминанты в языковой картине мира//Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 1999. С.39-40
7. Арсентьева Е.Ф.: Сопоставительный анализ ФЕ, стилистически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: Дис. . . д-ра филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. С. 329.

© Ван Сюецзяо (wangxuejiao2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уфимский университет науки и технологий

ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТА НА ЕГО ВОСПРИЯТИЕ

Ершов Максим Валерьевич

кандидат филологических наук, доцент, Государственный социально-гуманитарный университет
ershovmgosgi@gmail.com

THE INFLUENCE OF GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE TEXT ON ITS PERCEPTION

M. Ershov

Summary: This article is devoted to the issue of the influence of the genre and style of the text on its perception by a foreign recipient, as well as ways to transform the stylistic, lexical, grammatical and syntactic features of the text for its adequate interpretation by the target audience. As a practical material, a popular science type of text devoted to temple architecture and its translation into a foreign language is considered. The conclusions given in this article may be of practical interest to beginners in the field of philology and translation studies.

Keywords: genre, style, popular science text, pragmatic effect, recipient, term, reality, descriptive translation.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу о влиянии жанра и стиля текста на его восприятие иностранным реципиентом, а также способам преобразования стилистических, лексических, грамматических и синтаксических особенностей текста для его адекватной интерпретации целевой аудиторией. В качестве практического материала рассматривается научно-популярный вид текста, посвященный храмовой архитектуре и его перевод на иностранный язык. Выводы, приводимые в данной статье, могут представлять практический интерес для начинающих специалистов в области филологии и переводоведения.

Ключевые слова: жанр, стиль, научно-популярный текст, прагматический эффект, реципиент, термин, реалия, описательный перевод.

Во время работы с текстом специалистам приходится учитывать огромное количество факторов. При этом, комбинации этих факторов могут варьироваться исходя из характеристик, присущих тому или иному тексту. В первую очередь это относится к их жанру и стилю. Жанр и стиль – это нормы способов осмысления содержания и его изложения, способа обмена мыслями. Они выступают как крупные смысловые единицы и как поведенческие жизненные стереотипы, стереотипы выражения. В этой своей двухвекторности, т.е. обращенности к содержанию и адресату, они образуют единство предметной и информационной форм. Жанр и стиль следует понимать не как конкретные высказывания, а как динамические, структурные модели, которые могут воплощаться в некотором множестве конкретных речевых произведений. Они органически связаны ценностными отношениями пользы и красоты.[1]

Исходя из данного положения, высказанного Маргаритой Петровной Брандес, стиль и жанр включают в себя целый ряд специфических черт, определяющих своеобразие и даже уникальность определенного текста или даже категории текстов, которые отличают его от других групп. Помимо всего прочего сюда могут относиться тематика текста, т.е. его содержание, целевая аудитория, прагматика и т.д. Именно передача и сохранение этих факторов как раз и является первостепеннейшей задачей переводчика, не справившись с которой, он получает на выходе неадекватный перевод, так и не добившись поставленной коммуникативной цели.

В данной статье мы рассмотрим проблему сохранения стилистических особенностей текста на примере научно-популярного стиля. Этот выбор основан на нескольких причинах. Во-первых, научный текст – это один из самых распространенных материалов, если говорить о востребованности его перевода. Во-вторых, научно-популярный стиль, который считается разновидностью научного, представляет собой некую «лингвистическую химеру», совмещающую в себе черты как минимум двух разных стилей: научно-технического и публицистического. С учетом данной выше характеристики жанра и стиля, этот факт заставляет задуматься о том, что при работе с подобным источником переводчику придется учитывать особенности сразу двух типов текста, например наличие узкоспециальной лексики из какой-либо конкретной области с необходимостью ее интерпретации для более широкой, усредненной, аудитории, не обладающей конкретными знаниями об описываемой отрасли.

Таким образом, научно-популярный текст, как правило, упрощен и подготовлен для восприятия неспециалистом, однако при этом по-прежнему содержит основные черты общего научного стиля.

Лексической основой научно-популярного текста являются более или менее нейтральные по своей окраске сочетания технического характера. Здесь же могут использоваться символы, схемы, гистограммы, математические выражения и другие виды невербальной научной семиотики.[2]

При этом автор научно-популярного текста старается сделать его более доступным и простым для неспециалистов. В связи с этим в данном виде научного текста опускаются логические доказательства и аргументация. [3]

Однако доля специальных терминов и дефиниций в научно-популярном тексте, в отличие от собственно научного текста, снижается до минимума. Вместо этого в научно-популярных текстах могут использоваться общеизвестные термины, которые сопровождаются объяснениями, расшифровкой значения в виде скобок или сносок.

Проведем анализ научно-популярного текста на русском языке с его последующим переводом на английский. В качестве материала исследования возьмем статью «Самые красивые церкви и храмы России». [4] В первую очередь поясним чем обоснован наш выбор, а также какие именно черты относят этот текст к научно-популярному стилю. Данная статья содержит короткие очерки (3-4 предложения) о наиболее известных памятниках храмовой архитектуры на территории современной России, сопровождаемые иллюстративным материалом – фотографиями церквей, храмов, монастырей. С учетом того, что при подготовке переводчиков следует делать упор на тексты из тех областей, которые могут встречаться, в первую очередь, на местном рынке труда, тематика храмовой архитектуры является в данном смысле весьма адекватным материалом, поскольку она может часто использоваться в туристической сфере, причем речь идет как о письменном, так и устном переводе. Исходя из этого не трудно сделать вывод относительно целевой аудитории данной статьи – усредненный реципиент, иными словами, среднестатистический представитель данного языкового коллектива. Лексический состав статьи, помимо прочего, содержит множество реалий библейского характера (названия храмов), что является весьма распространенным признаком публицистического текста. На это также указывает и синтаксическая структура.

При этом, статья содержит большое количество архитектурных терминов, которые выделяются даже на фоне общего лексического состава данной терминосистемы. Таким образом, мы можем говорить о широком наборе узких терминов в составе рассматриваемой статьи, которые могут быть не понятны большинству представителей усредненной аудитории и которые не имеют дополнительного раскрытия в виде пояснения и ссылок в самом тексте. Примерами таких терминов могут являться такие лексические единицы как: *четверик, световой барабан, венчание, трапезная, трифоли, притвор, апсида* и так далее.

Возьмем одну из заметок в качестве аналитического материала:

Иверский женский монастырь в Ростове-на-Дону
Женский монастырь, устроенный в 1903 как Троице-

Алексеевская женская община на окраине Нахичевани на средства купца С.И. Федорова. Первоначально Троицкий. В 1920 преобразован в артель, в 1929 окончательно закрыт. Вновь открыт в 1991 как Иверский монастырь.

В первую очередь уделим внимания названию монастыря. Как показывает анализ практического материала, большинство церквей, храмов и монастырей имеют названия, основанные либо по библейскому, либо по географическому признаку. В данном случае мы явно имеем дело со второй категорией. Учитывая особенности перевода географических имен собственных, не трудно выбрать наиболее приемлемый вариант: *Iversky convent*. При этом, перепроверка данного варианта с помощью различных источников подтверждает нашу догадку.

Переходя к основному тексту заметки, стоит отметить две особенности: лексическую и синтаксическую. Начнем с первой. С позиции лексики текст содержит больше реалий, чем терминов, что, однако, не сильно облегчает работу. Перевод *Троице-Алексеевской женской общины* может оказаться не совсем адекватным, т.к. не совсем понятно о каком Алексее идет речь, что важно с учетом целевой аудитории, которая, в большинстве своем, мало знакома с русским языком, историей и культурой. Работа с источниками показала, что «Учреждение женской обители совпало с годом рождения у Царственной Четы долгожданного Наследника Престола - Цесаревича Алексия Николаевича. Потому один из приделов храма должен был быть освящен в честь свт. Алексия Московского – небесного покровителя Цесаревича».[5] Таким образом, наиболее приемлемым вариантом здесь может стать описательный перевод, например, *the convent named after the Holy Trinity and St. Alexius of Moscow, a patron saint of prince Aleksey, the son of the last Russian Emperor Nicholas II*. И хотя такой вариант лексически явно будет намного тяжелее, прагматический эффект с его помощью достигается намного лучше.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание – синтаксис текста. В материале исследования мы видим короткие, усеченные, часто безличные предложения. Сохранение подобной структуры при переводе создаст у реципиента ощущение неестественности текста, что может негативно повлиять на восприятие информации. Также стоит отметить, что нередко студенты, обучающиеся переводу, игнорируют при работе с текстом, особенно при переводе с родного языка на иностранный, особенности изменения структуры предложения, концентрируя свое внимание, в основном, на лексическом аспекте, что конечно же не делает их перевод лучше.

Таким образом, проведя предпереводческий анализ данного отрывка можно представить следующий вари-

ант перевода:

Iverskiy convent in Rostov-on-Don

The convent was founded in 1903 in the outskirts of the town of Nahichevany and was originally named after the Holy Trinity and St. Alexius of Moscow, a patron saint of prince Aleksey, the son of the last Russian Emperor Nicholas II. The local merchant Samuil Feodorov became the main care giver of the convent and sponsored his funds to build it. In 1920, after the Revolution, one of the soviet enterprises was located at the territory of the convent, which was completely closed in 1929 and opened again in 1991 under its current name.

В результате, выполнив ряд преобразований на синтаксическом уровне, в частности применив членение и объединение предложений, мы получили текст с законченной мыслью, соответствующий правилам построения предложений на языке перевода.

Таким образом, мы рассмотрели те аспекты, которые относятся к особенностям публицистического текста и его перевода. Теперь остановимся на «научной» части анализируемого нами материала. Как уже было указано выше, в данной статье он проявляется в основном в

виде терминологии из области архитектуры, причем порой весьма специфичной. Основным приемом перевода здесь является поиск правильного эквивалента, что, как правило, не вызывает трудностей. Однако часто термин в переводе может иметь несколько вариантов перевода, которые не всегда можно назвать синонимами и потому нужно быть особенно внимательным при выборе эквивалента. Например, при переводе термина *четверик*, означающего четырехгранный объем в русской архитектуре, словарь может в качестве первого варианта перевода предлагать *chetverik*, что означает древнерусскую единицу измерения объема сыпучих тел, и лишь затем *quadrangular frame*. [6]

Подводя итог, отметим, что жанрово-стилистические особенности текста напрямую влияют на избираемую переводчиком стратегию работы. При этом необходимо учитывать варианты, когда один жанр текста может пересекаться с другим, создавая текст с элементами сразу двух стилей, как это наблюдается в научно-популярном тексте. Кроме того, особую роль играет ориентированность на реципиента и стоящая перед переводчиком коммуникативная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес М.П. Стиль и перевод, М., «Высшая школа, 1988.
2. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. -2-е изд., перераб. М.: Университет, книга, 2007. 240 с.
3. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Г. Наука о переводе. М.: Флинта, 2008. 413 с.
4. Самые красивые церкви и храмы России (fishki.net)
5. Свято - Троицкий собор (iver-mon.ru)
6. четверик – English translation – Multitran dictionary

© Ершов Максим Валерьевич (ershovmgosgi@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ASPECTS OF THE STUDY OF PRONOUNS IN RUSSIAN

O. Zabegalina

Summary: The article reveals the main aspects of the study of pronouns in Russian linguistics: the assignment of pronouns to a certain part of speech, the definition of their functions, the establishment of the volume of this part of speech, various classifications of pronouns, the issue of pronominal words. It is noted that the diversity of scientific views on the pronoun is due to the specifics of this part of speech, the absence of their own lexical meaning in pronouns and their correlation with other words – nouns, adjectives, numerals. It is assumed that the semantic and grammatical diversity of pronouns is of some importance for the expansion of their functionality in the modern Russian language. The conclusion is made about the importance of the analysis of pronouns and their functioning in the modern Russian language.

Keywords: Russian language, morphology, part of speech, pronoun, aspects of the study of pronouns, pronominal words.

Забегалина Оксана Владимировна

аспирант, старший преподаватель, Ульяновский
государственный университет
oxanazabegalina@gmail.com

Аннотация: В статье выявлены основные аспекты изучения местоимений в российском языкознании: отнесение местоимений к отдельной части речи, определение их функций, установление объёма данной части речи, различные классификации местоимений, вопрос о местоименных словах. Отмечается, что многообразие научных взглядов на местоимение обусловлено спецификой данной части речи, отсутствием у местоимений собственного лексического значения и их соотносённостью с другими словами – существительным, прилагательным, числительным. Предполагается, что семантическое и грамматическое разнообразие местоимений имеет определённое значение для расширения ими своих функциональных возможностей в современном русском языке. Делается вывод о важности анализа местоимений и их функционирования в современном русском языке.

Ключевые слова: русский язык, морфология, часть речи, местоимение, аспекты изучения местоимений, местоименные слова.

Местоимения – одна из самых сложных для осмысления частей речи в русском языке. Согласно дефиниции Н.М. Шанского, это «склоняемые именные слова, которые не называют предметов, их признаков и количества, а только указывают на них» [9, с. 143]. А.А. Шахматов определяет местоимение как «часть речи, которая содержит названия личных, пространственных и количественных отношений говорящего или субъекта предложения к другим субстанциям и явлениям» [10, с. 118]. Местоимения широко распространены в языке, хотя и немногочисленны, то есть отличаются высокой частотностью [5, с. 52]. К примеру, в предложении «**Он** всегда казался нам **тем** человеком, **который** способен работать **столько, сколько** потребуется» – пять местоимений (выделены полужирным) и местоименное слово (всегда). Значение местоимения контекстуально, ситуативно обусловлено, зависит от того окружения, в которое слово попало именно в данном случае. По мнению В.В. Виноградова, местоимения «обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы “беспредметным”» [2, с. 253]. Местоимение выпадает из ряда других частей речи, поскольку выделяется не на основе общекатегориального лексического значения, а на основе функций. Все семантические особенности и грамматические признаки, которыми они обладают, «наследуются» местоимениями от других слов языка.

Целью статьи является анализ основных аспектов

изучения местоимения в российском языкознании, характеристика местоимений с точки зрения функций, объёма, классификации и т.п. Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к местоимению как части речи, выявлении противоречий и вариантов в анализе местоимений разными учёными. Исследование проводилось с помощью методов анализа и наблюдения, сравнительно-сопоставительного и метода лингвистического описания.

Основной функцией местоимений является указательная, или дейктическая (от греч. *deixis* – ‘указание’), так как местоимения указывают на говорящего, слушающего, на разнообразные предметы, явления и даже чувства: «**Он** пришёл!» (тот, кого ждали), «**Эта** мысль (о расставании) не давала ему покоя». Исследователи отмечают, что «из местоимений самые древние – указательные, а личные, наиболее употребительные в современном языке, возникли из указательных» [3, с. 191]. Однако не менее важными являются ещё две функции, которые могут выполнять местоимения. Во-первых, это анафорическая функция (от греч. *anaphora* – ‘отнесение’) – отсылка к каким-то ранее названным элементам, ранее случившимся событиям: «На небе появились тучи, и **это** означало приближение грозы»; во-вторых, кванторная функция (от лат. *quantum* – ‘сколько’) – соотношение именного слова с различными классами предметов или признаков (группами, куда они входят): «**Какие** вопросы вы хотели бы услышать?» (какие из возможных), «**Может**

мне **кто-нибудь** помочь?» (кто-то из присутствующих), «**Всякий** сделал бы так же» (все люди). Могут выделяться и другие функции местоимений, например, сравнительная: «Я всё **такой** же. Сердцем я всё **такой** же» (Есенин) [4, с. 38]; смысловая [11] и др.

Проблему местоимений учёные называют одной из самых сложных в грамматике. Причина разнообразия мнений и взглядов на местоимения – в их очевидной грамматической неоднородности. В процессе характеристики местоимений появляются и дискутируются вопросы: во-первых, являются ли они вообще частями речи; во-вторых, каков объём этой группы слов (сколько их); в-третьих, какие классификации местоимений существуют; в-четвертых, каково место в грамматической системе русского языка других местоименных слов (*где, никак, куда-нибудь*).

Не все исследователи XIX-XX веков считали, что местоимения необходимо выделять в отдельную часть речи. Так, Л.Л. Буланин в «Трудных вопросах морфологии» писал: «Местоимения не могут стоять на одном уровне с другими частями речи, <...> поскольку местоимённой семантикой объединяются слова с грамматическими признаками» различных частей речи [1, с. 95]. Кроме того, не считали местоимения особой самостоятельной частью речи, распределяя их между другими именными категориями, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Л.В. Щерба и многие другие учёные. К примеру, А.М. Пешковский называл местоимения словами с субъективно-объективным значением, обозначающими различные связи между субъектами и объектами речи [6, с. 154]; А.А. Потебня отмечал, что местоимения не могут быть особой частью речи, поскольку обладают разнообразием семантики и грамматики, излишне значительным для этого [7, с. 130].

Тем не менее, большая часть учёных (от классиков лингвистики А.А. Шахматова, Л.А. Булаховского, А.Н. Гвоздева до авторов академической «Граматики русского языка» 1952-1954 годов и школьных учебников) выделяют местоимение как отдельную часть речи, наделённую собственными категориальными признаками.

Отличается специфическим характером точка зрения В.В. Виноградова, который выделял местоимение как часть речи, но рассматривал его уже, чем другие учёные. Академик утверждал, что в русском языке существует особая часть речи – местоимение, точнее «пережиток особой части речи», но к ней относятся лишь местоимения-существительные, так как их признаки настолько индивидуальны, что исключают возможность включения их в разряд существительных: они обладают категорией лица, отсутствующей у существительных; не имеют категории рода (за исключением местоимений *он, она, оно*); не имеют категории числа (*никто, что*) или име-

ют, но не словоизменительную, как существительные, а классифицирующую (*я – мы, ты – вы*); их склонение отличается большим количеством супплетивных форм. Отсутствие у остальных местоименных слов (местоимений-прилагательных и местоимений-числительных) столь ярких отличий от слов соответствующих частей речи не позволило В.В. Виноградову отделить их от прилагательных и числительных [2, с. 264-282]. Причём такой подход не исключителен в научной литературе, он отразился в целом ряде авторитетных научных трудов, в том числе и в академической «Русской грамматике» 1980 года, где к местоимениям относят только местоимения-существительные, не используя, правда, при этом виноградовский термин «пережиток особой части речи» [8, с. 538].

В настоящий момент в науке принято придерживаться традиционной точки зрения, то есть характеризовать местоимение как отдельную часть речи и включать в разряд местоимений те же слова, что и в школьном учебнике: *я, ты, они, кто, некого; сам, тот, какой-нибудь; сколько, столько* и т. п. Но анализ роли местоимения в морфологической системе русского языка называть завершённым пока рано.

Классификация местоимений предполагает объединение слов с местоименным значением в определённые группы. В настоящий момент существуют две общепринятые классификации местоимений – лексико-грамматическая (по значению и грамматическим особенностям) и по соотношению с другими частями речи. Согласно первой, местоимения объединяются в лексико-грамматические разряды: личные (*я, мы, ты, вы, он, она, оно, они*), возвратное (*себя*), притяжательные (*мой, твой, наш, ваш, его, её, их*), определительные (*сам, самый, весь, всякий, каждый*), вопросительные и они же относительные (*кто, что, какой* и др.), указательные (*тот, этот, такой* и др.), неопределённые (*некий, кто-то, что-нибудь, кое-какой* и др.), отрицательные (*некого, нечего, ничто, никакой* и др.). Данная классификация описывается во всех современных учебниках и научных трудах. Одним из первых выделил лексико-грамматические разряды местоимений А.А. Пешковский, правда, помимо названных выше девяти разрядов, в его типологии присутствовали также обобщительные, совокупные, выделительные и восклицательные местоимения [6, с. 163].

Согласно второй классификации, среди местоимений выделяются слова, связанные с именами существительными, именами прилагательными и именами числительными; это, соответственно, местоимения-существительные (*я, кто*), местоимения-прилагательные (*такой, чей, всякий*) и местоимения-числительные (*несколько, столько*).

Особое место в морфологической системе русского языка занимают местоименные слова, большая часть из которых соотносится с наречиями: *как, никак, где, там*,

где-нибудь, некуда и др. С лексико-грамматической точки зрения они имеют вопросительное и относительное (куда, почему), указательное (там), неопределённое (где-то) и отрицательное (никак) значения.

Мы считаем, что отношение к местоимениям как к неполноценным словам без собственного лексического значения, без значимых, специфических языковых функций не позволяет проникнуть в суть данной части речи и по достоинству оценить русские местоимения и их роль в тексте. Местоимения не просто замещают какие-то из предшествующих слов, указывая на них, отсылая к ним и препятствуя тем самым тавтологии. Местоимения обогащают нашу речь, делают её более разнообразной и выразительной.

Анализ материала Национального корпуса русского языка позволяет заметить, что в современном языке местоимения расширяют свои функциональные возможности, выходят за границы заложенной в них изначально семантики и функциональности. Например, в предложении «Я пришёл опять же **такой весь красивый**» (Форум) указательное местоимение *такой* и определительное *весь* выполняют усилительную и эмоциональную функции, обслуживая потребность говорящего в выделении собственных особенностей, самопрезентации. В предложении «Но прогресс делал своё дело: пушки становились **всё** совершеннее и били **всё** дальше!» (И.С. Колечкин. Сборник задач и упражнений по географии) определительное местоимение *всё* начинает выполнять роль усилительной частицы, приём повтор данного местоимения выступает дополнительным усилительным средством, помогая автору выделить свою мысль. Новую роль начинают играть в тексте местоимения, которые уже пере-

ходят в категорию устаревших, например, местоимение *некий* встречается в современной очерковой литературе для создания настроения, для регулировки характера восприятия персонажа: «Журин идёт на вас, как **некий светлый герой**» (журнал «Дальний Восток»).

Итак, местоимение – одна из наиболее сложных для изучения частей речи, которая, в силу своей специфики и значительной грамматической неоднородности, продуцирует в лингвистике различные мнения относительно состава, классификации и функционирования слов данной части речи. К наиболее актуальным вопросам теории местоимения относятся вопросы о самостоятельности данной части речи, о составе местоимений, об их классификации, функциях и о местоименных словах языка. Несмотря на то, что в современном языкознании выработана определённая точка зрения на местоимения, которую можно назвать традиционной (местоимение – самостоятельная часть речи; включает слова, соотносимые с именами существительными, прилагательными и числительными; выполняет в речи дейктическую, анафорическую, кванторную и другие функции; делится на девять лексико-грамматических разрядов; остальные местоименные слова, соотносимые с наречиями, к местоимению не относятся), разработка местоимения как части речи продолжается.

Специфика местоимений, их особое место в системе частей речи русского языка неизменно привлекают к ним внимание лингвистов. Мы считаем очень важным и перспективным анализ функционирования местоимений в современном русском языке, целью которого будет выявление новых черт и особенностей, которые обретают местоимения в процессе речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. школа, 1986. 639 с.
3. Крылова М.Н. Введение в языкознание для бакалавров: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 275 с.
4. Крылова М.Н. Средства художественной выразительности. Тропы: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 101 с.
5. Мурашов Р.З. Местоимения в системе языка // Доклады Башкирского университета. 2021. Т. 6. № 1. С. 49-54.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки слав. культуры, 2001. 544 с.
7. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике IV. Глагол, местоимение, числительное, предлог. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 318 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
10. Шахматов А.А. Из трудов по современному русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952. 273 с.
11. Момынова В. On the origin, function and difficulties in spelling particles // Tiltanym. 2022. № 3 (87). С. 60-68.

© Забегалина Оксана Владимировна (oxanazabegalina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АРМЕНИИ НИКОЛА ПАШИНЯНА В РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

METAPHORICAL MODELING OF THE ARMENIAN PRIME MINISTER NIKOL PASHINYAN'S IMAGE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

G. Kalantaryan
I. Kurbanov

Summary: This paper is dedicated to the comparative study of metaphorical models involved in describing the image of the Prime Minister of the Republic of Armenia Nikol Pashinyan in the Russian and English-language media. The metaphorical units are classified according to the theoretical basis of the study, described semantically, structurally and cognitively, and subsequently compared between the two languages. The metaphorical units are enumerated based on their categorization in the metaphor classification. In the final section, the conclusion is presented on the reasons for the established statistical distribution of metaphor types in the two languages.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, media discourse, structural-semantic approach, cognitive approach, metaphorical model, subsphere.

Калантарян Григор Арамович

Магистрант, Сургутский государственный университет

kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru

Курбанов Ибрагим Алиевич

к.филол.н., профессор, Сургутский государственный университет

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному исследованию метафорических моделей, задействованных при описании деятельности премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в российских и англоязычных средствах массовой информации. Метафорические единицы классифицируются согласно теоретической базе исследования, описываются семантически, структурно и когнитивно, а впоследствии сопоставляются между двумя языками. В заключительной части статьи делается вывод о причинах установленного статистического распределения типов метафор в двух языках.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, медийный дискурс, структурно-семантический подход, когнитивный подход, метафорическая модель, субсфера.

Развитие когнитивной лингвистики преобразовало концепт метафоры из аномального явления в одну из центральных единиц когнитивистики. С переосмыслением метафоры язык стал рассматриваться учёными как результат функционирования когнитивных систем человека, а не присущее свойство организма, вследствие чего язык существенно зависит от опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, постановляется, что человек не имеет доступа к объективной реальности, не зависящей от категоризации людей [3, с. 161]. Концептуальная система человека играет главную роль в определении реальности, воспринимаемой людьми.

В рамках данного исследования даётся определение следующих ключевых терминов: метафора – закономерность концептуальных связей [7, с. 9]; теория концептуальной метафоры – сущность метафоры заключается в восприятии и ощущении того или иного концепта, явления посредством другого концепта или явления [3, с. 159]; область знаний или концептосфера – набор информации, категориально объединяющий смежные концепты [1, с. 5]; политический дискурс – манипуляторная лингвистическая стратегия придания тех или иных значений фактам действительности для влияния на мнение адресата в

идеологических целях [1, с. 5]; структурно-семантический подход – изучение структуры, строения метафоры в рамках языка, выделение элементов и семантических полей [5, с. 124]; когнитивный подход – исследование закономерности категоризации и концептуализации действительности человеческим мышлением с учетом субъективности восприятия мира [1, с. 4]; метафорическая модель – тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов [8, с. 3]; субсфера – объединённая одной областью знаний категория метафорических единиц [1, с. 6].

Практический анализ осуществляется посредством выделения фреймово-слотовой структуры каждой метафорической модели. Последовательно противопоставляются метафоры из русскоязычного и англоязычного политического дискурса, после чего, на основе категоризации метафор А.П. Чудинова, определяется структура метафоры. Обозначаются субсфера, сфера-источник, фрейм и слот метафоры. Также описываются семантические коннотации единиц и основы переноса значений.

Природная метафора

Сфера-источник «живая и неживая природа», **фрейм**

«части растений», **слот** «корень»: «...и сейчас хочет пустить корни в качестве премьеры...» (*Лента.ру*, 2019) – премьер-министр представляется деревом или растением, пускающим корни во власти Армении. Страна в данном случае изображена как плодородная, благодатная почва, сулящая процветание и богатство сумевшему закрепиться в ней. Коннотации метафоры могут быть нейтральными либо отрицательными, в зависимости от формулировки, контекста и замысла адресанта текста. Негативные со-значения объясняются аналогичностью образов паразитирования организмов, располагающихся в богатой питательными веществами среде или теле другого организма. Концепт корней связан с односторонним выкачиванием ресурсов из питательной среды, созданием отношений, где пустивший корни потребляет большее количество ресурсов, чем отдаёт взамен, либо не возвращает ничего вовсе.

Исходное семантическое поле – флора и фауна; конечное – политический режим, правительство. Наложение значений и доступность их извлечения достигаются за счёт схожести родов отношений в обеих концептосферах: пустившее корни растение физически закрепляется на одном месте, получает ресурс к существованию, набирает силы – политический деятель, заполучивший достаточное количество власти и выгодную должность, с течением времени так же увеличит свои шансы сохранить и преумножить имеющуюся власть, наращивать ресурсы в правительственной должности и осуществлять рост.

Данная метафорическая единица может использоваться и без негативных коннотаций, в случае если до и после неё не следуют негативные описания того иного явления. Тогда данная единица будет нести в себе только нейтральное значение укрепления позиций, власти характеризуемого лица.

Сфера-источник «живая и неживая природа», **фрейм** «обращение с природой», **слот** «выкорчевать»: «He has pledged to root out endemic corruption» (*The Guardian*, 2018). Никол Пашинаян представляется хозяином, целителем, следящим за порядком и состоянием некой живой общности. Коррупция обозначена как сорняк, поскольку в отношении данного концепта употребляется глагол «выкорчевать», «искоренить», что, учитывая частое смежное употребление данных концептов и лексем, однозначно подводит читателя к выводу о том, что коррупция в стране является сорняком, вредителем.

Так, коннотации метафоры исключительно позитивные, потому что избавление государства от пагубного явления вроде коррупции – характеристика благоприятная. Как и в предыдущей метафорической единице, Армения в данной модели занимает роль благодатной среды, будь то почва, локализованная флора, живой организм. Никол Пашинаян властен руководить течением

дел в данной среде согласно данной метафоре, что наделяет его образ властью в восприятии читателя, формирует прагматические смыслы надежды, спасения, защиты и процветания. Читатель осознаёт себя частью общности, властью над которой располагает премьер-министр, и проблемы которой он способен разрешить, в то время как сам адресат против них бессилён.

Данные субсфера и сфера-источник эффективны в формировании метафорических моделей и задании новых смыслов, наложении семантики одной области знаний на новую ввиду прямой связи между человеком и концептами этих категорий. Читатель гарантированно воспримет заложенные значения природной метафоры, так как человеческое мышление создаёт метафоры на основе ближайших явлений действительности организма. Будучи частью природы, адресат извлекает смысл природной метафоры без необходимости продолжительного анализа, что способствует её доступности. Более того, схожесть и смежность концептов человека и иных природных явлений увеличивают эмоциональный отклик от восприятия метафорической единицы, что в рамках политической метафоры, политического дискурса повышает эффективность влияния на мышление читателя.

Антропоморфная метафора

Субсфера «человек», сфера-источник «морбиальная метафора», **фрейм** «болезнь», **слот** «паралич»: «...в масштабную акцию неповиновения, парализовавшую жизнь в Ереване» (*Лента.ру*, 2019). Армения Никола Пашинаяна представлена человеком – живым организмом с различными органами, физиологическими процессами, мышлением, эмоциями и здоровьем. Морбиальная метафора призвана описывать губительные явления реальности как болезни, отравляющие жизнь той или иной общности, обозначать паразитов, вирусов, болезни, а также источники данных недугов или спасителей, целителей, избавляющих человека от них. Исходная область знаний – медицина; конечная – социум. Исходное семантическое поле – патофизиология, недуг; конечное – быт, инфраструктура, политика. Перенос значений обеспечивается благодаря комплексности явления человеческого организма и здоровья, сравнимой с многоплановой структурой государственного устройства и быта в нём. Болезнь сравнивается с беспорядками и нарушением статуса-кво в обществе.

Смысл метафоры извлекается реципиентом за счёт насыщенности концепта недугов для любого человеческого организма и когнитивного осмысления любых бедствий в иных сферах жизни как болезни, травмы.

Концепт паралича негативен, представляет собой тяжёлую болезнь, критическое состояние человеческого организма, его бессилие и беспомощность, зависимость

от внешних сил и уязвимость для угроз извне. Прагматические смыслы в морбиальных метафорах обычно варьируются, могут обозначать описываемый объект как агента, ответственного за злодеяния, причиняющего заболевания и травмы, либо целителя и спасителя.

В данной метафорической модели сочетаются различные по прагматической оценке смыслы и характеристики деятельности Никола Пашиняна: несмотря на то, что критическая, морбиальная ситуация вызвана им, он описывается как способный устранить данную проблему, привести государство к спасению. Дополнительные смыслы достигаются с помощью изображения застывшей в оцепенении страны как судьбоносного события, где данная морбиальная ситуация является вынужденной для достижения блага в будущем.

Субсфера «человек», сфера-источник «морбиальная метафора», **фрейм** «способы лечения», **слот** «отсечение»: «Pashinyan has refused to step down, defending the peace agreement as a *painful but necessary move*» (The Guardian, 2020). – «Пашинян отказался уходить с должности, объясняя необходимость мирного соглашения как *болезненное, но вынужденное решение*».

Премьер-министр моделируется как доктор, а государство – как пациент с недугом. Деятельность Никола Пашиняна уподобляется хирургической операции, вынужденной терапии, где он, нанося определённый вред и боль ведомому им субъекту, избавляет его от потенциально более критических ситуаций. Коннотации метафоры положительные или нейтральные. Прагматические смыслы включают в себя исцеление, избавление от недуга, вынужденную меру терапии.

Социальная метафора

Субсфера «социум», сфера-источник «преступность», **фрейм** «место лишения свободы», **слот** «колючая проволока»: «...Завтра Серж Саргсян должен *смотреть* на город сквозь *колючую проволоку*» (КП, 2018).

В данном случае автором используется метафорическая модель «Никол Пашинян – судья». Деятельность правителя Армении преподносится как соизмеримая с судьёй, творцом правосудия. Взгляды, действия Никола Пашиняна преподносятся как единственно корректные с точки зрения законодательства данной страны, приемлемые и неоспоримые в данном обществе. Коннотации метафоры положительные, поскольку деятельность Никола Пашиняна моделируется как однозначно корректная и рациональная, что объясняется описанием его как законодателя, автоматически поддерживаемого большинством.

Исходная область знаний – судебная, законодатель-

ная система. Осуществляется перенос образов, где государство, общество представляются участниками судебного заседания. Каждое действующее лицо занимает роль, сопоставимую с присутствующими в суде в зависимости от их политического, социального положения.

Субсфера «социум», сфера-источник «криминальная метафора», **фрейм** «преступления», **слот** «коррупция»: «...to replace what he told the Guardian was a *“corrupt parliament”*» (The Guardian, 2018). – «...чтобы заменить то, что в интервью «The Guardian» он назвал *«коррумпированным парламентом»*».

В данном случае также реализуется метафорическая модель «Никол Пашинян – судья». К государственной структуре применяется термин «коррумпированный» со стороны премьер-министра. Так, его деятельность характеризуется с точки зрения правосудия, а мнение и заявления определены как приговор, судебное решение. Данная метафора призвана возвысить образ премьер-министра, описать его как борца с преступностью, автоматически противопоставляя его всем отрицательным криминальным образам, связанным с преступлениями.

Вдобавок к основному эффекту данной метафорической модели, она также осуществляет влияние на оценочные суждения читателя. После извлечения изначального значения метафоры «Никол Пашинян – судья» реципиент формирует новые когнитивные связи, расширяя исходный смысл единицы. Так, впоследствии любой противник премьер-министра, любой несогласный с его решениями и мнением будет пассивно определяться как преступник в сознании читателя. Вызвано это тем, что в теории концептуальной метафоры мышление метафорично и накладывает известные значения на новые концепты. Поэтому данная модель создаёт дополнительные со-значения в сознании читателя.

Артефактная метафора

Субсфера «артефакты», сфера-источник «механизм», **фрейм** «дорожное движение», **слот** «преграда»: «Российский МИД *поставил* Пашиняна в *тупик*» (Лента.ру, 2020).

Сравнение человеческой жизни и деятельности с механизмами, рукотворными явлениями является распространённым тропом в политическом тексте. В данном случае реализуется метафорическая модель «Никол Пашинян – путешественник, участник дорожного движения». Политическая деятельность, правление премьер-министра представлены как дорога, по которой он движется вперёд. Те или иные явления, происшествия в зависимости от их реальной характеристики изображаются соответствующими концептами из области знаний, концептосферы и семантического поля дорожного движения, путешествий.

В данной метафорической единице политическое давление других лидеров стран, трудное положение в правительстве Никола Пашиняна характеризуются как тупик. Доступность значения вызвана тем, что в сфере-источнике «дорога» понятие тупика является отрицательным. Оно прерывает прогресс, рост, исключает достижение необходимых целей. Коннотации метафоры нейтральные. Прагматические значения – Николу Пашиняну необходимо преодолеть трудности в политической деятельности, разрешить проблемы для дальнейшего роста и развития.

Субсфера «артефакт», сфера-источник «дом», **фрейм** «строительство, ремонт и разрушение дома», **слот** «разрушение дома»: «...accused the prime minister of bringing Armenia to 'the brink of collapse'» (The Guardian, 2021). – «...обвинили премьер-министра в том, что тот «развалит страну»».

Метафорическая модель «Никол Пашинян – строитель и хозяин дома». Деятельность премьер-министра представлена как наделяющий его властью процесс. Государство описывается как дом, строение, где жителями является население, а его структура и целостность соответствуют экономическому, социальному и политическому состоянию страны. В рамках данной единицы премьер-министр действительно представлен властным лицом, способным вносить существенные изменения в политическую ситуацию, однако коннотации модели исключительно отрицательные. Деятельность Никола Пашиняна рассматривается как губительная, разрушительная. Создаются значения жертвенности «жителей» данного метафорического дома и призыв к срочному принятию решений и действий с их стороны, чтобы предотвратить дальнейший вред от деятельности премьер-министра.

Заключение

Было проанализировано 50 метафорических единиц в каждом языке. Метафоры категорируются соответственно классификации метафор А.П. Чудинова, после чего высчитывается их пропорциональное содержание в общем количестве единиц.

	Русский язык	Английский язык
Человек	24%	35,7%
Социум	37%	21%
Природа	18,5%	23%
Артефакт	20,5%	20,3%

Категориальное распределение метафор позволяет говорить о расхождении социальной метафоры в русском языке – образы театра, драмы, преступного, военного и спортивного миров гармонично взаимодействуют с перцепцией читателя, позволяя создавать эффективные, доступные для восприятия метафоры. В английском языке данная тенденция прослеживается у метафоры с образом человека в ядре. Ввиду распространённости в сознании англоговорящего адресата переноса физиологических, морбиальных, родственных и сексуальных образов на политические, они часто задействованы в описании политических событий. Стоит отметить, что сходство между распространением метафор в русском и английском языках заключается в частотности природных и артефактных метафор, в связи с чем возможно сделать вывод о меньшей эффективности, доступности и извлекаемости метафорического значения в образах природных явлений и рукотворных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курейко Вячеслав Владимирович Метафора в когнитивной лингвистике // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-kognitivnoy-lingvistike> (дата обращения: 09.11.2022).
2. Ли Ян Метафора в когнитивной лингвистике // Вестник Башкирск. ун-та. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-kognitivnoy-lingvistike-1> (дата обращения: 09.11.2022).
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРДИСКУРСЕ // Язык средств массовой информации. 2007. №2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-politicheskom-interdiskurse> (дата обращения: 09.11.2022).
4. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: ИРЯ, 1991.
5. Заботкина В.И. Конвенциональность vs креативность в лексиконе (когнитивно-дискурсивный подход) // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002.
6. Липилина Л.А. Концептуальное моделирование метафорического значения // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001.
7. Андерсон Ричард Д. (Мл.) Каузальная сила политической метафоры // Политическая лингвистика. 2007. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kauzalnaya-sila-politicheskoj-metaforu> (дата обращения: 09.11.2022).
8. Будаев Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-lingvokulturologicheskom-aspekte> (дата обращения: 09.11.2022).

© Калантарян Григор Арамович (kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru), Курбанов Ибрагим Алиевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕФИКСОВ С СЕМАНТИКОЙ КРАЙНОСТИ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Клюшина Алёна Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, Самарский
государственный социально-педагогический
университет (г. Самара, Россия)
klyushina@pgsga.ru

SOME PREFIXES WITH THE SEMANTICS OF EXTREME IN RUSSIAN DISCOURSE

A. Klyushina

Summary: This article is devoted to the characteristics of some usage features of prefixes to express the semantics of extreme in Russian discourse. It is revealed that the prefixes actualizing the semantics of extreme include word-forming morphemes of different origin. The corpus approach allowed us to obtain non-trivial results of studying the frequency of occurrence of some prefixes in the texts of Russian discourse.

Keywords: semantics of extreme, prefixes, Russian discourse, functional-semantic category, National Corpus of the Russian Language.

Аннотация: Настоящая статья посвящена характеристике особенностей употребления префиксов для выражения семантики крайности в русском дискурсе. Выявлено, что к префиксам, актуализирующим семантику крайности, относятся словообразовательные морфемы разного происхождения. Корпусный подход позволил получить нетривиальные результаты изучения частотности бытования некоторых префиксов в текстах русского дискурса.

Ключевые слова: семантика крайности, префиксы, русский дискурс, функционально-семантическая категория, национальный корпус русского языка.

Цель настоящей статьи заключается в изучении словообразовательных особенностей русского языка для определения способности словообразовательных формантов выражать семантику крайности. В соответствии с поставленной целью считаем необходимым решение следующих исследовательских задач: 1) провести обзор словообразовательных формантов русского языка и их значений на материале справочных и лексикографических источников для формирования свода префиксов, актуализирующих семантику крайности; 2) проанализировать особенности употребления исследуемых словообразовательных формантов в русском дискурсе (на примере приставок *архи-*, *гипер-*, *наи-*) с применением корпусных инструментов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и приемов их использования.

Настоящая работа дополняет цикл научных публикаций, посвященных особенностям бытования функционально-семантической категории крайности в русском языке [3].

В монографии Т. М. Николаевой, посвященной феномену акцентного выделения, встречается первое упоминание о семантике крайности [16]. Исследовательница полагает, что особая выделительная интонация в высказывании сообщает дополнительную информацию. Т. М. Николаева выделяет четыре коммуникативные категории, в том числе крайность. Автор монографии приводит пример коммуникативной категории крайности:

сти: – *Дай бумагу! Клочок какой-нибудь дай!* и отмечает, что крайность выбора объекта (а именно *клочка*) актуализируется акцентным выделением в устной речи [16, с.63].

Мы предлагаем рассматривать семантику крайности как особую функционально-семантическую категорию русского языка со своим планом выражения. Средства передачи семантики крайности иерархически организованы и представлены на разных уровнях языка. Ранее нами были изучены некоторые средства выражения семантики крайности, см.: [5] – [14]. В рамках настоящего исследования проанализируем словообразовательные форманты и определим, какие префиксы способны актуализировать семантику крайности и насколько продуктивны они в русском дискурсе. Источником языкового материала при выявлении продуктивности исследуемых словообразовательных формантов явились примеры из НКРЯ.

Анализ лексикографических источников позволяет отметить, что лексема *крайность* является полисемантом [4]. Исследуемый нами лексико-семантический вариант (ЛСВ) вокабулы *крайность* сформулирован в разных словарях по-разному. Представим некоторые из ЛСВ:

- «**высшая и нисшая степень** или мѣра, бѣдствіе, нужда, недостатокъ, бѣдность»¹;
- «то, что представляет **крайнюю степень, чрезвычайное проявление** чего-либо»²;

1 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.] / В. И. Даль. – Москва : Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском московском университете, 1863–1866. – Т. 2. – С. 791.

2 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И.Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965. Каюта – Кюрины. – С. 1572.

— «**крайняя степень** чего-н., **чрезмерное проявление** чего-н.»³.

Отметим наличие таких словосочетаний как *высшая степень, низшая степень, крайняя степень, чрезмерное проявление* при описании исследуемого нами ЛСВ вокабулы *крайность*. Определяя способность словообразовательных формантов выражать семантику крайности, мы будем обращать внимание именно на эти конститuentы дефиниций значения в лексикографических и энциклопедических источниках.

Метод словообразовательного анализа активно применяется в современных лингвистических исследованиях при решении различных исследовательских задач. Приведем некоторые примеры изучения префиксальных морфем.

А.А. Шишкина исследует префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры и отмечает, что они достаточно активны в текстах современных СМИ [22]. А. Парит и Ч. Критсада описывают словообразовательные гнезда и семантику слов производных от концепта «интеллект» в русском языке и сопоставляют полученные результаты с немецким и тайским языками [17]. Л.И. Горбунова раскрывает семантическую структуру адъективной приставки *сверх* в свете локалистской теории. Автор полагает, что локативный компонент лежит в основе семантической целостности языковой единицы и определяет направление семантической деривации [1].

В настоящей статье проводим подробный обзор и анализ словообразовательных формантов русского языка и их значений на материале следующих справочных и лексикографических источников:

- «Русская грамматика»⁴;
- «Словарь современного русского литературного языка»⁵;
- «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов»⁶.

В «Русской грамматике» в разделе «Словообразование» представлено подробное описание словообразовательной системы русского языка. Отмечено, что носителем словообразовательного значения является формант. Составители тщательно описывают значение каждого форманта, приводят примеры и дополнительную информацию. В «Словаре современного русского

литературного языка» также содержатся подробные сведения о значениях словообразовательных формантов и представлены языковые примеры. «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» позволяет дополнить результаты обзора и анализа информацией о происхождении выявленных словообразовательных формантов.

В ходе лингвистического анализа выявлено многообразие словообразовательных формантов, актуализирующих семантику крайности. В настоящей работе опишем лишь префиксы. Отметим способность выражать семантику крайности таких словообразовательных морфем, как: *архи-, гипер-, нау-, пере-, пре-, раз-, рас-, сверх-, супер-, ультра-, чрез-, экстра-*. Представим полученную информацию в таблице 1.

В Таблице 1 в первом столбце представлены в алфавитном порядке префиксы, актуализирующие семантику крайности. В следующих столбцах приведены значения словообразовательных формантов и языковые примеры, в скобках указаны страницы источников. В последнем столбце отмечаем сведения о происхождении префиксов.

Подчеркнем наличие исследуемого нами ЛСВ у всех приставок, перечисленных в Таблице 1, что подтверждается такими словосочетаниями, как *крайняя степень, чрезмерная степень, высшая степень, превышение предела, выход за пределы* и под. в описаниях их значений (в таблице выделены полужирным).

Отметим, что по происхождению все выявленные словообразовательные префиксы разнообразны: заимствованные из латинского, греческого, польского языков; церковно-славянские и древнерусские.

Проведем анализ особенностей употребления исследуемых словообразовательных формантов в русском дискурсе. Попытаемся оценить продуктивность лишь некоторых выявленных морфем, так как объем статьи не позволяет нам представить описание всех префиксов. Рассмотрим первые три словообразовательных форманта: *архи-, гипер-, нау-*. Применим корпусные инструменты НКРЯ и приемы их использования, подробно описанные в статье С. О. Савчук [19].

Как было отмечено, префикс *архи-* греческого происхождения. Согласно сведениям из НКРЯ эта приставка употребляется в русском дискурсе с 1675 года. Предста-

3 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – С. 375.

4 Русская грамматика: В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 788 с.

5 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / Под ред. В.И.Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965.

6 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.

Таблица 1.

Префиксы, способные актуализировать семантику крайности

префикс	Значения лексем, содержащих указанные словообразовательные форманты			Сведения о происхождении префиксов
	Русская грамматика	Словарь современного русского литературного языка	Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов	
архи-	высшая степень того, что названо мотивирующим словом (<i>архиплут, архибестия, архисложный, архисторожный</i>) [с. 225; с. 302]	высшая степень признака (<i>архимиллионер, архискептик, архиважный, архиспытанный</i>) [ст. 197]	высшая степень чего-нибудь (<i>архимиллионер, архиплут, архипопасный, архиреакционный</i>) [с. 21]	греч.
гипер-	превышающий пределы того, что названо мотивирующим словом (<i>гиперзвуковой, гипербарический</i>) [с. 303]	–	превышение предела, нормы (<i>гипервитаминоз, гиперинфляция</i>) [с. 150]	греч.
наи-	высшая степень проявления признака (<i>наилучший, наивысший</i>) [с. 304]	значение предельной степени качества (<i>наибольший, наиталантливейший</i>) [ст. 220]	значение предельности меры признака (<i>наилегчайший, наипервейший</i>) [с. 481]	польск.
пере-	значение чрезмерности (<i>переизбыток, перелатанные, перетитулованные</i>) [с. 226; с. 305]	–	усилительное значение (<i>переизвестный</i>) [с. 622]	др.-рус
пре-	значение чрезмерности (<i>преизбыток, предобрый, премилый</i>) [с. 226; с. 306]	очень большая степень качества (<i>презлой, презоркий</i>) [ст. 65-66]	значение высокой, высшей степени чего-нибудь (<i>преизбыток, пренеприятный, премилый</i>) [с. 717]	церк.-слав.
раз- / рас-	предмет, в высшей степени обладающий признаками того, что названо (кто назван) мотивирующим словом (<i>растуманы, размиллионер, развеселый, раскудрявый</i>) [с. 227; с. 307]	высшая степень признака (<i>разлапушка, расподлец, разлихой, размилий</i>) [ст. 94-95]	высшая степень признака (<i>размлодец, разнесчастный, разудалый</i>) [с. 788]	церк.-слав
сверх-	высокая степень проявления признака (<i>сверхприбыль, сверхчеловек, сверхдальний, сверхсовременный</i>) [с. 227; с. 307-308]	крайняя, очень высокая степень какого-либо качества или состояния (<i>сверхгигант, сверхстоимость, сверхвысотный, сверхмощный</i>) [ст. 312]	высокая степень или превышение признака (<i>сверхзадача, сверхпроводимость, сверхметкий, сверхновый</i>) [с. 860]	др.-рус.
супер-	повышенное качество или усиленное действие (<i>суперприбыль, супербоевик, суперсовременный, супермодный</i>) [с. 228; с. 308]	высшее качество свойство или повышенное усиленное действие (<i>суперфильтр, суперцемент</i>) [ст. 1200]	повышенность качества или усиленность действия (<i>суперъяхта, суперэлита, супермодный, суперэластичный</i>) [с. 959]	латин.
ультра-	крайняя, чрезмерная степень проявления признака (<i>ультразвук, ультрамикроскоп, ультравысокий, ультрасовременный</i>) [с. 228; с. 309]	крайний, предельный или крайне, предельно , сверх (<i>ультраиндивидуализм, ультрареакционер, ультраромантический, ультраанархический</i>) [ст. 563]	превышение признака, сверх (<i>ультрамодернизм, ультраконсерватор, ультрамодный, ультраправый</i>) [с. 1026]	латин.
чрез-	в значении сверх- (<i>чрезмерный</i>) [с. 312]	–	–	церк.-слав.
экстра-	выходящий за пределы (<i>экстракласс, экстраматч, экстрамодный, экстраординарный</i>) [с. 228; с. 309]	обозначает вне, сверх (<i>экстра-систола, экстразональный, экстрамодный</i>) [ст. 1795]	выходящий за пределы обычного (<i>экстраординарный, экстрамодный</i>) [с. 1123]	

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1682 по 2021

Годы с 1682 по 2021 со сглаживанием 0 - Построить

Рис. 1. Динамика бытования префикса *архи-* в основном корпусе НКРЯ

Конкорданс KWIC График по годам Статистика 1-граммы 2-граммы 3-граммы 4-граммы

№	Документы ▼	Вхождения ▼	ipm ▼	Фрагмент
1	15	16	0.04	<i>архисложная</i>
2	9	12	0.03	<i>архимиллионер</i>
3	8	8	0.02	<i>архимиллионера</i>
4	6	6	0.02	<i>архисложно</i>
5	5	5	0.01	<i>архискверным</i>
6	5	5	0.01	<i>архисложное</i>
7	5	5	0.01	<i>архимиллионеров</i>
8	4	4	0.01	<i>архиплут</i>
9	4	4	0.01	<i>архисложным</i>
10	4	4	0.01	<i>архиплутов</i>
11	4	4	0.01	<i>архилевый</i>
12	4	4	0.01	<i>архисложной</i>
13	3	3	0.01	<i>архиглупость</i>
14	3	3	0.01	<i>архибуржуазным</i>
15	3	3	0.01	<i>архирусским</i>
16	3	3	0.01	<i>архибестия</i>
17	3	3	0.01	<i>архиплута</i>
18	3	3	0.01	<i>архитрудно</i>

Рис. 2. Результаты поиска слов с префиксом *архи-* в основном корпусе НКРЯ

вим график бытования словообразовательного форманта *архи-* в русском языке (Рис. 1).

С 1675 года по 2021 год исследуемый словообразовательный формант встречается в текстах русского дискур-

са с переменной частотностью. В современном русском языке в основном корпусе НКРЯ зафиксировано около 3-9 употреблений в год. Рассмотрим наиболее частотные лексемы с изучаемой морфемой (Рис. 2).

Префикс *архи-* участвует в образовании лексем разных частей речи: прилагательных (*архисложный, архискверный, архилевый, архибуржуазный, архирусский* и др.), существительных (*архимиллионер, архиплут, архиглупость, архибестия* и др.), наречий (*архисложно, архитрудно* и др.). Все слова имеют значение высшей степени проявления того или иного признака, что свидетельствует о способности исследуемого словообразовательного форманта актуализировать семантику крайности.

Изучим продуктивность следующей морфемы также греческого происхождения *гипер-*. На Рис. 3 отражена частотность употребления префикса *гипер-* в русском дискурсе с 1776 года по 2021 год.

Отметим, что первое употребление приставки *гипер-* в исследуемом нами значении в русском языке зафиксировано в НКРЯ в 1840 году. Начиная с XX века частотность бытования этого словообразовательного форманта в текстах русского дискурса значительно увеличивается.

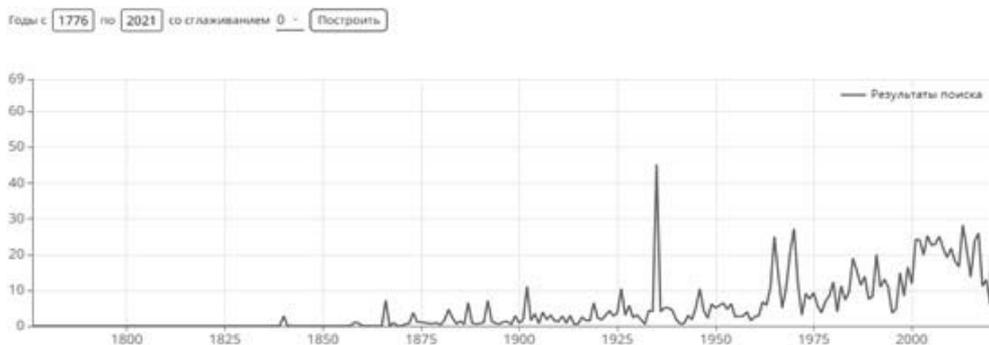

Рис. 3. Динамика бытования префикса *гипер-* в основном корпусе НКРЯ

Конкорданс KWIC График по годам Статистика 1-граммы 2-граммы 3-граммы 4-граммы 5-грамм

№	Документы ▾	Вхождения ▾	freq ▾	Фрагмент
1	139	211	0.56	<i>гипертонии</i>
2	123	163	0.43	<i>гипертония</i>
3	89	99	0.26	<i>гипертрофия</i>
4	69	85	0.23	<i>гипертонией</i>
5	59	76	0.2	<i>гипертонической</i>
6	57	64	0.17	<i>гипертонический</i>
7	46	53	0.14	<i>гипертрофии</i>
8	2	50	0.13	<i>гипервалентных</i>
9	44	48	0.13	<i>гипертрофированной</i>
10	29	48	0.13	<i>гиперинфляции</i>
11	40	46	0.12	<i>гипертонию</i>
12	42	45	0.12	<i>гипертрофированное</i>
13	36	41	0.11	<i>гипертрофией</i>
14	26	41	0.11	<i>гиперзвуковых</i>
15	34	36	0.1	<i>гипертрофированная</i>
16	32	32	0.09	<i>гипертрофированный</i>
17	11	29	0.08	<i>гипервентиляции</i>

Рис. 4. Результаты поиска слов с префиксом *гипер-* в основном корпусе НКРЯ

В текстах современного русского дискурса отмечается значительный скачок в количестве употреблений лексем с исследуемой приставкой (около 70 употреблений в 2021 году). Рассмотрим наиболее частотные лексемы с приставкой *гипер-* (Рис. 4).

Подчеркнем, что наиболее частотными лексемами с префиксом *гипер-* являются существительные женско-

го рода и прилагательные со значением превышения предела, нормы, что подтверждает идею о способности приставки *гипер-* передавать семантику крайности. Как видно на Рис. 4, чаще всего лексемами с морфемой *гипер-* являются термины медицинского дискурса.

Представим результаты изучения особенностей употребления префикса *наи-* в текстах русского дискурса.

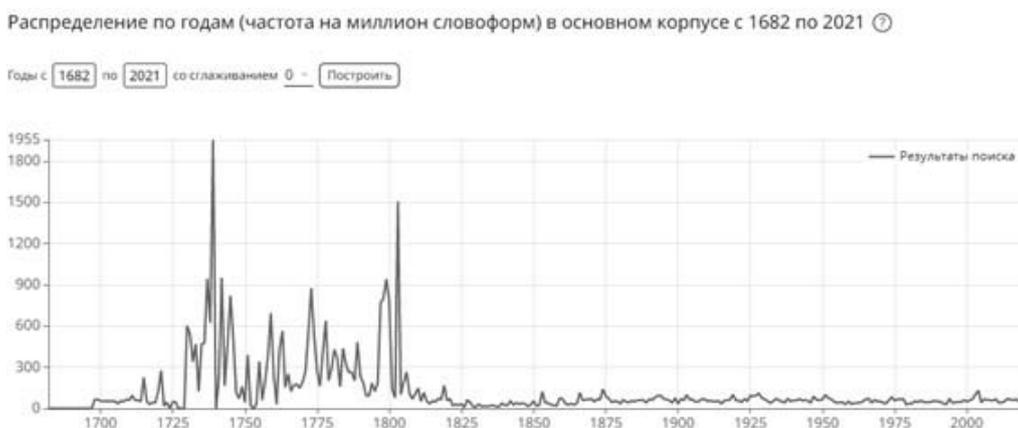

Рис. 5. Динамика бытования префикса *наи-* в основном корпусе НКРЯ

Конкорданс KWIC График по годам Статистика 1-граммы 2-граммы 3-граммы 4-граммы 5-грамм

№	Документы ▼	Вхождения ▼	f/m ▼	Фрагмент
1	1673	2231	5.95	наибольшее
2	1415	1880	5.01	наибольшей
3	1053	1233	3.29	наибольший
4	881	1048	2.8	наилучшим
5	863	1041	2.78	наибольшую
6	674	873	2.33	наибольшего
7	597	745	1.99	наибольшая
8	514	594	1.58	наилучшим
9	505	583	1.55	наилучшие
10	500	607	1.62	наибольшие
11	429	486	1.3	наилучший
12	403	449	1.2	наилучшее
13	367	412	1.1	наилучшего
14	297	328	0.87	наилучшей
15	288	316	0.84	наивысшего
16	286	334	0.89	наилучших
17	278	326	0.87	наивысшей

Рис. 6. Результаты поиска слов с префиксом *наи-* в основном корпусе НКРЯ

Приставка *наи-* является заимствованной из польского языка. Рассмотрим продуктивность исследуемого словообразовательного форманта в русском языке с 1682 года по 2021 год (Рис. 5).

Употребление префикса *наи-* в текстах русского дискурса впервые зафиксировано в НКРЯ в 1682 году и до начала XIX века эту приставку можно считать очень частотной (пики ее употребления достигают 1500 и даже 1955 употреблений). С 1820 годов она встречается значительно реже. Однако по сравнению со словообразовательными формантами *архи-* и *гипер-* префикс *наи-* является самым частотным, имея примерно около 100 употреблений в год (по основному корпусу НКРЯ). Рассмотрим наиболее частотные лексемы с приставкой *наи-* в текстах русского дискурса (Рис. 6).

Отметим, что словообразовательный формант *наи-* участвует в образовании имен прилагательных. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что мотивирующими лексемами, как правило, являются прилагательные в превосходной степени (*большой, лучший, высший* и

под.). Как видно на Рис. 4 наиболее частотными являются словоформы *наибольший, наилучший и наивысший*.

Подведем итоги. Словообразовательные форманты русского языка способны выражать словообразовательное значение. Обзор справочных и лексикографических источников позволил определить свод префиксов, актуализирующих семантику крайности. Выявлено, что словообразовательные морфемы разного происхождения, среди них есть древнерусские, церковно-славянские и заимствованные из других языков. В рамках статьи корпусный подход позволил получить нетривиальные результаты изучения частотности бытования заимствованных префиксов *архи-, гипер-* и *наи-* в текстах русского дискурса.

Перспективным представляется изучение специфики бытования других словообразовательных формантов с семантикой крайности в русском дискурсе для создания общей картины возможно по разработанному нами алгоритму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунова Л.И. Семантическая структура адъективной приставки *сверх-* в свете локалистской теории // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 84-89.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.] / В. И. Даль. – Москва : Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском московском университете, 1863–1866.
3. Ключина А.М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 10. – С. 113-118.
4. Ключина А.М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 37-47.
5. Ключина А.М. Взаимодействие конститuentов семантики крайности в творчестве Ф.М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы II Международной научной конференции, Воронеж, 21–23 апреля 2021 года. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2021. – С. 370-373.
6. Ключина А.М. О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф.М. Достоевского // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2021. – С. 51-58.
7. Ключина А.М. Особенности употребления лексемы *хоть* для передачи семантики крайности в произведении Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Лекантовские чтения - 2021: Материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.Н. Орехова. – МГОУ: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 262-267.
8. Ключина А.М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 70-80.
9. Ключина А.М. Проявление крайности в образах персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022 №2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK222.pdf>
10. Ключина А.М. Фразеологизмы с семантикой крайности как средство формирования и развития коммуникативной компетенции иностранных студентов на уроках русского языка как иностранного // Русистика без границ. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 73-81.
11. Ключина А.М. Способность русских частиц передавать семантику крайности: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 7. – С. 2174-2182.
12. Ключина А.М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 10. – С. 3187-3193.
13. Ключина А.М. Изучение фразеологизмов с семантикой крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Наука и культура России. – 2022. – Т. 1. – С. 125-128.

14. Ключина А.М. Особенности употребления лексемы крайность в современном научном гуманитарном дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 3(46). – С. 44-50.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
16. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Изд-во «Наука», 1982. – 104 с.
17. Парит А., Критсада Ч. Словообразовательные гнезда и семантика слов производных от концепта «интеллект» в русском языке (в сопоставлении с немецким и тайским языками) // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. Т. 8. – № 2 (27). – С. 369-373.
18. Русская грамматика: В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 788 с.;
19. Савчук С.О. Полезные функции в НКРЯ: поиск по части слова и поиск с исключением ненужного элемента // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 99-108.
20. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / Под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948 – 1965.
21. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.
22. Шишикина А.А. Префиксальные новообразования нестандартной словообразовательной структуры в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – Т. 2. – № 1-11. – С. 66-72.

© Ключина Алёна Михайловна (klyushina@pgsga.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный социально-педагогический университет

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ РЕДУПЛИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

FUNCTIONAL-SEMANTICAL FIELD OF REDUPLICATION IN MODERN ENGLISH

*E. Kovalenko
L. Petrochenko*

Summary: The article deals with the results of the research devoted to the study of such phono-morphological phenomenon as reduplication in the English language. The authors of the article consider the structure of the functional-semantic field of reduplication paying attention to the types of reduplicates which are integral to the core and the peripheral zones of the above-mentioned field. From the point of view of its functional aspect reduplicates are considered to be the means of representation of semantics of such categories as emotive function, authenticity, intensity, expressiveness.

Keywords: functional-semantic field, reduplication, reduplicate, emotive function, authenticity, intensity, expressiveness.

Коваленко Екатерина Николаевна

кандидат филологических наук, КГПИ КемГУ

г.Новокузнецк

ekovalenkonk@mail.ru

Петроченко Людмила Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,

независимый исследователь

lypetrochenko@yandex.ru

Аннотация: Данная статья представляет результаты исследования, посвященного изучению такого фонеморфологического явления, как редупликация в английском языке. Авторы рассматривают структуру функционально-семантического поля редупликации с точки зрения вариативности редупликатов, составляющих ядро, а также ближнюю и дальнюю периферию названного поля. Изучение функционального аспекта использования редупликатов в англоязычном дискурсе позволяет говорить о редупликатах как о средстве представления семантики категорий эмотивности, аутентичности, интенсивности, экспрессивности.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, редупликация, редупликат, эмотивность, аутентичность, интенсивность, экспрессивность.

По определению в отечественном языкознании, редупликация (*reduplicatio* - удвоение) – фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация). Предельный случай редупликации – повтор, т.е. удвоение всего слова (ср. рус. «еле-еле», «белый-белый»); образование таких форм смыкается со словосложением. При редупликации гласный корня может повторяться, но может появляться и другой гласный [7].

В зарубежных исследованиях редупликация обычно определяется как морфологический словообразовательный процесс, в котором какая-либо часть слова удваивается. Полная редупликация удваивает всё слово или корень. Обычно в качестве примера даются формы множественного числа в австронезийских: *индонез.* buku 'книга' - buku-buku 'книги'. При этом следует отметить, что спектр редупликации в названных языках очень широк. Редупликация используется не только для словоизменения, но для словообразования: *индонез.* mata 'глаз' - mata-mata 'шпион'. Частичная редупликация имеет варианты: напр., происходит удвоение начального слога на согласный (*индонез.* laki 'муж' - lelaki 'мужчина') или части слова / корня слова (*илоканск.* dakkel 'большой' - dakdakkel 'больше'), удвоение согласного звука в корне (*илоканск.* ubing 'ребёнок' - ubbing 'дети'). Редупликация служит также для выражения интенсивности признака у прилагательных, повторяемости, развития или интенсивности действия у глаголов и т.д. Нередко слова-ре-

дубликаты демонстрируют разного рода фонетические вариации. В частности, компоненты редупликата могут различаться первым согласным звуком (*индонез.* sayur 'овощ' - sayur-mayur 'овощи'), одним или двумя гласными в корне (*индонез.* gerak 'жест' - gerak-gerak 'жесты'; *tindak* 'действие' - tindak-tanduk 'поведение') и др. [8; 21].

Редупликация широко представлена не только в австронезийских языках, но и во многих других языковых семьях или их ветвях: дравидийской, тибето-бирманской, афро-азиатской, нило-сахарской, нигеро-конголезской и др. [12; 8; 20].

В ряде исследований утверждается, что в мире имеются несколько областей, в которых продуктивная редупликация полностью отсутствует. Одной из таких областей является Западная Европа. Точнее, редупликация в этой области не играет роли в морфологии. Некоторые учёные считают такой подход к роли редупликации слишком категоричным, указывая на то, что в различных языках Европы возможно образование редупликатов, которые систематически используются для определённых целей [22; 13].

В современном английском языке удвоение как тип словообразования называется одними исследователя редким, другими – непродуктивным или маргинальным, наряду с *перераспределением*, *стяжением* и *обратным словообразованием*, хотя при этом отмечается, что из на-

званных редких типов удвоение, или редупликация, является наиболее распространенным [2; 11].

Считается, что редупликация никогда не была значимой чертой английского языка: нет примеров, зафиксированных в древнеанглийском или среднеанглийском языке, за исключением, может быть, *cuckoo* (MidE *cu-cu*). В 16-ом в. впервые было зарегистрировано слово *so-so*, в 17-м в. междометие *pooh-pooh*, породившее в 19-м в. соответствующий глагол, в 18-м – *goody-goody* и так далее [9].

Однако вышеназванная репрезентация динамики появления редупликатов в истории английского языка может свидетельствовать об их редком использовании в письменной, а не устной речи. Известно, что У. Шекспир употреблял такие слова, как *helter-skelter*, *hugger-mugger*, *hurly-burly*, *skimble-skamble* [3]. Ключом к пониманию отношения современных авторов лингвистических работ к редупликатам в английском языке может послужить следующее описание источников пополнения словаря:

«Еще один, довольно несущественный, хотя часто забавный (*amusing*), источник расширения словаря связан с процессом, называемым редупликацией, в котором повторяется все слово или его часть. Слова *itsy-bitsy*, *hoity-toity*, *helter-skelter* основаны на рифмовании, в то время как другие редуплицированные слова могут аллитерировать, т.е. начинаться с одного и того же звука: *mish-mash*, *flim-flam*, *shilly-shally*, *tip-top*. Только некоторые из этих примеров представляют собой более чем тривиальные прибавки к словарю: *dum-dum* (type of bullet), *bonbon*, *ping-pong*, *itty-bitty*, *hip-hop*, *fifty-fifty*, *hula-hula*, *so-so*, *boob tube*, *brain drain* [16].

Описания такого рода еще раз указывают на место редупликатов в английском языке. Они представляют разговорный стиль речи, обладающий соответственно определенными признаками и используемый в определенной сфере (среде). Для названного стиля характерно частое использование междометий, бранных слов, вульгаризмов, экспрессивно-оценочных прилагательных и наречий, адресативов и т.д., служащих средствами выражения *семантической категории эмотивности* [6].

Языковое выражение ряда семантических категорий (времени, пространства, качества, количества, компаративности, интенсивности и т.д.) в значительной мере изучено, однако исследование систем выражения еще многих категорий, в т.ч. категории эмотивности, продолжает сохранять свою актуальность.

Репрезентация семантической категории в языке обычно соотносится со структурой, состоящей из «ядра (центра)» и «периферии» в составе соответствующего функционально-семантического поля. Функционально-семантическими полями (ФСП) принято называть

семантические категории, рассматриваемые вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке [5].

В исследованиях, посвященных семантическим категориям, выделяются два основных структурных типа ФСП: 1) моноцентрические и 2) полицентрические. «Если моноцентрические поля строятся на базе одной исходной системы в единстве с ее средой, то поля полицентрические представляют собой объединения нескольких (двух, трех и более) исходных грамматических или лексико-грамматических систем, каждая из которых выступает в сочетании со своей средой, иначе говоря, полицентрическое поле – это несколько частных комплексов «система - среда», объединенных в более общую систему» [5, с. 36].

Эмоции различного типа одинаково соотносятся всеми говорящими на каком-либо языке с определенными языковыми единицами их выражения – носителями эмотивной семантики – и с типизированными эмоциональными ситуациями их употребления в речи [6, 39]. Эмоциональный эффект может достигаться удлинением слова [14]. Семантическая категория эмотивности в английском языке располагает большим набором различных фонетических, лексических и лексико-грамматических средств, в число которых входят редупликаты. Экспрессивно-оценочный характер редупликатов и их количество в английском языке позволяют выделить их в отдельное функционально-семантическое поле в общей полицентрической системе эмотивности.

Ядро ФСП редупликации в современном английском языке формируют слова с полным удвоением, компоненты которых обычно пишутся через дефис (**полный повтор**): *buddy-buddy*, *hush-hush*, *never-never*, *nice-nice*, *no-no*, *pretty-pretty*, *so-so*, *trouble-trouble*, *win-win*, *woo-woo*, etc.

Everyone seemed to think we were **buddy-buddy** now (Cates. *Spells and Scones*). “Does it involve booze?” – “No. Books. And it’s very **hush-hush**.” I pressed a finger to my lips (St. James. *The Broken Spine*). I should have made **nice-nice** with Martha (Sanders. *The Seduction of Peter S.*). I ate up a sandwich, cream cheese on date-nut bread, and drank two cups of **so-so** coffee (Block. *The Burglar in the Closet*).

Периферию названного поля можно разделить на две части: ближнюю и дальнюю. Ближняя периферия состоит из слов, образованных по следующим основным моделям, характерной фонетической чертой которых является рифмование (**рифмованный повтор**):

1. добавление согласного во втором компоненте слова, если первый начинается с гласного звука: *airy-fairy*, *artsy-fartsy*, *easy peasy*, *eensy-weensy*, *itsy-bitsy*, *ill-will*, *ooey-gooney*, etc.;

2. использование разных начальных согласных в компонентах слова: *fuddy-duddy*, *hugger-mugger*, *harum-scarum*, *kitty-witty*, *namby-pamby*, *piggly-wiggly*, *rolly-polly*, *super-duper*, etc.;
3. чередование гласных корня с аллитерацией, т.е. повторением одного или сходных звуков в обеих частях слова: *click-clack*, *flimflam*, *hip-hop*, *knick-knack*, *pish-posh*, *riprap*, *wish-wash*, *flip-flop*, etc.;
4. чередование гласных корня без аллитерации, т.е. с использованием разных начальных звуков: *fakery-pokery*, *jiggery-pokery*, *whipper(-)snapper*, etc.;
5. использование соединительного гласного или слога: *bric-a-brac*, *chock-a-block*, *muck-a-muck*, *pit-a-pat*, *rat-a-tat*, *la-di-da*, *razzmatazz*, etc.;
6. добавление суффикса (-y/-ety/-ity) к первому компоненту слова: *nighty-night*, *blankety-blank*, *clankety-clank*, *muckety-muck*, *rappity-rap*, *honky-tonk*, etc.
7. добавление ко второму компоненту слова звуко-сочетания *shm-/schm-*, заимствованного из языка идиш: *baby-schmaby*, *fancy-schmancy*, *crisis-shmisis*, *policy-schmolicy*, etc. [17; 18; 10; 15].

Leanne would maintain that serene, netherworld, **airy-fairy** expression on her face (Leonard. Maximum Bob). "When did I become this... this **fuddy duddy** that everyone has to tiptoe around? I'm thirty-two, not eighty-two" (Hamilton. Bowled Over). The whole affair had a distinct aroma of **flimflam** (Sanders. McNally's Gamble). "Do you mean really killed? No **fakery-pokery**?" -- "I don't know what you mean by **fakery-pokery**. The girl's dead" (Christie. Dead Man's Folly). Her already tired brain, **chock-a-block** with the night's problems, struggled to formulate a suitable answer (Neels. Judith). All the colors he chose looked like something from a box of those fancy little mints you get at the end of a **la-di-da** dinner party (Kelly. Curiosity Thrilled the Cat). He just went **nighty-night** when a lost traveler asked him for help with an address (Donally. The Big Kitty). He was writing for a **fancy-schmancy** paper owned by that Buchanan fellow (McKinlay. Read It and Weep).

Дальняя периферия состоит обычно из фразеологизмов, компоненты которых связаны предлогом или союзом. Редупликация в этих случаях включает **обычный** или **рифмованный повтор**, а также в ряде случаев **аллитерацию**:

1. *blow-by-blow*, *neck-and-neck*, *nose to nose*, *one-on-one*, *so-and-so*, *such-and-such*, *toe-to-toe*, *up-and-up*, *play by play*, etc.;
2. *arts and crafts*, *huff and puff*, *hustle and bustle*, *jumble and tumble*, *meet and greet*, *mush and gush*, *town and gown*, *wear and tear*, *wheel and deal*, etc.;
3. *hide or/nor hair*, *poke and prod*, *rant and rave*, *rhyme or/and reason*, *safe and sound*, *spic(k) and span*, etc. [17; 18; 19].

I won't bore you with a **blow-by-blow** of the progression

of events (Bentley. Fatal Fixer-Upper). He doesn't run an **arts and crafts** fair—it's a gallery (Smith. Murder with Lemon Tea Cakes). She wrote three letters I never answered, all full of **mush and gush** about wanting to meet her pop (Daheim. Just Desserts). "He was furious. He **rant and raved** and had a right fit over it" (Brightwell. The Inspector and Mrs. Jeffries). He'd be contented when the conference was over and everybody went home **safe and sound** (Warren. Frosted Shadow).

По данным различных общих и диалектных словарей количество редупликатов достигает 1500 единиц, без учёта фразеологизмов [4]. При этом следует учитывать, что словари включают много устаревших редулицированных слов, вышедших из употребления. Редулицированные слова, которые появляются в каком-либо варианте английского языка или его диалектах, могут по разным причинам не входить в словарный запас отдельных носителей языка, но при необходимости каждый человек, обладающий языковой компетенцией, может «создать» нужный ему редулицированный как эмоциональный ответ на определенную ситуацию.

Исследования многих лет показывают, что большинство семантических категорий проявляют тесную взаимосвязанность и взаимозависимость. В.Г. Адмони отмечал: «по существу нет ни одной формы, в которой выразалась бы данная категориальная семантика в чистом виде, при полном отключении от всех остальных категорий» [1, с. 77-78].

Определенная связь разных категорий существует и в системе редуликатов. В частности, редулицированные как полные повторы наряду с экспрессивностью могут представлять семантику *категории интенсивности*, т.е. показывать высокую степень признака: *red-red* (красный-красный, очень красный), *funny-funny* (очень странный, чудной), *pretty-pretty* (распрекрасный) и т.д. Напр.:

She smiled again with her **red-red** lips and brushed her fingers along my jawline as she sashayed past (Estleman. The Glass Highway).

I've bandied words with the **funny-funny** boys who kick the comic-book slang around like a sissy quoting Shakespeare and whose brains you couldn't find with a magnifying glass (ibid.).

"You look at the world with fewer illusions than anyone I have ever known. And yet you are as sentimental as you would be if the world were **pretty-pretty**" (Parker. Pastime).

Редулицированные способны также выражать семантику категории, которая языковыми средствами представляет то, что называется *аутентичностью* (реальный, подлинный, аутентичный, общепринятый и т.д.): *food food*

(not junk food), fur fur (real fur) [15], epic epic (a real epic movie), business business (a real business), etc. Напр.:

... Magna Studios, producers of the **epic epic** you'll soon be seeing for sixty-eight cents plus seven cents federal tax at all your neighborhood theatres (Prather. Bodies in Bedlam).

"All your business finished?" She grinned at him impishly. "I mean your **business business**, not monkey business" (Kane. The Guilt Edged Frame).

Somewhat more elaborate is syntactic reduplication seen in utterances such as 'is that a rice cake or a **cake cake**?' where *cake cake* designates one which is prototypically made of flour rather than rice [23, с. 50].

Примеры редупликатов, выражающих аутентичность, существуют и в современном немецком языке, напр.: *Ich will einfach nur so Blumen-Blumen* (flowers-flowers = plain flowers) [13, с. 906].

Связь между компонентами редупликатов графически может быть различной: слитное или раздельное написание, написание через дефис. Четких правил в данном случае, по-видимому, нет, но существует традиция, которая допускает варианты.

Редупликаты, в основной своей массе, выражают разнообразие эмоции и их оттенки, чаще всего негативные: презрение, неодобрение, недоверие, иронию, пренебрежение и т.д., но в то же время они могут служить средствами социализации для достижения через речь атмосферы лучшего межличностного контакта, непринужденности, доверительности.

Эмоционально-оценочный потенциал ФСП редупликатов, вносящий немалый вклад в объективацию полицентрической системы *семантической категории эмотивности*, заслуживает дальнейшего внимательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони; Отв. ред. В. М. Павлов; АН СССР, Ин-т языкознания. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. - 238 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. - 2-е изд., перераб. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 376 с.
3. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. - Изд. 2-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. - 136 с.
4. Петрова Л.И. Редупликация в английской словообразовательной системе: Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1978. - 214 с.
5. ТФГ – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. - Л.: Наука, 1987. - 348 с.
6. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. - Изд. 2-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. - 128 с.
7. ЯБЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
8. ALAM – The Austronesian Languages of Asia and Madagascar/ed. by A. Adelaar and N.P. Himmelmann. - London and New York, Routledge, 2005. - 841 p.
9. Blake B.J. English Vocabulary Today: Into the 21st Century. - New York, London: Routledge, 2019. - 181 p.
10. Caplan D. Rhyme's Challenge: Hip Hop, Poetry, and Contemporary Rhyming Culture. - Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. - 192 p.
11. Denham K., Lobeck A. Linguistics for Everyone: An Introduction. - 2nd ed. - Boston: Wadsworth, 2013. - 546 p.
12. ELL2 – Encyclopedia of Language and Linguistics/ed.-in-chief Keith Brown. - 2nd ed. - Vol. 10. - Amsterdam: Elsevier, 2006. - 776 p.
13. Freywald U. Total reduplication as a productive process in German. In: Studies in Language. International Journal. Vol. 39, Issue 4, 2015, pp. 905-945.
14. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles, part VI: Morphology. - Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1942. - 570 p.
15. Mattiello E. Extra-grammatical Morphology in English: Abbreviations, Blends, Reduplicatives, and Related Phenomena. - Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2013. - 340 p.
16. Minkova D., Stockwell R. English Words: History and Structure. - Cambridge: Camb. Univ. Press, 2009. - 219 p.
17. OAD – The Oxford American Dictionary of Current English/ed.-in-chief Frank R. Abate. - New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. - 996 p.
18. ODCE – The Oxford Dictionary of Current English/ed. by Della Thompson. - 2nd ed. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. - 1074 p.
19. RDS – The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English/ed. by Tom Dalzell. - New York, London: Routledge, 2009. - 1104 p.
20. Rubino C. Reduplication: Form, function and distribution. In: Bernhard Hurch (ed.). Studies on Reduplication. - Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005, pp. 11-29.
21. Sneddon J.N. Indonesian: A Comprehensive Grammar. - L.: Routledge, 1996. - 387 p.
22. Stolz Th., Stroh C., Urdze A. Total Reduplication. The Areal Linguistics of a Potential Universal. - Berlin: Akademie Verlag, 2011. - 620 p.
23. Winters M.E. Historical Linguistics: A Cognitive Grammar Introduction. - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., 2020. - 241 p.

© Коваленко Екатерина Николаевна (ekovalenkonk@mail.ru), Петровиченко Людмила Анатольевна (lypetrochenko@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНОЙ ФОТОДОКУМЕНТАЛИСТИКИ РЕАНА КРОКВИЭЛЯ

PECULIARITIES OF REAN CROQUIEL'S PORTRAIT DOCUMENTARY

L. Kopreva

K. Kopreva

Summary: The relevance of the study of the portrait documentary peculiarities is of certain interest because at present there is no generalized scientific work on the theory and history of portrait documentary and Rean Croquiel's creative work has not been studied in detail. The purpose of this article is to study the essence of portrait documentary by Rean Croquiel's example work. To achieve the objective, the following tasks were set: 1) to consider the history of portrait documentary; 2) to discover the portrait documentary peculiarities; 3) to study the French portraitist's art; 4) to analyze the project "Eyes are the mirror of the soul". The author focuses on the analysis and specifics of portrait documentary, which depicts various events in its true value, without artistic processing and fiction.

Keywords: photographer, portrait documentary, portrait documentary peculiarities, Rean Croquiel's creative work.

Копрева Лариса Геннадиевна

кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
successalways42@mail.ru

Копрева Ксения Андреевна

Студент, Кубанский Государственный университет,
Россия, г. Краснодар

Аннотация: Актуальность исследования особенностей портретной фотодокументалистики представляет существенный интерес в связи с тем, что на сегодняшний день не существует обобщенного научного труда по теории и истории документальной фотографии и творчество фотографа Реана Кроквиэля детально не изучено. Целью данной статьи является исследование сущности документальной фотографии на примере деятельности Реана Кроквиэля. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть историю документальной фотографии; 2) выявить особенности портретной фотодокументалистики; 3) изучить искусство французского фотографа; 4) проанализировать проект портретиста «Глаза – зеркало души». Особое внимание автор акцентирует на анализе и специфике портретной фотодокументалистики, отображающей разные события без искажения, художественной обработки и вымысла.

Ключевые слова: фотограф, документальная фотография, особенности документальной фотографии, творчество Реана Кроквиэля.

Жанр документальной фотографии зародился во второй половине XIX века. Благодаря достижениям науки и техники фотография становилась все популярнее, возрастал интерес к фотоделу, увеличивалось количество мастеров фотографии, появлялись разнообразные работы, посвященные особенностям документальной фотографии. Исследуемый аспект нашел свое отражение в работах таких исследователей, как С.В. Гурьянов, Н.Н. Лавринова, Л. Лоурен, В.А. Лунин, Е.П. Судоргин, А.В. Подрезов, В.И. Шимолин и др.

Первыми, кто смог продемонстрировать влияние искусства на решение социальных вопросов, были американские фотографы, работавшие в жанре хроникальной фотографии. Льюис Хайн в 1905 году обличил в своих фотографиях аморальность и ужас детского труда и беспризорность. А Джэкоб Риис, полицейский репортер из Нью-Йорка, в 1880-х годах выпустил свою первую книгу «Как живет другая половина», в которой описал жизнь в трущобах крупнейшего города. По мнению В.А. Лунина «их фотографии послужили доказательствами социальной несправедливости и поводом для проведения нужных в обществе реформ» [6].

Одновременно в это же время в европейских странах рос интерес к фотодокументированию социальных обы-

чаев. Это привело к созданию в середине 1890-х годов такого фотоархива, как Национальная ассоциация фотографических записей, включающего коллекцию фотографий исчезающих местных обычаев. Особого внимания заслуживали те, кто жил в отдаленных регионах. Так, шотландец Уильям Каррик изображал повседневную жизнь в Шотландии. Джон Томсон, Феличе Беато – коренные народы Китая и Индии. В 1888 году журнал National Geographic опубликовал отчеты о культурах во всем мире.

Далее упомянем, как экономический кризис в США повлиял на становление документальной фотографии. В результате спада экономики правительство США во главе с президентом Франклином Рузвельтом оказалось перед необходимостью всеобъемлющей социальной реформы, исторически известной как Новый курс Рузвельта. В связи с этим важнейшей задачей правительства стало получить поддержку широкого круга американцев для реализации стратегических реформ. В 1935 году фотографам поручили создать большой фотодокумент о сельской жизни Америки. Их работа заключалась в том, чтобы должным образом запечатлеть бедных сельских жителей, не прибегая при этом к художественности. Данный жанр фотографии получил название «документальная фотография».

Первым документальным отечественным изображе-

нием считается снимок Александра Гарднера «Мятежный снайпер в логове дьявола», который был «сделан в день битвы армий Севера и Юга при Геттесберге, во время Гражданской войны в Америке (1863 год)» [12]. Несмотря на утверждения некоторых фотоэкспертов о том, что фотография могла быть смонтирована, она уже более века остаётся в центре внимания исследователей фотоискусства. Русско-турецкую войну 1877-1887 года запечатлели отечественные фотографы А.И. Иванов, Д.Н. Никитин, М.В. Равенский. Впервые «репортажный» метод в жанре портрета применил М. П. Дмитриев, серия работы «Неурожайный 1891-92 год» которого заложила основу для развития русского публицистического репортажа. Изобразив разоренные голодом деревни, работу медиков, сестер милосердия и отдельных земских деятелей, оказывающих поддержку больным тифом крестьянам, он создал суровый обвинительный документ, обозначив важную веху в истории российского фоторепортажа.

Среди известных специалистов хроникальной фотографии начала XX века – отечественные мастера своего дела Яков Штейнберг, Карл Булл, Петр Оцуп. Представители данного направления создавали фотографии, посвященные громким событиям прошлого столетия – Первой мировой войне, революции 1917 года. Их миссия – подвергать свою жизнь опасности, пытаясь запечатлеть моменты истории. К примеру, фотограф The New York Times Отто Пол снимал штурм московского телецентра «Останкино» в 1993 году. Он был тяжело ранен, но его спасли два человека.

Отдельно необходимо подчеркнуть заслугу выдающего фотографа-документалиста Марка Рибу. Как политический фотожурналист Рибу был очевидцем жесткости вьетнамской и американской сторон во время войны во Вьетнаме и наблюдал культурную революцию в Китае. Также он прославился съемкой антивоенных демонстраций в Вашингтоне 1967 года. Ему принадлежит известный кадр, на котором изображена студентка с цветком в руках против линии солдат с автоматами наготове. Благодаря своим принципам он стал воплощением эталона репортера, который не прибегает к постановкам и манипуляциям с отснятой пленкой. Помимо документальной фотографии, художник передавал и стороны бытия: «игру солнечных лучей, прелесть детских игр на улицах Парижа» [13]. Несмотря на большую разницу между жанрами репортажной и художественной фотографией, Марк Рибу – великолепный фотожурналист и фотохудожник, способный делать снимки всеобъемлющими и передавать дух времени с его эмоциональностью и чувственностью. Пройдя через горячие точки, он смог остаться поэтом и лириком, как истинный француз, который насвистывает веселую песенку на баррикадах.

Начало XXI века знаменует собой поворотный момент в области документальной фотографии. Многие

музеи и научные учреждения мира придают новый смысл силе фотодокументалистики. Так, в 2009 году в музее Людвига в Будапеште состоялась летняя выставка социальной документальной фотографии конца 1920-х и 1930-х годов «Дело близится к кризису». В этом же году фотограф Хорхе Рибальта в музее современного искусства Барселоны представил ретроспективную выставку документальной фотографии XX века «Универсальный Архив». В 2010 году в «Центре искусств имени королевы Софии» в Мадриде прошла крупнейшая международная конференция, на которой освещались вопросы истории социально-документального движения фотографов-рабочих. В 1947 году в Париже было открыто первое международное кооперативное агентство «Магnum». Его отцами-основателями являются признанные мэтры жанра фотодокументалистики, военные корреспонденты, которые начинали работу на поле боя и погибли там: Роберт Капа, Дэвид Сеймур, Анри Картье-Брессон. В.А. Лунин полагает, что «на сегодняшний день фотоагентство «Магnum» основало свои представительства во многих мировых столицах: в Нью-Йорке, Токио, Лондоне, Париже» [6].

Так, в историю постепенно входил первый опыт визуального документирования событий. Если мы обратимся к документальной фотографии как к определенному жанру искусства, то стоит подчеркнуть высказывание исследователя С.М. Гурьянова, утверждающего, что «сегодня жанр «документальная фотография» обозначает изображение явлений и событий без искажений, фоторедактирований и художественных преувеличений. Данный вид фотоискусства порой называют фотожурналистикой, так как документальная фотография часто помогает журналистам создавать статьи и репортажи [2]. Однако, как известно, в журналистике также присутствуют короткие новости, небольшие сюжеты, которые находятся под редакторским контролем, а документальная фотография всегда концентрируется на продолжительных и сложных исследованиях. Если фотожурналист должен согласовывать тему публикации с редактором и подчинять определенный объект или явление его видению, то фотограф действует самостоятельно.

Документальная фотография обычно фокусируется на текущей проблеме (или истории), которую она рассказывает через серию фотографий. Е.П. Судоргин полагает, что «работа документального фотографа – всегда масштабный проект, а «не очередное задание новостной редакции, оно исходит скорее из внутренней необходимости фотографа в освещении того или иного события» [8]. Но неоспоримо то, что данные сферы всегда тесно переплетены между собой.

Следует отметить, что фотодокументалистика не только информирует людей, передает основные события за день, но и «показывает отношение фотографа, его

мнение о происходящем, призывает не только к мыслям, но и к действию» [11].

Рассмотрев предпосылки для понимания социально значимого предназначения фотодокументалистики, обобщим вышесказанное, выделив ключевые черты данного жанра:

1. Собственно документальность – прирожденное качество фотографий, их непосредственная «взаимосвязь с конкретно взятой жизненной ситуацией. Данная особенность является главной, отличающей искусство фотографии от живописи, рисунка, графики и других» [10].
2. Отображение актуальных социальных проблем, которые находят отклик в обществе.
3. Эстетичность изображения без потери реалистичности и естественности съемки.
4. Серийность фотографий с единой тематикой, смыслом, посылом.
5. Фиксация единственной и неповторимой ситуации – основная цель документального фотографа. При этом за аналогичным эпизодом необязательно ехать в гущу крупных общественно значимых мероприятий. События могут быть и малозначащими, сущетвенными, допустим, лишь для определенного города.
6. Наличие текста, иллюстрирующего предмет изображения, место и время. Текст может быть небольшим или расширенным, но он обязательно должен принадлежать самому фотографу.
7. Возможность сделать из документальной фотографии художественную. Как отмечает В.И. Шимолин, «в связи с тем, что фотографу представляются «сырые» действующие лица, события, сюжеты, он соединяет их между собой благодаря художественным средствам выразительности – свет, цвет, композиция, форма. Соответственно, становится очевидной глубина авторского видения картины, ее смысл и суть» [10].
8. Отсутствие четких временных рамок работы над фотопроектми. Так, Эдвард Кертис фиксировал жизнь американских индейцев десятилетиями, В. Ю. Вяткин снимал на протяжении нескольких лет серию «Люди и Рыбы», а Юджин Смит – экологические проблемы японского острова Минимато. Таким образом, фотографии могут анализировать и улучшать свою работу по мере необходимости из-за достаточного количества времени.
9. Также документальные фотопроектмы не подразумевают жесткого ограничения по объему снимков, так как основными средствами представления являются книги и выставки. В последнее время всё большую популярность приобретают аудио- и видеопрезентации.

Однако подчеркнем, что «в настоящее время мы на-

блюдаем переход термина «документальная фотография» из всеобъемлющего в узкоспециализированный, поскольку в данный жанр входит социальная фотография, подразумевающая под собой и стрит-фото, и сугубо репортажные и студийные съемки» [9].

Рассмотрев кратко историю документальной фотографии, можно сделать вывод о том, что документальные фотографии призваны привлечь внимание общественности к реальным жизненным ситуациям, они содержат мысли и идеи по исправлению положения, требующие срочного воплощения.

В современном мире фотография помогает по-новому воспринимать повседневную жизнь и отражать общественно значимые явления. Проявление интереса к фотодокументалистике равняется проявлению интереса к коммуникативным особенностям фотографии, ее социальной природе. По словам социолога Зигмунта Баумана, постмодернистский мир «превратился в склад потенциально интересных объектов, и задача заключается в том, чтобы выжать из них как можно больше занимательного» [1].

Следовательно, «фотографу в современном мире важно развивать такой показатель, как фотовидение: четкое представление о том, как предмет будет выглядеть в кадре» [4]. Данную способность вырабатывают только со временем, в этом пригодится собственное наблюдение: исследование лучших работ известных классиков.

Вкратце рассмотрим портрет как жанр документальной фотографии. «Портрет» (франц. *portrait*, от старофранц. *Portraire* – «воспроизводить что-либо черта в черту») означает «изображение или описание какого-либо человека либо группы людей» [12 Электронная].

Как отмечает С.М. Гурьянов, «жанр портрета всегда являлся самым популярным видом искусства, а в дофотографическую эпоху портрет писался художниками и был единственным способом воссоздать образ человека» [2]. Добавим, что в отличие от студийных фотопортретов, в репортажных портретах присутствует документальное начало, что помогает более полно раскрыть связь между субъектом съемки и его делом.

Первый документальный портрет содержит фотографию актера В.Н. Андреева-Бурлака, сделанную петербургским фотографом Константином Шапиро. Он понимал, насколько важно снимать актера с помощью мгновенных фотографий во время исполнения роли. Альбом из 30 фотографий, изданный в 1884 году, получил широкое признание. Схожие фотопортреты постепенно становились одними из самых распространенных в данном жанре.

Далее перейдем непосредственно к изучению творчества французского фотографа Реана Кроквиэля. Специ-

алист в области документальной фотографии посетил более 35 стран, среди которых именно Вьетнам захватил его душу. Впервые Реан увидел эту страну в 2007 году. Красота Вьетнама и его народа настолько поразила фотографа, что он возвращался туда каждый год, чтобы запечатлеть особенности данной контрастной культуры. В 2011 году французский фотограф и его семья переехали в Хойан, древний город в провинции Куангнам во Вьетнаме, где он продолжил свое творчество. Художник-портретист так вспоминает свои прошлые годы: «Я приехал во Вьетнам впервые в 2007 году. Первый вьетнамский город, который я посетил, был Хойан, он произвел на меня сильное впечатление. В 2008 году я посетил город Сапа, где снимал ландшафтные фотографии Вьетнама и встречался с гостеприимными и открытыми представителями малых народностей Вьетнама. Постепенно я начал увлекаться изучением культуры народностей этой страны» [5].

Девиз фотографа заключается в том, что еще до процесса съемки со своей моделью необходимо выстроить коммуникацию. Реан концентрирует все свое внимание на человеке во время первой встречи, только так может появиться взаимное доверие. Не останавливаясь на определенной части Вьетнама, представитель портретной фотодокументалистики посещает ряд провинций, знакомясь с неповторимым народом, бытом, традициями. Вот почему художник стал интересоваться портретной фотографией и создал множество портретов вьетнамских сельских жителей: «Мне больше нравится портретная съемка, нравится возможность запечатлеть сиюминутные человеческие чувства, что невозможно на ландшафтной фотографии. Для меня портрет – это всегда рассказ о человеке. Я считаю себя коллекционером этих рассказов» [7].

Летом 2013 года художник-портретист совершил длительную поездку по Вьетнаму, чтобы запечатлеть красоту страны не только глазами туристов, но и глазами ее жителей. Это путешествие сделало его из обычного туриста настоящего знатока Вьетнама. В своих работах он придерживается одной цели – показать данную территорию такой, какой она является на самом деле. Реан сумел прочувствовать особое взаимодействие природы и народов, проживающих во Вьетнаме. В результате этого он смог запечатлеть сложное разнообразие и уязвимость этнического культурного наследия.

По официальным данным, в стране насчитывается 54 национальности со своей уникальной культурой. Фотографу посчастливилось встретиться с 48-ью. Собрав их изображения, Реан на протяжении 10 лет кропотливо создавал серию работ «Бесценное наследие», которая охватывает красоту Вьетнама и вьетнамских жителей. Свой труд фотограф выставил в Этнографическом музее в Ханое, директор которого выразился следующим образом: «В нашем музее представлены многие фотографии традиционных костюмов народностей Вьетнама. Мы хотим,

чтобы Рехан Крокевиль сотрудничал с нами в организации ещё более масштабных фотоэкспозиций» [5].

Сам фотограф так отзывается о своей работе: «Когда фотографирую, я всегда уговариваю местных жителей надеть традиционный костюм своей народности. Кстати, в городе Хойане у меня есть фотогалерея традиционных костюмов народностей Вьетнама. Многие зарубежные посетители, приехав сюда, были в восторге от моих фотографий представителей 54-х народностей Вьетнама. Многие известные мировые издательства, такие как, например New York Times проявляют интерес к моим проектам изучения культурного разнообразия Вьетнама. Я хочу, чтобы о Вьетнаме знали всё больше людей в мире» [5]. Действительно, Реан – один из лучших фотографов-портретистов в мире. Его удивительные портреты неоднократно восхищали аудиторию Daily Mail, National Geographic, Los Angeles Times, международных выставок во Франции, Кубе, Малайзии, Индии и др.

Стоит обратить внимание еще на то, что Реан выпустил два сборника лучших фотографий людей, их уклада жизни, культуре и природе Вьетнама. Он называется «Вьетнам – мозаика контрастов». В первую часть книги вошли 145 снимков. Многие фотографии не подписаны, поскольку Риану нравится, «когда люди приходят к нему со своими собственными историями и толкованиями его снимков, сделанных во время путешествий по дорогам Вьетнама» [3]. Большинство его фотографий уникальны из-за уединённости мест съемок.

Отметим, что одной из самых признанных фотографий Реана служит «Скрытая улыбка», являющаяся обложкой книги. На ней изображена улыбающаяся пожилая лодчица Буй Тхи Сонг. Реан поделился своим мнением о ней: «Это моё самое любимое фото из более 50 000 фотографий, которые я снял во время пребывания в очаровательном Вьетнаме» [5]. Серия фотографий прославилась во всем мире, а бабушке Сонг из Хойана такие авторитетные издательства, как Los Angeles Times, Daily Mai и National Geographic присвоили статус «самой красивой бабушки в мире». Фотограф подарил ей новую лодку из добрых побуждений, как и обещал в случае успеха. Данную фотографию он передал в музей вьетнамских женщин, директор Нгуен Тхи Бить Ван которого выразила огромную благодарность Реану: «Уже не в первый раз фотограф Рехан дарил музею свои произведения. По моему мнению, музей – лучшее место, куда автор может передать фотографию «Скрытая улыбка», так как он сделал её именно во Вьетнаме и на фотографии запечатлена не имеющая возраста красота вьетнамской женщины» [5].

Таким образом, для фотографа важно поймать момент, эмоцию человека. По его словам, он горд за то, что может приоткрывать зрителю потаенные стороны Вьетнама, скрытые от большинства иностранцев.

В этом плане очень показательным является фотопроект «Глаза – зеркало души». Удивительно, как тонко фотографу удалось передать взгляд 30 разных людей и ни разу не повториться в передаче эмоции. На каждом портрете преобладает особое настроение его обладателя: грусть, страх, удивление, подозрительность, восхищение, недоверие. Самому маленькому герою фотографии 4 года (Сунг), а самому старшему – 103.

Рассмотрим несколько портретов, которые сразу же привлекли наше внимание. Первый портрет семилетней девочки Ан Пхуок, прадед которой был французом. Снимок производит сильное впечатление своей глубиной и невероятной голубизной детских невинных глаз. В сравнении с ними изумрудные глаза десятилетней девочки Арзу, показывающей фокусы на улицах Джайпура, выглядят достаточно взрослыми, целеустремленными, уставшими (появляются первые морщинки). На их фоне глаза вьетнамских пожилых женщин из народа ко ту и па ко поражают своей наивностью и открытостью, от них исходит доброта и милосердие. Женщина Буи Тхи Цзонг (78 лет) смотрит на нас очень доверительно и как будто бы хочет чем-то поделиться, пожилая женщина из города Шапа – серьезно и молчаливо, кубинец, курящий сигару Cohiba, – задумчиво и немного угрожающе. Так, портреты передают нам не только многозначность взгляда, но и приоткрывают завесу человеческой души.

Каждый снимок располагает к длительному и тщательному анализу, чтению мысли героя через его глаза, умению разглядеть детали зрачка, познанию его истории, тем самым прикасаясь к его душе. Реан поступил правильно, никак не описав свои фотографии. Так он дарит простор для размышлений. Фотограф от своего зрителя ждет высокую пронизательность и воображение, только так его работы затронут наивысший уровень чувствительности зрителя.

Проанализировав портретную фотодокументалистику в творчестве французского фотографа Реана Кроквизля, можно сделать вывод о том, что представитель данного направления, безусловно, является мастером своего дела, поскольку ему гениально удалось передать атмосферу самобытного Вьетнама и его жителей. Художник-портретист, обладая способностью искусно создавать разнообразные сильные портреты, умело отразил внутреннее состояние человека, что говорит о его тонком восприятии окружающего мира и человеческой натуры.

В заключение отметим, что документальная фотография освещает реальные явления и события действительности, и задача настоящего фотографа на высоком уровне донести свою идею до зрителя, объединяя при этом многообразные подходы и формы, аспекты отдельного эпизода в одной фотографии, тем самым передавая подлинную историю, заставляющую аудиторию размышлять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева С.А. Социальная природа фотографии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-priroda-fotografii> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Гурьянов С.М. Формы выражения авторского начала в документальной фотографии // Вестник ВятГУ. 2008. № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrzheniya-avtorskogo-nachala-v-dokumentalnoy-fotografii> (дата обращения: 05.10.2022).
3. Живая планета: сайт. URL: <https://animalworld.com.ua/news/Fotodnevik-Vietnam-mozaika-kontrastov> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Лавринова Н.Н. Фотография в современном культурном пространстве // Colloquium-journal. 2019. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-v-sovremennom-kulturnom-prostranstve> (дата обращения: 12.10.2022).
5. Лоурен Л. Французский фотограф влюбился во Вьетнам и назвал его раем на Земле – удивительные фотографии, в которых видна душа // Colady. URL: <https://www.colady.ru/frantsuzskiy-fotograf-vlyubilsya-vo-vietnam-i-nazval-ego-zemle> (дата обращения: 12.10.2022).
6. Лунин В.А. История документальной фотографии, ее развитие и влияние на современный мир // Prophotos. URL: <https://prophotos.ru/lessons/4430-dokumentalnaya-fotografiya> (дата обращения: 14.10.2022).
7. Суворова К. Рехан // Fotokto.ru. URL: <http://fotokto.ru/blogs/rehan-29496.html> (дата обращения: 15.10.2022).
8. Судоргин Е.П., Лавринова Н.Н. Роль фотографии в массовой культуре // ТГУ им. Г.П. Державина. URL: https://www.tsutmb.ru/nauka/internetkonferencii/2019/kultura_i_tvorchestvo/Sudorgin (дата обращения: 20.10.2022).
9. Подрезов А.В. Фотография в современном мире // Парадигма образования. URL: <https://edupar.ru/archives/325> (дата обращения: 23.10.2022).
10. Шимолин В.И. Художественный аспект документальной фотографии // Наука, образование и культура. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-aspekt-dokumentalnoy-fotografii> (дата обращения: 25.10.2022).
11. Фотосайт Фотопризер.ру. URL: <https://www.fotoprizer.ru/articles/ganry-fotografii/dokumentalnaya-fotografiyazhanr-dokumentalnoy-fotografii-v-fotoiskusstve/117?q=1335&n=117> (дата обращения: 20.04.2022).
12. Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс: сайт. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=7958&PORTAL_ID=7957 (дата обращения: 27.10.2022).
13. ARTinvestment.ru: сайт. URL: https://artinvestment.ru/news/exhibitions/20090413_mark_riboud.html#! (дата обращения: 28.10.2022).
14. TakeFoto.ru: сайт. URL: https://www.takefoto.ru/articles/raznoe/1120_mir_glazami_dokumentalnoy_fotografii (дата обращения: 23.10.2022).

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru), Копрева Ксения Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕТАЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

THE ROLE OF THE OBJECT
DETAILS IN N.V. GOGOL

P. Kuksa

Summary: This article attempts to classify and generalize information focused on the analysis of the functioning of the artistic micro-image in the work of N.V. Gogol. The author considers the concept and role of an artistic detail in Russian literature, reveals the originality of this micro-image. The paper examines the role of artistic detail in the works of the writer. On the basis of the works of domestic literary critics and the texts of the writer's works, the specific features of the subject artistic detail in the writer's work are investigated. The article analyzes the main functions of the detail in the poetics of N.V. Gogol, convincing examples of the use of these microimages by the author are given. The author made an attempt to reveal the significance of the detail in the formation of Gogol's concept of the world and man.

Keywords: literary criticism, Russian literature, N.V. Gogol, Gogol studies, micro-image, detail, detail, artistic detail, psychological detail, psychologism, psychological overtones, portrait detail, landscape detail, material detail, object detail, object world of the work, artistic whole, artistic space, artistic system, role of detail, functions details, mirror symmetry.

Основанное на принципах науки постижение мира художественного целого в свете предметной изобразительности рассматривается многими исследователями литературы в качестве одной из ключевых задач современной русской филологии.

Художественная деталь представляет собой одну из моделей передачи картины мира, являясь при этом имманентным элементом словесно-изобразительного образа. Тщательный анализ художественных деталей направлен на углубление раскрытия содержания художественного целого.

Область художественных микрообразов в творчестве Н.В. Гоголя выступает как самобытное эстетическое явление, колоритно отражающее своеобразие уникального стиля и оригинальность писательской картины мира.

Актуальность настоящей работы объясняется возрастающим интересом современных исследователей литературы к осмыслению концепции индивидуальности Н.В. Гоголя и его авторской картины мира.

Целью настоящей статьи явилось исследование специфики области художественной детализации в творчестве Н.В. Гоголя, классификации и различных функций исследуемого микрообраза в поэтике писателя и его значении для построения авторской картины мира и личности.

Кукса Полина Викторовна
кандидат филологических наук, Рязанское гвардейское
высшее воздушно-десантное командное училище, Россия,
г. Рязань
polina-t@inbox.ru

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка классифицировать и обобщить сведения, ориентированные на анализ функционирования художественного микрообраза в творчестве Н.В. Гоголя. Автором рассмотрены понятие и роль художественной детали в русской литературе, выявлено своеобразие данного микрообраза. В работе исследуется роль художественной детали в произведениях писателя. На основе работ отечественных литературоведов и текстов произведений писателя исследованы специфические черты предметной художественной детали в творчестве писателя. В статье проанализированы основные функции детали в поэтике произведений Н.В. Гоголя, приведены убедительные примеры использования автором данных микрообразов. Автором предпринята попытка выявления значения детали в формировании гоголевской концепции мира и человека.

Ключевые слова: литературоведение, русская литература, творчество Н.В. Гоголя, гоголеведение, микрообраз, подробность, деталь, художественная деталь, психологическая деталь, психологизм, психологический подтекст, портретная деталь, пейзажная деталь, вещная деталь, предметная деталь, предметный мир произведения, художественное целое, художественное пространство, художественная система, роль детали, функции детали, зеркальная симметричность.

Данная цель достигается посредством решения следующих задач:

- выявление природы и смысла художественной детали как философически существенного микрообраза;
- поиск и анализ деталей в структуре повествования некоторых произведений Гоголя;
- формирование классификации деталей относительно гоголевской поэтики;
- обнаружение инновационных приемов писателя в области художественной детализации.

Научная новизна настоящей статьи заключается в попытке системного анализа поэтики микрообраза творчества Н.В. Гоголя.

Теоретическая значимость состоит в том, что материалы данного исследования могут использоваться в качестве материалов для дальнейшего более глубоко изучения творчества Н.В. Гоголя и русской литературы в целом.

Практическая значимость настоящей статьи определяется тем, что результаты исследования могут быть

применены в преподавании русской литературы, в процессе разработки словаря Н.В. Гоголя.

Значимый структурный компонент гоголеведения заключается в попытках всестороннего анализа роли художественной детали в творчестве писателя. Работы, посвященные указанной проблеме, ориентированы в большинстве своем на исследование значения детали в пространстве произведения Гоголя. Однако миромоделирующей роли рассматриваемого микрообраза в современной науке внимания уделяется недостаточно.

В литературоведении мало феноменов так часто и неоднозначно затрагиваемых, как художественная деталь. В нашей статье мы вслед за большинством исследователей литературе будем понимать под рассматриваемым термином образную подробность, типическую черту вещи, картины природы, убранство жилища, портрета, «несущую повышенную смысловую нагрузку; характеризующую не только весь предмет, но и определяющую во многом отношение читателя к нему [1].

Художественная деталь привлекается писателями и поэтами с целью образного воплощения и характеристики персонажей и обрамляющей их обстановки.

Панорама воссозданного мира формируется из самостоятельных микрообразов. При этом литературоведы утверждают, что художественная деталь нередко является отдельным структурным компонентом более объемного образа [2, с. 27].

Тяготение писателя к автору к детализации нередко обусловлено стремлением достигнуть всесторонней полноты изображения. Обстоятельное применение художественной детали является значимым признаком индивидуального стиля писателя, своего рода приметой его произведений. В русском литературоведении по праву важнейшими маркерами творчества Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова считается широкое использование детали в структуре их художественных произведений.

Распространенность художественной детали у писателей обусловлена ее скрытым влиянием, способным стимулировать постижение читателя, подтолкнуть его к совместному с автором творчеству, расширить горизонты его вербально-образного представления.

Распространенность явления художественной детали объясняется сложностью описания душевного состояния героя без ее включения в структуру повествования литературного произведения.

Своеобразие внешнего выражения эмоций и переживаний, специфика метода писателя, определяющего особенности изображения данных внешних проявлений

обеспечивает включение множества художественных микрообразов, символизирующих душевные волнения персонажей [3, с.69].

В данной статье деталь рассматривается как «мельчайшая изобразительную или выразительную художественную подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельную вещь, поступок, психологическое движение и т.п.» [3, с. 62].

Полный смысл художественной детали не ограничивается семантическим значением, предполагая участие целой композиционной структуры.

Мир художественного целого является подобной структурой, сопоставляемой с объективной реальностью. Обнаружение, отбор и описание наиболее существенных, по мнению автора, элементов становятся главным структурным компонентом творческого процесса. Изобразить вещь со всеми ее специфическими чертами автору затруднительно без использования художественного микрообраза, заменяющего в произведении некое целое и вызывающего определенные символические параллели.

Исследователи литературы справедливо полагают, что значимость детали заключается в том, чтобы сформировать у читателя чувство, сходное с чувством, испытываемым самим писателем [4].

Актуальным вопросом современной науки остается сегодня вопрос классификации художественных деталей. Современные исследователи литературы литературоведческая мысль расходятся во мнениях по поводу типологизации художественных деталей. Однако, «в основе каждой типологии лежит определенный критерий способ функционирования детали, включенность в структуру того или иного сегмента художественного мира произведения (бытовой, психологический, пейзажный и т.п.), сквозной или одномоментный характер проявления, соотносительность с текстом или подтекстом произведения, уровень художественного обобщения (социальный, философский, символический) и т. п. Важнейшим вопросом в изучении теории детали является разграничение понятий «деталь» и «подробность», поскольку между ними есть существенное сходство, так как и та, и другая представляют собой минимально значимый компонент художественного текста» [5, с.8]

Существующие типологизации микрообразов сводятся к делению на два основных типа: психологические и внешние детали.

Внешние подробности изображают вещное бытие персонажей, их наружный облик и условия их жизни (внешность, картины природы, интерьер, предметы во круг), а психологические воссоздают душевное состояние персонажей, их чувства и эмоции. Однако, мы вслед за отдельными исследователями [2] считаем, что данная

классификация является несколько несовершенной, поскольку внешняя деталь в определенных условиях нередко трансформируется в психологическую, например, если транслирует определенные переживания героя сквозь призму его рассуждений.

По природе художественного влияния детали делятся на подробности, существующие во множестве, и знаки, представляющие собой единичный символ [2].

Отдельные литературоведы подразделяют микрообразы, опираясь на их значение. В подобной классификации представлены уточняющие, характерологические, описательные, синкретические [3, с. 77].

Однако данная типологизация представляется нам весьма условной, поскольку деталь способна как формировать осязаемое ощущение определенного явления, содействуя фактической достоверности описываемого, так и отображать черты личности героя, характеризовать его.

Наиболее распространенной классификацией художественных деталей является классификация, включающая в себя следующие разновидности: портретная, пейзажная, предметная и психологическая.

Портретная деталь базируется на изображении внешности персонажа, посредством чего сообщает сведения о личности персонажа, его характере, настроении, душевных переживаниях.

Стержневым мотивом в повести «Нос» является мотив зеркальной симметрии. Данный лейтмотив служит в повести для зеркального отражения обстановки, условий, поведения персонажей, обеспечивая возможность сопоставления судеб главных героев цирюльника и Ковалева. Гоголь демонстрирует их очевидной заметное тождество и скрытые, незримые отличия [6].

Концепция зеркальности становится основой всего текста «Носа». Объектами сопоставления и идентификации становятся все лица и предметы, изображенные в произведении. База симметричности закладывается с самых первых страниц повести, когда вниманию читателя предлагается параллельное описание эпизодов из жизни главных персонажей. Параллельное описание цирюльника и майора переполнено множеством деталей, символизирующих отождествление героев и их быта. За таким потоком художественных микрообразов проявляется своеобразие повествования писателя – постижение целостного образа выталкивается его сегментом – деталью (элементом одежды, частью тела). Дальнейшее изложение событий составляет блок антропологических подробностей, обладающих оригинальностью и независимостью. В конце повести образы персонажей оконча-

тельно дробится и рассеивается. Нос, ухо, бакенбарды в произведениях писателя становятся уже не отдельными компонентами образа, превращаясь полнофункциональным олицетворением личности. Аналогичная динамика наблюдается не только на физиологическом уровне, но и на социальном: шинель, мундир, шляпа, сюртук, пуговица персонифицируются писателем.

Таким образом, Гоголь не только осуществляет прием синекдохи в повести, но и материализует.

Устрашенный обнаружением незнакомого носа персонаж видит не человека, а только детали его образа – воротник, шпагу. Ковалев отождествляется с пуговицами, которых на костюме цирюльника не было вовсе.

Писатель шутивно и задорно демонстрирует многоцветный витраж мира людей, в элементах которого нос, борода и десна существеннее мимики их владельцев, ножка и шейка интереснее их хозяйки, а фрак, сюртук, воротник и шпага важнее и солиднее чина их обладателей.

Главным героем является нос, наряженный в костюм чиновника, но Гоголь мог бы с равным успехом использовать пуговицу важного лица или тонкую талию юной красотки.

Пейзажная деталь скрывается в описании картин природы или отдельных природных явлений в качестве места действия описываемых событий. Нередко описание природы на страницах русских писателей выполняют психологическую функцию: определенные природные явления отождествляются с внутренним состоянием персонажа.

Предметная или вещная деталь представляет собой конкретные, вполне осязаемые предметы, включенные в художественное пространство произведения [7, с. 18].

Предметные детали способны особенно образно отображать внутреннее состояние героев. Такие детали способны не только описывать характер персонажа, но и транслировать отношение писателя к нему.

Психологическая деталь представляет собой художественный микрообраз, с помощью которого автор сообщает о переживаниях и эмоциях героев, используя психологическую трактовку специфики речи, мимики, жестов и иных способов трансляции процессов психики.

В творчестве Н.В. Гоголя широко представлены все рассмотренные выше типы художественных деталей. Однако поскольку наибольший интерес у писателя вызывали предметные детали, именно они стали объектом более пристального внимания в настоящей статье.

Наблюдение над текстами произведений Н.В. Гоголя дает нам право утверждать, что автора привлекали абсо-

лютно разноплановые предметы, посредством которых читатель получил возможность представить не столько обстановку и условия существования персонажей, сколько прикоснуться к внутреннему миру героев, прочувствовать их душевное состояние. Предметы на страницах книг Гоголя точно и ярко отражают личность человека.

Литературоведы, исследуя вещный мир художественного произведения, обращаются к целому комплексу порожденных человеком вещей, включенных в мир конкретного литературного текста. Исследователи анализируют одежду героев, внутреннее убранство места их проживания, личные вещи и все подобное, что является составляющим элементом привычной области культурного быта. Именно поэтому предметы, традиционно обретающиеся в человеческой реальности, неизменно превращаются в обязательный структурный компонент той самой реальности. Сфера предметов формирует фон, обстановку, ситуацию или объяснение поведения персонажей. Она обосновывается сообщаемыми обстоятельствами и предсказывает известную осведомленность читателя.

Корреляция прекрасного и реального мира в произведениях Гоголя достаточна своеобразна. Конфликты общества доведены писателем до уровня парадокса, проникающего во все сферы жизни. Гоголь обладал уникальной способностью обнаружить и изобразить обыденное как нечто нетрадиционное, необычное. Бытовой случай на страницах гоголевского произведения нередко приобретает мрачный, гнетущий (порой и внушающий ужас) колорит.

Творчество Гоголя преисполнено оттенками сверхъестественного, превращениями и видениями. В качестве персонажей на страницах произведений писателя возникают самые неожиданные вещи (нос, портрет).

Писатель, бесспорно, с особенной теплотой относится к своим персонажам, невзирая на их отрицательные черты, грустит и страдает вместе с ними, однако надеется на их исцеление.

Творчество Гоголя обладает отчетливо проявленный индивидуальный характер. Фигура и образ автора, его мысли и взгляды обнаруживаются не только в направленных читателю суждениях, но и в том, как он презентует своих персонажей и предметный мир вокруг них.

В произведениях Гоголя мы не встретим описаний ради демонстрации фона: каждая вещь в художественном мире писателя важна и персонифицирована.

Гоголевская наблюдательность была поистине удивительна. Писатель замечал любые мелочи и подробности окружающей действительности, используя их в дальнейшем с исключительным мастерством на страницах своих книг.

Главная ценность гоголевской детали состоит, по мнению исследователей его творчества, в том, что она представляет собой зеркальное отображение единого целого. Подобными художественными подробностями являются детали костюмов персонажей, детали внутреннего убранства дома, ассортимент и нюансы блюд.

В ходе эмпирического наблюдения над текстами произведений Гоголя мы пришли к убедительному выводу о несомненном творческом прогрессе предметного мира писателя с каждым новым сборником.

Художественный прогресс связан с изменениями интенсивности оттенков, насыщенности и выразительности рисунка, экспрессии в направлении бледности, нечеткости и однообразию цвета.

Самобытный этнический окрас, характерный для «Вечеров на хуторе близ Диканьки», замещается тусклой обыденностью городского общества с ее шаржированными, карикатурными описаниями «Петербургских повестей». Изображенные писателем предметные подробности плотнее примыкают к духовному миру героев, объемнее и точнее отражая описываемую реальность.

В поэме «Мертвые души» автор описывает действительность средствами карикатуры и гротеска, мастерски демонстрируя внутреннее состояние и характер персонажа через вещный мир, в котором он существует [8].

Человеческое общество на страницах произведений Гоголя постоянно трансформируется: из легкого, беспечного, согласного и гармоничного в угрюмое, однообразное и безнадежное.

Автор показывает в своих книгах помещиков и светских представителей Петербурга с заурядными ценностями и тривиальными желаниями, духовный мир которых довольно ограничен и убог. В данной атмосфере простирается предметный мир – вещи столичной материальной области превращаются в действующих персонажей, вторгаются в судьбы людей, вводят свои законы.

В ранних произведениях Гоголя неприятности и беда исходили от таинственного и сверхъестественного начала, в более поздних – опасность для человеческого общества и конкретного человека доставляют привычные предметы, повседневно используемые в быту. Ружье угрожает добрым отношениям Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, от предмета гардероба зависит жизнь Башмачкина, смысл существования помещиков определяет набор предметов быта – это наиболее яркие, ставшие хрестоматийными примеры влияния вещного мира на мир человеческий в произведениях писателя.

Трансформация места жительства персонажей Гоголя (от небольшого хутора до великой столицы) об-

улавливает метаморфозы, которые претерпевает мир вещей, существующий на страницах произведений. Предметный мир автора прогрессирует от простоты и естественности ка основополагающих критериев выбора к сложным, наигранным материальным образам, что доказывает эволюцию авторского взгляда в целом.

Под воздействием чужеродного культурного устройства и образа жизни из произведений Гоголя постепенно исчезает нравственное богатство нации, свидетельствующее о самобытной культуре.

Сельскую казачью люльку – символ курения, атрибут, неизменный сопровождающий настоящего казака – в столичной реальности вытесняет городская трубка, ставшая знаком петербургского жителя мужского пола.

Трансформируется костюм персонажей: на смену красочным этническим нарядам жителей Диканьки приходят бесцветная, ничем не примечательная столичная одежда.

Вопрос описания предметного мира вызывает сосредоточение внимания писателя на вещной обстановке, он обозначает проблему приемов и способов ее изображения в тексте.

Деформация действительности, изменение идеалов и ценностных ориентиров в жизни персонажей способствует более глубокому выявлению структуры художественных средств поэтики.

Прием карикатурного представления образа героя, его внешнего облика, костюма, интерьера его жилища обеспечивает возможность придания ему удивительно-го и необычного характера, извлечения из границ действительности, деформации с конкретной художественной целью.

Во многих произведениях Гоголь применяет такую поэтическую фигуру как гипербола. Данный стилистический прием способствует явному умышленному преувеличению отдельных черт внешнего облика героев, их костюмов. Нередко это сопровождается особыми восхищенными, но бессмысленными описаниями.

В творчестве писателя исследователи усматривают так называемый предметный дубляж, который выражается, например, в том, что одежда слуг персонажей представляет собой отображение уровня жизни и материального благополучия их хозяев. Рассматриваемый поэтический прием отмечается в повестях «Вий» и «Тарас Бульба»

В пределах одной книги писателя, вещи могут быть изображены как полярные. Например, в «Портрете» ряд картин описаны Гоголем как образец безобразия, в то

время как другие – как великое творение подлинного искусства [9].

Активизация заинтересованности и участия читателя к мелким, ничем не примечательным деталям становится самобытным художественным приемом Гоголя (табакерки с сокрытыми лицами генералов, оторванные нитки рукавов). Изображения подобных подробностей обычно выполнены карикатурным образом и сопровождаются явной иронией писателя.

Основанием подобной этой избирательности, на наш взгляд, является стремление Гоголя продемонстрировать скудность и ограниченность душ своих героев и заострить внимание на бессмысленность и никчемность их жизни. Так, пустоту существования и убогие ценностные ориентиры супругов из гоголевской «Коляски» иллюстрирует описание спальных башмачков, привезенных из столицы.

С помощью изображенных символов вещного мира писатель в своей повести «Невский проспект» обнаруживает сущность романтических персонажей. Так, Пискарев, чрезмерно интересующийся наружным великолепием и увлеченный внешним шиком, обладает весьма бедным и заурядным внутренним миром, напоминающим духовное начало его антагониста Пирогова. Тяга к приобретательству, непреодолимое стремление обладать предметами роскоши распространились повсеместно: мысли и чувства практически всех персонажей подчиняются богатству, сиянию и мишуре [9].

В творчестве Гоголя встречаются предметы, выступающие знаками определенной культуры, этнической традиции, конкретной исторической эпохи. Предметы представляют собой своего рода преамбулу художественной реальности, обнаруживая новое понимание и новые хронологические границы.

Не только внешний облик, наряд, но и склонности и род деятельности персонажей помогают читателю заметить приметы и символы конкретного исторического периода. Карточная игра из «Шинели» представляет собой знак принадлежности к высшему обществу описываемого Гоголем времени. Игроки в повести – это люди, приобщенные к культуре светской Европы.

Сон Пискарева в «Невском проспекте» представляет собой отсылку к периоду светских балов. Блистающие обнаженные плечи дам, строгие черные фраки кавалеров, причудливые сверкающие люстры – непрменные элементы богатства, роскоши и лоска для героя. Сон персонажа является отражением типичного образа жизни описываемого писателем общества.

Однако параллельно праздничному сиянию и вели-

колепию парадной столицы автор демонстрирует читателю серость, убогость и нищету повседневного города. Изображая Петербург, Гоголь подчеркивает его двойственность и парадоксальность.

Нередко предметы в произведениях Гоголя играют характерологическую роль, создавая уникальность или свойственность конкретного образа. Особый интерес вызывает тот факт, что при изображении определенного сословия автор применяет особенный комплект вещей (офицеры и трубки, чиновники и чай, представители высшего света и фраки, и сюртуки). Если обычно предметная подробность представляет собой приметку уникальности героя, то в подобных случаях она подчеркивает сходство группы персонажей, подчеркивая их типичность. Персонаж не стремится продемонстрировать свою индивидуальность, наоборот – демонстрирует свое положение посредством определенного костюма, типичного для круга, к которому он принадлежит.

Предметы, составляющие художественное пространство литературного произведения, способствуют не только характеристики персонажа или исторической эпохи, но нередко они выполняют существенную функцию в композиционной структуре. Определенный предмет, изображенный в непосредственной близости от персонажа, одним своим присутствием оказывает влияние, ориентируя на определенные действия. Такими вещами в творчестве Гоголя являются, прежде всего, хрестоматийные портрет и шинель, показанные автором крупно и выпукло, с течением сюжетного действия, обращенные в символы.

Персонажи оказываются подчинены предмету, потеря которого нередко обуславливает их внутреннее состояние и дальнейшие поступки.

Значение всех гоголевских предметов уникально,

но все они во множестве формируют единый комплекс вещного мира, поскольку всякая из вещей располагается в определенном, предназначенном ей месте, играя конкретную роль.

Мир предметов занимает писателя не только в качестве самостоятельно существующего единства, обладающего собственным характером и законами эволюции, но и как зеркальное отображение специфики человеческого мира. Нередко определенный предмет способствует выявлению сущности взаимоотношений персонажей, своеобразных черт их образа жизни.

Бесспорен тот факт, что особенное мастерство Н.В. Гоголя заключается в том, как он показал на страницах своих книг поразительную мощь и исключительную ценность детали, продемонстрировав ее колоссальную роль в описании художественного мира литературного произведения.

Предметная деталь в произведениях писателя является, на наш взгляд, главным средством выявления духовной сущности персонажа. Предмет у Гоголя не только является способом описания его характера, но и обнаруживает его место и статус в обществе.

Гоголь с особенным мастерством смог разглядеть и показать читателю множество мелочей, наполняющее до краев жизнь его персонажей.

Деталь в поэтике произведений Гоголя представляет собой полифункциональный микроэлемент русской картины мира и человека, философически существенную художественную подробность, воплощающую разнообразие и многогранность смыслов творчества писателя. Гоголевская деталь выступает способом индивидуализации персонажей, приемом писательской оценки и незаменимым структурным элементом художественного целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 314 с.
2. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. - М.: Флинта: Наука. – 2003. – 177 с.
3. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 281 с.
4. Горшков А.И. Русская словесность. – М.: Дрофа, 2001. – 461 с.
5. Трофимова Полина Викторовна. Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Трофимова Полина Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова]. - Москва, 2009.- 184 с.
6. Гоголь, Н.В. Нос [Текст] // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т.: Т. 3. Повести. - М.: Русская книга, 1994. - С. 40-65.
7. Чудаков А.П. Вещь в реальности и в литературе // Вещь в искусстве. – М.: Наука, 1986. – 249 с.
8. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: 1953. – 459 с
9. Гоголь Н.В. Петербургские повести. / Н.В. Гоголь. Сов. Россия, М.:1984. – с. 139.

© Кукса Полина Викторовна (polina-t@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦВЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ ВИЗУАЛЬНОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ ЖУРНАЛА «DER SPIEGEL»)

Ленкова Татьяна Александровна

Докторант, МГУ имени М. В. Ломоносова; кандидат
филологических наук, Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина
talenk@yandex.ru

COLOR AS AN ELEMENT OF VISUAL MEDIA CULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF CREOLIZED MEDIA TEXTS OF THE MAGAZINE "DER SPIEGEL")

T. Lenkova

Summary: The proposed work is devoted to color as one of the means of visualization in a creolized media text. The symbolism of color, being an integral part of culture, often becomes the object of research in artistic and advertising discourse. This article puts forward the postulate of color as one of the semiotic systems of creolized media text, which complements verbal and other extralinguistic means of expression.

Keywords: visualization, creolized media text, color designations, symbolism.

Аннотация: Предлагаемая работа посвящена цвету как одному из средств визуализации в креолизованном медиатексте. Символика цвета, являясь неотъемлемой частью культуры, часто становится объектом исследования в художественном и рекламном дискурсе. В данной статье выдвигается постулат о цвете как об одной из семиотических систем креолизованного медиатекста, которая дополняет вербальные и другие экстралингвистические средства выражения.

Ключевые слова: визуализация, креолизованный медиатекст, цветообозначения, символизм.

Введение

Визуализация – несомненный тренд последних десятилетий в разных сферах человеческой жизнедеятельности. Она оказала огромное влияние на современный уровень всей медиапродукции и прессы в частности. Говоря о визуализации, нельзя не отметить один из её «главных инструментов», а именно – цвет, использованию которого в последнее время уделяется огромное внимание. Символика цвета является неотъемлемой частью нашей культуры, поэтому неудивительно, что цветообозначения исследуются как фрагмент языковой картины мира и её важная концептуальная часть [Алымова, 2007]. Анализируются также особенности функционирования цветообозначений в обыденном, художественном и рекламном вариантах русской языковой картины мира [Астахова, 2014], особенности использования цветообозначений в рекламном дискурсе [Костюшкина, Ван Чжо, 2018]. В зарубежных исследованиях интерес к цветообозначениям также высок. Изучением цветовых представлений в культурах разных народов мира, выделением базовых и периферийных цветовых категорий занимались Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay, 1969], Роберт Э. МакЛори [MacLaury, 1997], язык цветообозначений рассматривает в своих трудах З. Уайлер [Wyler, 1992].

Основная часть

Следует отметить, что цвет как предмет исследования

относится не только к сфере точной науки, а именно физике, где первый фундаментальный вклад принадлежит И. Ньютону, но и психофизиологии и искусствоведению. Если физики занимаются тем, как именно возникает цвет и из чего он складывается, то нейро- и психофизиологов волнует механизм воздействия того или иного цвета на поведение человека. Наряду с теориями о цвете представителей точных наук имеют место на существование исследования, основанные на историческом и лингвокультурологическом аспектах. В этом смысле интересны работы классика немецкой и мировой литературы И.В. Гёте [Гёте, 2015], а также В.В. Кандинского [Кандинский, 2016], И. Иттенна [Иттен, 2011], подразделяющие цвета на тёплые и холодные, насыщенные и приглушённые, первичные и вторичные. Огромное значение в этих работах уделяется символической роли цвета.

Цвет как носитель информации обременен множеством «объективных и субъективных значений и коннотаций», накопившихся за многие века развития культуры [Свитич, 2015]. Цвет – это не только одно из свойств окружающего человека мира, но и важный фактор культурогенеза, социогенеза и социализации индивида.

Цвет является эффективным каналом коммуникации, сложной знаковой системой, а также неотъемлемой составляющей визуальной картины мира человека. Кроме того цвет не только не уступает вербальному способу выражения значения, но и зачастую имеет более высо-

кий информационный потенциал, поскольку обладает сразу несколькими функциями, а именно аттрактивной, выделительной и экспрессивной [Анисимова, 1999].

В свете исследования креолизованного медиатекста необходимо подчеркнуть его сущность как смыслового единства вербального и визуального, как содержательного целого, состоящего из разных семиотических кодов. Цвет – это лишь одна из возможностей выражения смысла, он «работает» в комплексе с другими знаковыми системами. Любой иллюстративный элемент в креолизованном медиатексте можно рассматривать как семиотически-осложнённое визуальное сообщение.

Для того, чтобы реципиент правильно воспринимал визуальные сообщения, ему необходим набор знаний, которые условно можно разделить на три группы. Несмотря на то, что в современных печатных СМИ большую популярность получили креолизованные медиатексты, первостепенное значение вербального языка никто не оспаривает, поэтому читателю необходимы в первую очередь лингвистические знания языка, его оборотов и устойчивых выражений, которые позволяют понять вербальную часть материала и визуальную часть в частности [Чаплыгина, 2006].

Поскольку мы говорим о креолизованном медиатексте как смысловом сплаве вербального и визуального, то без владения графическими знаниями современному реципиенту тоже не обойтись. Под графическими знаниями в данном случае следует понимать знания об изображении в широком смысле: цвет, фон, размер, форма, отдельные элементы формы и их характеристики.

Третья группа знаний объединяет, по нашему мнению, первые две, являясь не только необходимой, но и незаменимой. Речь идёт об историко-культурологических знаниях, которые позволяют использовать имеющуюся у читателя информацию об изображаемом предмете или личности, событии, явлении.

Сравнивая необходимые условия для постижения визуального сообщения (языковые знания, графические и культурологические) и особенности цвета как одного из факторов культурогенеза, социогенеза и социализации индивида, напрашивается вывод о том, что во многом эти положения совпадают, а, следовательно, и картина мира, заключённая в цветные визуальные сообщения креолизованных медиатекстов будет обусловлена сразу несколькими моментами. Во-первых, отношение к цвету заложено социогенезом, оно находится в нашей генетической памяти, поэтому можно говорить о существовании некоего общего отношения, общего понимания символики цвета. Во-вторых, эволюционное развитие отношения к цвету обуславливается развитием конкретного общества в его конкретных

культурно-исторических условиях. В-третьих, каждый из нас проходит своё личностное развитие, которое не может не оставить определённый след, в том числе и в отношении цветовых предпочтений. В-четвёртых, не будем забывать, что «место приложения» цвета тоже имеет огромное значение как в его выборе, так и в частоте использования: в нашем случае использование цвета опосредовано медиасредой.

Визуальное сообщение в виде любого изображения, будь то рисунок, фото или графическая иллюстрация, – это коммуникативный канал, в котором содержание сообщения закодировано, но не привычным для нас вербальным знаком, а цветом. Н.А. Завьялова считает возможным выделить три группы цветовых знаков [Завьялова, 2006].

Во-первых, цвет сам по себе, т.е. изолированно от других цветов и форм. Этот тип цветового знака отличается многозначностью и противоречивостью.

Вторым типом цветового знака исследователь считает цветное сочетание, объединяющее несколько цветовых оттенков, составляющих символическое целое, при этом смысл не сводится к сумме значений отдельных цветов.

Соединение цвета и формы представляет, по мнению Н.А. Завьяловой, третий тип цветового знака – символику цветных форм, как абстрактных геометрических фигур (круг, квадрат, треугольник), так и конкретных физических предметов. В данном случае цвет выступает как активизатор психических процессов, в первую очередь мышления. Таким образом, к названным ранее трём функциям цвета в процессе визуализации публицистического материала прибавляется ещё одна, не менее важная, а именно когнитивная функция, так как цвет – это не просто декор, это один из источников познания, активатор мышления.

Мы не рассматриваем цветные изображения, которые в креолизованном медиатексте по своей функциональной соотнесённости с вербальным текстом несут декоративную функцию (это, на наш взгляд, первый тип знака в терминологии Н. А. Завьяловой), а значит и цвет на данных изображениях не столько информативен, сколько декоративен. Нас интересуют изображения как самостоятельные визуальные сообщения или как визуальные вставки, находящиеся в комплементарном отношении с вербальным текстом.

Символика цвета, как правило, проявляется в визуальных стилистических тропях и фигурах, наиболее часто в креолизованном медиатексте можно встретить визуальную метафору.

В креолизованном медиатексте любая визуально

оформленная стилистическая вставка, образует знак четвёртого порядка, если отталкиваться от классификации цветовых знаков по Завьяловой. Этот тип знака не только объединяет цвет и форму, но ещё работает в тесной связке с вербальными подписями, которые практически всегда в том или ином объёме сопровождают иллюстрацию. Кроме того, данный тип знака активизирует мыслительные процессы реципиента, вовлекая его фоновые лингвокультурологические знания, необходимые не только для восприятия непосредственно изображения, но и всего материала в целом.

Далее на примерах мы постараемся показать, как цвет в креолизованном медиатексте проявляет себя в качестве элемента не только медиакультуры, но и как неотъемлемая часть социогенеза и культурогенеза отдельно взятой нации. Исследование проводилось на материале качественного немецкого журнала «Der Spiegel», анализировались обложки непосредственно самого издания.

1. Белый цвет обычно используется для того, чтобы передать чистоту, наводит на мысль о незапятнанности. Но он может означать и пустоту, отсутствие чего-либо, наводит на мысль о холодности и жестокости. Всё зависит от того, как и где использовать этот цвет, в каких пропорциях. Так для обложки журнала «Der Spiegel», посвящённой печальному событию, уходу из жизни Г. Грасса, выбран белый фон¹. С первого взгляда это кажется нелогичным, ведь цвет траура – чёрный. Однако автор стремится передать совсем другое настроение – мир опустел без этого выдающегося человека, но печаль светла, потому, что он был и его помнят.

2015 starb Schriftsteller Günter Grass. Sein Debütroman «Die Blechtrommel» war das Buch, das ihm seinen Weltruhm und 1999 den Nobelpreis für Literatur einbrachte. (Писатель Гюнтер Грасс умер в 2015 году. Его дебютный роман «Жестяной барабан» принес ему мировую известность и Нобелевскую премию по литературе 1999 года.)

2. Жёлтый цвет вовлекает в процесс обработки сигнала большинство синаптических химических веществ человека. Человеческий глаз обрабатывает жёлтый цвет быстрее, чем другие. Такой цвет наводит на мысль об опасности. Поэтому, жёлтый цвет нужно использовать скупой, применять его как контрастный элемент, но как фон - никогда.

Зелёный цвет наводит на мысль о свежести или о новой жизни и широко используется, чтобы представлять

здоровье и исцеление. Он символизирует богатство.

Следующая обложка «Der Spiegel» более чем метафорична². Над чёрным административным центром Берлина поднимается солнце. Пока ещё видно только жёлто-красные лучи на зелёном небе. Зелёный – цвет победившей на выборах в бундестаг в 1998 году партии, но и цвет новой жизни, надежды. Это подтверждается огромной красной надписью «Alles wird anders» («*Всё будет по-другому*»). Обложка выполнена в манере, напоминающей афишу, то есть автор и редакция хотят сказать, что пока есть только надежда на изменения, обещания политиков. Поэтому внизу обложки мы видим другую надпись «Aber wird es auch besser?» («*А станет ли лучше?*»). У людей присутствуют сомнения, опасения, выраженные не только вербально, но и визуально, – обилием жёлтого цвета.

3. Красный цвет – это цвет страсти, огня, жара, гнева. Он используется, чтобы представить чёткие высказывания, расставить все точки над «i». Более тёмные, более мрачные оттенки представляют ярость, ненависть, кровь, войну.

Следующая обложка³ [«Der Spiegel», №6, 1998] – резкая реакция общества на изменения Конституции. Эта обложка – предостережение и напоминание. Во-первых, красный цвет, символизируя огонь, прекрасно коррелирует с языками пламени в правом нижнем углу. Из-под сгорающего и опепелённого кусочка бумаги как бы невзначай открывается фраза «Grosse Koalition gegen den Rechtsstaat» (*Большая коалиция против правового государства*).

Во-вторых, жёлтый (в язычках пламени), часто ассоциирующийся с опасностью, «работает в паре» с надписью «Lausch» (*Будь осторожен, прислушайся!*). Надписи на данной обложке представляют особый интерес и играют свою собственную немаловажную роль. Так, предыдущая надпись выполнена крупным чёрным шрифтом, но так, что создаётся впечатление, что пламя вот-вот поглотит её. Читатель будто бы слышит характерный звук сгорающей бумаги, а к типографской визуальной игре шрифта и цвета прибавляется вербальный помощник – надпись с аналогичным семантическим значением «lauschen – прислушиваться, быть настороже». Следующая надпись «Angriff auf die Presse Freiheit» (*Посвяительство на прессу и свободу*) выполнена тоже в очень интересной манере, поскольку из-за необычного орфографического решения может трактоваться двояко. Так, если существительные Presse Freiheit соединить и написать одним сложным словом, то получится «посвя-

1 URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-2015-17.html>

2 URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1998-43.html>

3 URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/print/index-1998-6.html>

гательство на свободу слова». Если же между этими же существительными поставить союз «und», то перед нами уже «посягательство на прессу и свободу». Однако союз отсутствует и сделано это намеренно, а именно для того, чтобы придать заголовку большей экспрессивности и эмоциональности.

В-третьих, обложка журнала продумана так, что не вызывает никаких сомнений в том, кому она адресована, – немцам и только им. Всё визуальное решение выполнено в геральдических цветах Германии. Попраение Конституции, сожжение книг на центральных городских площадях – это и по сей день свежо в памяти многих жителей страны.

Заключение

1. Цвет в системе визуальной коммуникации является средством невербального сообщения и знаковой системой с определённым количеством потенциальных значений в рамках как общечеловеческой культуры, так и культуры конкретной нации, актуализируемых в конкретном визуальном медиасообщении.
2. В креолизованном медиатексте цвет является одной из семиотических систем, дополняя собой вербальные и другие экстралингвистические средства выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира. Санкт-Петербург, 2007.
2. Астахова Я.А. Цветовые обозначения в русской языковой картине мира. М., 2014.
3. Костюшкина Г.М., Ван Чжо. Роль языковой игры в реализации экспрессивно-оценочной стратегии в рекламном слогане // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 336-341.
4. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: U. of California Press, 1969.
5. MacLaury R.E. Color and cognition in Mesoamerica: constructing categories as advantages. Austin: University of Texas Press, 1997.
6. Wyler S. Colour and language: colour terms in English. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992.
7. Гёте И. В. Учение о цвете = Zur Farbenlehre. М.: ЛЕНАНД, 2015.
8. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М.: РИПОЛ классик, 2016.
9. Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2011.
10. Свитич А.Л. Специфика графической иллюстрации как компонента контента качественных изданий. // Медиаскоп. 2015. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1777>
11. Анисимова Е.Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века?: Взаимодействие вербал. и паралингвист. в тексте. Воронеж: ЦЧКИ, 1999.
12. Чаплыгина Ю.С. Комические креолизованные тексты: взаимодействие знаковых систем. Самара: Изд-во Самарского гос. экономического ун-та, 2006.
13. Завьялова Н.А. Цветовая метафора как отражение языковой картины мира. URL: <http://globkazan.narod.ru/2006/b12.htm>. 2006.

© Ленкова Татьяна Александровна (talenk@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ЗООСИМВОЛА «КОНЬ/ЛОШАДЬ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Ма Мэнцэ

Магистрант, Сургутский государственный университет
282985397a@gmail.com

Курбанов Ибрагим Алиевич

к.филол.н., профессор, Сургутский государственный университет
ibragimkurbanov@mail.ru

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF ASSOCIATIVE RELATIONS OF THE ZOOSYMBOL (ANIMAL METAPHOR) «HORSE» IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE PHRASEOLOGY AND PAREMIOLOGY

Ma Mengze
I. Kurbanov

Summary: This article is a comparative study of phraseological units and proverbs with the zoosymbol (animal metaphor) component «horse» in Russian, English and Chinese in order to identify its national and cultural specificity. The authors of this study have managed to identify both individual similarities in the nature of the animal symbol «horse» in the Russian, English and Chinese linguistic cultures as well as highlight many specific differences. It is concluded that the zoosymbol (animal metaphor) «horse» has specific differences in the studied languages due to the fact that it is closely connected with the customs, everyday life, peculiarities of historical development, folklore and fiction of a particular language.

Keywords: symbol, zoosymbol (animal metaphor), association, phraseological unit, proverbs and sayings, linguoculture.

Аннотация: Настоящая статья представляет собой сопоставительное исследование фразеологических единиц и паремий с компонентом-зоосимволом «конь/лошадь» в русском, английском и китайском языках с целью выявления его национально-культурной специфики. Авторам данного исследования удалось выявить как отдельные сходства в природе зоосимвола «конь/лошадь» в русской, английской и китайской лингвокультурах, так и подчеркнуть многие специфические различия. Делается вывод о том, что зоосимвол «конь/лошадь» имеет специфические различия в исследуемых языках в силу того, что он тесно связан с обычаями и бытом, с особенностями исторического развития, с фольклором и художественной литературой народа-носителя конкретного языка.

Ключевые слова: символ, зоосимвол, ассоциация, фразеологизм, паремии, лингвокультура.

Испокон веков звери служили человеку “символическими выражениями как различных явлений внешней природы, так и собственной его духовной жизни, его страстей, пороков и добродетелей” /Шеппинг 1868, 1/. Ха-рактеризуя своего ближнего названием животного, человек концентрирует в последнем лишь одно качество, делает из животного символ этого качества. Мы привыкли к такой символической и не удивляемся, что осел, баран – труженики и кормильцы человека – являются символом глупости, свинья – символ нечистоплотности, грязи, змея – символ коварства, а змей – символ мудрости и т.д.

Вслед за Е.В. Шелестюк символ определяется нами как “многосмысловой конвенциональный мотивированный знак, репрезентирующий помимо собственного денотата также связанный с денотатом, но качественно иной, большей частью, отвлеченный или абстрактный референт так, что первичное и вторичное значение объединяются под общим означающим”. Языковые символы существуют в языковом значении слова в виде “символической ауры”, ряда сем культурно-стереотипного и архетипического,

древнейшего мифологического характера. Такие символы являются устоявшимися, закрепившимися в сознании носителей определенной культуры. Например, роза – символ красоты и любви, гора – символ мужества, связанного с преодолением препятствий, путь, дорога – символ судьбы, времени жизни / Шелестюк 1998, с. 5/.

Вслед за Н.В. Бирюковой /Бирюкова 1990/ названия животных, используемые в языке как слова-символы, в данной статье называются **зоосимволами**.

Рассмотрим ассоциативные возможности зоосимволов “конь” и “лошадь” в русском языке, зоосимвола horse (общее название для “коня” и “лошади”) в английском языке и зоосимвола 马 (общее название для “коня” и “лошади”) в китайском языке.

Ассоциация – это связь, образующаяся при определенных условиях между двумя или более психическими образованиями, ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями и т.п., само действие этой связи – актуализация ассоциации – состоит в том, что появление

одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других) [Горшко, 2001, с. 11].

При анализе языкового материала особое внимание будет уделяться культурно-национальной коннотации и ассоциативным связям, которые возникают у нас при восприятии лексикографического описания (словарного толкования) конкретной фразеологической единицы или паремии, поэтому описанные нами ассоциации не являются результатом проведения какого-либо психолингвистического (ассоциативного) эксперимента.

В первую очередь следует подчеркнуть, что в английском и русском языках имеются сходства в использовании зоосимволов “конь”, “лошадь” и horse в следующих значениях: “подарок” (Даренному коню в зубы не смотрят; Never look a gift horse in the mouth;), “делать что-либо в неподходящий момент” (Коней на переправе не меняют; Don't change horses in midstream; Don't swap horses while crossing the river;), “очень много есть” (есть как лошадь; to eat like a horse;), “громкий, грубый хохот, “ржание” (ржать как лошадь; horselaugh;), “против воли не заставить кого-либо сделать что-либо” (коня понукать (диал. ирк.); You can lead a horse to water, but you can't make it drink;), “делать что-либо шиворот-навыворот” (Не ставь телегу вперед лошади; Don't put the cart before the horse;), “сильный и выносливый мужчина” (валовой конь (диал. ирк.); здоровый (сильный) как конь (диал. ирк.); to be as strong as a horse;), “работяга, труженик” (ломовая лошадь; a willing horse; All lay loads on a willing horse; Never spur a willing horse; a wheelhorse;), “о необходимости судить о чем-либо по главному (наиболее существенному) признаку” (Хорошая лошадь не может быть плохой масти; A good horse cannot be of a bad colour;), “нечто небезгрешное, обыкновенное” или “каждый может ошибиться” (Конь на четырех ногах, да и тот спотыкается; A horse stumbles that has four legs;), “нечто неизвестное, скрытное” (темная лошадка; a dark horse;).

Но национальную специфику зоосимвола horse выстраивают такие английские выражения как: to back the wrong horse (букв. “оседлать не того коня”) – “поддержать неприбыльное дело (вложить деньги в предприятие-банкрот); “довериться нечестному человеку”; to buy a white horse (букв. “купить белого коня”) – “транжирить деньги”; to beat (flog) a dead horse (букв. “стегать (пороть) мертвого коня”) – пытаться вернуть утерянное; a cock-horse (букв. “петух-лошадь”) – “самовлюбленный чиновник, занимающий важный пост”; enough to make a horse laugh (букв. “достаточно, чтобы рассмешить коня (лошадь)”) – “очень мало”; “курам на смех”; to get on (или to ride, to mount) a high horse (букв. “оседлать высоко коня (ездить на~)”) (историческое – рыцарь ездил на высоком коне) – “важничать, становиться высокомерным”; a good judge of horseflesh (букв. “хороший судья (“специалист”) по конине”) – о мужчине, который разбирается в женщинах; horse-and-buggy days (~attitude) (букв. “времена ло-

шадей и карет”; “отношение как во времена лошадей и карет”) – “старые времена”; “о том, кто относится к современным проблемам по-старинке”; horsefeathers (букв. “лошадиные перья”) – “глупости”; a horse godmother (букв. “крестная мать коня”) – “тучная и неповоротливая женщина”; a horse opera (букв. “лошадиная опера”) – “фильм о ковбоях (о “диком Западе”); a horse sense (букв. “лошадиный смысл”) – “грубоватый здравый смысл”; a horse thief (букв. “конокрад”) – “негодяй”; to lock the barn after the horse is stolen (букв. “запирать на замок сарай после того, как украли коня”) – “слишком поздно предпринимать меры предосторожности” и многие другие (см. horse в Приложении II). Проанализировав примеры из английского языка, можно отметить, что ассоциативные возможности зоосимвола horse весьма разнообразны (многоаспектны), они привносят исконно национально-специфические смыслы, свойственные реалиям семиосферы английской и американской этнокультуры.

Что касается китайской и русской лингвокультур, следует отметить, что имеются незначительные сходства в использовании зоосимволов “конь”, “лошадь” и 马. Китайцы, как и русские признают «старого коня» символом житейского опыта, мудрости. Например, 老马识途 (букв. «Старый конь знает больше дорог (дорогу лучше)») – говорится об опытном человеке. В русском же языке используют паремия «Старый конь борозды не испортит».

В Китае зоосимвол 马 испокон века считался прежде всего символом движения (передвижения) в бою, важным атрибутом военных действий, показателем мощности армии. Например, 1. 兵马未动, 粮草先行 (букв. «Перед отправкой солдат и коней на войну, подготовьте еду и фураж») – о необходимости подготовиться заранее, прежде чем что-то делать. 2. 鞍马劳顿 (букв. «Долго едет на коне, мчащемуся к месту назначения») – об утомительном путешествии. 3. 鞍马之劳 (букв. «страдание верхом на коне») – о дальнем путешествии или войне; о тяжелом труде, путешествии или битве. 4. 兵荒马乱 (букв. «Солдаты и боевые кони убегают везде») – о хаотичной сцене общества во время войны. 5. 兵强马壮 (букв. «Солдаты и кони сильны») – о силе армии, о полной боеспособности. 6. 单枪匹马 (букв. «Только один человек, одно деревянное ружье, один конь») – говорится, когда кто-либо отправляется в бой в одиночку; о полном отсутствии помощи. 7. 放牛归马 (букв. «Верните боевых коней и коров на ферму») – говорится о необходимости завершить войну. 8. 马革裹尸 (букв. «Заворачивать тело солдата в лошадиные шкуры») – говорится об отваге и бесстрашии воинов, павших в бою. 9. 汗马功 (букв. «Конь воина потеет от бега») – говорится о тяжелой битве, о тяжелом труде, о воинском подвиге на поле боя. 10. 横戈跃马 (букв. «Держите копье, седлайте коня и скачите») – говорится о полководцах и воинах, готовых ринуться на поле боя в любой момент. 11. 金戈铁马 (букв. «Копье блестящее золотом, а конь был в железных доспехах») –

говорится о величественном воине на коне. 12. 厉兵秣马 (букв. «Заточите оружие, накормите коней») – говорится о необходимости подготовиться к бою. 13. 马到成功 (букв. «Как только военный конь прискачет, сразу наступит победа») – говорится о быстрой победе, успехе. 14. 招兵买马 (букв. «набирать солдат, покупать лошадей») – говорится о необходимости организации или расширения рабочей силы. 15. 马首是瞻 (букв. «солдаты смотрели на голову коня вождя и решали, наступать им или отступить») – говорится о следовании действиям других или о выполнении чужих команд. 16. 见鞍思马 (букв. «Увидел седло и вспомнил боевого коня») – говорится о том, когда кто-либо вспоминает человека, увидев какую-нибудь вещь. 17. 人困马乏 (букв. «Люди и лошади (кони) устали») – говорится об усталости от путешествия. 18. 万马奔腾 (букв. «мчатся десять тысяч коней») – говорится о неукротимом движении вперед, об огромной энергии.

Следует отметить, что кони (лошади) всегда были национальным стратегическим материалом в Древнем Китае. Количество коней (лошадей) напрямую определяла силу страны. В первые годы правления династии Хань особенно не хватало боевых коней, и даже для повозки императора не могли тогда собрать четырех коней одной масти. В это время даже князья и дворяне могли ездить только на воловьих повозках. Позднее бурно развивалась коневодческая отрасль. Люди, которые могли выделить государству одного коня, могли освободить трех человек от воинской повинности и податей. Это показывает важность зоосимвола «конь/лошадь» для китайской лингвокультуры.

В китайском лингвокультурном сообществе зоосимвол 马 считался также и символом богатства или бедности. Для описания богатства используются метафорические сравнения с красивым, здоровым, крепким, ухоженным конём (лошадью), а бедность ассоциировалась со слабым, худым, неухоженным конём (лошадью). Например, 1. 宝马香车 (букв. «Превосходный конь и прекрасная повозка») – говорится об очень богато украшенной и элегантной колеснице и лошади. 2. 弊车羸马 (букв. «Вагоны без крыш и слабые лошади») – говорится о бедности. 3. 高车驷马 (букв. «Повозка приводилась в движение четырьмя лошадьми и имела высокую крышу») – о богатстве князей, дворян и высокопоставленных чиновников. 4. 仅容旋马 (букв. «В комнате достаточно места только для лошади») – говорится о тесном пространстве для жилья, бедности. 5. 马瘦毛长 (букв. «Лошадь худая, с длинной гривой и без присмотра») – говорится о бедном подавленном человеке. 6. 鲜车怒马 (букв. «Богато украшенные экипажи и крепкие, энергичные лошади») – говорится о богатой, роскошной жизни. 7. 玉堂金马 (букв. «Яшмовый зал и золотые кони») – говорится о видном положении человека, о богатстве. 8. 一马平川 (букв. «Равнина для лошадей, чтобы скакать») – говорится об обширной равнине, о чём-то крупном, большом.

Следует отметить, что стадо лошадей в китайской лингвокультуре часто символизирует нечто оживленное, определенное скопление или чрезмерную суету. Например, 1. 车马盈门 (букв. «Телеги и лошади столпились у ворот») – о скоплении большого количества гостей. 2. 车水马龙 (букв. «Улицы полны экипажей и лошадей») – говорится об оживленной сцене с множеством машин и лошадей, приезжающих и уезжающих.

Китайцы часто прибегают к различного рода экспрессивным сравнениям, где зоосимвол 马 часто сравнивается с другими животными (и даже с птицами) для описания каких-либо характеристик человека, предмета или явления. Например: 1. 呼牛呼马 (букв. «Зови меня коровой или зови меня лошадью») – говорится о человеке, на которого не действует ни критика, ни похвала. 2. 非驴非马 (букв. «Ни осел, ни лошадь») – говорится о чем-то неопишемом, необычном. 3. 驴唇不对马嘴 (букв. «Рот осла и рот лошади – разные вещи») – говорится, когда ответ не совпадает с заданным вопросом. 4. 马角乌白 (букв. «Вороны белеют, а у лошадей вырастают рога») – говорится о чем-то невозможном, нереальном. 5. 指鹿为马 (букв. «Укажите на оленя и скажите, что это лошадь») – говорится, когда кто-то смешивает (путает) правильное с неправильным. 6. 心猿意马 (букв. «душа [мечется] как обезьяна, мысли [скачут] как кони») – говорится, когда голова занята совсем другим, когда человек не может сконцентрироваться.

Дикая (неосёдланная) лошадь в китайской лингвокультуре символизирует свободу, непокорность. Например, 1. 野马无缰 (букв. «дикая лошадь без узды») – говорится о чрезмерной свободе, и о выполнении каких-либо действия без ограничений. 2. 叩马而谏 (букв. «Обуздай лошадь, чтобы убедить») – говорится о необходимости уговорить кого-либо в форс-мажорной ситуации.

Больная лошадь во фразеологии и паремиологии китайского языка символизирует опасность. Например, 1. 害群之马 (букв. «Неполноценные лошади, представляющие опасность для стада») – говорится о людях, которые подвергают опасности коллектив. 2. 盲人瞎马 (букв. «слепой наездник на слепой лошади») – говорится об недобдуманных, опасных действиях.

Отдельные части тела коня/лошади также могут приобретать символическое значение в китайском языке. Например, 1. 溜须拍马 (букв. «Поглаживание висков лошади, похлопывание по заду лошади») – говорится о лести, заискивании. 2. 不食马肝 (букв. «Не ешьте конскую печень») – согласно легенде, конская печень ядовита и может убить человека, если ее съесть. Метафора отказа от обсуждения вещей, которые не следует изучать. 3. 露马脚 (букв. «Ноги лошади выставлены») – говорится, когда открываются скрытые истины.

Наконец, в китайском лингвокультурном сообществе

зоосимвол 马 может иметь целый ряд национально-специфических символических значений. Например: 1. 素车白马 (букв. «белые колесницы и белые кони») – говорится о траурной колеснице с белой упряжкой, о похоронной процессии. 2. 塞翁失马 (букв. «Старик потерял коня, а конь наконец вернулся с кобылой») – говорится, когда плохое может превратиться в хорошее при определенных условиях. 3. 悬崖勒马 (букв. «На высоких и крутых скалах, сдерживать лошадь поводьями, чтобы остановить лошадь») – говорится об опасности, о необходимости не рисковать. 4. 声色犬马 (букв. «песни, женщины, гончие и скачки на лошадях») – говорится о том, кто ведёт разгульный образ жизни. 5. 死马当活马医 (букв. «лечить мертвую лошадь как будто она живая») – предпринять отчаянную попытку, не сдаваться до последнего. 6. 走马观花 (букв. «Кататься на лошади во время прогулки и смотреть на цветы») – говорится о чём-то хорошем, об отличном настроении. 7. 饮马投钱 (букв. «бросить [в реку] медяк в качестве уплаты за водопой коня») – говорится о честности и некоррупционности. 8. 万马齐喑 (букв. «Все лошади молчат») – говорится о людях, которые боятся высказывать своё мнение, об унылой политической ситуации. 9. 率马以骥 (букв. «Возглавьте стадо лошадей отличными лошадьми») – говорится о необходимости выбора образца для подражания. 10. 驷马难追 (букв. «Если слово сказано, то на четверке коней не догонишь») – говорится о необходимости сдерживать свое обещание. 11. 天马行空 (букв. «небесный скакун мчится по воздуху») – говорится о полёте мысли, о богатстве воображения. 12. 快马加鞭 (букв. «Быстрому коню дай хлыста, чтобы бежал ещё быстрее») – говорится о необходимости ускорения дела. 13. 路遥知马力 (букв. «Расстояние далеко, чтобы узнать силу лошади») – говорится о отличить хорошее от плохого, требуется длительное наблюдение вещей. 14. 骑马找马 (букв. «Покататься на лошади, чтобы найти другую лошадь») – говорится о жадности, о ненасытности. 15. 青梅竹马青梅 (букв. «зелёные сливы и бамбуковые лошади») – говорится о детских играх, о дружбе с детства; о влюбленных, которые дружат с детства.

За свою историю зоосимвол “конь” приобрел разные значения в русском языке. По сходству стало обозначать и шахматную фигуру, и - много позже гимнастический сна-

ряд. И в поэтическом, и в метафорическом языках “конь” сохраняет свои позиции - “железный (стальной) конь” – о паровозе, тракторе. Об особой роли зоосимвола “конь” говорят и изображения в русской традиции святого Георгия, Георгия Победоносца на белом коне (эмблема Москвы), Петра I - Медный всадник - символ Санкт-Петербурга; в русском быту все же более символична тройка коней, которая даже во многие языки вошла без перевода: troika (Troika) в английском, немецком, французском языках означает “три лошади, запряженные в один экипаж” (а также может использоваться в более широком значении “политическая тройка руководителей” и т.п.). Многие выражения с зоонимом “конь” говорят о положительном отношении русского народа к этому домашнему животному, например, описывая характер коня говорят “верный, надежный, преданный, гордый, благородный”, по своему ходу кони могут быть “борзые, быстрые, рысистые, легкие, летучие, удалые”, по силе и стати - “крепкие, мощные, статные, стройные”. Не удивительно, что насчитывается целый ряд (15) цветовых обозначений масти коня (лошади), столь велико было к ним внимание человека, велика роль коня (лошади) в быту человека: конь белый, серый, вороной, буланый, пегий, гнедой, игреневый, мухортый, чалый, карий, чубарый, бронный, в яблоках; следующие выражения также подтверждают особое, нежное отношение к коню: “не гони коня кнутом, а гони житом (диал. ирк.), “не рукой гладь коня, а мешком”, “погоняй коня не кнутом, а овсом” - говорится о необходимости ухода за животным; в сказках “конь” - “Конек-Горбунок” - верный товарищ: “зимой согреет, летом холодом обвеет, в голод хлебом угостит, в жажду медом напоит...”

Те положительные ассоциации, которые вызывают зоосимволы “конь - лошадь”, имеют непосредственную связь с русскими пословицами и поговорками: “Велик лошадиный труд”; “Лошадь человеку крылья”; “Счастье не лошадь - не везет по прямой дорожке”; “Счастье не конь - хомута не наденешь”; “Счастливы тот, у кого лошадиное здоровье”; “Работать как конь, пить как волк”; “Счастливы на коне, несчастны пеш (под конем)” “Загнет так, что на добром коне не объедешь”; сравните также выражения: “оседлать (сесть, усесться) на своего любимого конька”; “сделать ход конем” и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Н.В. Анималистическая фразеология русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990.
2. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента // Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА- Каравелла», 2001. – 320 с.
3. Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века). - Автореф. дис. ... канд. фил. наук. - М., 1998. - 24 с.
4. Шеппинг Д.С. Обозрение звериного эпоса Зап. Европы. Материалы для сравнительного изучения русской символики животных // Филологические записки. - 1968. - Вып. I. - С.1-14.

© Ма Мэнцэ (282985397a@gmail.com), Курбанов Ибрагим Алиевич (ibragimkurbanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АВИАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ

REPRESENTATION OF SPATIAL RELATIONS IN AVIATION DISCOURSE BY MEANS OF ENGLISH PREPOSITIONS

I. Makurina
E. Shestakova

Summary: The article is devoted to the analysis of the specificity of some prepositions, which represent spatial relations in the professional speech of aviation specialists. The authors consider the peculiarities of the discourse of radiotelephone communication, as well as clarify the concept of airspace and its linguistic characteristics. Examples of the standard radiotelephony phraseology with spatial prepositions are given, their meanings and applications are analyzed.

Keywords: Aviation English, radiotelephony phraseology, professional discourse, spatial prepositions, semantic, localization, linguistic.

Макурина Ирина Юрьевна

к.п.н., доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации
г. Челябинск
Mairine@yandex.ru

Шестакова Екатерина Владимировна

к.филол.н., доцент, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации
г. Челябинск
Katja81-07@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению специфики некоторых предлогов локализации, репрезентирующих пространственные отношения в профессиональной речи авиаспециалистов. Авторы рассматривают особенности дискурса радиотелефонной коммуникации, а также уточняют понятие воздушного пространства и его лингвистические характеристики. Приводятся примеры стандартной фразеологии радиообмена с предлогами локации, анализируются их значения и ситуации применения.

Ключевые слова: авиационный английский язык, фразеология радиообмена, профессиональный дискурс, предлоги локации, семантический, локализация, лингвистический.

В английском языке, языке аналитического строя, предлоги имеют особенно большое значение, так как наряду с порядком слов они являются одним из основных способов выражения значения падежных форм. Предлоги, выражающие пространственные отношения, так разнообразны и многочисленны, что стало причиной возникновения синтаксической синонимии, которая до сих пор является мало изученным лингвистическим явлением и создает определенные трудности в профессиональной речи авиаспециалистов. Актуальность темы нашего исследования обусловлена возрастающим интересом научного сообщества к изучению предлогов локализации, репрезентирующих пространственные отношения в авиационном дискурсе, и заключается в уникальной природе объекта исследования. Фундаментальные категории человеческого мышления «пространства» и «времени» всегда находились в центре внимания специалистов различных областей науки. Однако в профессиональной деятельности авиаспециалистов коммуникация характеризуется высоким уровнем ответственности и требует от всех участников воздушного движения высокого уровня

языковой компетентности, учитывая тот факт, что одной из приоритетных целей развития авиации является «... обеспечение стабильного и безопасного функционирования системы воздушного транспорта, безопасности полетов, авиационной и транспортной безопасности» [2]. В условиях увеличившейся плотности воздушного движения и загруженности воздушного пространства, усложненных схем и маршрутов полета, сложности летного оборудования национальные авиакомпании ужесточают контроль за уровнем знания английского языка авиаспециалистов по стандартам ИКАО (англ. ICAO – International Civil Aviation Organization – Международная организация гражданской авиации). Таким образом, **целью нашего исследования** является изучение особенностей семантической структуры английских предлогов локализации в условиях функционирования в границах дискурса радиотелефонной коммуникации. **Объект исследования** – английские предлоги локализации «at», «in», «on», «from» в границах дискурса радиотелефонной коммуникации.

Поставленная цель предполагает решение следую-

щих задач:

- изучить состояние вопроса об актуализации пространственного значения посредством предлогов;
- охарактеризовать лингвистические особенности дискурса радиотелефонной коммуникации;
- уточнить понятие «воздушного пространства» в условиях функционирования в границах дискурса радиотелефонной коммуникации;
- выявить специфику предлогов локализации, представляющих пространственные отношения в дискурсе радиотелефонной коммуникации;
- сделать выводы по итогам работы и описать научные результаты.

В рамках нашего исследования был использован комплексный подход включающий описательный метод, а также методы контекстуального и дискурсивного анализа.

Научная новизна данной работы состоит в том, что рассматриваются функционально-семантические аспекты использования английских предлогов локализации в дискурсе радиотелефонной коммуникации, позволяющие установить закономерности изменений в структуре исследуемых предлогов в зависимости от типа дискурса. Работа расширяет современные научные представления об английских предлогах локализации в рамках семантического анализа категории «воздушного пространства». Полученные данные и сделанные на их основе выводы могут быть применены в практике преподавания авиационного английского языка, при разработке учебно-методических пособий по различным направлениям подготовки летного состава, а также при разработке тестового материала для проведения квалификационных экзаменов и сертификации авиаспециалистов гражданских и военных специальностей.

Термин «авиационный дискурс» охватывает широкую предметную область и носит «... институциональный характер, т.к. объединяет в себе организационное взаимодействие между профессионалами и клиентами института, профессиональную коммуникацию между специалистами и отличается от других типов дискурса на всех уровнях языковой системы» [17, с. 8]. Профессиональная коммуникация включает в себя ситуации использования языка представителями различных профессий, работающих в области авиации, которая сама по себе многопланова, т.к. включает различные направления деятельности от самолетостроения до управления воздушным движением. В рамках нашего исследования мы ограничимся специальным языком радиотелефонной коммуникации, разработанного международным сообществом для обеспечения эффективной и безопасной системы организации воздушного движения.

Стандартная фразеология, которая регламенти-

руется документом ИКАО «Организация воздушного движения» 4444/R/18 Поправка 4 (15/11/12) – это совокупность четких, кратких и признанных в международном масштабе формализованных сообщений, предназначенных для использования в большинстве типовых ситуаций и в наиболее часто встречающихся чрезвычайных / аварийных обстоятельствах между членами воздушных судов и диспетчерским персоналом [3, с. 32-33]. В научных трудах российских и зарубежных исследователей (Вороньянская Е.Л., Мальковская Т.А., Москалева М.М., Строева Ю.Ю., Щетинина Н.А., Alderson J., Cushing S. и др.) определены лингвистические характеристики этого «закрытого узкопрофессионального дискурсивного пространства» [11, с. 9]: лаконичность (concision), четкость (clarity) и однозначность (non-ambiguity) [4], что определило следующие особенности языка радиотелефонной коммуникации:

1. наличие отклонений от произносительной нормы современного английского языка;
2. параллельное функционирование стандартной фразеологии радиообмена, включающей около 500 слов и выражений, и разговорного языка (plain English);
3. строго ограниченные речевые интенции и типичные способы их языковой реализации в рамках рабочих процедур;
4. наличие языковой экономии на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях;
5. отсутствие явления полисемии;
6. специально созданные кодовые слова и выражения, являющиеся неотъемлемой частью дискурса радиообмена в строго регламентированном значении. Например: «MAYDAY» - терплю бедствие, «wilco» - буду выполнять, «roger» - понял и т.д.) [6, 8, 10, 15-17, 20, 21].

Изучение дискурса радиотелефонной коммуникации – востребованная область современных лингвистических исследований, так как, с одной стороны, такая фундаментальная и сложная категория человеческого познания как «пространство» и ее языковая репрезентация не является до конца изученной на сегодняшний день. С другой стороны, изучение языкового выражения пространственных отношений влияет на качество подготовки будущих авиаспециалистов к ведению радиообмена на английском языке, а, следовательно, и на безопасность авиасообщения в целом.

Многие ученые на протяжении всей истории человечества пытались понять феномен окружающего человека пространства, описать его характеристики и сложную структуру. В лингвистических трудах Кубряковой Е.С., Степанова Ю.С., Яковлевой Е.С. и др., посвященных описанию категории пространства, изучались разнообразные средства выражения пространственной ориентации и пространственной локализации [7, 14, 19]. В рамках на-

шего исследования мы анализируем сложную структуру воздушного пространства (ВП), определение которого зафиксировано в статье 15 Воздушного кодекса РФ: «... совокупность ограниченных в вертикальной и горизонтальной плоскости элементов воздушного пространства (зоны, районы и маршруты обслуживания воздушного движения, районы аэродромов и аэроузлов, опасные зоны и зоны ограничений полетов), предназначенных для осуществления деятельности по использованию воздушного пространства» [1, ст. 15]. Даже в рамках одного авиационного дискурса можно найти огромное количество толкований и случаев употребления данного термина: открытое ВП, единое ВП, ВП РФ, контролируемое/неконтролируемое ВП, консультативное ВП, ограниченное ВП, опасное/безопасное ВП, нижнее/верхнее ВП, несегрегированное ВП и т.д. Трехмерную природу данного понятия ученые выражают через подкатегории «места, времени и высоты», которые являются основными показателями границ и условий его безопасного и эффективного использования.

Английский язык обладает определенным набором языковых средств для выражения пространственных отношений: прилагательные, наречия со значением «близко-далеко», глаголы, обозначающие какую-либо разновидность пространственной локализации; пространственные конструкции, пространственные предлоги. Объектом нашего исследования стали односложные предлоги локализации «at», «in», «from», «on», которые являются самыми частотными в исследуемом нами дискурсе [4, с. 255-297], и вызывают наибольшее количество ошибок в речи обучающихся. Сразу оговоримся, вследствие большого объема языкового материала в данной работе анализируются предлоги только в составе типовых стандартных фраз, разработанных ИКАО, по этапам полета. Разговорный язык радиообмена (plain English) – объект последующего научного изучения.

Прежде всего, отметим, что английские предлоги несмотря на свою связующую функцию, обладают самостоятельным семантическим содержанием, что объясняет их частое употребление в авиационном английском языке без слов, значения которых им приписываются и связи с которыми они устанавливают. Например: *Pilot: In and out (of clouds)*. - *Пилот: «Летим в облаках»*. Другой лингвистической особенностью исследуемых нами предлогов является их принадлежность к группе односложных простых предлогов, не имеющих стилистическую окрашенность, что очень важно для лаконичности, четкости и однозначности передаваемых в радио эфире сообщений. Для понимания специфики исследуемых нами предлогов в границах дискурса радиотелефонной коммуникации нами были изучены речевые ситуации, типичные для профессиональной деятельности авиаспециалистов, в которых наиболее часто употребляются данные языковые единицы, а, именно: движение

по аэродрому, состояние взлетно-посадочных полос и рулежных дорожек, разрешение на выход из контрольной зоны, указания на маршруте, нахождение в зоне ожидания, доклады экипажа о местонахождении, потеря ориентировки, ситуации бедствия. Изучение стандартной фразеологии показало, что предлоги посредством установления семантических и синтаксических связей с номинативной и глагольной лексикой выражают пространственную связь локализации, ограничительной деятельности и взаимной ориентированности.

Английский предлог **from** на русский язык переводится предлогами *от/с, из, у* и передает делимитативное отношение исхода, т.е. начальной фазы [12, с. 81]. В стандартной фразеологии с пространственными отношениями ограничительной деятельности и взаимной ориентированности предлог *from* употребляется с глаголами, в семантике которых прослеживаются значения приближения или удаления. Приведем примеры.

1. Разграничение между объектами движения. *Controller: Closing from the left (azimuth)*. - Диспетчер: Приближающийся слева.
2. Отделение, удаление. А) Удаление от «исходного состояния» в русском языке передает предлог *с* при обозначении места, предмета от которого что-то отходит [12, с. 6]. *Controller: Emergency descent in progress from FL 350*. - Диспетчер: Борт аварийно снижается с эшелона 350. В сообщениях о состоянии бедствия или срочности необходимо передавать определенную информацию, в том числе свое начальное местоположение/состояние для последующих необходимых указаний со стороны органов управления. Б) Удаление от «исходного положения» передается предлогом *от* с родительным падежом, который указывает на исходную точку чего-нибудь [13, с. 6]. *Controller: Distance 500 miles from touchdown zone*. - Диспетчер: «Находитесь в 500 милях от зоны приземления». Данный участок является началом ВПП, который может быть использован для приземления воздушного судна.
3. Ограничение деятельности в пределах «от и до». Сочетание предлогов **from ... to** определяет пределы разрешенной деятельности в отношении: локации (*from (to) Sochi*), области (*from (to) the restricted area*), страны света (*from (to) the west*), направления (*from left to right*). Номинативная и глагольная лексика с предлогом *from* используется для передачи перемещения объектов в разных направлениях: *taxi/taxiing, descend/descent, climb/climbing, proceed/proceeding, return/returning, approach/approaching, etc*. *Controller: Taxi from stand 27 to holding point*. - Диспетчер: «Рулите со стоянки 27 до предварительного старта».

Рассмотрим английские предлоги, указывающие на

возможное соположение элементов действительности: **at, on, in**, которые имеют разную степень локализации в воздушном пространстве и вызывают наибольшие трудности употребления среди русскоговорящих обучающихся из-за своей высокой степени обобщенности и отвлеченности значений. Ошибки в неправильном употреблении предлогов локализации объясняются прежде всего процессом приравнивания значений английских предлогов к русским [12, с.11]. Для перевода этих предлогов часто используют одни и те же русские предлоги: **на, у, в**, что не отражает различия в их использовании, а, следовательно, приводит не только к языковым ошибкам авиаспециалистов, но и к авиа происшествиям. Это еще раз доказывает важность изучения особенностей выражения пространственных отношений в обоих языках, понимания их лексико-семантических особенностей в рамках дискурса радиообмена.

Предлог **at** передает значение контактности: а) в «конкретной точке, пункте»; б) в «непосредственной близости». Приведем примеры репрезентации этого вида отношений.

А. Значение нацеленности на какой-то пункт, некую точку на маршруте предлог **at** передает в сочетаниях с лексическими единицами *enter/join* (входить), *arrive* (прибывать), *cross* (пересекать) [12, с. 100]. *Pilot: Arriving at Charles de Gaulle airport.* Пилот: Прибываю в аэропорт Шарль-де-Голль. *Controller: Enter traffic circuit at point Bravo.* Диспетчер: Входите в круг полетов в точке Браво.

Б. Положение около какого-то предмета, точки на маршруте прослеживается в сочетаниях с такими лексическими единицами, как *in the beginning, in the end, at the edge of the VPP, in the zone of action* и т.д. *Controller: Hold at WICKEN VOR.* Диспетчер: Ожидайте в зоне действия радиомаяка ВИКЕН. *Controller: Caution: standing water at the end of the RWY 03.* Диспетчер: Внимание: стоячая вода в конце ВПП 03.

Семантика русского предлога **на** выражается предложным и винительным падежами и может быть использована при описании английского предлога **on** в следующих ситуациях.

1. Нахождение на поверхности/площади какого-либо предмета, являющейся местом проявления какого-нибудь действия. Например, *controller: Stop on the apron.* Диспетчер: Остановитесь на перроне.
2. Нахождение на горизонтальной плоскости обозначает не только место действия, но и сопричастность к деятельности. *Pilot: On glide path.* Пилот: Нахожусь на глиссаде (экипаж готовится зайти на посадку).
3. Местонахождение или положение рядом с, вдоль какой-то стороны: *on your left (right), on the left (right) side of the RWY.* *Pilot: The aircraft is banking on the portside wing.* Пилот: Самолет кренится на левое крыло.

4. Ведение радиосвязи на выделенной частоте. *Controller: Contact Tower on 123.6.* Диспетчер: Переходите на связь с диспетчером Старта на частоте 123.6.

Предлог **in** в словосочетаниях с разнообразными лексическими единицами в функции косвенного дополнения передает разнообразные действия или состояния материальных и нематериальных объектов, находящихся: а) в, внутри или в пределах чего-то; б) в каком-либо месте / в географической точке. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами.

А. *Pilot: RWY12 in sight.* Пилот: ВПП 12 наблюдаю. *Controller: Heavy thunderstorm in the vicinity of our aerodrome.* Диспетчер: В окрестностях нашего аэродрома наблюдается сильная гроза. *Pilot: Smoke in the cockpit.* Пилот: Дым в кабине пилотов. *Pilot: Changes in my route of flight.* Пилот: Есть изменения на маршруте полета.

Б. *An Antonov 2R missed in Yakutia yesterday.* Самолет Ан-2Р пропал в Якутии вчера (из сообщения).

Следует отметить, что в номинативных словосочетаниях *in-use (рабочая), in progress (в процессе работы), in contact with (на связи с какой-то службой), in order (в порядке, в рабочем состоянии)*, а также с глаголами *start, stop, continue, etc.* предлог **in** передает не только внутреннюю структуру процесса/явления/объекта, но и его внутреннего состояния (рабочее/не рабочее). *Controller: Runway-in-use is closed.* Диспетчер: Рабочая ВПП закрыта. *Controller: Taxi with caution, construction work in progress on TW 01.* Диспетчер: Рулите аккуратно: ведутся ремонтные работы на РД 01.

Делая выводы, отметим, что представленные языковые единицы принадлежат к группе односложных простых предлогов, не имеющих стилистическую окрашенность, репрезентирующих пространственные отношения ограниченных в вертикальной и горизонтальной плоскости материальных/нематериальных объектов ВП. Исследование особенностей репрезентации пространственных отношений в дискурсе радиообмена показало, что различие в использовании английских предлогов «at», «in», «from», «on» не всегда можно понять, исходя из их основных значений, и требует рассмотрения конкретных видов пространственной связи или ориентированности. Типичные случаи употребления пространственных предлогов ограничены рамками закрытого узкопрофессионального дискурсивного пространства, зафиксированы в основополагающих документах ИКАО, однако это не препятствует выявлению наиболее характерных для исследуемого нами дискурса предлогов со значением локализации, а также их лексико-семантическому анализу и описанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воздушный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. М., 1987. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102046246> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Галямова Т.В. Организация перевозок на воздушном транспорте: тексты лекций. СПб: СПбГУ ГА. 2018. С. 6.
3. Документ Дос 9835 «Руководство по внедрению требований ИКАО к языковой компетенции». 1-е издание, 2004.
4. Документ Дос 4444 «Правила аэронавигационного обслуживания. Организация воздушного движения». 15-е издание, 2007.
5. Документ Дос 9432 «Руководство по радиотелефонной связи». 4-е издание, 2007.
6. Ковтун Е.В. Радиообмен в профессионально-речевой деятельности авиационных операторов // Молодые ученые в инновационном поиске: м-лы Междун. научн. конф., 29 мая 2013 г. Минск: МГЛУ, 2014. С. 218-224.
7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
8. Мальковская Т.А. Англо-русские соответствия в языковой структуре радиообмена в режиме общения пилот-авиадиспетчер: автореф. дисс. ...к. филол. н. Пятигорск, 2004. 24 с.
9. Маляр Т.Н. Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 389 с.
10. Москалева, М.М. Терминосистема авиационной лексики и особенности ее презентации в иностранной аудитории: дисс. ... к. филол. н. М. 1998. 196 с.
11. Прохожай И.Н. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полётов: автореф. ... к. филол. н. Саратов, 2012. 25 с.
12. Рейман Е.А. Английские предлоги: значение и функции: дисс. ... д. филол. н. Ленинград, 1984. 432 с.
13. Словарь Ожигова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27585>, 601 с. (дата обращения: 15.11.2022).
14. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998. 784 с.
15. Строева Ю.Ю. Языковые и экстралингвистические особенности англоязычного дискурса авиационных радиотелефонных переговоров // Язык. Текст. Общество: мат-лы 1-ой Междунар. науч.-практ. конф. 22-23 октября 2020 г. Самара: Международный институт рынка, 2020. С. 81-89.
16. Щетинина Н.А. Причины коммуникативных сбоев при ведении авиационной радиосвязи и способы их предупреждения // Проблемы межнациональных отношений: состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практич. конф. преподавателей и студентов 19-20 октября 2012 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 56-58.
17. Щетинина Н.А. Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации: автореф. ... дисс. к. филол. н. Тверь, 2013. 19 с.
18. Языковой дискурс в социальной практике : сб. науч. тр. междунар. науч. практич. конф. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. С. 234-239.
19. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира(модели пространства, времени и восприятия). М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 344 с.
20. Alderson Ch. Air Safety, Language Assessment Policy, and Policy Implementation: the Case of Aviation English // Annual Review of Applied Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 187 p.
21. Cushing S. Pilot-Air Traffic Control Communications: Flight Safety Digest. Vol. 4. No. 7. 1997. P.1-10. [Электронный ресурс]. URL: https://www.smartcockpit.com/docs/Pilots_and_ATC_Communications.pdf (дата обращения: 14.11.2022).
22. Macmillan Dictionary. L., 2005. 1692 p.

© Макурина Ирина Юрьевна (Mairine@yandex.ru), Шестакова Екатерина Владимировна (Katja81-07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ КИТАИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ни Цзиншэн

Соискатель, МГУ им. М.В. Ломоносова
shengjingni@gmail.com

GASTRONOMISMS FROM THE CHINESE LANGUAGE IN MODERN RUSSIAN

Ni Jingsheng

Summary: With the expansion of contacts between China and Russia, Chinese cuisine is becoming increasingly popular in the society of the Russian people, so that many Chinese words related to the gastronomic theme appear in the Russian language. In our work, 32 Chinese gastronomy words in the Russian language are analyzed, a systematic description of words is given, and their features of assimilation at different levels of the Russian language are revealed.

Keywords: borrowings, gastronomic vocabulary, Chinese origin, assimilation.

Аннотация: По мере расширения контактов между Китаем и Россией китайская кухня пользуется все большей популярностью в русском обществе, так что в русском языке появляются многие китаизмы, связанные с гастрономической темой. В нашей работе проанализированы 32 китайских гастрономизма в русском языке из разных источников, дано системное описание слов и выявлены особенности их ассимиляции на разных уровнях русского языка.

Ключевые слова: заимствования, гастрономическая лексика, китайское происхождение, ассимиляция.

Займствования – это результат языковых контактов между двумя языками, они являются неотъемлемой частью лексической системы принимающего языка. В русском языке наблюдается множество заимствований из разных языков, в том числе слова китайского происхождения. Хотя в словарях русского языка заимствований из китайского языка зафиксировано совсем немного, с развитием культурного обмена между Россией и Китаем в последние годы в русский язык проникает большее число китаизмов. Ср., в этимологическом словаре М. Фасмера (1964-1973) определяется всего 15 слов китайского происхождения, многие из которых уже вышли из повседневного употребления: *байховый, даба, Даурия, жемчуг, каган, калган, лянсин, мандарин, тайша, тайфун, фарфор, хан, чай, чечунча (чесуча), книга* [12]; в «Кратком этимологическом словаре русского языка» (КЭС) (1975) еще меньше китаизмов – лишь 3 слова, которые активно употребляются до сих пор: *жемчуг, женьшень, чай* [13]; в более современном толковом словаре Л.П. Крысина (2006) увеличивается количество китаизмов (34 слова), добавляются историзмы типа *хунвейбины, хунхуз* и новые слова типа *ушу* [4]. И это, конечно, далеко не все китаизмы, которые наблюдаются сегодня в русском языке. По мере расширения контактов между Россией и Китаем в разных областях в русском языке возникает больше китаизмов, относящихся к разным тематическим группам и функционирующих в разных сферах коммуникации. Например, в работе китайского исследователя Ли Сыци (2020) проанализированы 445 лексических единиц китайского происхождения в русском языке в четырех коммуникативных сферах: общественно-политической (*Гоминьдан, дацзыбао, хунхузы*), философской (*Инь-Ян,*

фэншуй, маоизм), культурно-бытовой (*жемчуг, фанза, вок*) и топонимической (город *Шанхай*, провинция *Гуандун*, река *Янцзы*) [6]. Хотя немало китаизмов остается незнакомым для носителей русского языка и некоторые из них предоставляют собой не узуальные слова, употребляющие только в определенных контекстах, не подлежит сомнению, что их количество будет постоянно увеличиваться и их употребление будет более активным в разных сферах жизни русского народа.

Исследуя заимствования из китайского языка, заметим, что многие из этих слов связаны с питанием, с национальной кухней. В таблице показана доля гастрономизмов китайского происхождения в общем количестве китаизмов в разновременных словарях русского языка.

Словари	Словарь Фасмера (1964-1973)	КЭС (1975)	Словарь Крысина (2006)
Гастрономические китаизмы	<i>байховый, калган, лянсин, мандарин, чай</i>	<i>женьшень, чай</i>	<i>байховый, гаолян, женьшень, кетчуп, кинкан, локва, соя, ханжа, ханшин, чай</i>
Количество гастрономических китаизмов	5	2	10
Количество китаизмов	15	3	34
Доля	33,3%	66,7%	29,4%

Из таблицы видно, что количество гастрономизмов

близко или даже превышает одну треть от общего количества китаизмов в русских словарях разных периодов. Значит, гастрономическая лексика все время занимает важное место среди заимствований китайского происхождения в русском языке. В этой статье проведем лингвистический анализ 32 гастрономических китаизмов, в том числе слов, отобранных из разных словарей русского языка, и слов, обнаруженных в Национальном корпусе русского языка и различных электронных ресурсах (Википедия, Яндекс и др.)

По классификации китаизмов Юрия Уфимцева, гастрономизмы китайского происхождения в русском языке можно разделить на 4 группы [11]:

1. Устаревшие слова – давно заимствованные в русский язык, но уже вышедшие из активного употребления. Они часто обозначают гастрономические реалии, которые существовали раньше, однако исчезли или перестали быть модными в настоящее время. Например:

Калган (кит. 高良姜). Дикий имбирь. [12]

Лянсин (кит. 良 хороший + 清 Цинская династия древнего Китая). Сорт чая. [12]

Чумиза (кит. диал. 小米子). Род хлебного злака, близкого к просу. [7]

Ханшин или *ханжа* (в словаре не определен прототип в китайском языке). Китайская хлебная водка. [4]

2. Устойчивые слова – давно вошедшие в русский язык и постоянно используемые. Слова являются актуальными в силу того, что в русском языке отсутствуют синонимы или соответствующие им выражения. К этой группе относятся:

Байховый (кит. 白花 белый цветок или кит. 白毫 белая ресничка). Рассыпной, непрессованный (о чае). [4]

Гаолян (кит. 高粱 высокая трава). Один из видов *сорго*. [4]

Женьшень (кит. 人参). Многолетнее травянистое растение, корень которого используется в пищевой промышленности в тонизирующих напитках. [4]

Мандарин (фр. < калька кит. 柑 сорт апельсинов). Сорт цитрусовых фруктов. [12]

Чай (тюрк. < кит. 茶). Горячий ароматный напиток, постоянный на особо высушенных и обработанных листьях такого растения. [4]

3. Постоянно, но ограниченно используемые слова – старые слова, которые употребляются на ограниченной территории (обычно близ границы между Китаем и Россией). На Дальнем Востоке употребляется интересное слово *чифанить* в значении «есть, кушать», которое восходит к китайскому словосочетанию 吃饭, буквально обозначающему «есть рис» [11].

4. Появляющиеся слова – новые входящие в русский язык китаизмы (приблизительно с начала XXI в. до настоящего времени). В последние годы в русском языке появляется все больше гастрономических китаизмов благодаря активной торговле между двумя странами и росту популярности китайской еды в России. Хотя многие из таких слов пока не закрепляются в словарях рус-

ского языка, они активно функционируют не только в специальной сфере (например, в текстах кулинарных словарей, энциклопедий растений или ботанических справочников), но и в бытовом общении (в живой речи в магазинах и ресторанах, в социальных сетях и т.д.). При этом новые китаизмы тематически связаны с разными кулинарными реалиями:

1) Овощи и бобы (3 ед.)

Бок чой (кит. диал. 白菜 белый овощ). Овощ с листьями на толстых стеблях, родом из Южного Китая. [4]

Соя (яп. < кит. 豉 сорт фасоли + 油 масло). Бобовое растение, семена которого используются в пищевой промышленности и в технике. В разговорной речи слово также означает острый соус из семян этого растения и пряностей, служащий приправой к мясу и рыбе. [4]

Татцой (*та-цой, татсой*) (кит. диал. 塌菜). Широконосная капуста родом из Китая.

2) Фрукты (6 ед.)

Вампи (кит. диал. 黄皮). Круглые или продолговатые плоды с тонкой желто-коричневой легко шелушащейся оболочкой и мякотью желтовато-белого цвета.

Кинкан (кит. 金柑). То же, что *кумкват*. [4]

Кумкват (кит. диал. 金橘). Цитрусовый фрукт, произрастающий в центральном Китае. [4]

Личи (кит. 荔枝). Фрукт в виде шарика родом из Китая. У плода шершавая тонкая кожура от розового до коричневого цвета и белая сочная мякоть с сладким вкусом. Внутри находится твердая несъедобная косточка. [5]

Локва (кит. диал. 芦橘 мушмула). Разновидность мушмулы. [4]

Лонган (кит. диал. 龙眼 глаз дракона). Плод с шершавой кожурой, внешне который похож на *личи*, но по вкусу более кислый. [5]

3) Пищевые изделия. (3 ед.)

Кетчуп (англ. < кит. 茄汁). Острый соус из томатов с пряностями, добавляемый обычно к мясным блюдам. [4]

Тофу (яп. < кит. 豆腐). Соевый продукт, который похож на мягкий сыр: кремового цвета, нежный на вкус и практически без запаха. [5]

Хойсин (кит. диал. 海鮮). Китайский соус (для кантонской кухни), имеющий сладковатый пряный вкус.

4) Блюда (5 ед.)

Баоцзы (кит. 包子). Китайские пирожки, приготовляемые на пару.

Димсам (*дим-сам*) (кит. диал. 点心). Лёгкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают к столу вместе с чашкой китайского чая, как правило, до обеда.

Хого (*хо-го*) (кит. 火锅). Название блюд китайской кухни, которые состоят из очень разных наборов ингредиентов и употребляются параллельно с их приготовлением посредством окунания не на долго части твёрдых тонко нарезанных ингредиентов в непрерывно подогревающийся бульон в специальном котелке. В русском языке также называются *китайский самовар*.

Цзунцзы (кит. 粽子). Китайское блюдо – клейкий рис с начинкой, завернутый в тростниковый или любой дру-

гой плоский лист, вареный на пару. *Цзунцзы* традиционно употребляется и дарится на Празднике драконьих лодок (кит. 龙舟节)

Цзяоцзы (кит. 饺子). Китайские пельмени.

5) Напитки (4 ед.)

Байцзю (кит. 白酒). Традиционный китайский алкогольный напиток, наиболее близкий водке.

Лунцзин (кит. 龙井). Разновидность зеленого чая из Китая.

Пуэр (кит. 普洱 по названию одноименного китайского города). Ферментированный чай родом из Китая.

Улун (кит. 乌龙). Китайский полуферментированный чай.

6) Посуда (1 ед.)

Вок (кит. диал. 锅). Круглая глубокая китайская сковорода с выпуклым дном маленького диаметра.

По способу вхождения слов в русский язык выделяются прямые и опосредованные заимствования. Гастрономизмы китайского происхождения могут входить в русский язык прямо из китайского языка или через языки-посредники (5 ед.): *чай* – через тюркские языки; *соя*, *тофу* – через японский язык; *кетчуп* – через английский язык; *манدارин* – через французский язык. Гастрономизмы, напрямую заимствованные из китайского языка, разделяются на слова из стандартного китайского языка (17 ед.) – *личи*, *лунцзин*, *пуэр* и др. и слова из диалектных китайских языков (10 ед.): *бок чой*, *вампи*, *вок*, *димсам*, *кумкват*, *локва*, *лонган*, *татцой*, *хойсин* – из кантонского диалекта, *чумиза* – из севернокитайского языка.

Китаизмы, как и заимствования из других языков, адаптировались на разных уровнях после вхождения в русский язык, то есть слова проходили частичное или полное подчинение фонетическим, орфографическим, грамматическим и семантическим нормам русского языка.

Фонетическая адаптация – это воспроизведение иноязычных слов благодаря возможностям принимающего языка. Это значит, что китаизмы произносятся при помощи звуков русской фонетической системы. При освоении китайских гастрономизмов в русском языке слова теряют свои исконные тоны и приобретают русское словесное ударение, при этом в большинстве случаев ударение падает на последний слог: *гаоля́н*, *женьшэ́нь*, *кинга́н* и т.д., но бывают отдельные случаи, когда ударение стоит на первом или втором слоге: *ли́чи*, *ло́ква*, *чуми́за* [8].

При графической ассимиляции слова передаются средствами графической системы языка-рецептора. Китайские слова обычно переписываются русскими буквами по универсальной транскрипции китайского языка

Пиньинь (кит. 拼音). Общепринятой русской транскрипцией китайского языка является «транскрипционная система Палладия», разработанная китаеведами П.И. Кафаровым и П.С. Поповым [14, с. 16]. Рассматривая гастрономические китаизмы, мы видим, что большинство слов из стандартного китайского языка передается по транскрипции Палладия: *баоцзы* (пиньинь: *baozǐ*), *байцзю* (пиньинь: *baijiu*), *лунцзин* (пиньинь: *longjing*), *пуэр* (пиньинь: *puer*), *улун* (пиньинь: *wulong*). В процессе заимствования слов из языка-источника с другой системой графики нужно учитывать и фонетические правила того же языка. Существует единичный случай, когда написание слова не соответствует его написанию по транскрипции Палладия: ср., *личи* (пиньинь: *lizhi*) – палл. *личжи*. Возможно, буква *ж* появляется из-за трудно произносимого сочетания согласных *чж* в русском языке.

В нашем исследовании отмечены два гастрономизма из китайского языка, которые передаются не только способом транскрипции, но и при помощи добавления суффиксов и окончаний, характерных для русских слов. При этом сразу определяется частеречная принадлежность слов: *байхов-ый* (прил.) и *чифан-и-ть* (гл.).

Кроме того, для новых гастрономических китаизмов характерно колебание на орфографическом уровне. Например, встречаются варианты правописания слов: *татцой* – *татсой* – *та-цой*, *димсам* – *дим-сам*, *хого* – *хо-го*, *чай Пуэр* – *чай пуэр*.

Адаптация китаизмов грамматической системой русского языка обычно относится к включению слов в систему рода, числа и падежа. Важную роль в процессе грамматической ассимиляции китаизмов играют окончания слов, поскольку в русском языке родовая принадлежность слов, склоняемость и согласование с другими словами зависят от конечных элементов [10, с. 15]. Ср., *локва* (*локвы*, ж.), *гаолян* (-а, м.). Однако определить число и родовую принадлежность слов по их окончаниям не всегда возможно. Например, у слов *личи* и *цзяоцзы* с конечными *-и* и *-ы* варьируется грамматическая характеристика числа – они могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе: ср., *Здесь подают ... мясо краба сочетается с острым кокосовым соусом и сладким сочным личи*¹; *Знатоки рекомендуют сочетать их со свежими личи или запивать вином, приготовленным из этих южных фруктов*²; *Я, например, взял тут китайских пельменей цзяоцзы (они ближе всего к нашим привычным, по форме похожи на вареники). Так вот в порции не было ни одного цзяоцзы без дырок в шкуре*³. По мнению С.В. Гринева-Гриневица, установле-

1 Федотова Е. Уве в стилистике 1960-х // Коммерсант. 25.10.2022. [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/>

2 Кириенко И. Королева цветов // Коммерсант. 08.02.2022. [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/>

3 Денисов И. Братья наши вкусные: В Китае споры между любителями полакомиться собачатиной и защитниками животных едва не привели к беспорядкам. // Lenta.ru. 02.07. 2014. [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/>

ние рода заимствованного слова в русском языке лежит в основе не только его формы (обычно окончания), но и его значения (по аналогии с родовым или синонимичным словом) [1, с. 156-157]. Например, слово с основой на мягкий согласный *женьшень* закрепилось в мужском роде в словарях современного русского языка [4], возможно, по аналогии с русским словом *корень*, поскольку *женьшень* в китайском языке буквально обозначает «корень человека». Подобным примером служит слово *хого*, которое определяется как слово мужского рода по соотношению «значение – род»: ср., *китайский хого* и *китайский самовар*. Некоторые гастрономические китаизмы с основой на гласный типа *тофу*, *байцзю*, *баоцзы*, *личи* представляют собой несклоняемые слова.

В процессе включения китаизмов в лексическую систему русского языка слова подвергались семантическим изменениям. Изучая гастрономические китаизмы, можно отметить следующие тенденции семантической адаптации слов:

1. Значение слов не совпадает с их исконным значением. Например, интересна история развития семантики слова *байховый*. Слово восходит к китайскому существительному 白毫 (или 白花) в значении «белая ресничка (белый цветок)» – в китайском языке так называются едва распустившиеся почки чая с мельчайшими белыми ворсинками. Считается, что чем таких почек больше в чае, тем его сорт выше, а сам чай – ароматнее. К тому же слово 白毫 также является названием сорта чая, листья которого покрыты такими белыми ворсинками. Когда китайские торговцы продавали русским купцам этот чай и выкрикивали его название (по звучанию похожее на «бай хоа»), русские купцы, не понимая китайский язык, думали, что это слово означает высокое качество чая, и решили употреблять слово *байховый* в качестве маркетингового хода. Так что слово *байховый* впервые вошло в русский язык в значении «качественный», особенно для описания чая. В Толковом словаре В.И. Даля (1863-1866) выражение *байховый чай* определяется просто как сорт черного чая [3]. А сегодня слово *байховый* употребляется только для описания чая рассыпного, непрессованного [4], не имеющего ничего общего со значением его китайского прототипа.
2. Значение слов совпадает с их исконным значени-

ем, и они развивают новое переносное значение после заимствования. Например, слово *вок* было заимствовано из кантонского диалекта в значении «китайская сковорода с выпуклым днищем, в которой раскаляется масло» [3], потом оно получило новое значение в результате метонимического переноса – блюдо, приготовленное в такой китайской сковороде: **вок с жареными кальмарами по-тайски**.⁴ А слово *хого*, наоборот, в китайском языке обозначает блюдо (иногда способ приготовления блюда): **хого**, или «китайский самовар», – традиционное блюдо китайской кухни.⁵ В русском языке им также называется специальная посуда для приготовления этого блюда: *В ходе употребления хого бульон выкипает, и его принято подливать, просьба об этой услуге, по словам Лин, и привела к конфликту*.⁶

3. Слова утрачивают свой местный колорит. Большинство китаизмов, которые поступают в русскую лексику, представляют собой экзотизмы. Лексические единицы подобного рода, переходя в чужую языковую систему, испытывают трансформацию лексического значения, что выражается в его деэкзотизации; потеря локального компонента вызывает параллельное расширение значения слова [9, с. 61]. В процессе семантической адаптации некоторые гастрономические китаизмы теряют свою экзотичность и переходят в разряд употребительных: *байховый*, *кетчуп*, *мандарин*, *соя*, *чай* и т.д.

Таким образом, мы видим, что китайские гастрономизмы всегда являются важной частью китаизмов в русском языке. За последние два десятилетия благодаря тесным экономическим и культурным связям между Россией и Китаем в русском языке появляется больше китаизмов (приблизительно 70% изучаемых нами китаизмов), обозначающих различные гастрономические реалии с расширенными категориями (фрукты и бобы, овощи, напитки, блюд и посуды). Эти слова напрямую или опосредованно вошли в русский язык, и почти треть слов пришла из китайских диалектов (особенно из кантонского). При адаптации китаизмов в русском языке слова приобретают русское звучание и написание, получают русские грамматические характеристики (род, число, падеж и др.), а также развивают новое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Академия, 2008. 304 с.

4 Осенний «завиванец» // Коммерсант. 16.09.2011. [Электронный ресурс]. <https://www.kommersant.ru/>

5 Официант китайского ресторана облил недовольную клиентку кипятком // Lenta.ru. 26.08.2015. [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/>

6 Там же.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2002.
3. Зданович Л.И. Кулинарный словарь. М., 2001. 400 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2006. 994 с.
5. Кулинарный словарь // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. <https://academic.ru/>
6. Ли Сыци. Лексика китайского происхождения в русском языке: функциональный подход: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2020. 277 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1994. 907 с.
8. Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. <https://orfo.ruslang.ru/>
9. Сенько Е.В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. Екатеринбург, 2019. – № 3(57). С. 59-64.
10. Суперанская, А.В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968. 310 с.
11. Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке: есть и такие! // LIVEJOURNAL. [Электронный ресурс]. <https://www.livejournal.com/>
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Перевод и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1964-1973.
13. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский и др. М., 1975. 543 с.
14. Шеньшина М.А. Как не заблудиться в китайских словарях. Начальный уровень. М., 2007. 119 с.

© Ни Цзиншэн (shengjingni@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ИСТОРИЯ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Рыбакова Анна Сергеевна

Кандидат филологических наук, Государственный
социально-гуманитарный университет (г. Коломна)
annrybakova@gmail.com

THE HISTORY OF THE FRENCH INFLUENCE OVER THE ENGLISH LANGUAGE

A. Rybakova

Summary: The influence of French culture on the development of the English language, especially on its literary aspect, is enormous. For a short period the Norman Conquest made English the language of the lower classes. However, it gradually reemerged as a language with a simplified structure, whose spelling and vocabulary were influenced by both the French language and the French culture. In this article, we analyse some of the groups of lexical borrowings in English that appeared due to the invasion of William the Conqueror.

Keywords: assimilation, dialects, history of the English language, regional peculiarities, French borrowings.

Аннотация: Влияние французской культуры на развитие английского языка, особенно ее литературного аспекта, огромно. Норманнское завоевание сделало на время английский язык языком низшего сословия. Однако он постепенно возродился как язык с упрощенной структурой, на правописание, словарный запас и литературное выражение которого значительное влияние оказали французский язык и французская культура. В данной статье предлагаем рассмотреть основные лексические заимствования в английском языке, появившиеся после вторжения Вильгельма I.

Ключевые слова: ассимиляция, диалекты, история английского языка, региональные особенности языка, французские заимствования.

В истории Англии есть дата, которая оказала существенное влияние на развитие и становление языка страны. 28 сентября 1066 года герцог Вильгельм Нормандский со своими рыцарями и баронами высадился в Англии. Ученые описывают ситуацию после нормандского завоевания как уникальную. Англосаксонский король Гарольд стал последним англоговорящим королем на протяжении последующих 300 лет. По словам историков, коронация Вильгельма Завоевателя в Вестминстерском аббатстве на Рождество 1066 года стала актом триумфа французского языка над английским. Два языка существовали бок о бок так долго, что их взаимовлияние было неизбежно.

Многие ученые склоняются к мнению, что без вторжения Вильгельма Завоевателя английский язык сохранил бы большую часть своих интонаций и преимущественно германскую лексику, а также характерные для него словообразовательные методы. В нем отсутствовала бы большая часть французских слов, благодаря которым сегодня английский язык кажется скорее романским, чем германским языком.

Количество норманнов, поселившихся в Англии, было таким значительным, что они продолжали использовать свой родной язык для общения. В течение 200 лет после норманнского завоевания французский оставался языком обычного общения высших классов Англии. Вскоре различие между теми, кто говорил по-французски, и теми, кто говорил по-английски, стало не этническим, а социальным. Однако, народным языком все еще оставался английский.

В какой степени английский и французский языки использовались в Англии после норманнского завоевания? Примечательно, что примерно в 1250 году начали появляться руководства по преподаванию французского языка. В 13-14 веках поэты и писатели часто предваряли свои произведения объяснением используемого языка (т.е. французского) и попутно делали ценные наблюдения более общего лингвистического характера. В 15 веке государственные и частные письма, акты и записи городов, гильдий и центрального правительства были на французском языке. Английский язык никуда не исчез, он сохранялся в течение долгого времени во многих монастырях. Знание английского языка не было редкостью в то время не только среди тех, кто обычно говорил по-французски, т.е. среди церковников и образованных людей, но и среди тех, кому в силу обстоятельств приходилось общаться как с высшими, так и с низшими классами.

Выводы современных социолингвистов о структуре пиджина и креольского языка побудили некоторых лингвистов задаться вопросом, был ли среднеанглийский язык креольским. Однозначного мнения на этот счет еще не сформировалось. Однако ученый, автор сборников *Englises, More Englises, Still More Englises* и *More More Englises* Манфред Гёрлах, провел исследование и по его результатам не обнаружил наличие каких-либо текстов, которые могли бы оправдать предположение о том, что в семьях 13 века использовался устойчивый пиджин или креольский английский. Он считал, что англоговорящее большинство не забыло свой английский после появления французского языка и не изменило его структуру на-

меренно, как, например, писатели эпохи Возрождения строили свой английский по образцу латыни.

В 13 веке высшие классы продолжали по большей части говорить по-французски. Французский язык стал культурным языком, поддерживаемым социальными обычаями, деловыми и административными соглашениями. Тем временем английский язык не остановил свое развитие. Именно в это время появление французских слов в английском языке стало значительным. Это косвенно подтверждалось тем фактом, что люди, которые изначально привыкли общаться на французском языке, но были вынуждены вести беседу на английском языке, неизбежно употребляли в своей речи французские слова. Французский язык постепенно стал рассматриваться как иностранный. В 1363 году английскому языку было возвращено его доминирующее положение в качестве официального языка страны. Он был введен в образовательный процесс во многих школах. Незнание французского языка среди населения Великобритании увеличилось к 15 веку, хотя он еще долгое время оставался основным языком культуры и моды.

В данной статье предлагаем рассмотреть примеры и группы слов, которые были заимствованы в английский язык из французского во время Нормандского завоевания.

Большая часть слов отражают характер отношений между двумя нациями и выражены такими терминами, как: *crown, empire, state, reign, royal, authority, majesty, court, council, parliament, assembly, treaty, alliance, exchequer*. Слово *office* - французского происхождения, а вместе с ним и названия многих должностей: *chancellor, treasurer, governor, minister, constable*. Большинство рангов французские: *prince, princess, duke, duchess, count* и т.д. Однако, стоит отметить, что основные титулы остались англо-саксонского происхождения: *king, queen, lord, lady, earl*.

Принято выделять следующие группы французских заимствований в английский язык в период нормандского завоевания:

1. Религиозные термины. Влияние нормандского завоевания на церковь было велико. Все высокие посты были отданы норманнам, а все прежние обычаи были заменены новыми, пришедшими с континента. Так в английском языке можно встретить такие слова, как: *religion, theology, sermon, communication, confession, prayer, lesson*. Слова, выражающие фундаментальные религиозные или богословские понятия, пришли из французского языка: *creator, saviour, virgin, saint, miracle, mystery, faith, devotion, temptation*. Слова, обозначающие духовные чины, также французские: *clergy, clerk, dean, parson, pastor, vicar*. Названия религиозных домов (*abbey, convent, cloister, hermitage, sanctuary*) и названия добродетелей (*piety, charity, mercy, pity,*

obedience, virtue) были также заимствованы в английский лексикон.

2. Юридические термины. Судебные процессы долгое время проводились на французском языке, и неизбежно англичане заимствовали юридические термины из французского языка: *defendant, judge, attorney, jury, evidence, proof, punishment, prison, goal*. Англичане переняли французские глаголы для обозначения юридических процессов: *to sue, plead, accuse, blame, arrest, convict, imprison*. Названия многих преступлений и проступков также имеют французские корни: *felony, arson, fraud, slander, perjury, adultery*.
3. Военные термины. Многие французские заимствования, связанные с военным делом, устарели, но некоторые из них все еще можно обнаружить в современном английском языке: *army, navy, peace, enemy, battle, defence, soldier, guard, spy, captain, lieutenant, sergeant*.
4. Культурные термины. Просветительские интересы правящего класса отражаются в словах, относящихся к искусству и архитектуре (*palace, cathedral, mansion, chamber*), литературе (*poet, prose, romance, story, tragedy, title, paper, pen*), образованию, науке и медицине (*medicine, physician, surgeon, pain, plague, stomach, poison*).
5. Термины, отражающие социальную жизнь общества. Нормандские завоеватели составляли высший класс в Англии, и, как результат, устанавливали стандарты в моде и одежде: *fashion, dress, gown, garment, cloak, frock, collar, veil, petticoat*. Названия аксессуаров тоже французские: *lace, embroidery, pleat, buckle, button, kerchief, mitten, boots*. Богатые аристократы могли позволить окружать себя роскошью, поэтому в английском языке появились следующие слова: *embellish, luxury, satin, fur, sable*. Названия многих драгоценных камней французские: *turquoise, amethyst, topaz, garnet, ruby, emerald, sapphire, pearl, diamond*. Французы научили англичан проводить время на открытом воздухе, привили любовь к охоте и скачкам: *ambler, stable, terrier, spaniel, falcon, forest, park*.
6. Еда. Французы украсили английский стол новыми блюдами благодаря Вильгельму Завоевателю. Норманны не только привезли в Британию много названий блюд, но и профессиональных поваров, которые показали англичанам свое кулинарное мастерство. Так на столе англичан появились следующие блюда из мяса: *beef, veal, mutton, pork*, они стали употреблять в пищу *bacon, sausage, gravy, toast, biscuit, cream, sugar*. Французы приучили англичан есть на десерт такие фрукты, как: *fig, grape, orange, lemon, pomegranate, peach*. Англичане научились у них готовить *pastry, tart, jelly, treacle*. Стали употреблять в пищу следующие виды рыб: *mackerel, sole, perch,*

sturgeon, salmon, sardine.

Стоит отметить, однако, что англичане до сих пор не нашли адекватной замены французской фразе *Bon appetite!*

Триста лет господства французского языка повлияли на английский язык больше, чем какое-либо другое

иностранным влиянием до или после него. Использование иностранного языка, т.е. французского в качестве государственного, разнообразие его диалектов и упадок письменной формы английского языка создали ситуацию, чрезвычайно благоприятную для языковых изменений, которые помогли английскому языку сформироваться, приобрести свою уникальность и многообразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ann Williams, *The English and the Norman Conquest*. Boydell & Brewer Ltd, 1997 – 264.
2. *The history of English* [URL: <https://www.thehistoryofenglish.com/>]

© Рыбакова Анна Сергеевна (annrybakova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный социально-гуманитарный университет

ЦИФРОВОЙ ДИСКУРС КАК СРЕДА РАЗВЕРТЫВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

DIGITAL DISCOURSE AS AN
ENVIRONMENT FOR THE DEPLOYMENT
OF INNOVATIVE COMMUNICATION
IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION
OF SOCIETY

N. Kharchenko
I. Bagdasarova
N. Lutsenko
E. Nadedova
I. Krutova

Summary: The article is devoted to the analysis of digital discourse in the context of informatization of society. From the perspective of the study, the most interesting are modern methods of communication that have changed the daily life of a person and made the addressee an active participant in discursive practice. The democratization of communication causes the intensification of research in the field of humanitarian knowledge, in particular linguistics. This is due to the spread of irrelevant information flows that mislead the recipient and modify his rational-emotional sphere with the help of innovative methods and techniques.

Keywords: discourse, communication, digital environment.

Харченко Николай Леонидович

Старший преподаватель, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
президенте РФ г. Москва
m-rh@mail.ru

Багдасарова Илона Юрьевна

Старший преподаватель, Московский
физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
artameli@mail.ru

Луценко Наталья Станиславовна

Старший преподаватель, Московский
физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
nataly.l@inbox.ru

Надедова Екатерина Александровна

Старший преподаватель, Московский государственный
университет спорта и туризма
ekaterina.nadedova@yandex.ru

Крутова Ирина Николаевна

К.ф.н. доцент, Российский государственный социальный
университет г. Москва
dartsk@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу цифрового дискурса в контексте информатизации общества. В ракурсе исследования наибольший интерес представляют современные способы коммуникации, которые изменили повседневную жизнь человека и сделали адресата активным участником дискурсивной практики. Демократизация коммуникации обуславливает интенсификацию исследований в области гуманитарных знаний, в частности лингвистики. Это объясняется распространением нерелевантных информационных потоков, вводящих в заблуждение реципиента и видоизменяющих его рационально-эмоциональную сферу с помощью инновационных приемов и техник.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, цифровая среда.

Одной из базовых концепций современной лингвистики цифрового текста является дискурс [6, с. 14]. Это понятие использовали римляне более 2000 лет назад, и он является диалогом, или речью учебного. В сферу языкознания данное понятие было введено в 1950-х годах [9, с. 394]. Сегодня эта терминологическая единица имеет широкий спектр применения: лингвистика, логика, семиотика, теория коммуникации и философия [10, с. 105].

Несмотря на то, что лингвисты изучают теорию дискурса в течение длительного времени, до сих пор не

существует общепризнанного определения слова «дискурс». По-французски «Discours» — это беседа на различные темы, дискуссии о каком-либо предмете. В контексте анализа дискурса можно выделить два аспекта: речь и общение. Речевой аспект контролируется правилами короткого синтаксиса [12, с. 380]. Коммуникативный дискурс – это текст, содержащий множество взаимосвязанных отображений тем. Поэтому дискурс считается коммуникационным процессом, который формируется в результате различных форм речевой деятельности, выраженной представителями определенной языковой и культурной частями общества [13, с. 256].

Благодаря работам Мишеля Фуко, особенно «Порядку дискурса» (1971), термин приобрел философское значение. По определению Фуко, дискурс – это «группа дискурсов, относящихся к одной структурной системе». По его мнению, в обществе дискурс организуется, контролируется, отбирается и контролируется с помощью процедур, направленных на укрощение непредсказуемости и нейтрализации власти. Благодаря работам Фуко, Мишеля Пешау, Луи Альтюссера, Жака Деррида и Жака Лакана французская школа дискурсивного анализа имеет большую философскую направленность [17, 19]. В философии дискурс также является разновидностью рассуждения, в котором каждое следующее логическое звено зависит от предыдущего и определяет следующее. Термин «дискурсивное мышление» можно использовать как синоним логического и рационального мышления. В современной европейской метафизике, вопреки интеллектуальной интуиции, дискурс также называют разновидностью познания, что происходит через трансцендентные ощущения и рациональность.

В современной лингвистике дискурсу присваивается значение индивидуально-изучаемой области научного знания [15, с. 8311], имеющей под собой значение общности к объединению аспектов науки [16, с. 969], основными признаками которых являются виртуальность [7, с. 190], глобальность [8, с. 45], дистантность, опосредованность, гипертекстуальность.

Как неотъемлемый продукт цивилизации, современная компьютерная действительность выделилась в самостоятельное бытийное целое. В его пределах электронные медиа выступают не только как средство интерактивности при передаче информации, но выявляют собственную мирообразующую, смыслообразующую, и, как следствие, языкообразующую потенцию [3, 4]. Компьютерное бытие или цифровая среда — это всеобъемлющее поле реальности, человеческого опыта и деятельности, основанное на новейших цифровых технологиях. Это объект исследования многих направлений гуманитарных наук [11, с. 154].

Мир, окружающий человечество необъятен в своих формах и смыслах. Разнообразие его форм и проявлений неограниченно. На протяжении тысячелетий люди пытались использовать язык, чтобы полнее отразить объективную и субъективную реальность. Язык является не только средством выражения и распространения готовых мнений, но и силой, создающей новые мнения и понятия [14, с. 254]. Самым эффективным и очевидным средством такого рода рефлексии всегда было пополнение языкового запаса вновь возникшими понятиями реальности и бытия. Одним из приоритетных критериев индивидуальных и коллективных познавательных практик субъектов является максимально полное отражение и выражение объективной (и субъективной) действи-

тельности в языке [5].

Учитывая обзорный фон исходного инновационного изменения позиций в понимании принципов мироздания и его общих принципов моделирования, отметим, что на рубеже XX-XXI веков современная цифровая техника как часть технической отрасли (а, следовательно, техносферы как составляющей ноосферы) доминирует над пространством функциональной деятельности человечества. Однако, являясь целостным продуктом цивилизации, цифровая среда постепенно обособляется в самостоятельное бытие [17]. Интернет – это феномен современного мира, в котором электроника, особенно цифровые медиа, не только служащие средством передачи информации или коммуникации, но и демонстрирует собственный содержательный и миромоделирующий потенциал.

Развитие современной сферы информационных технологий имело место до появления форм коммуникации, начинающих занимать главенствующее место в социальной жизни. Инновационные направления исследования цифрового дискурса привлекают внимание ученых многочисленных гуманитарных наук (лингвистики, философии, психологии и т.д.). Это объясняется преобразованием цифрового дискурса в эффективную информационно-коммуникативную среду, охватывающую письмо и устную речь.

Понятие цифрового дискурса приобрело особую актуальность в контексте информатизации общества. Сегодня информатизацию рассматривают как процесс, посредством которого информационные технологии изменяют экономические и социальные отношения таким образом, что культурные и экономические помехи сводятся к минимуму. Это наталкивает на мысль о том, что новейшие каналы коммуникации обладают способностью объединять мир из-за более устойчивых связей, которые характеризуются мультимодальностью и цифровой природой

Различия в интерпретации появляются при определении основных признаков компьютерного дискурса, которые делают возможным назвать естественный язык коммуникации с помощью компьютера дискурсом. Понятие «компьютерный дискурс» можно трактовать с двух позиций:

1. любое общение в компьютерной сети;
2. общение на темы, связанные с компьютерным дискурсом – имеется в виду целый набор текстов, объединенных общими темами, связанными с современными цифровыми технологиями.

Тексты компьютерных технологий рассматриваются как форма фиксации информации - письменной, адресатной, коммуникативной и направленной на процесс

или результат, узуальной (частично регламентированной) и свободной, дескриптивной (описательной) и аргументированной.

Под цифровым дискурсом следует понимать общение, опосредованное электронными средствами коммуникации или компьютерной коммуникации. Несмотря на некоторое количество терминов, обозначающих компьютерное общение – компьютерный дискурс, электронный дискурс, интернет-дискурс – в целом, это – тождественные понятия, обозначающие как обмен информацией, так и общение с помощью компьютера. Цифровым дискурсом мы считаем тип дискурса, являющий собой речевое взаимодействие пользователей или специалистов по информационным и коммуникационным технологиям в реальной жизни или в компьютерных сетях, и как понятие видовое он является реализацией инвариантной модели дискурса, созданного представителями компьютерного сообщества с целью получения нового знания, представленного в вербальной форме и обусловленного коммуникативными канонами цифровой среды.

За относительно небольшой промежуток времени (около 15 – 20 лет) лексика цифрового пространства стала частью общения коммуникантов разных социальных групп. Кроме того, она получила распространение в текстах таких жанров, как научная и обучающая литература, научно-популярные журналы и научная фантастика. Это связано с целью описания и систематизации знаний в области цифровых технологий, а также с растущим интересом людей к этой сфере. Тексты, отображающие цифровые технологии в жанровом смысле разнообразны, объединены тематической направленностью, и представляют цифровой дискурс как необходимую часть социальной интеракции и информационного обмена.

На сегодняшний день не существует четких норм употребления языковых средств в сфере цифровой коммуникации. Коммуникация в интернете становится повсеместной, популярной, носит глобальный характер. Также появилась третья форма языка, наряду с устной и письменной, – форма электронного письма. Общение в чатах, форумах, гостевых книгах, конференциях, по электронной почте является достаточно специфическим явлением, что стирает границы между устной и письменной формой коммуникации. Это свидетельствует о возникновении новой формы речевого взаимодействия – письменного разговорного языка.

В цифровой среде важной особенностью авторства текста является авторитетность: ссылка на авторитет автора, на его достижения в определенной научной сфере, на количество научных работ этого автора, систематизация научных данных, ссылки на общественное мнение. Идея адресатности является ключевым призна-

ком. Поскольку она являет собой установку на читателя, что проявляется в разных коммуникативных ситуациях, значительную роль в формировании компьютерного дискурса играет функция информативности. В рамках онлайн-коммуникации исследователи выделяют коммуникативную функциональную грамотность, которая может быть сформирована с помощью технология риторической [2, с. 10], т.е. анализа риторических текстов в сети.

Информационное пространство современного общества быстро развивается, ведущую роль в нем играет оцифровка. Исследованиям особенностей компьютерного дискурса посвящено немало исследований, поскольку сейчас всемирная сеть и компьютеры унифицированы, обновляется словарный состав языка, появляются и сосуществуют с ним новые термины, которые необходимо изучать и овладеть ими. Современный термин «цифровой дискурс» появился в США в 1946 году, когда появился первый компьютер.

В настоящее время компьютерные технологии применяются практически во всех областях общественной жизни. В результате этого технический язык со временем стал более популярным и содержательным. Современные лингвисты считают, что Интернет и технологии – это перманентно развивающийся мир, имеющий свой полный и аутентичный язык, как разговорный, так и профессиональную терминологию. Слово «дискурс» изучается давно, но до сих пор учёные не дали четкого объяснения. Противоречие термина заключается в истории его формирования, когда семантическая «память» лексемы сохраняет ее свидетельство предварительного употребления.

Из-за ненадежности хранения фактических материалов возникла противоречивость вопроса исследования. С одной стороны, текст есть на сайте, мы его видим, мы можем им пользоваться, с другой стороны, веб-мастер может изменить или удалить текст в любой момент. Несмотря на подобные трудности, изучение компьютерного дискурса все еще остается наиболее актуальной и увлекательной темой. Количество публикаций на эту тему постоянно увеличивается. Поэтому ученые-лингвисты из разных стран продолжают активно исследовать языки, которыми пользуются коммуниканты цифровой среды. Они считают, что характеристика письменного языка в области интернет-коммуникации есть адаптация таких средств разговорного языка, как интонация и тоника к паралингвальным средствам письменного языка. Особенно это касается шрифтов или цветов. Поэтому письменный разговорный язык появился как новая форма речевого взаимодействия.

В период развития «онлайн-коммуникации» лингвисты столкнулись с вопросом отнесения этого вида общения к устной или письменной части речи, поскольку

данный вид общения сочетает в себе характеристики разговорной (говорящий не придерживается правильного выбора структуры, стилистической целостности и т.д.) и письменной (голос записывается в письменной форме). В Интернет-общении существуют три голосовых формы. Первый включает несколько логических форм. Многоязычие – это диалог нескольких людей, некоторая спонтанная смысловая структура, а не линейность речи. В онлайн-вещании полилог – это комментарий к записи, видео или изображению, опубликованному конкретным пользователем. В таком общении все участники равны, правил общения нет, многоязычие инициируется реципиентом. Другой вид речи – монолог. Эта форма принадлежит только получателю и не обеспечивает прямой словесный ответ получателя. Она характеризуется написанием больших текстов на основе структурно содержательных взаимосвязанных высказываний.

Соответственно, инновационная коммуникация в глобальной цифровой среде в области получения новых знаний понимается как вертикально интегрированная на макро- и микроуровнях множественность узуальных языковых инноваций и инновационных коммуникативных практик и технологий по своей типологической специфике являются условно исчерпывающими феноменологическими коррелятами разнообразных эле-

ментов цифровой среды. Как языковая макроструктура, инновационная коммуникация в цифровом дискурсе моделируется интероперабельностью языковых, когнитивных (прессупозиционных) и коммуникативно-деятельных параметров. Как структурный макрокомпонент цифровой среды, инновационная коммуникация в области получения новых знаний моделируется интероперабельностью и синтезом технологических и коммуникативно-деятельных параметров.

Учитывая быстрые темпы синхронизации цифровой динамики среды, новая компьютерная реальность сразу отражается в процессах развития современного общества. Таким образом, внедрение новых компьютерных технологий, цифровых технологий как посредников социальной деятельности и потребностей измерения коммуникации способствует кодированию на концептуализации цифровой среды в многоуровневой отраслевой парадигме. Инновационная коммуникация в глобальной цифровой среде и области получения новых знаний понимается как интегрированный в макро- и микроуровни языковых и речевых инноваций и инновационных коммуникативных практик и технологий, которые по своим специфическим характеристикам являются феноменологическими коррелятами разно уровневых элементов цифровой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимгазинов К.Ш. Интернет и историческое знание: от информатизации к новым горизонтам исследований. 2014. С. 36–42.
2. Алферьева-Термисикос, В.Б. Педагогические технологии формирования коммуникативной функциональной грамотности в начальной школе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 88-3. – С. 8-12. – DOI 10.18411/trnio-08-2022-91.
3. Борчиков С.А. Творческое воображение виртуальной реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 10. 2001. С. 18–24.
4. Брагина Н.Г. Мифологический хаос (культурный след в языке). Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 18–32.
5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
6. Колпащикова, Ю.А. Основные критерии классификации медиасистем / Ю.А. Колпащикова // Синтез современных наук: Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Москва, 30 октября 2016 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2016. – С. 14-18. – EDN XGBVBN.
7. Уланова, К.Л. Инварианты фоностилистических характеристик при построении англоязычного политического дискурса (на материале современного английского языка) / К.Л. Уланова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-1(75). – С. 190-193. – EDN ZENMEN.
8. Уланова, К.А. Роль интонации в публичной речи политического лидера / К.А. Уланова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 3. – С. 45-49. – EDN OCVXBD.
9. Усов, С.С. Содержательно-концептуальный аспект информативности политического дискурса (на примере «фултонской речи» у Черчилля) / С.С. Усов // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: Сборник научных трудов / Под общей редакцией С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 394-400. – EDN LLUUGE.
10. Усов, С.С. Эмоционально-оценочная номинация реалий в политическом дискурсе в XXI в / С.С. Усов, М.А. Сафонов, Н.Л. Харченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(146). – С. 105-109. – EDN NPTBRS.
11. Харченко, Н.Л. Манипулятивные структуры в политическом дискурсе / Н. Л. Харченко // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 154-158. – EDN UCOMRT.
12. Хорохорина, Г.А. Внедрение модели глобального образования на занятиях по иностранному языку / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова // Коммуникация в современном поликультурном мире: национально-культурная специфика построения дискурса: ежегодный сборник научных трудов. – Москва: Российское представительство издательства ПИРСОН ЭДЬЮКЕЙШН ЛИМИТЕД, 2016. – С. 380-388. – EDN XFXFCV.
13. Шеховская, Ю.А. Межличностное общение в рамках спортивного дискурса как способ формирования коммуникативных навыков / Ю.А. Шеховская //

- Учитель. Ученик. учебник : материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. – Москва: КДУ, 2019. – С. 256–259. – EDN WVXIAT.
14. Языковые средства выражения элементов фантастики в политическом дискурсе / И.А. Сеницына, М.А. Сафонов, С.С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31. – № 2. – С. 254–263. – DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
 15. E-learning process planning in organizing of linguistic students' self-study for bachelors of pedagogical direction / K.B. Akopyan, Yu.V. Bopp, E.A. Golubovskaya, E.V. Glukhova // Edulearn18 : Conference proceedings, Palma, Spain, 02–04 июля 2018 года. – Palma, Spain: IATED Academy, 2018. – P. 8311–8318. – DOI 10.21125/edulearn.2018.1939. – EDN BEQRWR.
 16. Hakobyan, K. Pragmasylistic aspects of the description of language image / K. Hakobyan, G. Khorokhorina, E. Glukhova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, Albena, 24–30 августа 2016 года. – Sofia: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2016. – P. 969–976. – DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2016/B11/S03.123. – EDN LXTFJM.
 17. Foucault, Michel L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Gallimard. 1971.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Багдасарова Илона Юрьевна (artameli@mail.ru),
Луценко Наталья Станиславовна (nataly.l@inbox.ru), Надедова Екатерина Александровна (ekaterina.nadedova@yandex.ru),
Крутова Ирина Николаевна (dartsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

СЕМАНТИКА ИДИОМ, С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ»

Цзюй Цюнь

Аспирант, Минский государственный лингвистический университет,
Беларусь, г. Минск
1170534447@qq.com

SEMANTICS OF IDIOMS IN WHICH THEY ARE PRESENTED WITH THE COLORATIVE "RED"

Ju Qun

Summary: The article deals with the problem of the semantics of phraseological units with the color component "red" in Russian and Chinese. For this, it is important to take into account the lexical and semantic features of Russian and Chinese phraseological units with the color "red". The study was conducted on the material of 67 Russian and 60 Chinese phraseological units. The analysis showed that phraseological units with the color component "red" in Russian and Chinese cultures have different semantics, and their meanings are not identical.

Keywords: phraseological units, coloring, color designation, semantics, connotation.

Аннотация: В статье рассматривается проблема семантики фразеологических единиц с колоративным компонентом "красный" в русском и китайском языках. Для этого важно учитывать лексико-семантические особенности русских и китайских фразеологизмов с цветом "красный". Исследование проводилось на материале 67 русских и 60 китайских фразеологических единиц. Анализ показал, что в русской и китайской культурах фразеологизмы с колоративным компонентом "красный" имеют разную семантику, и их значения не идентичны.

Ключевые слова: фразеологические единицы, окраска, цветообозначение, семантика, коннотация.

Красный цвет весьма значим в культуре многих народов; его символические значения чрезвычайно многообразны. Семантическое ядро этого колоратива включает значения, общие и понятные многим народам: красота, радость, полнота жизни, революция, война и нек. др. [4]. Однако коннотативно приращенные значения в составе лексических единиц фразеологического типа с колоративом *красный* обнаруживают разные пути и способы семантических переосмыслений в разных языках.

Словарь В. Даля определяет «красный» как «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови» [2, с. 122]. Словарные статьи с заголовочным словом *красный* в современных толковых словарях русского и китайского языков включают такие значения, как 1) цвет (*красное знамя*); 2) стыд (*красный как рак; красный от стыда*); 3) красота (*красна птица пером, а человек ученьем; на чужой стороне и весна не красна*); 4) связь с революцией (*красная армия; красная власть*); 5) высокое качество (*красная цена*) [3; 6; 5, с. 389].

Единицы фразеологического типа с колоративом *красный*, не только отражают, но и переосмысливают цветовое значение этой лексемы. Исходя из этого, распределение значений в русских ЛЕФТ с компонентом «красный» выглядит следующим образом.

1. Красота, привлекательность: *красна девица, красный молодец*. Приращенное значение колоратива *красный* как 'красивый, привлекательный' реализуется также в русских пословицах и поговорках,

например: *на красный цветок и пчела летит* (яркая оболочка привлекает внимание и людей, и животных; красивый на вид предмет может быть бесполезным, а иногда и опасным; цветок может оказаться непригодным для сбора нектара) [2, с. 567]; *красна, как маков цвет* (о привлекательной девушке) [2, с. 189]; *не красна изба углами, а красна пирогами; печаль не красит, горе не цветит; краше красного солнышка, светлее ясного месяца* и др.

2. Честь: *красная доска* (доска, на которой писались имена передовых работников и помещались их портреты; в том же значении выступает *доска почета* [7]); *красный диплом* (диплом с обложкой красного цвета о высшем образовании, который выдается отличникам учебы); *красный двор* (в барской усадьбе место около дома с цветниками, клумбами, предназначенное для встречи дорогих гостей); *красное крыльцо* (с середины XVII в. так называлось крыльцо, которое шло по всей лицевой стороне московского царского дворца, от Благовещенского собора до Грановитой палаты и предназначалось для встречи особо почетных гостей; здесь отражает значения 'красивый' и 'почетный'); *красный угол* (у восточных славян наиболее почетное место в избе, в котором находились иконы; в красном углу сажали самых дорогих гостей) [7]. Приращенное значение колоратива *красный* как 'почетный, особо уважаемый' реализуется также во многих русских пословицах и поговорках, например: *красному гостю – красное место, перво-*

- му гостью – красная ложка.
3. Связь с революцией: *Красная Россия* (Россия после Октябрьской революции 1917 г.), *Красная армия* (армия для защиты завоеваний революции; красный цвет стал символом свержения царской власти и провозглашения власти Советов); *красные* (воины Красной армии); *красный командир* (лицо, принадлежащее к командному составу Красной армии), *красный офицер* (офицер Красной армии); *красная конница* (кавалеристское подразделение Красной армии); *красный юнкер* (воспитанник военного училища, готовившего офицеров для Красной армии); *красный флот* (сокращение от Социалистический Рабоче-крестьянский Красный флот – род войск, входящих в состав Красной армии; название советских военно-морских сил с 1918 по 1946 г.) [3].
 4. Психическое состояние неуравновешенности: *красный* от ярости, злости, смущения, волнения, напряжения, обиды, досады, робости и т.д.; *красный как рак* (имеется в виду цвет вареного рака; о человеке, у которого от сильного психического потрясения прилила к лицу кровь). То же коннотативное приращение видим и в русских пословицах и поговорках: *не красней, девка, коров доючи, красней, девка, с парнем стоючи* и др. [6].
 5. Нечто указывающее на убыточность: *красное сальдо* (отрицательный остаток) [3]; *красная запись* (бухгалтерская проводка, исправляющая ошибку, которая ранее делалась чернилами красного цвета) [3].
 6. Праздник, нечто радостное, счастливое: *красный день* (календаря), *красная суббота* (праздничное время); *красная горка* (народное название первого воскресенья после Пасхи, праздник Антипасхи); *красная пора, красное времечко, красные деньки, красное детство* (счастливое время) [2, с. 190]. С настроением праздничности связана ЛЕФТ *красное солнышко* ‘человек, чье появление/приход куда-либо приносит радость’. Приращенное значение колоратива *красный* как ‘радостный, счастливый’ реализуется также во многих русских пословицах: *на миру и смерть красна; весело пожить, да красно умереть* и др.
 7. Запрет: *красная карточка* (в спорте запрет игроку продолжать игру); *красный свет/светофор* (запрет движения на дороге), *красная линия* (рубеж, который нельзя пересекать) [3].
 8. Близкая к коннотации ‘запрет’ коннотация ‘опасность’: *рыжий да красный – человек опасный; с рыжим дружбы не води*. В значении ‘опасный для общества’ может рассматриваться ЛЕФТ *квартал (район) красных фонарей*, то есть публичных домов. К значению ‘опасность’ примыкают ЛЕФТ *красная тряпка* (нечто раздражающее, повергающее в состояние безудержного гнева); *красный петух* (пожар), *пустить/по(д)садить красного петуха* (устроить пожар/поджог) [3].

9. Остроумный, меткий: *красные слова, красные речи, красное словцо* (остроумное, меткое выражение; яркие, выразительные слова.), *ради красного словца* (о чем-либо, сказанном лишь для того, чтобы показать свое остроумие, похвастать); это отражено в некоторых поговорках, например: *ради красного словца не пожалеет и отца* (о человеке, который готов оскорбить даже собственного отца, лишь бы прослыть остроумным) [3].
10. Показатель важности, выделенности: *красная строка* (в старинных русских рукописных книгах названия разделов выписывались киноварью – чернилами красного цвета) [7]; *красная нить/красной нитью* (важная мысль/идея, к которой автор словесного произведения все время обращается) [3].
11. Показатель состояния здоровья: *красный нос, красная рожа* (пьющий человек, больной алкоголизмом); *кровь с молоком* (обладающий крепким здоровьем) [3; 6].
12. Показатель высокого качества: *красная дичь* (лучшая, наиболее вкусная и редкая дичь), *красная цена* (самая высокая/лучшая цена, которую можно дать за что-либо); *красный товар* (лучший товар) [6] и др.
13. Хороший, яркий, светлый, погожий: *красный день; красное лето; красная весна; красный месяц* [3; 6].
14. Отрицательная характеристика чего-либо: *рыжих и во святых нет; рыжему во святых не бывать; что я – рыжий?* [3; 6] и т.д.

Лексемы 红/赤/丹/朱/彤 в словаре современного китайского языка имеют следующие значения: 1) цвет, подобный крови (красный рот и белые зубы; красные цветы и зеленые деревья), подобный огню (красное солнце), подобный киновари (корона красного журавля) и т.д.; 2) символ красоты (красная пудра; красное лицо); 3) символ успеха (праздничный красный фонарь; наклеить красную бумагу на дверь); 4) символ революции (красная песня; красная база); 5) прибыль; [10, с. 972]; 6) преданность (красное сердце); 7) обнаженный (красное тело) [5, с. 256]; 8) киноварь (красная киноварь); 9) панacea (красная бумага); 10) 赤 имперский (красное замечание) [5, с. 314].

Рассмотрим более подробно китайские ЛЕФТ с компонентом *красный* во всех их семантических вариантах.

1. Цвет: цвет цветка граната – красный; киноварь (минеральные пигменты; красная краска, получаемая из сернистой ртути):
 花红柳绿 (букв. красные цветы и зеленые деревья) – пейзаж весны [9];
 绿肥红瘦 (букв. толстый зеленый лист и худые красные цветы) – пейзаж конца весны [5, с. 450];
 红唇皓齿 (букв. красный рот и белые зубы означает лицо красивой девушки) [8];

红烛 (букв. красная свеча – свадьба) [8];
 赤日 (букв. красное солнце) – летнее солнце [8];
 赤泥 (букв. красная почва) – терракота [8];
 赤丹 (букв. красный шарик означает панацею) [8];
 丹顶鹤 (букв. корона красного журавля) – японский журавль [8];
 丹桂 (букв. красный османтус) – коричневое дерево [8];
 丹秫 (букв. красный рис) – красные красильные растения [5, с. 315];
 彤云 (букв. красное облако) – темное облако [5, с. 1657];
 彤几 (букв. красный столик) [5, с. 1657];
 彤庭 (букв. красный дворец) [5, с. 1657];
 朱砂, 鹤顶红 (букв. красная киноварь, красный яд) – сернистая ртуть [5, с. 1657].

2. Красота:

红粉佳人 (букв. красная пудра – красавица) [8];
 红袖添香 (букв. красные рукава – красивая женщина) [8];
 红颜 (букв. красное лицо – красивая женщина) [8];
 红颜薄命 (букв. красная женщина не может долго жить, что означает красивые женщины страдают от несчастной судьбы) [5, с. 1198];
 红颜祸水 (букв. красное лицо, губительная вода – красивая женщина – всегда роковая женщина; хотя женщины прекрасны, они приносят несчастье) [5, с. 1198].

3. Оценка социального статуса:

披红戴花 (букв. надеть красную шелковую мантию – получить высокую должность, поскольку красный является символом чести в китайском сознании) [8];
 大红大紫 (букв. яркий красный и фиолетовый означает быть очень известным) [9, с. 1198];
 红人 (букв. красный человек – фаворит) [5, с. 463].

4. Успех:

满堂红 (букв. праздничный красный фонарь – полный успех в каком-либо деле) [5, с. 676];
 开门红 (букв. наклеить красную бумагу на дверь – положить успешное начало) [9].

5. Связь с революцией:

红色政权 (букв. красный режим – коммунистический режим) [8];
 红歌 (букв. красная песня – политическая песня) [8];
 红色基础 (букв. красная база – опорная база революции) [8];
 又红又专 (букв. и красный, и квалифицированный – политически грамотный и профессионально подготовленный) [8].

6. Духовный уровень человека:

红尘 (букв. красная пыль обозначает простонародное происхождение и отсутствие должного воспитания и образования) [5, с. 397];
 看破红尘 (букв. постичь значение красной пыли – постичь бренность жизни) [5, с. 397].

7. Уничижительное отношение к вещи или явлению:
 绿酒红灯 (букв. красные фонари и зеленое вино означает разнообразие и разгул непристойной ночной жизни) [5, с. 162].

8. Чувство, психическое состояние:

脸红 (букв. красное лицо означает стыд) [9];
 面红面绿 (букв. лицо и красное, и зеленое означает ощущать волнение, волноваться) [8];
 脸红耳赤 (букв. красные лицо и уши – очень взволнованный и гневный) [5, с. 472];
 脸红脖子粗 (букв. красное лицо и толстая шея – сердиться) [8];
 红线 (букв. красная линия – любовь) [5, с. 398];
 红绳系足 (букв. красная веревка – помолвка) [9, с. 1197];
 眼红 (букв. красные глаза – гнев) [8];
 红眼病 (букв. болезнь красных глаз – зависть) [5, с. 399].

9. Состояние здоровья:

满面红光 (букв. красный цвет по всему лицу – сиять свежестью и здоровьем) [9, с. 1232];
 白发红颜 (букв. волосы белые, а лицо розовое – старый здоровый человек) [5, с. 11].

10. Высокая значимость чего-либо:

红白喜事 (букв. красный и белый, свадьба и похороны – значимые события в жизни человека) [1, с. 1195];
 十里红妆 (букв. красное приданое – пышная свадьба) [8];
 丹方 (букв. красная бумага – рецепт лекарства);
 丹药 (букв. красная пилюля – эликсир бессмертия) [5, с. 316];
 朱批 (букв. резолюция, начертанная красной тушью, – подпись императора);
 朱谕 (букв. красный указ – чрезвычайный указ императора) [5, с. 1657; с. 1658].

11. Запрет:

红牌 (букв. красная карточка означает запрет играть) [5, с. 398];
 红灯 (букв. красный свет – запрет двигаться) [5, с. 397];
 红线 (букв. красная линия – это линия, которую нельзя пересекать) [5, с. 397].

12. Преданность:

一片赤心 (букв. красное сердце – сильная преданность) [5, с. 1524];
 赤情 (букв. красное чувство – искренность, чистосердечие) [5, с. 263];
 赤胆忠心 (букв. красная печень – верой и правдой) [5, с. 262].

13. Обнаженность, нагота:

赤身裸体 (букв. красное тело – голый человек) [1, с. 299];
 赤脚 (букв. красная нога – голая нога);
 赤手空拳 (букв. красная рука, пустой кулак – невооруженный, беззащитный) [9, с. 299].

14. Злоязычие:

赤口白舌 (букв. красная губа и белый язык – заговариваться) [9, с. 298];

红口白牙 (букв. красный рот и белые зубы – клеветой причинить зло) [8].

При сплошной выборке из толковых и фразеологических словарей русского и китайского языков нами было зафиксировано 39 случая употребления колоратива *красный* в русских лексических единицах фразеологического типа и 136 случаев в китайской идиоматике. В таблице 1 представлено, как распределяется семантика данных ЛЕФТ.

Отраженные в таблице результаты сопоставительного изучения семантики лексических единиц фразеологического типа с колоративом *красный* позволяют заключить, что культурные коннотации красного цвета в китайских и русских ЛЕФТ близки, однако данный колоратив характеризуется различной фразеологической активностью в русском и китайском языках; причем в китайской идиоматике семантика ЛЕФТ с компонентом *красный* отличается более высокой степенью интенсификации своего

первоначального собственно цветового значения.

Большинство ЛЕФТ с компонентом *красный* как в русском, так и в китайском языке употребляются для выражения таких значений, как цвет, связь с революцией, честь и запрет; при этом семантика, отражающая связь с революцией и запрет, развилась в обоих языках уже в новое и новейшее время. Общими для русского и китайского языков являются такие значения ЛЕФТ с колоративом *красный*, как красота, психическое состояние, успех, высокая значимость чего-либо, показатель здоровья. Специфическими для китайских ЛЕФТ с компонентом *красный* являются такие значения, как злоязычие, преданность, обнаженность, оценка социального статуса и духовного уровня человека, а также значения, входящие в семантические поля понятий «свадьба» и «женщина». Для русских ЛЕФТ с колоративом *красный* специфическими значениями являются остроумие и опасность.

Обнаруженные в русском и китайском языках различия в семантике ЛЕФТ с компонентом *красный* свидетельствуют о национальной специфике цветовой картины мира анализируемых лингвокультур.

Таблица 1.

Семантика ЛЕФТ с компонентом *красный/红/赤/丹/朱/彤* в русском и китайском языках

Семантика ЛЕФТ	красный	红	赤	丹	朱	彤
Цвет	+	+	+	+	+	+
Красота	+	+				
Честь/ оценка социального статуса		+				
Связь с революцией	+	+				
Психическое состояние/ чувство	+	+				
Праздничность	+					
Запрет	+	+				
Остроумие	+					
Опасность	+					
Успех	+	+				
Духовный уровень человека		+				
Уничижительное отношение к вещи или явлению		+				
Показатель здоровья	+	+				
Высокая значимость чего-либо	+	+				
Преданность			+			
Злоязычие			+			
Обнаженность			+			

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь китайского языка / Юань Цзанпин. – М.: Китайский язык, 2009. – 2293 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – 4098 с.

3. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь. Т. 1--2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб., тип. Ак. наук, 1896–1912. – 2208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/>. – Дата доступа: 22.01.2021.
4. Оразгалиева, Г.Ш. Культурная коннотация цветообозначений у разных народов / Г.Ш. Оразгалиева // Вестник КарГУ. – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/6498>. – Дата доступа: 01.03.2021.
5. Современный китайский словарь. – М.: Китайский язык, 2005. – 1869 с.
6. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Атлант, 2013. – 800 с.
7. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
8. Фразеологический словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cy.5156edu.com/html4/1037.html>. – Дата доступа: 11.04.2020.
9. Фразеологический словарь Синьхуа / Хао Цзинцянь, Ли Цзин, Чжан Сюфан. – М.: Китайский язык, 2009. – 1185 с.
10. Чжан Цзанхуа. Современный русско-китайский и китайско-русский словарь / Чжан Цзанхуа. – М.: Китайский язык, 2012. – 1104 с.

© Цзюй Цюнь (1170534447@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Минский государственный лингвистический университет

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ДРЕВНЕЙ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА И СОЗДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПАНЬГУ И НЬЮВА)

Цуй Юйфэй

соискатель, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
victoria-yufei@mail.ru

PRECEDENT NAMES IN ANCIENT CHINESE MYTHOLOGY ABOUT THE ORIGIN OF THE WORLD AND THE CREATION OF HUMAN BEINGS

Cui Yufei

Summary: This article discusses the history and significance of two precedent names Pangu and Nǚwa from ancient Chinese mythology. These precedent names are important for the Chinese, because from their point of view, these characters created the world of animals and human beings. Chinese mythology consists of many unusual myths, thanks to which the culture of the country is of great interest to the foreigners.

Keywords: precedent names, mythology, myth, Chinese culture, mentality.

Аннотация: В данной статье рассматривается история и значение двух прецедентных имён Паньгу и Нюйва из древней китайской мифологии. Данные имена имеют важное значение для китайцев, так как с их точки зрения, именно эти персонажи создали мир животных и человека. Китайская мифология состоит из многих необычных мифов, благодаря которым культура страны вызывает большой интерес у иностранцев.

Ключевые слова: прецедентные имена, мифология, миф, китайская культура, ментальность.

В настоящее время термины «мифология» и «миф» употребляется в культурологических исследованиях. По мнению Л.А. Манерко, «термин не может быть однозначным и иметь неизменный план выражения, обладать концептуальной универсальностью и не зависеть от синтаксического окружения» [Манерко, 2005, с. 28]. Благодаря этому, термины «мифология» и «миф» были заимствованы наукой именно в целях придания большей строгости понятийному аппарату зарождавшейся науки о мифах [Бесков, 2015, с. 117].

Мифология, как предмет науки, обозначает «совокупность мифов», а миф в толковом словаре русского языка представляет собой «древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы» [Шведова, 2010, с. 1303]. Как полагал И.М. Дьяконов, миф – это «способ массового и устойчивого выражения мироощущения и миропонимания человека, ещё не создавшего себе аппарата абстрактных обобщающих понятий и соответственной техники логических умозаключений» [Дьяконов, 2004, с. 9]. «В мифах чаще всего отражались отношения между людьми, их существование, особенности культуры и географии страны. Мифы стали особой частью культуры и являются произведениями искусства, которые выражают идеологию общества в целом» [Вдовина, 2015, с. 848].

В китайской мифологии есть множество персонажей, чьи имена стали прецедентными. Например, Куа-фу (гнал за светом солнца), Цзинвэй (заваливала камнями

ми море, чтобы отомстить), Да Юй (обуздал потоп), Хоу И (пронзал 8 солнц, чтобы спасти народ), его жена Чан Э (улетела на Луну) и т.д. Китайская мифология глубоко влияет на ментальность китайского народа и государства. Например, миф о том, как Да Юй обуздал потопа показывает, что во время бедствия в первую очередь правительство отвечает за спасение народа.

В каждой культуре есть имена богов, которые создали мир животных и человека. Китайская культура в этом плане не исключение. В качестве примера можно рассмотреть такие популярные те прецедентные имена, как 盘古 (Паньгу) и 女娲 (Нюйва). Д.Б. Гудков считает, что прецедентные имена связаны «с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван)» [Гудков, 2003, с. 108]. Практически каждый китаец знает Паньгу и Нюйва и их истории о создании мира и человека.

1. 盘古开天辟地 (Паньгу отделил небо от земли)

Статус Паньгу похож на то место, которое занимает Бог в западной культуре, именно он создал наш мир природы. Давным-давно небо и земля не были разделены, тогда по своей форме мир был похож на круглое яйцо, и именно гигант Пангу разделил весь хаос своим топором пополам. Половина «яйца» стала лёгкой и яркой, другая половина – тяжёлой и мутной. Лёгкая часть поднималась всё выше и выше, постепенно становясь высоким голубым небом; тяжёлая часть опускалась вниз, превращаясь в огромную землю [7].

Климат на небесах и на Земле постоянно меняется вместе с эмоциями Паньгу. Когда он радовался, небо было безоблачным; а если сердился, небо и земля становились мрачными и серыми, и появлялись тучи; когда Паньгу плакал, его слёзы превращались в дождь, падавший на землю и формировавший в реки и ручьи; а его вздохи вызывали в порывы ветра. После смерти Паньгу его волосы превратились в густые деревья и цветы на земле; левый глаз превратился в яркое солнце; правый глаз – в прекрасную и чистую Луну; мышцы – в плодородную землю; зубы и кости – в белые нефриты и бесконечные сокровища под землей [8].

Прецедентное имя Паньгу имеет важное значение: во-первых, он считается первым богом, который создал настоящий мир. Во-вторых, другие китайские мифы рассказываются обычно сначала фразой «после того, как Паньгу отделил небо от земли...». Поэтому Паньгу считается создателем нашего мира и предком человечества.

2. 女娲造人, 女娲补天 (Нюйва создала человека и починила небосвод)

Богиня Нюйва была женщиной, нижняя часть тела которой была змеиной. Она создала все вещи в мире [10]. Нюйва подумала, что если бы с ней жило много людей, она была бы гораздо более счастлива. Поэтому она использовала воду и глину, чтобы вылепить людей. Она вылепила глиняного человека, положила его на землю, вдохнула в него жизнь, чтобы тот начал бегать, прыгать, говорить и смеяться. Нюйва была так счастлива, что слепила мужчину и женщину, и через некоторое время вокруг неё было много людей. Они толпами кружились вокруг Нюйва-мамы. Затем она почувствовала себя

слишком уставшей и захотела отдохнуть. Нюйва подняла с земли верёвку, чтобы отбросить грязь, однако, эти брызги грязи также превращались в разных живых людей. Люди, созданные богиней, работали и жили вместе и медленно плодились, создавая будущие поколения [8].

После этого, по легенде, была война богов, и небо перестало держаться, Нюйва расплавила камни в пять цветов, и починила небосвод этими камнями. Богиня создала и спасла всех людей, поэтому китайцы называют Нюйву общей Мамой, её любят и уважают до сих пор.

Стоит отметить, что существует другая версия: у Нюйва был старший родной брат, которого звали 伏羲 (Фуси). Фуси и Нюйва поженились, у них родились дети, которые стали быстро размножаться. Так Фуси и Нюйва стали предками людей. Некоторые люди считают, что Паньгу и Фуси – это один человек [9], но доказать эту версию невозможно, и не касается нашей темы.

Итак, мы рассмотрели истории Паньгу и Нюйвы, и узнали о том, какие значения играют их имена для китайского народа. Конечно, с точки зрения современной науки, эти истории не соответствуют общепринятым нормам, но в то время науки, как таковой, не было, поэтому подобные мифы давали ответы на некоторые философские вопросы: Как был создан мир? Откуда появился человек? Сложно понять, как мифология превращается в философию, а философия – в мифологию [Бесков, 2015, с. 118]. Однако, китайская мифология действительно тесно связана с китайским образом мышления, влияет на китайскую ментальность, веру, культ, преклонение, табу, суеверия, и даже на направление развития китайского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бесков А.А. Мифология мифологии. // Общество. Среда. Развитие. 2015, № 1. С. 116-120.
2. Вдовина Е.В. Образовательные возможности мифологии. // Молодой учёный. 2015. №12. С. 848-850.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
5. Манерко Л.А., Шарапов А.Н. Европейское терминоведение: от вюстерианского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации. // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика 2015 / № 5. С. 24-32.
6. Шведова Н.Ю., Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Серия: Словари и справочники по русскому языку. М.: Изд-во Оникс. 2010. 3423 с.
7. Паньгу отделил небо от земли. URL: <http://www.shenhuagushi.net/pangu.html> (дата обращения: 02.09.2022)
8. Нюйва создала человека и починила небосвод. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1599080766585817114&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 02.09.2022)
9. Отношение между Паньгу, Фуси и Нюйва. URL: http://www.360doc.com/content/17/1113/21/44275216_703554347.shtml (дата обращения: 02.09.2022)
10. Китайские мифические существа — животные и монстры. URL: <https://kitaygid.ru/istoriya/kitajskaya-mifologiya> (дата обращения: 02.09.2022)

© Цуй Юйфэй (victoria-yufei@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Abdrakhmanov K.** – Candidate of Historical Sciences, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)
- Abdrakhmanova E.** – postgraduate student, Orenburg State Pedagogical University
- Abdullaev A.** – postgraduate student, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Russia, Moscow; NGO SCBI "TYPHOON" Interregional public organization, martial arts sports club, trainer-teacher
- Abdulmanapova M.** – MA student, Dagestan State University (Makhachkala),
- Alieva S.** – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Dagestan State University (Makhachkala),
- Bagdasarova I.** – Senior Lecturer? Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)
- Baklanov V.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
- Balashova N.** – Candidate of Philology Sciences, NFI KemGU
- Bocharova A.** – Moscow City University, Moscow, Russia
- Bondarenko S.** – Ph.D., Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
- Bozieva N.** – kandidat filologicheskikh nauk, dotsent, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, G. Nalchik
- Brenner D.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor GSPi named after V.G. Korolenko, Izhevsk
- Cherenkova L.** – Saint Petersburg State University
- Chernyshev V.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Pacific State University
- Chernysheva L.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Armavir State Pedagogical University
- Chudinovskikh A.** – Applicant, NEFU; Director of the MOBU Gymnasium "Center for Global Education" (Yakutsk)
- Cui Yufei** – applicant, Lomonosov Moscow State University
- Demidova I.** – Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics
- Erokhina A.** – speech therapist teacher, Shuisky correctional boarding school, Shuisky branch of Ivanovo State University, Shuya

Our authors

- Ershov M.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, State Social and Humanitarian University
- Eyrikh N.** – PhD in Mathematics, Associate Professor, Sholom-Aleichem Priamursky State University
- Galchenko N.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Murmansk Arctic State University
- Jafarova G.** – Applicant, foreign language teacher, Moscow State Regional University
- Ju Qun** – graduate student, Minsk State Linguistic University, Belarus, Minsk
- Kalantaryan G.** – Master degree student of Linguistics, Surgut State University
- Kharchenko N.** – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
- Kirsanova A.** – postgraduate student, Ryazan State University
- Klyushina A.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education
- Kochetova O.** – cand. philol. Sciences, NFI KemGU
- Konobeyskaya A.** – Senior lecturer, Pacific State University
- Kopreva K.** – student, Kuban State University
- Kopreva L.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Flight School
- Kovalenko E.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages, the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University (Novokuznetsk)
- Kruglov V.** – Ph.D., Assistant Professor, Moscow City University; Lecturer of MGIMO University
- Krutova I.** – Associate Professor, Russian State Social University (Moscow)
- Kuksa P.** – Candidate of Philological Sciences, Ryazan Guards Higher Airborne Command School, Russia, Ryazan
- Kurbakova O.** – Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics
- Kurbanov I.** – Candidate of Philological Sciences, Professor, Surgut State University
- Kuznetsova Yu.** – PhD in Psychology, Director, Open Socio-Economic College (Tula)

Lagunova L. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University, Yekaterinburg;

Lenkova T. – PhD student, Lomonosov Moscow State University; Candidate of Philological Sciences, Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Lisovik A. – Siberian State Scientific and Technical University named after Academician M.F. Reshetnev Krasnoyarsk, Russia

Lobanova E. – PhD, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Lutsenko N. – Senior Lecturer? Moscow Institute of Physics and Technology (national research university)

Ma Mengze – Master degree student, Surgut State University

Makurina I. – Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor, Air Force Military Educational and Scientific Center "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin" (Branch in Chelyabinsk)

Markova N. – PhD in Mathematics, Associate Professor, Pacific National University

Matsko A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Armavir State Pedagogical University

Matveeva E. – PhD in Mathematics, Associate Professor, Far Eastern State Transport University

Morugina V. – Candidate of Pedagogy, Shuisky branch of Ivanovo State University, Shuya

Muraya E. – PhD in Technology, Associate Professor, Far Eastern State Transport University

Nadedova E. – Senior Lecturer, University of Sport and Tourism (Moscow)

Ni Jingsheng – Applicant, MSU n.a. M.V. Lomonosov

Parshenkova E. – Candidate of Pedagogy, Shuisky branch of Ivanovo State University, Shuya

Petrochenko L. – Candidate of Philological Sciences, Professor (Tomsk), independent researcher

Ponomarev A. – Ural State Medical University, Yekaterinburg;

Redi E. – Siberian State Scientific and Technical University named after Academician M.F. Reshetnev Krasnoyarsk, Russia

Revenko A. – Ural State Medical University, Yekaterinburg;

Ryamova K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University, Yekaterinburg;

Rybakova A. – Candidate of Philological Sciences, State Social and Humanitarian University (Kolomna)

Shestakova E. – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Air Force Military Educational and Scientific Center "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin" (Branch in Chelyabinsk)

Slyusarskaya T. – PhD in Psychology, Docent, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Stelmakhova L. – Postgraduate student, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University, Moscow

Stepina T. – Associate Professor, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

Sulitskaya E. – Senior Lecturer, Plekhanov Russian University of Economics

Tashina T. – Candidate of Psychology, Shuisky branch of Ivanovo State University, Shuya

Tolstopyatov I. – Professor, Siberian State Scientific and Technical University named after Academician M.F. Reshetnev Krasnoyarsk, Russia

Vinokurova M. – Postgraduate student, North-Eastern Federal University; Senior lecturer, Yakutsk College of Innovative Technologies named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia

Vladimirova O. – Ph.D. student, Moscow City University

Wang Xuejiao – postgraduate, Ufa University of Science and Technology

Zabegalina O. – Postgraduate student, Senior Lecturer, Ulyanovsk State University

Zenina L. – PhD, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).